

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 18. № 1
2023

Vol. 18. No. 1
2023

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.3. Археология (исторические науки);
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (философские науки)

Направление номера журнала

Исторические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества.

В данном номере журнала представлено осмысление социокультурных проблем в рамках всемирной, отечественной и региональной истории. Также в журнал вошли статьи по востоковедению, освещающие проблемы материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2023

Редактор К. Р. Потапова, редактор перевода В. М. Ерёмина, технический редактор Г. А. Зенкова

Подписано в печать 26.04.2023. Дата выхода в свет 28.04.2023.

Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 23010.

Усл. печ. л. 22,1. Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 5.6.1. National history (historical sciences);
- 5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 5.6.3. Archeology (historical sciences);
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences);
- 5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and journalism (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and Journalism (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Historical sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society - new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community.

The issue presents an understanding of sociocultural problems within the framework of the world, national and regional history. The issue also includes the articles on Oriental studies covering the problems of material and spiritual culture of the East.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2023

Editor K. R. Potapova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Technical editor G. A. Zenkova

Signed to print 26.04.2023. Date of publication 28.04.2023.
Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".
Operative printing. Order No. 23010.

Conv. quires 22,1. Ed.-print quires 19,1. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).
Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчинова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэгмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ: АРТЕФАКТЫ, СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

<i>Василенко В. А.</i> Работа переселенческого управления в Урянхайском крае в начале XX века в контексте развития русско-тувинских связей	8
<i>Кулаков В. И.</i> Древности видвариев	20
<i>Куфтарева В. В.</i> Народная революция 1921 года как феномен социальной трансформации монгольского общества	32
<i>Таскин Д. А.</i> Взаимоотношения командного состава каппелевцев с атаманом Г. М. Семеновым в свете мемуарных источников	39
<i>Тигунцев С. А.</i> Спортивные мероприятия в СССР как инструмент пропаганды советских общественных ценностей (на примере I Спартакиады народов СССР)	48
<i>Чапыгин И. В., Смирнова К. А.</i> Культурная деятельность казачьей эмиграции на территории Трёхречья	56

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГУМАНИТАРНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

<i>Батомункуева С. Р.</i> Диалог властей и верующих: предыстория основания Иволгинского дацана	64
<i>Бондарь Л. Д., Красникова О. А.</i> Даниэль Готлиб Мессершмидт в Забайкалье: картографические материалы в архивном наследии	74
<i>Бреславская Т. С.</i> Баргузин: городская история (1783–1927)	86
<i>Бреславский А. С.</i> Урбанизационный кризис и трансформация городского расселения в Хабаровском крае (1990–2010-е годы)	97
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Антирелигиозная работа в Восточно-Сибирском крае в 1936 году в обследовании представителя Союза Воинствующих Безбожников	107

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

<i>Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П.</i> «Краткая история монголов» в редакции Агвана Доржиева (1853–1938)	114
<i>Жамбалова С. Г.</i> Ритуальные коновязи сэргэ у бурят в XXI веке	123
<i>Мазур Т. Г.</i> О письмах Хань Юя чаньскому монаху Да Дяню (819 год)	133
<i>Полянская О. Н.</i> Эпистолярное наследие монголоведа В. Л. Котвича (1872–1944): о преподавании монгольского языка в России в начале XX века	141
<i>Столяров А. А.</i> Генеалогический миф в жалованных грамотах Бенгалии и Бихара VIII–XIII веков как разновидность политического мифа	150
<i>Цыренов Ч. Ц.</i> Трактат «Рассуждения о переселении варваров» как источник сведений о миграционном кризисе эпохи Западной Цзинь (265–317 годы н. э.)	159

УГОЛ ЗРЕНИЯ

<i>Чернышов С. А.</i> Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: неудавшийся акт локальной исторической политики	168
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

<i>Паликова Т. В., Митупов К. Б.-М., Жукова Н. Е.</i> Без любви всё – ничто: к юбилею доктора исторических наук Хантаковой Елизаветы Николаевны	179
---	-----

CONTENTS

HISTORY: ARTIFACTS, MEANINGS AND VALUES

Vasilenko V. A. The Work of the Resettlement Administration in the Uriankhai Region in the Early 20th Century in the Context of the Development of Russian-Tuvan Relations	8
Kulakov V. I. Antiquities of the Vidivarii	20
Kuftareva V. V. The People's Revolution of 1921 as a Phenomenon of the Social Transformation of Mongolian Society	32
Taskin D. A. The Relationship of the Kappelevites Command Staff with G. M. Semenov on the Basis of Memoir Sources	39
Tiguntsev S. A. Sports Events in the USSR as a Tool for Promoting Soviet Social Values (on the Example of the 1st Spartakiad of the Peoples of the USSR)	48
Chapygin I. V., Smirnova K. A. Cultural Activity of the Cossack Emigration in the Territory of the Three Rivers	56

THE BAIKAL REGION IN THE HUMANITARIAN AND GEOPOLITICAL DIMENSION

Batomunkueva S. R. Dialogue Between Authorities and Believers: Prehistory of Ivolginsky Datsan Foundation	64
Bondar L. D., Krasnikova O. A. Daniel Gottlieb Messerschmidt in Transbaikalia: Cartographic Materials in Archival Heritage	74
Breslavskaya T. S. Barguzin: Urban History (1783–1927)	86
Breslavsky A. S. The Urbanization Crisis and the Transformation of Urban Settlement System in Khabarovsk Krai in the 1990s – 2010s	97
Drobotushenko E. V. Antireligious Work in the East Siberian Region in 1936 in the Survey of a Representative of The League of Militant Atheists	107

CULTURAL CODES OF ASIA

Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P. "Brief history of Mongols" Compiled by A. Dorzhiev (1853–1938)	114
Zhambalova S. G. Ritual Hitching Posts Serge Among the Buryats in the 21st Century	123
Mazur T. G. On Han Yu's Letters to Chan Monk Da Dian (819 AD)	133
Polyanskay O. N. The Epistolary Heritage of the Mongolist V. L. Kotvich (1872–1944) about Teaching the Mongolian Language in Russia at the Beginning of the 20th Century	141
Stolyarov A. A. Genealogical Myth in Land Grant Charters of Bengal and Bihar of the 8th–13th Centuries as a Variety of Political Myth	150
Tsyrenov Ch. Ts. Treatise "Discourses on the Migration of Barbarians" as a Source of Information on the Migration Crisis of the Western Jin Era (265–317 AD)	159

ANGLE OF VIEW

Chernyshov S. A. Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics	168
---	-----

PEOPLE. EVENTS. TIME

Palikova T. V., Mitupov K. B.-M., Zhukova N. E. Without Love, Everything is Nothing: for the Anniversary of the Doctor of Historical Sciences Elizaveta N. Khantakova	179
--	-----

ИСТОРИЯ: АРТЕФАКТЫ, СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

HISTORY: ARTIFACTS, MEANINGS AND VALUES

Научная статья

УДК 94(47+571.52)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-8-19

Работа Переселенческого управления в Урянхайском крае в начале XX века в контексте развития русско-тувинских связей

Виктория Александровна Василенко

Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Санкт-Петербург, Россия
vasil-vic79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-8026>

Статья посвящена анализу работы Переселенческого управления в начале XX в. в Урянхайском крае (современной республике Тыва). Создание постоянно действующего органа управления переселением на территории бывшей колонии Китая стало важным фактором, способствующим укреплению русско-тувинских экономических связей. В зарубежной и отечественной историографии вопросы реализации задач по упорядочиванию процесса колонизации в Урянхай рассматриваются в контексте общего анализа социально-политического развития русско-тувинских связей, решения «урянхайского вопроса» в дипломатии России, Китая и Монголии. Специальных исследований, посвящённых анализу работы органов переселенческого управления на местах, фактически, нет. Целью настоящей статьи является описание деятельности органов русской власти по упорядочиванию процесса переселения и благоустройства края в начале XX в. Данная тема актуальна в контексте реализации программ государственной поддержки по заселению Сибири и Дальнего Востока. В статье использованы микроисторический подход, специальный метод источниковедческого анализа, а также общенаучные методы сравнения, анализа, обобщения и сопоставления фактологического материала, позволившие выявить общий характер протекания реализации задач переселенческого управления в приграничных регионах. Основу статьи составили материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива республики Тыва, Государственного архива Иркутской области. Китай, Монголия, стремясь усилить своё влияние в крае после установления русского протектората, не имели своих механизмов политико-экономического влияния, поэтому большая часть мероприятий, реализуемых Переселенческим управлением на местах, воспринималась тувинским населением положительно. Этот факт опровергает бытующее мнение советских исследователей о сугубо «отрицательном» воздействии царской власти на экономическое развитие Тувы в начале XX в. Конфликты и противоречия, возникающие между переселенческим чиновником и пограничным комиссаром, местным населением, носили не частный характер, как принято считать в отечественной историографии, а были обусловлены различием в официальных позициях Министерства Внутренних дел и Главного управления землеустройством и земледелием на «урянхайский вопрос».

Ключевые слова: Тува, Урянхай, Россия, Китай, Монголия, русская колонизация, русско-тувинские связи

Благодарность. Статья подготовлена к печати в рамках гранта РФФИ 20-59-4408 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии»; гранта РФФИ 18-514-94002 «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

© Василенко В. А., 2023

Original article

**The Work of the Resettlement Administration in the
Uriankhai Region in the Early 20th Century
in the Context of the Development of Russian-Tuvan Relations**

Victoria A. Vasilenko

*St. Petersburg Branch of the Archive, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
vasil-vic79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-8026>*

The article is devoted to the analysis of the work of the resettlement administration at the beginning of the twentieth century in the Uriankhai region (modern Republic of Tyva). The creation of a permanent resettlement management body on the territory of the former colony of China has become an important factor contributing to the strengthening of Russian-Tuvan economic ties. In foreign and domestic historiography, the issues of implementing tasks to streamline the colonization process in Uriankhai are considered in the context of a general analysis of the socio-political development of Russian-Tuvan ties, the solution of the "Uriankhai issue" in the diplomacy of Russia, China and Mongolia. In fact, there are no special studies devoted to the analysis of the work of the resettlement management bodies in the field. The purpose of this article is to analyze the activities of the Russian authorities to streamline the process of resettlement and improvement of the region in the early twentieth century. This topic is relevant in the context of the implementation of state support programs for the settlement of Siberia and the Far East. The article uses a microhistoric approach, a special method of source analysis, as well as general scientific methods of comparison, analysis, generalization and comparison of factual material, which made it possible to identify the general nature of the implementation of the tasks of resettlement management in border regions. The article is based on the materials of the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Republic of Tyva, the State Archive of the Irkutsk region. China and Mongolia, seeking to strengthen their influence in the province after the establishment of the Russian protectorate, did not have their own mechanisms of political and economic influence, so most of the activities implemented by the Resettlement Department on the ground were perceived positively by the Tuvan population. This fact refutes the prevailing opinion of Soviet researchers about the purely "negative" impact of the tsarist government on the economic development of Tuva in the early twentieth century. The conflicts and contradictions arising between the resettlement official and the border commissioner, the local population, were not of a private nature, as is commonly believed in Russian historiography, but were due to the difference in the official positions of the Ministry of Internal Affairs and the Main Directorate of Land Management and Agriculture on the "Uriankhai question".

Keywords: Tuva, Uriankhai, Russia, China, Mongolia, Russian colonization, Russian-Tuvan relations

Acknowledgements. *The article was prepared for publication as part of the grant of the Russian Foundation for Basic Research no. 20-59-4408 "World and Russian Mongolian Studies: national schools, concepts, personalities"; RFBR grant no. 18-514-94002 "National interests of Russia and Mongolia in the triangle of Russia-Mongolia-China relations: problems, contradictions, scenarios".*

Введение. Миграционные процессы, происходящие в Российской империи во второй половине XIX в., обусловили дальнейшую колонизацию Сибири и близлежащих территорий. Институциональным выражением этого процесса стало издание 13 июля 1889 г. закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Землеотводными работами и передвижением переселенцев руководило Переселенческое управление Министерства иностранных дел, созданное в 1896 г., землеустроительные же работы проводило Министерство земледелия и государственных имуществ.

«Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев», отменявшие действия за-

кона 1889 г. опубликованы в 1904 г. взамен Министерства земледелия и государственных имуществ, образовалось Главное управление землеустройства и земледелия. В его состав в 1905 г. включалось переселенческое управление, ранее подчинявшееся Министерству внутренних дел [1].

Проведение аграрной реформы П. А. Столыпина привело к переселению части крестьянства Восточной Сибири, в том числе и за Саяны. По замечанию В. И. Дулова, «... те же самые причины, которые гнали русского мужика из Европейской России в Сибирь, погнали теперь сибирского крестьянина в Туву, подальше от тех аграрных затруднений, которые несла с собой столыпинская аграрная политика» [2, с. 309]. Темпы переселения в Туву с 1906 по 1910 г. выросли почти в шесть раз и общее число переселенцев к 1910 г. составило 2 100 человек, проживавших в

116 оселениях [2, с. 12]. Наиболее заселёнными русскими колонистами районами были Турано-Уюкский и Тоджинский. С 1913 г. в Урянхайском крае начинает свою работу пограничный комиссар и одновременно – Переселенческое управление.

В отечественной и зарубежной историографии вопрос о реализации работы двух ведомств представлен в трудах Ю. Л. Аранчына, В. Г. Дацышена, В. И. Дулова, Ю. В. Кузьмина, Н. М. Моллерова и др.

В работах советских исследователей получила подробный анализ хозяйственная деятельность чиновников переселенческого управления по организации переселения крестьян из Сибири в Туву, постройке г. Белоцарска, организации социально-культурной политики (постройки больниц, школ, православных храмов [2; 4; 6]. В современной отечественной историографии в работах В. Г. Дацышена, Г. Г. Ондар, Н. М. Моллерова, А. А. Самдан и других учёных, наряду с введением в научный оборот новых сведений относительно масштабов русской колонизации, специфики её протекания, особенностей организации благоустройства края, приводятся оценки деятельности А. П. Церерина, первого пограничного комиссара, и В. К. Габаева, чиновника переселенческого управления в Туве [5; 7–9]. В зарубежной историографии деятельность чиновников переселенческого управления рассматривалась в контексте общего направления «русской политики» в Туве, при этом зачастую оценки были положительными: политику русских властей западные исследователи рассматривали с позитивной точки зрения, в сравнении с деятельностью китайских и монгольских чиновников [9–11].

Большую ценность представляют отчёты чиновников Главного управления землеустройства и земледелия, их воспоминания, сочинения. Одной из самых известных работ стало сочинение «Секретное поручение» С. Р. Минцлова, совершившего поездку в Урянхайский край в 1914 г. В это время он служил чиновником особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия [13]. В ней же содержится и ценный фотографический материал и личные воспоминания автора о пребывании в крае.

Историческую ценность представляют отчёты чиновников, ранее не опубликованные. Большая часть из них содержится в фонде 391 «Переселенческое управление» Российского государственного исторического архива, фондах 123, «Заведующий

устройством русского населения в Урянхайском крае» и 112 «Управление комиссара по делам Урянхайского края» Государственного архива республики Тыва.

Ключевыми вопросами отечественной и зарубежной историографии, связанные с организацией работы российских властей по организации переселения и благоустройства Урянхайского края в начале XX в., являются исследование характера протекания русской колонизации, политика чиновников по организации переселения благоустройства края в начале XX в. характер взаимодействия представителей различных российских ведомств на местах между собой и местным населением. Указанные аспекты рассматриваются в работах В. И. Дулова, Ю. Л. Аранчына, В. Г. Дацышена, Г. Г. Ондар, А. А. Бомбужай. В меньшей степени в ряде исследований изучаются вопросы взаимодействия органов центральной и местной власти в контексте общих задач переселенческой политики в трудах С. В. Шостаковича, Н. М. Моллерова, Ю. В. Кузьмина, А. А. Самдан, С. В. Саая, С. Ч. Сат, С. С. Ховалыг [14–17].

При этом, если в работах зарубежных исследователей вопрос благоустройства и организации градостроительной политики российскими властями рассматривался в контексте общего описания событий, происходящих в крае, а также характеристики общего направления политики российских властей, то в работах российских и советских учёных большое внимание уделяется конкретным вопросам, связанным с организацией хозяйственной жизни в крае [18].

В фундаментальном труде В. И. Дулова, наряду с подробнейшими сведениями о характере, масштабах колонизации Тувы в начале XX в., представлены результаты деятельности переселенческой организации по благоустройству жизни русского населения в крае [2]. Большая часть оценок деятельности российских чиновников носит негативный характер. Это обстоятельство можно, если не опровергнуть, то дополнить рядом фактов, доказывающих, что часть действий представителей российской власти на местах можно оценить с положительной стороны.

В работах российских учёных В. Г. Дацышена, А. А. Самдан, Г. О. Ондар, С. В. Саая и С. Ч. Сат проводится сравнительный анализ обязанностей, исполняемых пограничным комиссаром и переселенческим чиновником в крае, а также проводится описание конфликта между официальными представителями рос-

сийской власти на местах, возникшего накануне установления протектората над Тувой – пограничным комиссаром А. П. Церериним и заведующим русским землеустройством и переселением в Урянхайском крае, В. К. Габаевым. Данный конфликт не носил частный характер, он, по существу, являлся отображением позиций двух ведомств на «урянхайский вопрос», что подтверждается материалами Российского государственного исторического архива. Введение в научный оборот новых документов позволяет также дополнить сведения о противоречиях, которые сложились между В. К. Габаевым и иркутским генерал-губернатором М. Л. Князевым.

Целью настоящей статьи является проведение комплексного анализа политики российских властей по организации благоустройства и градостроительства на территории Урянхайского края в начале XX в.

Методология и методы исследования.

В настоящей статье был использован микроисторический подход, который позволил рассмотреть особенности реализации колониальной политики органами местного управления, выявить специфику взаимоотношений представителей российской власти с местной знатью и русскими поселенцами, дать оценку характера противоречий, возникающих между представителями различных ведомств, принимающих участие в решении задач по освоению Урянхайского края с последующим его включением в сферу политического влияния Российской империи.

Специальный метод источниковедческого анализа был использован при работе с материалами фондов федеральных и региональных архивов. Проводился сравнительный анализ нескольких групп источников, включающих переписку глав министерств с иркутским генерал-губернатором, отчёты пограничных комиссаров и заведующих заведующего русским землеустройством и переселением в Урянхайском крае, отчёты чиновников Главного управления землеустройства и земледелия и пр. В процессе написания статьи были использованы также общенаучные методы сравнения, анализа, обобщения и сопоставления фактологического материала, позволившие исследовать общий характер протекания реализации задач Переселенческого управления, сформулированных в общем контексте политики Российской империи на восточных окраинах начала XX в.

Результаты исследования и их обсуждение. В контексте анализа особенностей

протекания русской колонизации в Урянхайском крае, необходимо отметить несколько важных моментов. Во-первых, переселенцам на территорию Урянхия – колонии другого государства – не оказывалась финансовая, организационная поддержка со стороны русского правительства, на которую могли рассчитывать крестьянские семьи при переселении в Сибирь. Это объяснялось сознательным стремлением высшего руководства привлечь к заселению края «материально-мощных, рассчитывающих на свои силы людей». По мнению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, «заселение края нужно вести не искусственным привлечением случайных переселенцев, а путём постепенного там оседания материально мощных, рассчитывающих на свои силы русских людей. Нецелесообразно привлекать в край «нежелательные мало-сильные и обнищавшие элементы»¹.

Во-вторых, за годы пребывания русских колонистов в Урянхайском крае между наиболее влиятельным контингентом из них и местной администрацией сложился особый характер взаимоотношений с тувинской администрацией. Первоначально вопрос о приобретении земельного участка новым поселенцем решался напрямую с тувинскими чиновниками через подкуп и дачу взяток. К началу XX в. в Урянхайском крае сложился особый контингент русских торговцев и промышленников, которые оказывали финансовую поддержку небогатым соотечественникам при переселении в Урянхайский край, а те в свою очередь нередко попадали в долговую зависимость от более богатых «земляков». В отчётах полковника В. Л. Попова описан факт подобных действий купца Мозголевского в Тоджинском районе [2, с. 317].

Таким образом, из общего числа колонистов торговцы и промышленники составили особую категорию поселенцев, принимающих участие в дальнейшем экономическом освоении края. По их инициативе идёт активное заселение Турано-Уюкского, Улуг-Хемского района, а также дальнейшее заселение района Малого Енисея (Каа-Хема) [4].

Заложенные ими заимки стали основой для создания первых русских поселков, многие из них носили имена русских торговцев – Медведевки, Федоровки, Даниловки, Бояровки и пр.

В российской политике и дипломатии к 1910 г. происходят изменения по решению

¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 391. – Оп. 10. – Д. 2. – Л. 103 об.

«урянхайского вопроса». России удалось урегулировать на уровне дипломатических переговоров вопрос о разграничении территориальных интересов с Японией. Последняя признала интересы России во Внешней Монголии, и, следовательно, в Урянхайском крае. Синьхайская революция в Китае в 1911 г. стала важным поводом к активным действиям, направленным на создание институтов политической власти в Туве. На особом заседании Совета Министров, проходившем в ноябре 1911 г. край был призван «чрезвычайно ценным колонизационным районом». В связи с этим, предполагалось увеличить количество поселенцев до 400 тыс. человек. Было также признано, что дальнейшая колонизация края будет способствовать укрупнению «русско-государственных интересов». На особом совещании иркутского генерал-губернатора 28 февраля 1911 г. было принято решение в официальной переписке считать Урянхай входящим в состав Усинского пограничного округа Енисейской губернии¹.

На совещании особо подчёркивалась необходимость «Оказать помощь русским переселенцам, найти земли, которые на условиях свободного соглашения с урянхами могли быть уступлены русским людям, нужно «всемерно избегать недовольства коренного населения края и их правителей, пока окончательно не укрепится наше влияние в крае, пока он не будет формально присоединён к России и по устройстве Усинской колесной дороги нам откроется возможность, в случае надобности, оказать действительную защиту нашим поселенцам, жизнь и имущество которых в настоящее время, в случае открытого возмущения урянхов, подвергнется громадному риску»². Таким образом, российским правительством к 1911 г. был сформирован чёткий курс по осторожной, но уверенной колонизации края русскими поселенцами, которая должна была приобрести системно-организованный характер.

С 1913 г. в Урянхайском крае начинает свою работу пограничный комиссар, и одновременно – переселенческое управление. Согласно инструкции, утверждённой 10 мая 1913 г., переселенческий чиновник должен был ведать «русским населением Урянхайского края и всемерно поддерживать его в культурно-хозяйственной работе», т. е. заниматься строительством школ, церквей, молитвенных домов, магазинов,

содействовать открытию потребительских обществ, промышленных артелей и товариществ [19; 20]. Он был подотчётен в своей деятельности заведующему пограничными делами Усинского округа. Однако первый заведующий русским землеустройством и переселением в Урянхайском крае В. К. Габаев иначе интерпретировал свой статус в крае. Он стал проводить самостоятельную, активную переселенческую политику, которая шла вразрез с решением Совета Министров от 8 ноября 1911 г., суть которого сводилась к предпрятию «осторожных действий», направленных на поэтапное включение края в сферу политического влияния России [16].

Несмотря на молодой возраст (28 лет), В. К. Габаев не был новичком в переселенческом деле. С апреля 1911 по конец 1912 г. он исполнял обязанности производителя младшего, а потом и старшего оклада Семиреченской временной партии в Сыр-Дарье.

В Туву он был откомандирован после предоставления товарищу главноуправляющего землеустройством и земледелием Г. В. Глинке краткого отчёта Высочайшими приказами по гражданскому ведомству от 4 марта 1913 г. за № 13 произведён за выслугу лет в коллежские регистраторы, со старшинством с 1 апреля 1912 г. [21]. Его биография, особенности взаимоотношений с пограничным комиссаром, А. Церериным, их разногласия на переселенческую политику подробно описаны в работах В. И. Дулова, Н. М. Моллерова, В. Г. Дацышена, А. А. Самдан, В. Тимченко и других исследователей. Поэтому мы остановимся на описании и основных результатов деятельности первого переселенческого чиновника и описании общего хода политики переселенческого управления после 1913 г.

Согласно планам Главного управления землеустройства и земледелия планировалось провести сельскохозяйственную съёмку для выяснения наличных земель, которые находились в пользовании и у русских, составить планы на каждый участок и уже после этого «входить в соглашение с Урянхайскими правителями о закреплении за русскими поселками необходимого количества земли», что стало бы гарантией спокойного сосуществования урянхов и русских³.

Предварительная смета расходов на организацию деятельности Переселенческого управления выглядела следующим образом:⁴

¹ РГИА. – Ф. 391. – Оп. 10. – Д. 4. – Л. 1 об.

² Там же. – Д. 2. – Л. 49 об.

³ Там же. – Л. 7.

⁴ Там же. – Л. 16.

Смета расходов на организацию деятельности переселенческого
Управления в Урянхайском крае на 1914 г.

Наименование видов работ	Планируемая сумма (в р.)
Межевые работы	15 437
Гидротехнические работы	25 000
Геологическое обследование	14 500
Агрономические работы	12 875
Медицинская помощь, в том числе постройка больницы*	24 310
Ветеринарная помощь	8 600
Выдача домообзаводственных ссуд	15 000
Постройка переселенческого барака	1 120
Содержание канелярии переселенческого чиновника и его разъезды	4 800
Постройка дома для квартиры, канелярии и чертежной переселенческого чиновника	12 500
Итого	134 142

Анализ документов фондов Российского государственного исторического архива позволяет прийти к выводу о выделении дополнительных средств на организацию землеустройства и земледелия в Урянхайском крае¹:

На Геолого-топографические исследования – 26 400 р.;

На Канцелярское делопроизводство – 2,5 тыс. р.;

На разъездные – 1 тыс. р.

Таким образом, важным моментом, определившим масштабы действий переселенческого управления в Урянхайском крае, стало хорошее финансирование, даже в сравнении с пограничным управлением. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, беседуя с Р. М. Минцловым, не скрывал своего удивления по этому поводу: «Да, теперь все министерства, а наше особенно, стоят в передней у вашего. И власть, и деньги – все у него, оно купается в золоте. Мы не можем добиться грошей, чтобы было на что содержать лишнего урядника, а там, на что ни вздумается, на все дадут в изобилии! ... Но где же это видано, чтобы полиция состояла в распоряжении... переселенческого чиновника» [13].

При характеристике содержания конфликтов и противоречий В. К. Габаева с тувинскими чиновниками и вышестоящими властями, следует выделить следующие моменты.

Своё поведение В. К. Габаев не согласовывал с пограничным начальником А. П. Церериним. Так, М. Л. Князев в письмах к министру внутренних дел, Н. А. Маклакову,

неоднократно указывал, что В. К. Габаев часто пренебрегает «преподанной ему инструкцией», считает себя лишь формально подчинённым Заведующему Пограничными делами, нарушает ст. 14 Инструкции о сообщается с губернатором Енисейской губернии напрямую, нарушает также ст. 16 Инструкции, и пользуется бланками с надписью «Заведующий русскими переселенцами в Урянхайском крае»².

Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев также выражал несогласие с переселенческим чиновником о запрете селиться старообрядцам, а только православным, несмотря на то, что первые составляли основу колонизаторов Усинского округа и Урянхайского края.

В материалах федеральных архивов и работах российских исследователей описаны конфликты В. К. Габаева и А. П. Церерина, столкновения переселенческого чиновника с пограничным начальником, А. Х. Чакировым и местным населением. В отечественной историографии все эти конфликты описываются с точки зрения личной неприязни, столкновения непосредственных интересов русского торгово-промышленного элемента и переселенческого чиновника. Например, В. К. Габаев открывал казенные торговые лавки, отпуская товары по сниженным ценам, чем вызывал недовольство местных торговцев, закрыл лавку по продаже алкогольных напитков, открытую А. П. Церериним [22, с. 301]. Главной претензией к действиям переселенческого чиновника была политика последнего, связанная с отъемом земель у тувинцев и рас-

¹ РГИА. – Ф. 391. – Оп. 10. – Д. 2. – Л. 17, 109.

² Там же. – Л. 47 об.

селение на них русских старожилов. Часть земли была отнята у главы Урянхайского края, амбын-нойона Гомбодоржи, который выражал свои политические симпатии в сторону России, что вызвало общее недовольство главы края и пограничного комиссара [2, с. 357].

Оценка первого переселенческого чиновника в Урянхайском крае современниками не была однозначной. Иркутский генерал-губернатор М. Л. Князев отмечал, что В. К. Габаев представляется ему «человеком мало уравновешенным и не соответствующим служебному и жизненному своему опыту самонадеянным и решительным»¹.

Активную поддержку В. К. Габаев встречал со стороны С. Р. Минцлова и Г. В. Глинки. В письме к начальнику переселенческого управления Министерства земледелия Г. Ф. Чиркину, С. Р. Минцлов представил сравнительную характеристику В. К. Габаева и А. П. Церерина следующим образом: «В. К. Габаев – человек исключительной энергии, деятельности и подвижности; в работе он кипит с утра до ночи и сделано им для края много... Союты русскими начинаниями довольны; Габаев умеет с ними ладить, и, повторяю, будь то дело в его руках единолично, не случилось бы такого скандала, какой произошёл теперь: из пяти нойонов, принятых под русское покровительство, благодаря волоките Министерства внутренних дел ушло в монгольское подданство два хошуна (восточные). Оставшиеся у нас хошуны, слышал я, собираются – вернее – хотели бы послать свою депутацию благодарить Государя; будет весьма обидно, если откажут в приеме этой депутации, что повлечёт за собой нежелательные последствия. Не менее обидно будет, если представлять эту депутацию будет Министерство Внутренних дел, палец о палец не ударившее для края, и если Габаев, которого население знает и любит и который служит передовым застрельщиком нашего ведомства, останется в стороне»².

Несмотря на частный характер описываемых противоречий, бескомпромиссное поведение В. К. Габаева обусловлено не только личными качествами, как представляется в современной историографии [23, с. 289]. Оно является отображением общей

позиции чиновников Главного управления Землеустройства и земледелия.

Так, в начале 1914 г. Главноуправляющий землеустройством и земледелием П. Н. Игнатъев отмечал в письме Сазонову, что «Главное управление Землеустройства и земледелия уже давно пришло к твёрдому убеждению, что вся территория Урянхайского края находится в пределах русского государства и что лишь по особым политическим соображениям, изложенным в письме Министра иностранных дел от 11 мая 1911 г. № 593 Россия не имела на то оснований настаивать на открытом признании Урянхайского края русским. Так что, вполне можно утверждать, что В. К. Габаев действовал так категорично, ориентируясь на поддержку своего начальства»³.

Оценка действий представителей российской власти в Туве будет подлежать пересмотру, по мере введения новых архивных материалов и других источников в научный оборот. Однако бесспорным остается факт создания современной столицы республики – Кызыла (ранее Белоцарска) по инициативе В. К. Габаева.

Место для строительства города было выбрано в Вилланах. Название города – Белоцарск – было дано в честь императора Российской империи, которого тувинцы называли «Цаган Хан», что означает в переводе «Белый Царь»⁴.

Исследователи С. В. Саая и С. Ч. Сат выделили ряд фактов, на основании которых можно сделать вывод о верном выборе В. К. Габаевым места под строительство нового города. Это расположение на слиянии двух рек (Малого и Большого Енисея), что было удобным при доставке лесостроительного материала, наличие сухопутного пути из Монголии в Россию, пригодность комплекса природно-климатических условий (не считая заболоченных мест в центральной части города). К важному недостатку были отнесены гидрогеологические и климатические условия: город был расположен на двух надпойменных террасах с низким стоянием грунтовых в местности с резкоконтинентальным климатом [16, с. 33–34].

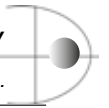
Несмотря на возражения местной русской администрации, которая считала, что более практичным решением будет строи-

¹ РГИА. – Ф. 391. – Оп. 10. – Д. 2. – Л. 47.

² Там же. – Д. 1593. – Оп. 5. – Л. 93.

³ РГИА. – Ф. 391. – Оп. 10. – Д. 2. – Л. 133.– Л. 133 об.

⁴ Корректурa генерального плана г. Кызыла. – М.: [б. и.], 1991. – С. 10.

тельство города на Чаахоле (Джакуле) – месте сосредоточения русской торговли, город был заложен в начале 1914 г. Официальной датой основания города принято считать 6 августа 1914 г. Центральная улица города была названа по инициативе В. К. Габаева в честь главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. В городе планировалось открыть больницу, ветеринарный пункт, склад сельскохозяйственных орудий, русско-тувинскую школу, переселенческую лавку для торговли с тувинцами по рыночным ценам. Генеральный план Белоцарска был составлен топографом М. Я. Крючковым. Во многом он совпадает с планом центральной части Кызыла.

С целью содействия администрации в строительстве города был создан специальный комитет по благоустройству. Его решения утверждались заведующим устройством русского населения в Урянхайском крае.

Организация, занимающаяся устройством переселения русского населения в Урянхайский край, проявляла особенную активность, заботясь о том, чтобы как можно быстрее заселить город. В процессе застройки города было немало трудностей. И. Г. Сафьянов ярко иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в процессе постройки города: «Об этой постройке сложились целые легенды. Межу прочим, рассказывают, что вырубка двухэтажного сруба в 18 комнат обошлась в 18 000 рублей, а сколько стоила потом его отделка и крыша, об этом трудно сказать... Много говорили и о том, что Габаев изготовил 150 кубов круглого булыжника, собирая его по берегам Енисея, и частью доставал его из воды, и когда этот булыжник оказался ни для чего не пригодным, и над Габаевым стали смеяться, то он распорядился бросить этот камень обратно в Енисей, чтобы ничто напоминало ему об его глупости...» [2, с. 407].

Результатом разногласий между пограничным комиссаром и заведующего переселенческим управлением стала отправка двух чиновников в отставку. А. Церерин был заменён на В. Григорьева, В. Габаев – на М. Шкунова.

С заменой чиновника переселенческого управления расходы, выделенные на строительство Белоцарска, возросли: вместо планируемых 350 тыс. р. за 1915 г. предполагалось израсходовать 650 тыс. Возрастание расходов было обусловлено необходимо-

стью устройства оросительных сооружений (в Урянхайском крае почва была сухой – авт.), рост затрат на медицину и ветеринарию, строительство православных храмов [22, с. 137].

Однако в процессе строительства и заселения города было немало проблем. К их числу следует отнести нерациональное расходование денежных средств, эксплуатацию рабочих, маленькое содержание семей рабочих и строителей: их заселяли в каркасно-насыпные бараки, люди размещались на нарах, везде царили антисанитария и грязь. На страницах газет город нередко именовали «Блохоцарском» и «Голодоцарском». Участки под строительство частных домов разбирались неохотно, к середине 1914 г. из 325 из запланированных участков земли было занято лишь 40 [16, с. 37].

Несмотря на все обстоятельства, которые создавали серьёзные препятствия при постройке города, г. Белоцарск (современный Кызыл) сумел сохранить статус центрального города Тувы. С его постройкой началась новая страница в истории региона, связанная с дальнейшим укреплением экономических, культурных и политических связей с Россией.

С началом Первой мировой войны меняется характер деятельности российской администрации в Туве. Он выразился в более высоком уровне согласованности действий высших органов исполнительной власти по вопросам дальнейшей колонизации края, концентрации внимания не на присвоении новых земель, а на внутреннем устройстве русских поселков¹. Формирование подобной четкой позиции иллюстрирует точка зрения С. Д. Сазонова, который обратил внимание на несвоевременность проведения любых триангуляционных работ и гидротехнических обследований, предлагаемых ранее иркутским генерал-губернатором, М. Л. Князевым. Министр иностранных дел выражал опасение, что у местного населения по этой причине «может возникнуть мысль об агрессивных намерениях русской власти по отношению к нему»². В связи с этим, была принята во внимание позиция Енисейского губернатора, изложенная в записке В. К. Габаева о дальнейшем осуществлении культурно-хозяйственных мероприятий, которые должны были носить более осторожный характер.

¹ РГИА. – Ф. 391. – Оп. 10. – Д. 2. – Л. 7.

² Там же. – Л. 94.

Политика Переселенческого управления в вопросах регулирования отношений между русскими поселенцами и местным населением сводилась к следующим аспектам: 1) регулирование противоречий между русскими и тувинцами; 2) между старожилами и новоселами.

Преемник В. К. Габаева, М. В. Шкунов в отчёте за 1915 г. подчёркивал категоричную позицию российских властей в крае о не дозволении местным нойонам, считающим себя подданными Монголии, «обирать народ и управлять им на тех же диких архаических основаниях» [2, с. 333]. Однако в практической деятельности членов переселенческого управления можно увидеть факты узаконивания захвата земли тувинцев русскими поселенцами. Об этом свидетельствуют отчёты пограничного комиссара В. Ю. Григорьева, в котором отмечалось, что при межевании границ русских поселков не учитывались и не принимались во внимание пашни сойотских наделов»¹.

Поскольку разногласий между пограничным комиссаром и переселенческим управлением не было, был узаконен фактический захват 321 десятины земли тувинцев. Ответной реакцией на отъём земель со стороны тувинцев были потравы пашен и сенокосов русских поселенцев и кража скота» [Там же].

Более частым конфликтным явлением, нежели столкновения тувинцев и поселенцев, были конфликты между старожилами и новопоселенцами по вопросам землепользования. Чиновники переселенческого управления выступали главным арбитром в решении подобных споров. Анализ архивных дел позволяет прийти к выводу о том, что данные вопросы решались через компромиссы между двумя сторонами², однако нередко власти принимали сторону новоселов.

По утверждению В. И. Дулова, в решении вопросов о территориальной принадлежности земельных участков важную роль играли документы, подтверждающие ранее заключенную сделку между русским поселенцем и тувинскими властями. Если такого документа не оказывалось, то землю делили поровну между старожилом и новоселом. При решении подобных спорных моментов с наиболее влиятельными старожилами таки-

ми, как Сафьяновы, власти проявляли наибольшую лояльность» [Там же, с. 335].

Начало Первой мировой войны привело к значительному сокращению расходов на организацию переселения и благоустройства Урянхайского края. Часть планов по организации ветеринарного дела в крае, медицинской помощи, строительству школ была реализована лишь частично. Несмотря на то, что вопросу распространения православия в крае придавалось особое значение, средств на храмовую постройку и содержание действующих приходов выделялось немного. Так, начало строительства первого храма в г. Белоцарске было отложено на год. По традиции закладка православного храма должна была стать первым мероприятием, ознаменовавшим начало застройки города, однако это мероприятие состоялось лишь в августе 1915 г.³

С приходом к власти временного правительства в 1917 г., фактически, все институты русской власти на местах были сохранены. Управление регионом осуществлялось уполномоченным комиссаром по делам Урянхайского края. Было организовано краевое земство, разрабатывались проекты законов о местном самоуправлении для тувинского населения с учётом традиционной системы организации управленческого аппарата, культурных традиций и правовых обычаев. С победой большевиков в Гражданской войне Тува взяла курс на обретение собственного суверенитета, что завершилось провозглашением в 1921 г. независимой Тувинской Народной Республики [20; 24].

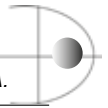
Заключение. Создание органов переселенческого управления на территории Тувы было одним из важных факторов, способствующих укреплению русско-тувинских экономических связей и важным поворотным моментом в российской политике, означавшей переход от невмешательства в освоение края русскими крестьянами, торговцами и промышленниками к целенаправленной колонизационной политике, конечным итогом которой стала бы интеграция Урянхия в политико-правовое пространство Российской империи.

Бывшая метрополия Урянхайского края, Китай, и Халха, Монголия, ставшие независимыми в 1911 г., стремясь восстановить своё влияние в Урянхае, не имели

¹ ГАРТ (Государственный архив республики Тыва). – Ф. 123. – Оп. 2. – Д. 60. – Л. 69.

² РГИА. – Ф. 393. – Оп. 5. – Д. 1393. – Л. 30.

³ ГАРТ. – Ф. 115. – Д. 142. – Л. 36.

институционально организованной системы по дальнейшему экономическому и хозяйственному освоению края. По этой причине деятельность чиновников Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи воспринималась тувинским населением, в целом, положительно. Однако большая часть мероприятий по организации благоустройства жизни, как местного населения, так и русских поселенцев, не была реализована в полном объёме. Не были достигнуты высоких результатов по организации торговли льготными товарами, развитию ветеринарной и медицинской помощи. Темпы по застройке края, в том числе будущей столицы – Белоцарска, значительным образом снизились к началу Первой мировой войны по причине сокращения финансирования. К числу факторов, оказавших негативное влияние на организацию органов переселенческого управления в Урянхайском крае, относились внутренние разногласия между пограничным комиссаром А. П. Церериным и заведующим русским землеустройством и переселением в Урянхайском крае В. К. Габеевым. Вопреки мнению, бытующему в отечественной историографии, о частном характере этих конфликтов, все они являлись отображением различных позиций глав вышестоящих ведомств на вопрос о

способах и методах дальнейшего освоения Урянхайского края русскими. Если министр иностранных дел С. Д. Сазонов, министр внутренних дел, Н. А. Маклаков, иркутский генерал-губернатор, следуя решениям Совета Министров от 28 февраля 1911 г., настаивали на постепенном и осторожном освоении края русскими, то главноуправляющий землеустройством и земледелием, А. В. Кривошеин, товарищ главноуправляющего П. Н. Игнатъев считали край частью Российской империи, и поэтому действия заведующего переселенческим управлением в Туве не вызывали с их стороны никакой критики. Весь комплекс противоречий, возникший на фоне русской колонизации в крае, сводился противостоянию чиновников на местах, конфликтов чиновников с местным населением и нойонами, конфликтов чиновников с русскими новопоселенцами и старожилами и дополнялся недостатками, присутствующими в ходе хозяйственной деятельности по благоустройству края. Однако факт строительства столицы Тувы – г. Белоцарска (Кызыла), наличие всех проведённых мероприятий по благоустройству края русскими властями, включая развитие медпомощи, застройки города, строительство первых школ, продолжение храмового строительства стали основой для упрочения русско-тувинских связей в будущем.

Список литературы

1. Шободоев Е. Б. Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии. Текст: электронный // Сибирский архив. 2021. Вып. 2. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_312/08_shobodoev_statya (дата обращения: 20.12.2022).
2. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX в. Кызыл: ТувГУ, 2013. 499 с.
3. Попов В. Л. Второе путешествие в Монголию. Иркутск: Штаб Иркутского военного округа, 1910. 191 с.
4. Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму: автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1986. 36 с.
5. Бомбужай А. К.-О. Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999. 260 с.
6. Моллеров Н. Н. Истоки братства: Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике (1922–1932): ист. очерк. НИИ яз., лит., истории. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1989. 143 с.
7. Дацышен В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография. 2003. 278 с.
8. Bawden Ch. The modern History of Mongolia. London: Kegan Paul International, 1989. 524 p.
9. Lattimore E. The making of modern China. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1944. 212 p.
10. Mänchen-Helfen O. Reise ins asiatische Tuwa. Berlin: Der Bücherkreis, 1931. 170 p.
11. Fritters G. M. Outer Mongolia and its international position / ed. E. Lattimore. New York: Octagon Books, 1949. 348 p.
12. Qusted R. The expansion of Russia in East Asia 1857–1860. URL: <https://www.jstor.org/stable/2493390?origin=JSTOR-pdf> (дата обращения: 12.12.2022). Текст: электронный.
13. Минцлов С. Р. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Дневник поездки в Туву в 1914 году. Фотоальбом. Абакан: Тувин. ин-т гум. исследований при правительстве Республики Тыва, 2014. 256 с.

14. Шостакович С. В. Политический строй и международно-правовое положение в прошлом и настоящем. Иркутск: Власть труда, 1929. 48 с.
15. Кузьмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX – 1930-гг. XX в.). Иркутск: Иркут. ун-т, 1997. 232 с.
16. Саая С. В., Сат С. Ч. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 296 с.
17. Самдан А. Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве. Текст: электронный // Oriental Studies. 2018. № 11. С. 2–13. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-39-5-2-13> (дата обращения: 20.12.2022).
18. Ховалыг С. С., Алексеев В. В. Тува под российским протекторатом (1914–1919 гг.): забытая страница отечественной истории (1914–1919) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 3. С. 62–68.
19. Василенко В. А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние. Текст: электронный // Новые исследования Тувы. 2013, № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (дата обращения: 20.12.2022).
20. Василенко В. А., Кузьмин Ю. В. «Русский фактор» в тувинской политике: особенности организации управления урянхайским краем 1914–1917 гг. // Исторический бюллетень. 2021. № 1. С. 111–114.
21. Тимченко В. Владимир Габаев – человек-загадка. Текст: электронный // Новые исследования Тувы. Новости. 26 декабря 2016. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/8871-gabaev.html> (дата обращения: 20.12.2022).
22. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская народная республика. Тувинская автономная область. Тувинская автономная советская социалистическая республика: Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник (на русском языке). Государственный архив республики Тыва – Новосибирск: Сиб. кн. изд-во, 2014. 480 с.
23. История Тувы: в 2 т. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 364 с.
24. Молчанов Л. А. Урянхайский край под протекторатом антибольшевистских властей Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 84–93.

Информация об авторе

Василенко Виктория Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник; Отдел обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук, 196084, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Киевская, д. 5, корп. 9, стр. 1; vasil-vic79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7273-8026>.

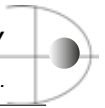
Для цитирования

Василенко В. А. Работа переселенческого управления в Урянхайском крае в начале XX в. в контексте развития русско-тувинских связей // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-8-19.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 18.02.2023.

References

1. Shobodoev, E. B. Organization of resettlement and land management in Irkutsk province. Web. 20.12.2022. https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_312/08_shobodoev_statya (In Rus.)
2. Dulov, V. I. Socio-economic history of Tuva XIX – early XX centuries. Kyzyl: izd-vo TuvGU, 2013. (In Rus.)
3. Popov, V. L. The second trip to Mongolia. Irkutsk: shtab Irkutskogo voennogo okruga, 1910. (In Rus.)
4. Aranchyn, Yu. L. The historical path of the Tuvan people to Socialism. Extended Abstract of Doctoral Dissertation, Novosibirsk, 1986. (In Rus.)
5. Bombuzhay, A. K-O. Russia and Tuva: the problem of the formation of ties in the late XIX – early XX centuries: Cand.sci. diss. M: 1999. (In Rus.)
6. Mollerov, N. N. The origins of the brotherhood: Russian self-governing labor colony in the Tuva Republic (1922–1932): Ist. Ocherktuvin. Research Institute of yaz., lit., history. Kyzyl : Tuvinsky publishing House, 1989. (In Rus.)
7. Datsyshen, V. G. Sayan Knot: Usinsk-Uriankhai Region and Russian-Tuvan relations in 1911–1921. Kyzyl: Republican Printing House. 2003. (In Rus.)
8. Bawden, Ch. The modern History of Mongolia. L-N-Y, 1989. (In Rus.)
9. Lattimore E. The making of modern China. N-Y, 1944. (In Engl.)
10. Mänchen-Helfen, O. Reise ins asiatische Tuwa. Berlin: Der Bücherkreis, 1931. (In Germ.)

11. Fritters, G. M. Outer Mongolia and its international position / G. M. Ed. by E. Lattimore. Hopkins, 1949. (In Engl.)
12. Qusted, R. The expansion of Russia in East Asia 1857–1860. Singapore, 1968. (In Engl.)
13. Mintslov, S. R. A secret assignment. Travel to Uriankhai. Diary of a trip to Tuva in 1914. Photo album Abakan: Tuva Institute for Humanitarian Studies under the Government of the Republic of Tuva, 2014. (In Rus.)
14. Shostakovich, S. V. The political system and the international legal situation in the past and present. Irkutsk, 1929. (In Rus.)
15. Kuz'min, Yu. V. Mongolia and the "Mongolian Question" in the Socio-political Thought of Russia: (late 1930s – XX century.) Irkutsk, 1997. (In Rus.)
16. Saaya, S. V., Sat S.Ch. The geopolitical status of Tuva in the first half of the twentieth century (1911–1944). Abakan: Khakass Book Publishing House, 2006. (In Rus.)
17. Samdan, A. A. Strengthening of Russian political influence and administrative reform in Tuva. Oriental Studies, no. 11, pp. 2–13. 2018. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-39-5-2-13>. (In Engl.)
18. Khovalyg, S. S., Alekseev V. V. Tuva under the Russian Protectorate (1914–1919): a forgotten page of Russian History (1914–1919). Bulletin of the I. Ya. Yakovlev, ChSPU, no. 3 (83), pp. 62–68, 2014. (In Rus.)
19. Vasilenko, V. A. The border commissioner in Tuva in 1913: appointment, problems, confrontation. New studies of Tuva, no. 4, 2013. Web. 20.12.2022. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (In Rus.)
20. Vasilenko, V. A., Kuz'min, Yu. V. The "Russian factor" in Tuvan politics: features of the organization of management of the Uriankhai region 1914–1917. Historical Bulletin, no. 1, pp. 111–114. 2021. (In Rus.)
21. Timchenko, V. Vladimir Gabaev – the mystery man. New studies of Tuva. News. December 26, 2016. Web. 20.12.2022. <https://www.tuva.asia/news/tuva/8871-gabaev.html> (In Rus.)
22. At the crossroads of time. Uriankhai region. Tuvan People's Republic. Tuva Autonomous Region. Tuva Autonomous Soviet Socialist Republic. Collection of archival documents and photo documents. Scientific and documentary collection (in Russian). State Archive of the Republic of Tyva – Novosibirsk: Siberian Book Publishing House, 2014. (In Rus.)
23. History of Tuva. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001. (In Rus.)
24. Molchanov, L. A. Uriankhai region under the protectorate of the anti-Bolshevik authorities of Siberia (1918–1919). New Historical Bulletin, no. 33, pp. 84–93, 2012. (In Rus.)

Information about the author

Vasilenko Victoria A., Candidate of History, research assistant; Department of Funds Processing, Acquisition and Departmental Archives, St. Petersburg branch of the Archive, Russian Academy of Sciences; 1 building, 9 building, 5 Kievskaya st., St. Petersburg, 196084, Russia; vasil-vic79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-8026>.

For citation

Vasilenko V. A. The Work of the Resettlement Administration in the Uriankhai Region in the Early Twentieth Century in the Context of the Development of Russian-Tuvan Relations // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18. no. 1. P. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-8-19.

Received: January 12, 2023; approved after reviewing February 16, 2023; accepted for publication February 18, 2023.

Научная статья

УДК 902/904

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-20-31

Древности видивариев

Владимир Иванович Кулаков

Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
drkulakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>

Ранее в науке не предпринимались попытки обнаружения древностей видивариев. Их обнаружение – цель предлагаемой статьи. Актуальность этой работы в том, что обнаружение этих древностей станет ключом к познанию истории Юго-Восточной Балтии на пороге средневековья. Методология поисков соответствия данных истории и археологии разработана в европейской археологии при выявлении регионов германских племён эпохи римского влияния. Метод исследования: поиск соответствия особенностей археологического материала данным письменного источника, повествующего о видивариях. Прежде всего, необходимо рассмотреть погребальные памятники «острова» Гепедойос и его окрестностей в первой половине V в. н. э. Они представлены преимущественно безурновыми кремациями (обломки кальцинированных костей рассеяны в остатках погребального костра) под каменными кладками. Артефактами, которые можно связать с деятельностью видивариев, являются массивные гривны преимущественно с заходящими, расширяющимися концами, монетные и вещевые клады первой половины V в. н. э., трёхлучевые фибулы и пластинчатые застёжки, биконические миски и круговая керамика, ножи-кинжалы. Первоначально зона расселения германских воинов находилась на «острове Гепедойос», что засвидетельствовано расположением на этой возвышенности большого количества монетных и вещевых кладов. Археологический материал показывает связи видивариев, как с западом Балтии, так и со Средним Подунавьем. Это – свидетельство происхождения видивариев из массива германских племён западного побережья Балтии и пути, которыми группы германских воинов в эпоху Аттилы попадали на землю в дельте р. Вислы. Следы деятельности видивариев в археологическом материале побережья Вислинско-Калининградского залива представлены находками позднеимских *multipli*, солидов и золотых гривен типа R300. Процесс участия видивариев (в виде своеобразного катализатора) в формировании прусской археологической культуры на её раннем этапе представлен звериноголовыми фибулами, застёжками со звёздчатой ножкой и прочими предметами, характерными в конце V–VI вв. лишь для региона Витланд. Таким образом, выявлены дискретные археологические материалы, уверенно связанные с видивариями.

Ключевые слова: Chrono Halibo, Витланд, видиварии, пруссы, клады

Original article

Antiquities of the Vidivarii

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
drkulakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>

No attempts have been previously made to discover the antiquities of the Vidivarii. Their discovery is the purpose of this article. The relevance of this work is that the discovery of these antiquities will be the key to understanding the history of the southeastern Baltic on the threshold of the Middle Ages. The methodology for searching for correspondence between historical and archeological data has been developed in European archeology in identifying the regions of the Germanic tribes of the era of Roman influence. The research method was search for correspondence between the features of the archaeological material and the data of a written source that tells about the Vidivarii. First of all, it is necessary to consider the funerary monuments of the “island” of Gepedoyos and its environs in the first half of the 5th century AD. They are represented mainly by urnless cremations (fragments of calcined bones are scattered in the remains of a funeral pyre) under stonework. Artifacts that can be associated with the activity of the Vidivarii are massive hryvnyas mainly with receding, expanding ends, coin and clothing hoards of the first half of the 5th century AD, three-beam brooches and plate clasps, biconical bowls and circular ceramics, knife-daggers. We draw a conclusion that the zone of settlement of German soldiers was initially located on the “island of Gepedoyos”, which is evidenced by the location of a large number of coin and clothing treasures on this hill. Archaeological material shows the connections of the Vidivarii

© Кулаков В. И., 2023

both with the west of the Baltic and with the Middle Danube. There is an evidence of the origin of the Vidivarii from the array of Germanic tribes on the western coast of the Baltic and the way in which groups of Germanic warriors in the era of Attila fell to the ground in the delta of the river Vistula. Traces of activity of the Vidivarii in the archaeological material of the coast of the Vistula/Kaliningrad Bay are represented by finds of Late Roman *multiplis*, *solidi*, and gold *hryvnias* of the R300 type. The process of participation of the Vidivarii (in the form of a kind of catalyst) in the formation of Prussian archaeological culture at its early stage is represented by animal-headed brooches, clasps with a star-shaped stem, and other items characteristic of the late 5th–6th centuries only for the Witland region. Thus, discrete archaeological materials have been identified that are confidently associated with the Vidivarii.

Keywords: Chrono Halibo, Witland, the Vidivarii, Prussians, hoards

Введение. Общеизвестны слова готского историка Йордана об этнокультурном феномене эпохи гуннских войн: «На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды Вистулы, живут видиварии, собиравшиеся от различных племен, за ними берег океана держат эстии, вполне мирный народ» [1, с. 67]. Хронист уточняет место обитания видивариев следующим пассажем: «Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис, на острове, окружённом отмелями реки Викслы, который они на родном языке называли Гепедойос. Теперь, говорят, этот остров населяет племя видивариев... Известно, что эти видиварии собрались из разных народов как бы в одно убежище и образовали [отдельное] племя [1, с. 80]. Таким образом, текст готского хрониста прямо указывает на место обитания разноплеменных пришельцев на берег Балтики – «остров» Гепедойос. Ныне этот пункт в восточной части дельты р. Висла именуется *wysoczyzna Elbląska* (Эльблонгская возвышенность) [3, р. 18]. Правда, этот «остров» находится не на «берегу океана», а на правом берегу р. Ногата, являющейся восточной частью дельты р. Вислы, впадающей в Вислинский/Калининградский залив.

Историография интерпретации смысла этникона “*vidivarii*” собрана в новейшей статье А. Е. Виноградова. Автор пришёл к выводу, что существует связь между этим этниконом и позднейшими «варягами» [2, с. 127, 128].

Методология и методы исследования. Современный уровень накопления наших знаний об археологическом материале Юго-Восточной Балтии различных исторических эпох позволяет выделить древности, уверенно связываемые с видивариями. Методология поисков соответствия данных истории и археологии разработана в европейской археологии при выявлении регионов германских племён эпохи римского

влияния. Метод исследования – поиск соответствия особенностей археологического материала данным письменного источника, повествующего о видивариях.

Результаты исследования и их обсуждение. Почти три десятилетия тому назад автор этих строк писал о важной роли видивариев в истории Юго-Восточной Балтии: «Непосредственной прелюдией к началу этнической диффузии в Балтийском регионе между группами различного культурно-этнического происхождения стали заключительные аккорды гуннских войн. Они заметно резонировали на берегах Балтики, куда мощной волной хлынули отряды былых соратников Аттилы, потерпев в 451–455 гг. поражение в битве на р. Недао. Уроженцы западно-скандинавских островов, ветераны гуннских войн, на своём обратном пути из Подунавья осели в устье Вислы, составив там общность упомянутых Йорданом видивариев (древнегерм. «Люди Видьи», то есть – ставшего героем прусских легенд князя Видевута). Так, был продолжен процесс проживания групп скандинавов в западно-балтском мире, начатый ещё в вельбарское время».

Факт присутствия позднеримских легионеров, скорее всего – германского происхождения в низовьях р. Вислы предполагается из-за находок бронзовых деталей римского доспеха в окрестностях современного г. Эльблонга [4, р. 16]. Приход на южные берега участников гуннских войн подтверждён материалами литовской археологии [5, р. 44–56]. Эти аспекты – основа гипотезы о пребывании видивариев в восточной части дельты р. Висла, в бассейне р. Ногата (северная часть варминьско-мазурского воеводства Польши). Ранее проблема их древностей не рассматривалась во многом из-за того, то внимание польских археологов в этом регионе сосредоточилось в основном на изучении поселения эпохи викингов Трусо (Janów Pomorski). В связи с

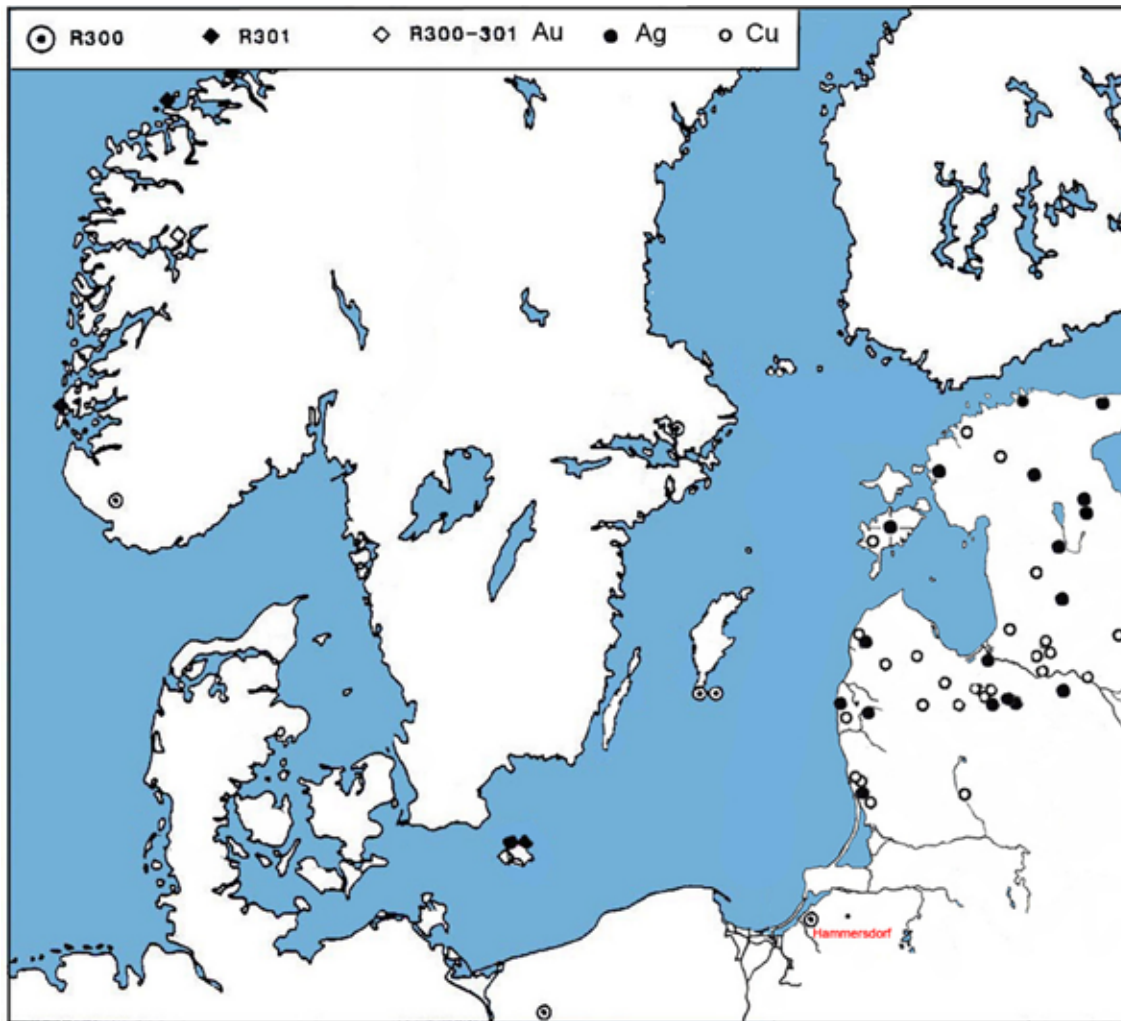
этим историография этой проблемы состоит преимущественно из работ автора этих строк. Предвоенные обзоры древностей бассейна р. Ногата, к сожалению, малоинформативны [4].

Прежде всего, необходимо рассмотреть погребальные памятники «острова» Гепедойос и его окрестностей в первой половине V в. н. э. Они представлены преимущественно безурновыми кремациями (обломки кальцинированных костей рассеяны в остатках погребального костра) под каменными кладками. Конские захоронения у дна могилы здесь в интересующее нас время крайне редки. Все указанные признаки отличаются от черт характеристики урновых трупосожжений пруссов на раннем этапе развития прусской культуры, для которых присущи конские захоронения, сопровождающие могилы воинов [6, с. 360–363]. Приведённые данные позволяют полагать минимум серьёзное влияние германских погребальных традиций на жителей германо-балтского пограничья на берегу Вислинского/Калининградского залива. Возможно захоронение видивариев на прусских грунтовых могильниках. Так, погребения Wa-1 и Wa-4 Warnikam/Первомайское по ряду признаков выделяются из прусских могил и могут содержать останки вождя видивариев [7, с. 57]. Также останки предводителя видивариев содержал и погребение в Hammersdorf/Młoteczno (см. ниже), известное как «клад А» [8, с. 72]. Более того, единичские традиции, принесённые видивариями (в «Прусской хронике» Симона Грунау – «кимбрами») на берега Балтии, прочно утвердились в прусском культе [7, с. 5].

Первыми артефактами, которые можно связать с деятельностью видивариев, являются массивные гривны преимущественно с заходящими, расширяющимися концами. Если в Скандинавии V в. такие находки редки, то в Юго-Восточной Балтии к середине XX в. насчитывалось 113 подобных шейных украшений (рис. 1). Правда, золотые находки в этом регионе известны лишь в Hammersdorf/Młoteczno. Гривны с заходящими концами из серебра и даже бронзы распространены в VI–VII вв. в основном в прибрежной зоне Балтии и, очевидно, являются ранговыми знаками [9, р. 128]. Такие престижные аксессуары

власти вождя воинских отрядов высоко ценились из-за своего высокого авторитета в племенной среде Восточной Балтии.

Несомненным показателем военной активности племён позднеантичного *Barbaricum* являются массивные золотые гривны (рис. 2, внизу). Они являлись на закате Римской Империи актуальным средством платежа вождям варварских дружин и/или «подарками» (*donatium*), которыми имперские чиновники откупались от набегов германских отрядов на лимес. На берегу Южной Балтии золотые гривны могли служить депозитом средства платежа воинам дружин конунгов, представлять собой инсигнии власти конунга или сакральную племенную «казну», как сокровища в Апахиде (*Apahida*), клады в Петроаса (*Petroasa*) и в Щимлеул Сильванеи (*Șimleul Silvaniei, Romanien*). В любом случае, такие яркие вещественные атрибуты как изготовленные провинциально-римскими мастерами для вождя германских дружин гривны являются атрибутом малого «варварского» королевства [10, р. 69] как временного квази-государственного образования. В нашем случае гривны связаны с общностью видивариев, осевших на финальной стадии гуннской эпохи в восточной части дельты р. Висла. Найденные в виде клада С в *Hammersdorf/Młoteczno* гривны, первоначально, судя по зарубкам на их концах. Предназначавшиеся для оплаты членов дружины, были принесены вождём (?) дружины в жертву богам для сакрализации территории, занятой в первой половине V в. н. э. видивариями. На это указывает название данного микрорегиона, сохранившееся в прусских легендах, записанных Симона Грунау. С этой землёй связан топоним *Chrono Halibo* [11, р. 56, 57, 72]. Правда, в тексте хроники эти названия связывается с водными пространствами. На самом деле, при помощи данных готского языка *Chrono Halibo* можно перевести как «чистая часть/сторона/половина». Примечательно, что между местечками *Młoteczno-Rogity*, судя по данным орденского времени, существовал серпообразный в плане вал, ограждавший, что было в обычаях германцев эпохи Великого переселения народов, вновь обживаемые ими земли от ареала аборигенов.

nach: Anderssen K., 1995, fig. 56, Lincke B., 1938, Karte 1.

Рис. 1. Распространение в Северной Европе и в Балтии гривен с расширенными концами (тип R300) [17, Fig. 56; 10, Karte 1]

Fig. 1. Distribution of hrynias with extended ends (type R300) in Northern Europe and the Baltics [17, Fig. 56; 10, Karte 1]

Кроме массивных гривен типа R300, в Юго-Восточной Балтии известны находки тонких гривен и браслетов из золота, также являвшихся предметами для жертвоприношений германским богам, осуществлённых в V в. н. э., возможно – в его первой половине и также, как и гривны типа R300, связанных с микрорегионом *Chrono Halibo*.

Обращает на себя внимание скопление находок кладов и отдельных солидов в восточной части дельты р. Вислы, прежде всего – на юго-западной окраине острова Гередоюс (рис. 3). Ещё четыре десятилетия тому назад Казимеж Годловски связывал эти

находки с деятельностью видивариев, постепенно продвигавшихся в северо-восточном направлении от дельты р. Вислы [12, р. 106, 108]. К. Годловски считал, что солиды депонировались видивариями, отступавшими на запад под давлением носителей ранней формы прусской культуры [12, р. 111]. Правда, никаких следов носителей упомянутой культуры в микрорегионе *Chrono Halibo* (в римское время занят эстиями) для первой половины – середины V в. н. э. (дата чеканки солидов) не обнаружено. Исключение составляют лишь два урновых трупосожжения в *Hammersdorf/Mloteczno* [6, с. 360].

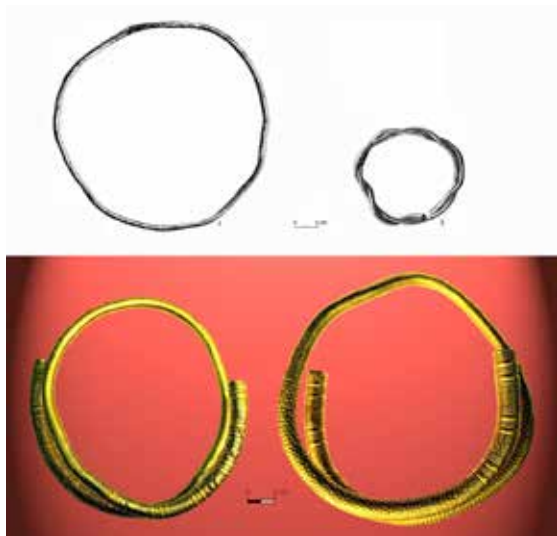

Рис. 2. Клады золотых гривен в исторической области Halibo:верху – 1 – из болота у Henrikowo; 2 – из осушенного болота у Nowy Dwór; внизу – клад С в Hammersdorf/Młoteczno [архив автора]

Fig. 2. Hoards of golden torques in the historical region of Halibo: above – 1 – from the swamp near Henrikowo; 2 – from a drained swamp near Nowy Dwór; below – treasure C in Hammersdorf/Młoteczno [the author's archive]

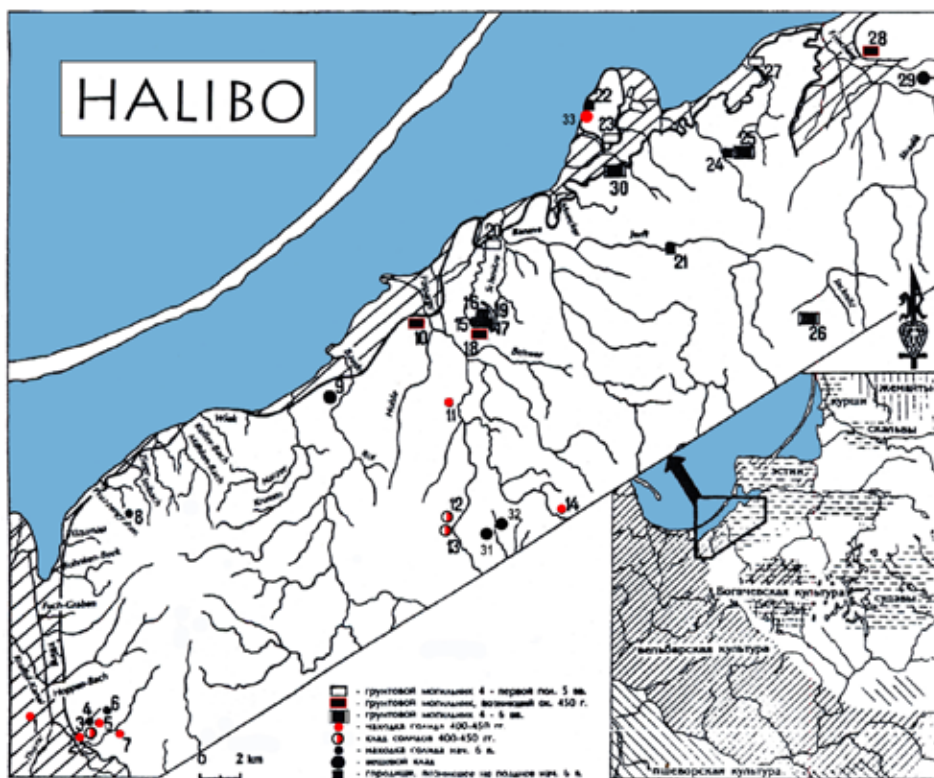

Рис. 3. Находки V в. н. э. в исторической области Halibo: 1 – Komorowo, солид Феодосия I (361–395 гг.); 2 – Dębina, солид Гонория (395–423 гг.); 3 – Gronowo Górne – два (?) клада солидов, позднейшая монета – Ливий Север (461–465 гг.); 4 – Elbląg – разрозненный клад солидов (11 шт.), позднейшая монета – Анастасий (491–518 гг.); 5 – Czechowo, два солида, в т. ч. – Феодосий II (408–450 гг.); 7 – Przewmark, солид Валентиниана III (424–425 гг.); 9 – Frombork, клад бронзовых изделий и солид Феодосия II (408–450 гг.); 11 – Garbina, солид Феодосия II (408–450 гг.); 12 – Trąbki, клад солидов, из которых 44 шт. были чеканены при Феодосии II; 13 – Trąbki, клад солидов, из которых 11 шт. были чеканены при Феодосии II; 14 – Nalaby, солид Феодосия II (408–450 гг.); 17 – Młoteczno, клад с двумя золотыми гривнами; 31 – Henrikowo; 32 – Nowy Dwór; 33 – Balga, клад бронзовых римских монет V в. [архив автора]

Fig. 3. Finds of the 5th century AD in the historical region of Halibo: 1 – Komorowo, solidus of Theodosius I (361–395); 2 – Dębina, solidus of Honorius (395–423); 3 – Gronowo Górne – two (?) hoards of solidi, the latest coin – Livy Severus (461–465); 4 – Elbląg – scattered treasure of solidi (11 pcs.), the latest coin – Anastasius (491–518); 5 – Czechowo, two solidi, incl. – Theodosius II (408–450); 7 – Przewmark, solidus of Valentinian III (424–425); 9 – Frombork, treasure of bronze items and solidus of Theodosius II (408–450); 11 – Garbina, solidus of Theodosius II (408–450); 12 – Trąbki, treasure of solidi, of which 44 pieces were minted under Theodosius II; 13 – Trąbki, treasure of solidi, of which 11 pieces were minted under Theodosius II; 14 – Nalaby, solidus of Theodosius II (408–450); 17 – Młoteczno, treasure with two gold torcs; 31 – Henrikowo; 32 – Nowy Dwór; 33 – Balga, hoard of bronze Roman coins of the 5th century [the author's archive]

В своей статье 1997 г. автор этих строк собрал массив находок, которые, по его мнению, принадлежали видивариям. Среди них – трёхлучевые фибулы и пластинчатые застёжки, биконические миски и круговая керамика [6, с. 363], ножи-кинжалы и шлем из могильника *Dollkeim*/Коврово [8, с. 75].

Остановимся на археологических феноменах, определённо связанных с военной активностью видивариев в *Chrono Halibo* в эпоху Аттилы. Кроме проанализированных выше золотых гривен, имевших, как платёжное, так и сакральное значение, следами видивариев являются солиды, превращённые в медальоны.

Акцент делается на отсутствии в кладах и погребениях на Янтарном берегу золотых римских монет. Следует отметить, в целом, крайне малую представленность изделий из этого металла у западных балтов. Видимо, их отношение к золоту отличалось от того пиетета, который испытывали к этому металлу древние германцы. Ввиду этого на себя обращают пристальное внимание те немногие золотые монеты, которые встречены в окрестностях Янтарного берега. Это – находка ауреуса «солдатского» Императора Викторина (268–270 гг. н. э.) в *Brandenburg*/Ушаково (рис. 4, врезка) и

медальон (лат. *multiplum*) Императора Констанция II (317–323 гг.), входивший в состав клада А, найденного частями с 1913 по 1917 г. в *Hammersdorf/Młoteczno*. Медальон Констанция II входил в состав клада, который может являться инвентарём разрушенного «княжеского» захоронения [13, р. 6] середина V в. Позднеримские *multipli* большого диаметра, к числу которых относится находка в кладах. А *Hammersdorf/Młoteczno*, по мнению А. Бурше, были распространены преимущественно в среде готов и вандалов горизонта *Dančeny-Brandstrup*, которые осуществляли союзные отношения (в рамках *foedus* – «союзов с варварами») с римлянами [14, р. 225]. Расположение этих социально и финансово значимых артефактов в зоне первоначального расселения видивариев прямо указывает на присутствие в их среде вождей (обладателей *multipli*).

Вместе с монетными депозитами в микрорегионе *Chrono Halibo* представлены и вещевые клады первой половине – середине V в. н. э. (рис. 3). Наиболее крупным среди них является клад в *Frauenburg/Frombork* (рис. 5), содержащий фибулы типа *Schönwarling* и датированный по солиду Феодосия II временем 430 г. [15, р. 652].

Рис. 4. Находки золотых римских медальонов на южном берегу Балтики: 1 – Okritz, 2 – Pomorze Wschodnie, 3 – Zbójna, 4 – Brandenburg/Ушаково, 5 – Metelin, 6 – Hammersdorf/Młoteczno [взято из архива автора]

Fig. 4. Finds of gold Roman medallions on the southern coast of the Baltic: 1 – Okritz, 2 – Pomorze Wschodnie, 3 – Zbójna, 4 – Brandenburg/Ushakovo, 5 – Metelin, 6 – Hammersdorf/Młoteczno [the author's archive]

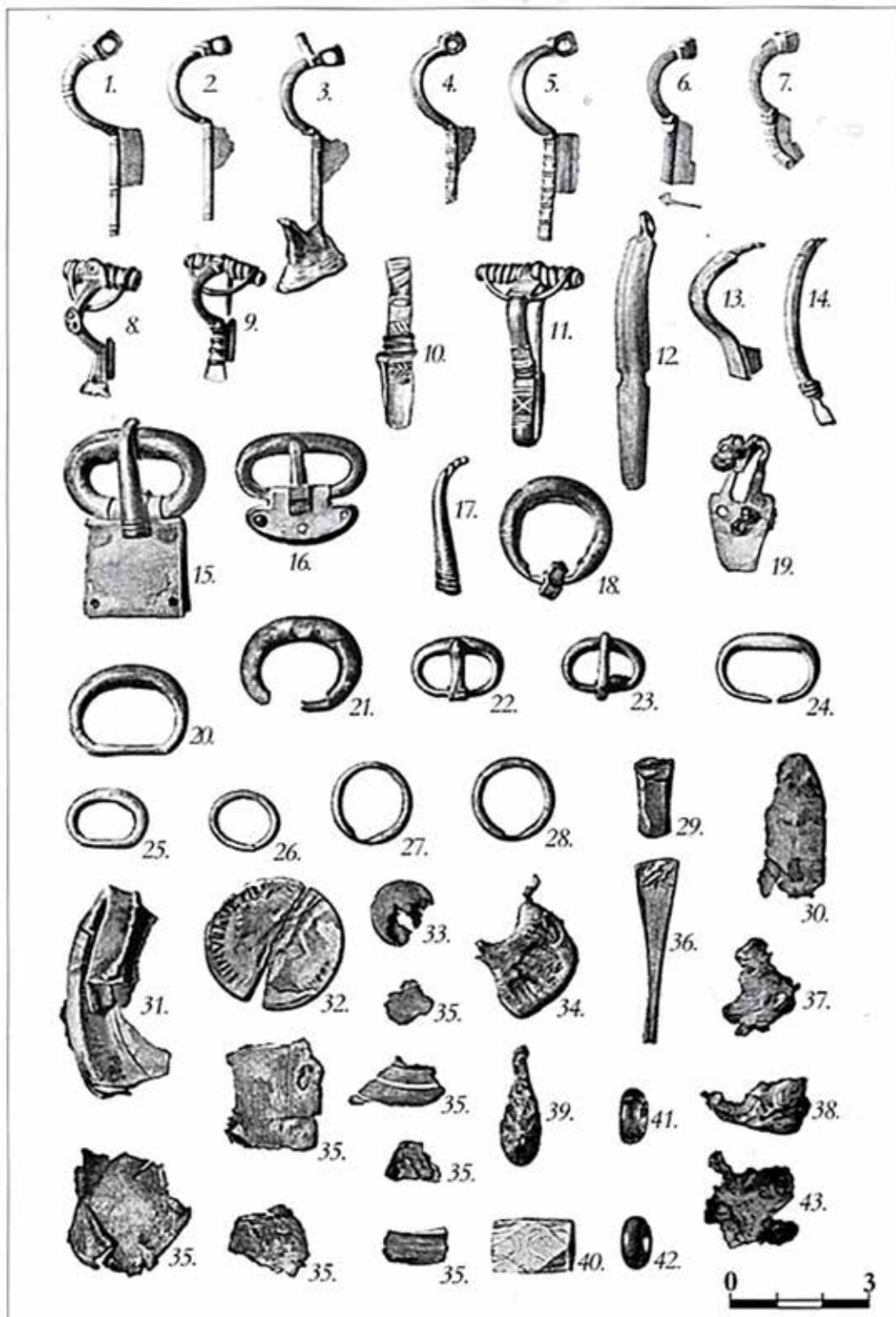

Рис. 5. Предметы из клада в Frauenburg/Frombork [19, р. 1]

Fig. 5. Items from the Frauenburg/Frombork hoard [19, p. 1]

Это депозит содержит преимущественно лом серебра и бронзы и мог принадлежать некоему мастеру-ювелиру, сокрывшему своё сырьё в момент опасности. Тот же характер может иметь монетный клад из Бальги, случайно найденный там несколько лет тому назад и оказавшийся в частной коллекции. Позднеримские денарии в его составе несут следы термальной обработки (возможно, в процессе подготовки к переплавке) (рис. 6). Важной чертой материальной культуры (точнее – декоративного искусства) видивариев можно считать декорирование оружия (признак принадлежности к воинскому страту) в стиле *Sösdala*. Этот стиль (в прусской археологии – *Sternornament*) Нильс Оберг справедливо считал перенятым носителями ранней фазы

прусской культуры от провинциально-римских мастеров Рейнского лимеса во второй половине V в. н. э. [13, р. 5, 47]. На Самбии и на Неманском правобережье на фазах C₂/D₂ известны воинские комплексы с обильным составом инвентаря (рис. 7), которые с достаточной долей уверенности можно связать с ветеранами воинов на имперском лимесе и/или с видивариями. При этом литовский материал воинских погребений датируется несколько ранее самбийского материала. Это позволяет выдвинуть предположение о двух волнах воинственных переселенцев, имевших различную направленность. Возможно, именно с этими двумя волнами можно связать литовские предания о Палемонасе и прусские сказания о Видевуте.

Рис. 6. Клад позднеримских бронзовых денариев, случайно найденный на Бальге. Частная коллекция

Fig. 6. Treasure of late Roman bronze denarii, accidentally found on the Balga. Private collection

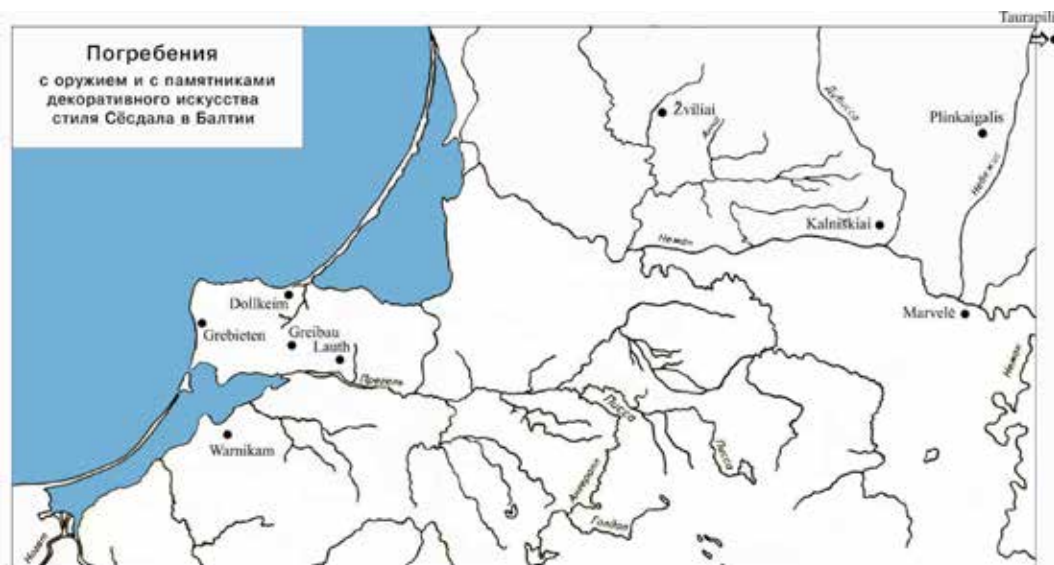

Рис. 7. Погребения с оружием и с памятниками декоративного искусства стиля Сёсдала в Балтии [архив автора]

Fig. 7. Burials with weapons and monuments of decorative art of the Sösdala style in the Baltics [the author's archive]

Расширение микрорегиона Chrono Halibo, показанное распространением во второй пол. V – нач. VI вв. н. э. погребений с оружием и с памятниками декоративного стиля Sösdala, показанного выше, привело к формированию более крупного региона, включавшего Самбию и упомянутого в IX в. Вульфстаном как «Витланд» [16, с. 26, 34]. Здесь известны трёхлучевые звериноголовые фибулы, явля-

ющиеся принадлежностью потомков видвариев, и фибулы со звездчатой ножкой. Эти артефакты, своим происхождением связанные со скандинавскими древностями, маркируют территорию расселения носителей прусской археологической культуры на раннем её этапе и показывают влияние их традиций на соседние племена балтов финно-угров в южной части современной Финляндии (рис. 8).

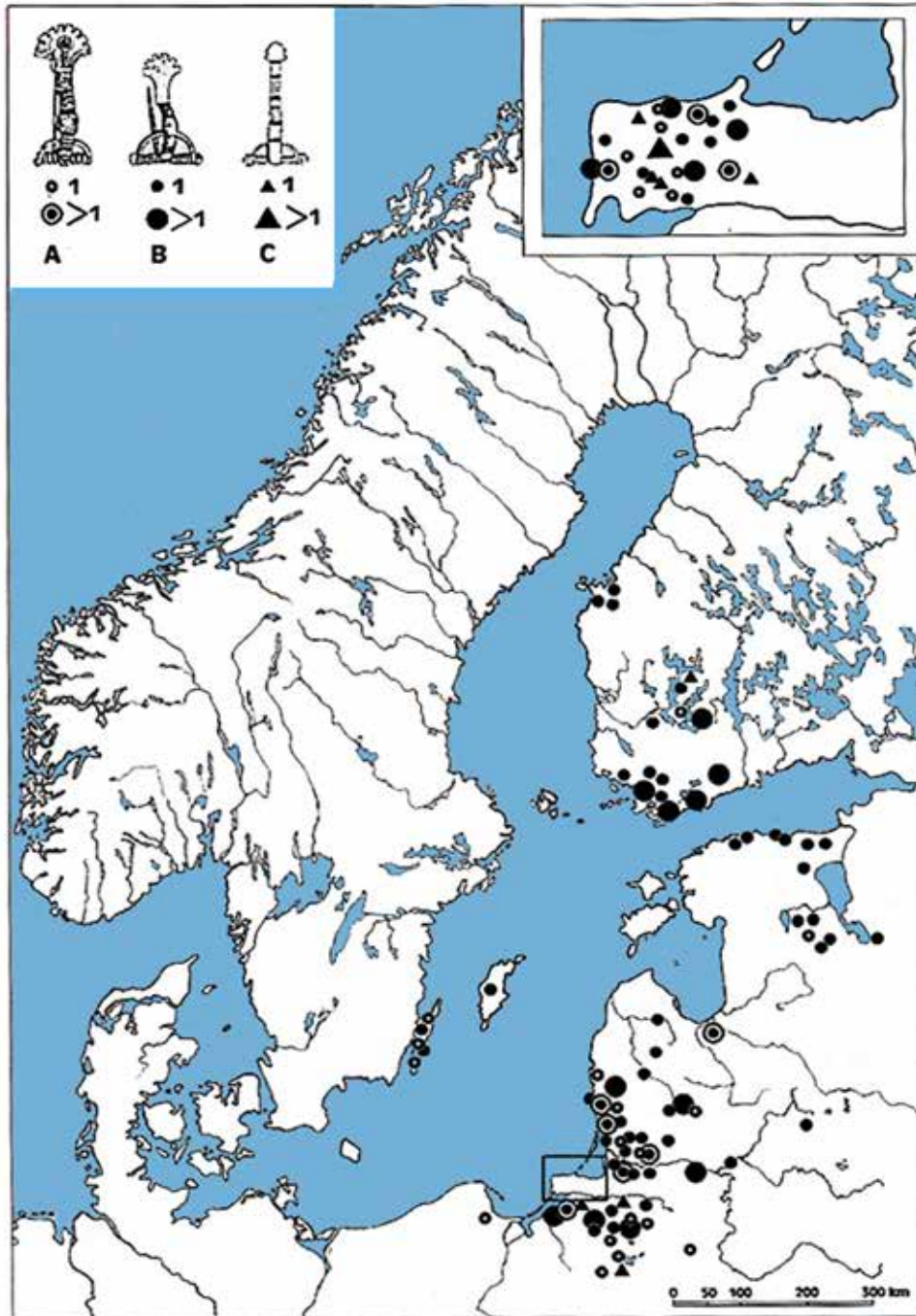

Рис. 8. Распространение в Балтии и в Скандинавии фибул со звездчатой ножкой

Fig. 8. Distribution in the Baltics and Scandinavia of brooches with a star-shaped stem

Данные застёжки стали важной частью преимущественно мужского убора пруссов эпохи битвы при Недао и последующих десятилетий. Древнейшие образцы фибул со звёздчатой ножкой (тип *Bitner-Wróblewska I*) представлены на вельбарских по своему облику комплексах фаз C_2/D_1 или D_1 в дельте р. Вислы, что позволяет их отнести к древностям видивариев [7, с. 52].

Заключение. Обработка археологических материалов западной части прусского ареала V в. н. э. позволяет сделать следующие выводы относительно древностей видивариев:

1. Первоначально зона «собравшихся из разных племён» германских воинов расселения находилась на «острове Гепедойос» (окрестности *Elbing/Elbląga*), что засвидетельствовано расположением на этой возвышенности большого количества монетных и вещевых кладов сакрального значения.

2. Археологический материал показывает связи видивариев как с западом Балтии, так и со Средним Подунавьем. Это – свидетельство происхождения видивариев из массива германских племён западного побережья Балтии и пути, которыми группы германских воинов в эпоху Аттилы попадали на землю в дельте р. Вислы, являвшуюся

воротами от севера Европы в благодатные имперские земли юга континента.

3. В течение V в. ареал видивариев распространяется в северо-восточном направлении и отмечен в прусских сказаниях германским топонимом *Chrono Halibo*. Сам этноним видивариев («Люди Видьи») свидетельствует о наличии у них военного вождя, известного в древнеанглийской поэме «Видсид» и в «Прусской хронике» Симона Грунау [8, с. 71, 72].

4. Следы деятельности видивариев в археологическом материале побережья Вислинского/Калининградского залива представлены находками позднеримских *multipli*, солидов и золотых гривен типа R300.

5. Процесс участия видивариев (в виде своеобразного катализатора) в формировании прусской археологической культуры на её раннем этапе представлен звериноголовыми фибулами, застёжками со звёздчатой ножкой и прочими предметами, характерными в конце V–VI вв. лишь для региона Витланд.

Дальнейшие археологические исследования в историческом микрорегионе *Chrono Halibo* откроют новые стороны материальной и, возможно, духовной культуры видивариев, участников создания прусской археологической культуры.

Список литературы

1. Йордан. О происхождении и деяниях Гетов. 2 изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя. 1997. 505 с.
2. Виноградов А. Е. К вопросу о происхождении этнонимов варяги и видиварии // *Via in tempore*. История. Политология. 2021. Т. 48, № 1. С. 123–131.
3. Sevin H. Die Gepiden. München: In Selbstverl. Des Verf, 1955. 320 p.
4. Ehrlich B. Elbing, Benkenstein und Meislatein // *Mannus*. Leipzig: Mannus-Verlag. 1932. P. 399–420.
5. Curta F., Bliujenė A. Exotic Lands, Quixotic Friends, Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (ca. 380 bis ca. 620 n. Chr.) // *Medieval Archaeology*. Oxford: Maney Publ., 2011. P. 29–65.
6. Кулаков В. И. Этии и видиварии // *Балто-славянские исследования 1988–1996*. М.: Индрик. 1997. С. 359–372.
7. Кулаков В. И. Боги Видевута // *Letonica*. 2004. № 10. С. 36–64.
8. Кулаков В. И. Янтарный берег в эпоху Аттилы // *Вестник Брянского государственного университета*. 2022. № 4. С. 69–78.
9. Lincke B. Eine baltische Halsringform der Völkerwanderungszeit // *Prähistorischen Zeitschrift*. Berlin: Walter de Gruyter Verlag. 1938. P. 80–157.
10. Wyszomirska-Werbart B. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interpretations // *Contacts across the Baltic Sea*. Lund: University of Lund, 1992. P. 58–73.
11. Grunau S. *Preussische Chronik*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1876. 250 p.
12. Godłowski K. Okres wędrówek ludów na Pomorzu // *Pomorania Antiqua*. Gdańsk: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1981. P. 101–119.
13. Åberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig: Almqvist: Wiksell's Boktryckeri-A.-D., 1919. 175 p.
14. Bursze A. Złote medaliony rzymskie w Barbaricum. Symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskich u schyłku starożytności, Światowit, Supplementum ser. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Archeologii UW, 1998. P. 218–231.

15. Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz, 1986. P. 593–720.

16. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.

17. Andersson K. Romartida guldsmede i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verstdsgrupper. Uppsala: Societas archaeologica Upsaliensis, 1995. 243 p.

18. Bursze A. Najstarsze złote medaliony rzymskie z Barbaricum // Studia Gothica. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 1996. P. 85–95.

19. Peiser F. E., Kemke H. Der Depotfund von Frauenburg // Prussia. Königsberg: in Kommission bei Gräfe und Unzer. 1914. P. 58–79.

20. Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 256 p.

Информация об авторе

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, Институт археологии РАН, 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; drkulakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>.

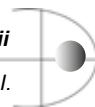
Для цитирования

Кулаков В. И. Древности видивариев // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 20–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-20-31.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Jordan. On the origin and deeds of the Getae. St. Petersburg: "Aletheia", 1997. (In Rus.)
2. Vinogradov, A. E., On the question of the origin of the ethnonyms Varangians and the Vidivarii. Via in tempore. History. Political science, vol. 48, pp. 123–131, 2021. (In Rus.)
3. Sevin, H., Die Gepiden. München, 1955. (In German.)
4. Ehrlich B., Elbing, Benkenstein und Meislstein. Mannus, Bd. 24, H. 1–3, Leipzig: Mannus-Verlag. 1932. S. 399–420. (In German)
5. Curta F., Bliujenė A., Exotic Lands, Quixotic Friends, Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (ca. 380 bis ca. 620 n. Chr.). Medieval Archaeology, vol. 55, Oxford: Maney Publishing. 2011: 29–65. (In Engl.)
6. Kulakov, V. I. Estii and the Vidivarii. Balto-Slavic studies 1988–1996. M: "Indrik". 1997: 359–372. (In Rus.)
7. Kulakov, V. I. Gods of Videvut. Letonica, vol. 10, Riga: Zinātne., 2004. P. 36–64. (In Rus.)
8. Kulakov, V. I. Amber coast in the era of Attila. Bulletin of the Bryansk State University, no. 4 (54), pp. 69–78, 2022. (In Rus.)
9. Lincke, B., Eine baltische Halsringform der Völkerwanderungszeit. Prähistorischen Zeitschrift, Bd. 28–29, Berlin: Walter de Gruyter Verlag. 1938: 80–157. (In German)
10. Wyszomirska-Werbart B., Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interpretations. Contacts across the Baltic Sea, Lund: University of Lund. 1992: 58–73. (In Engl.)
11. Grunau, S. Preussische Chronik. Bd. I, Leipzig: Duncker & Humblot., 1876. (In German)
12. Godłowski, K. Okres wędrówek ludów na Pomorzu. Pomorania Antiqua, T. X, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 1981:101–119. (In Polish.)
13. Åberg, N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit, Uppsala-Leipzig: Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D. 1919. (In German)
14. Bursze, A. Złote medaliony rzymskie w Barbaricum. Symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskich u schyłku starożytności, Światowit, Supplementum ser. A, vol. II, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Archeologii UW. 1998: 218–231. (In Polish)
15. Schulze-Dörrlamm, M., Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau. Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, Bd. 33/2, Mainz: RGZM. 1986: 593–720. (In German)
16. Matuzova, V. I., English medieval sources of the IX–XIII centuries. M: Science. 1979. (In Rus.)
17. Andersson, K. Romartida guldsmede i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verstdsgrupper, Aun 21, Uppsala: Societas archaeologica Upsaliensis. 1995. (In Swed.)

18. Bursze, A., Najstarsze złote medaliony rzymskie z Barbaricum. *Studia Gothica*, Bd. I, In memoria Ryszard Wołagiewicz, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 1996: 85–95. (In Polish)

19. Peiser, F. E., Kemke, H. Der Depotfund von Frauenburg. Prussia, Bd. 23/1, Königsberg: in Kommission bei Gräfe und Unzer. 1914: 58–79. (In German).

20. Bitner-Wróblewska, A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period, Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 2001. (In Engl.)

Information about author

Kulakov Vladimir I., Doctor of History, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dm. Ulyanova st., Moscow, 117036, Russia; drkulakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>.

For citation

Kulakov V. I. *Antiquities of the Vidivarii* // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 20–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-20-31.

**Received: January 23, 2023; approved after reviewing February 27, 2023;
accepted for publication February 28, 2023.**

Научная статья

УДК 930

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-32-38

Народная революция 1921 года как феномен социальной трансформации монгольского общества

Венера Вячеславовна Куфтарева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
buzaeavvv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4020-2032>

В статье рассматривается феномен монгольской народной революции 1921 г. и её значение для социальных преобразований монгольского общества. Революция обладала уникальными чертами, отразившими исторические особенности, и, в то же время, носила сходные с другими типами социокультурных изменений свойства. Народная революция 1921 г. на начальном этапе своего развития относилась к миру идей, представляла явление, в большей степени умозрительное, но под воздействием внутренних и внешних факторов, она приобрела эмпирические черты. В ходе углубления социальных преобразований постепенно превратилась в феномен и стала представлять исключительное явление, особенно в части ликвидации феодального уклада и получения международного признания. Отражение всех этих идей мы видим в трудах многих монгольских и советских историков. Труды доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Монголии, академика Базарын Ширендыб по теме революции признаны в исследовании основополагающими. В статье нашли отражение основные моменты революционного процесса, их характеристика и значение для монгольского народа. Затронуты задачи революции, детально раскрыты демократические преобразования Народного правительства в период становления народной власти и его роль в укреплении национальной независимости страны. Автором статьи использовались общенаучные (анализ, сбор информации, синтез, экстраполяция) и специальные методы (сравнительный, типологический, метод периодизации). Также для понимания последовательности революционных событий применялся историко-генетический метод на основе принципов историзма, системности и опоры на исторические источники. Тема революции остается актуальной, притягивает новых исследователей. Исторический путь, пройденный Монголией в XX в. исследуется как исключительное явление.

Ключевые слова: Академик Базарын Ширендыб, Монгольская революция 1921 г., Народное правительство, демократические преобразования

Original article

The People's Revolution of 1921 as a Phenomenon of the Social Transformation of Mongolian Society

Venera V. Kuftareva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
buzaeavvv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4020-2032>

The article deals with the phenomenon of the Mongolian People's Revolution of 1921 and its significance for the social transformations of the Mongolian society. The revolution had unique features that reflected historical features, and, at the same time, had properties similar to other types of sociocultural changes. The people's revolution of 1921 at the initial stage of its development belonged to the world of ideas, represented a phenomenon that was more speculative, but under the influence of internal and external factors, it acquired empirical features. In the course of deepening social transformations, it gradually turned into a phenomenon and began to represent an exceptional phenomenon, especially in terms of eliminating the feudal system and gaining international recognition. We see the reflection of all these ideas in the writings of many Mongolian and Soviet historians. His Works Academician Bazaryn Shirendyub, Doctor of Historical Scienc, on the topic of revolution are recognized as fundamental. The article reflects the main points of the revolutionary process, their characteristics and significance for the Mongolian people. The tasks of the revolution are touched upon, the democratic transformations of the People's Government during the period of the formation of people's power and its role in strengthening the national independence of the country are disclosed in detail. The author of the article used general scientific (analysis, information collection, synthesis, extrapolation) and special methods (comparative, typological, periodization method). Moreover, to understand the sequence of revolutionary events, the historical-genetic method

© Куфтарева В. В., 2023

was used based on the principles of historicism, consistency and reliance on historical sources. The theme of the revolution remains relevant and attracts new researchers. We study the historical path followed by Mongolia in the XX century as an exceptional phenomenon.

Keywords: Academician Bazaryn Shirendyb, Mongolian Revolution of 1921, People's government, democratic transformations

Введение. Путь, пройденный Монголией в XX в., представляет собой уникальный опыт применения витающих в воздухе революционных идей, переложенных на особенности монгольской жизни. Учёт всех внутренних и внешних факторов способствовал превращению идей революции из умозаключений в осязаемый объект. И чем дальше шла страна по пути преобразований, тем больше сторон жизни затрагивала революция. Особенность Монгольской народной революции 1921 г. состоит ещё и в том, что в стране с феодальным укладом, в которой отсутствовали промышленность, а значит и пролетариат, движущей силой становилось аратство, антифеодальные преобразования уступили место антиимпериалистическим, а наступление на привилегии феодалов и лам было отложено в ходе политики единого фронта.

Среди работ монгольских авторов по этой теме особое место занимает фундаментальная монография Базарын Ширендыба «История Монгольской народной революции» (1969, 1971, 1999) [1], – труд, удостоенный Государственной премии МНР. Эта работа послужила основой для многих последующих исследований монголоведов по новейшей истории Монголии. По теме революции учёные также часто обращаются к монографии Б. Ширендыба «Монголия на рубеже XIX–XX вв. (История социально-экономического развития)» (1963) [2]. Работы автора отличаются фундаментальностью и полнотой. Источниковая база в исследованиях Б. Ширендыба представлена объёмным корпусом архивных документов и мемуаров, которые позволяют реконструировать и глубже понять революционную ситуацию. Б. Ширендыб-гуай, рассматривая экономические, исторические, политические аспекты революции, подробно изучил работы монгольских и советских историков¹.

¹ Он активно взаимодействовал с учёными и использовал работы следующих авторов: С. Д. Дылыков, И. Я. Златкин, А. Г. Акимов, П. П. Старицына, М. И. Гольман, Г. Д. Санжеев, И. С. Казакевич, Г. С. Матвеева, И. М. Майский, Е. М. Жуков, М. С. Джунусов, В. И. Дулов, В. А. Масленников, И. И. Минц, Г. И. Михайлов, С. Нацов, С. К. Роцин, А. Н. Хейфец, Б. Д. Цибилов, О. Латтимор, Ш. Нацагдорж, Ц. Пунцагноров.

В своих работах Б. Ширендыб рассматривает ключевые вопросы, связанные с событиями в Монголии второй половины XIX – начала XX в.: расстановка сил и причины революции; внутренние и внешние факторы революции; главные задачи и характер революции 1921 г.; движущие силы революции и политика Народного правительства; создание государства с республиканским строем; Монгольская народная партия её типология; политическая борьба и путь развития МНР; помощь Советского государства в деле завоевания монгольским народом своих свобод; значение революции 1921 г. в истории МНР.

Методы исследования. Автором статьи использовались общенаучные (сбор информации, анализ, синтез, экстраполяция) и частнонаучные методы (сравнительный, типологический, метод периодизации, хронологический). Они позволили собрать и провести анализ полученного материала. Также для понимания последовательности революционных событий применялся историко-генетический метод на основе принципов историзма, системности и опоры на исторические источники.

Результаты исследования и их обсуждение. Завоевание независимости, по мнению большинства учёных, стало для монголов ключевой задачей в начале XX в. Вопрос получения независимости вытекал, по мнению монгольского профессора Ж. Урангуа, из «политико-экономических интересов Монголии, затронутых Цинами, и имеет социально-аграрные мотивы. Предпринятая ломка вековой самобытной культуры, вековых обычаев страны и всего уклада жизни затронула интересы каждого монгола, придавала вопросу обоснованность на почве народного самосознания. В монгольское общество все глубже проникала идея сепаратизма – образования независимой Монголии» [3, с. 142].

Революционный процесс, по мнению Б. Ширендыба, логично проследить с 1911 г. – с момента свержения маньчжурской династии и образования Монгольского правительства во главе с богдо-гэгэном. С Б. Ширендыбом согласны российские и

монгольские учёные. Есть те, кто считает революцию 1911 г началом революционного процесса, подготовившего почву для Народной революции 1921 г. (Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа и др.). Существует точка зрения, что революция 1911 г. краеугольное событие в истории Монголии XX в., истинная революция, в ходе которой Монголия заявила о своей независимости: «По моему мнению, эта национальная революция является самым крупным историческим событием в истории монголов за последние 300 лет. Богд гэгээн... является одним из инициаторов этого исторического события, а также его организатором и руководителем» [4, с. 156].

Положение народных масс в доавтономный и автономный периоды опосредовано многочисленными повинностями и активным распространением китайского ростовщичества: «Описываемый нами период характеризовался ростом разорения и обнищания масс вследствие задолженности монгольских феодалов и населения китайским ростовщикам» [2, с. 52]. В этом же видит причину будущих социальных потрясений и Э. В. Батунаев: «Монголы оказывались в должниках у китайских купцов, плата за долги была настолько высокой, что покупатели часто разорялись, а их скот переходил в руки поставщиков... Ростовщики ссужали деньгами и товарами не только аратов, но и феодалов Монголии» [6, с. 349]. Китайская торговля в Монголии большей частью имела компрадорский характер, играя роль посредника между монгольским рынком и капиталом Европы, Америки и Японии. Поэтому революция в Монголии была направлена на ликвидацию кабалы иностранного капитала и господства феодализма [2, с. 102].

Обнищание аратов, части лам и феодалов вследствие, проводимой Китаем, ростовщической политики, а также «предпринятые правительством меры по ограничению автономных прав Монголии и усиление колонизации привели к постановке монгольского вопроса» [3, с. 142]. Ю. В. Кузьмин пишет, что «за 1905–1911 гг. было освоено и распаханно пять миллионов десятин земли Монголии. Колонизация дополнялась военной, административной и торговой экспансией» [5, с. 30].

Используя богатый фактический материал, Б. Ширендыб постепенно приходит к заключению, что «опыт антифеодальной и антиростовщической борьбы, получившей

своё дальнейшее развитие в период автономии, подсказывал необходимость, организованной решительной борьбы аратов за свои собственные интересы» [2, с. 150].

В социально-экономическом положении Монголии отмечается низкий процент городского населения, преобладание собственности светских феодалов на землю, широкое присутствие иностранного капитала во всех сферах жизни, отсутствие в стране промышленности, медицинских, научных и других культурных заведений, а также светского образования. Отсюда Б. Ширендыб делает вывод о главных задачах и характере революции. Раскрывает причины, по которым аратство («трудящиеся массы») стало движущей силой революции. По мнению монгольского профессора Б. Даш-Ёндона, на определенном этапе политика верхушки зашла в тупик, следствием этого стало вторжение китайских войск в Монголию в 1919 г.: «Поэтому борьбу пришлось вести снизу. И это было сделано... Создатели МНП, или как традиционно правильно пишут наши историки, монгольские революционеры, получив печатное письмо Богд-хана, и, написав свои документы о помощи, обратились к Советской России. Советское правительство, принимая это желание монголов, помогало во всех отношениях. Наконец, то, что монголам хотелось, выполнено – произошла в 1921 г. в Монголии национально-демократическая революция» [7, с. 32].

Задачи народно-демократической революции состояли в том, чтобы создать Народное правительство, способное защитить права и интересы монгольского народа, принять конституцию и установить международные связи. От дореволюционного прошлого Монголия унаследовала несколько хозяйственных укладов. Углубление революции выразилось в мероприятиях, направленных на ликвидацию политической основы феодализма, укрепление народной власти, подавления сопротивления феодалов и мероприятия правительства в области хозяйственного и культурного строительства.

Добиться независимости Монголии от иностранных государств стремились также представители светских и духовных феодалов¹. Поэтому, по словам Б. Ширендыба, они

¹ Известно, что в первые годы существования народной власти на государственной службе были и представители из феодалов, лам, князей. Лояльные народной власти феодалы оставались на своих местах, продолжали занимать определённые посты.

приняли власть Народного правительства. Кардинальных мер в борьбе с религией в этот период времени не предпринималось. Современные авторы трактуют это как проявление дальновидности и нацеленность на сохранение единства нации в период революции. «Новые революционные власти Монголии при проведении своей политики учитывали значительную роль ламаизма в жизни общества и осуществляли гибкую и компромиссную политику, направленную на сохранение национального единства [8, с. 239]. Народное правительство придерживалось политики постепенного наступления на привилегии лам и феодалов и, понимая причины внутренних противоречий и сложности, связанные с проведением демократических преобразований в отсталой стране, проводило на начальном этапе политику единого фронта.

Крепостная зависимость была ликвидирована в результате отмены сбора податей в пользу феодалов, введения всеобщей воинской повинности, ликвидации сословий. Взятие под контроль шабинского ведомства; отмена титулов, званий и прочее стали началом реализации ограничения прав и привилегий феодальной верхушки. Огромную роль в ликвидации политической основы феодализма сыграло, положение о местных органах власти, положение о владетельных и невладетельных князьях¹. Монгольский учёный Ч. Дашдаваа пишет, что «логическим продолжением монгольской революции было проведение реформ буржуазно-демократического характера, осуществленное во всех сферах общественной жизни Монголии» [9, с. 62].

Б. Ширендыбом исследуется процесс демократизации всех сторон общественной жизни страны и первых шагов хозяйственной деятельности молодого государства. Разрабатывая вопрос о земельной собственности в дореволюционной Монголии, основой экономики которой было отсталое кочевое скотоводство, автор научно обосновывает существование земельной собственности феодала в качестве фундамента производственных отношений монгольского общества. Углубление революции стало возможным в союзе с СССР. В результате

революции появляются элементы социалистического уклада.

Б. Ширендыб-гуай показывает, что провозглашение Монголии Народной республикой было закономерным итогом борьбы монгольского народа за коренное переустройство общества. Раскрывая сущность борьбы за образование МНР после смерти богдо-гэгэна, он определил значение в этом процессе принятия первой конституции и установления республиканского строя МНР. Конституция оформила сложившееся суверенное народно-демократическое государство и закрепила основы нового общественно-политического строя. С ним согласен и профессор Ч. Дашдаваа: «На основе анализа Конституции и других законодательных актов можно делать вывод о том, что в стране утвердилась демократическая власть» [10, с. 231].

Приобретению самостоятельности Монголии, по мнению ряда учёных, способствовали мероприятия правительства, связанные с аннулированием долгов населения иностранным фирмам, установлением пошлинной политики, организацией национальной кооперации и госторговли, расширением экономических связей с СССР.

Автор отмечает, что, несмотря на разбросанность населения, экономическую и культурную отсталость страны и сильное влияние ламаистской церкви на широкие народные массы, великие освободительные идеи Октябрьской революции 1917 г. пробуждали у монгольского аратства политическую активность.

Г. С. Матвеева (Яскина) в своей рецензии отмечает, что «история автономной Монголии является одним из ярких свидетельств того, что монгольский народ в условиях колониального господства империализма никогда не мог бы рассчитывать на постоянную свободу и на подлинную государственную независимость. Монгольский народ, как и все другие ... колониальные народы, освободившись от одних колонизаторов, попадал в руки других» [11, с. 172].

Заключение. Монгольская народная революция 1921 г. произошла в стране, где существовал феодальный уклад, где отсутствовала промышленность, буржуазия и пролетариат. По своему характеру она была антиимпериалистической и антифеодальной, народно-демократической революцией.

¹ Ликвидирована наследственная власть князей с их привилегиями, устанавливались выборные должности, произошла ломка старого районирования страны в соответствии с наследственным владением.

«Страны Востока, по большей части еще не были охвачены новой революционной идеологией. Но все же Монголия была одной из тех стран, где народные массы включились в революционный процесс, желая освободиться от национального и колониального гнета» [12, с. 366].

Народное правительство, пришедшее к власти, сумело сосредоточить силы и ресурсы, сплотить монголов и укрепить национальную независимость страны. Оно «разрушило феодальную государственную машину и ликвидировало феодально-крепостнические отношения». «Буржуазно-демократические преобразования полностью соответствовали национальным интересам Монголии и привели страну к социально-экономическому прогрессу» [9, с. 62]. Анализ предшествующих исторических периодов дает основание назвать революцию поворотным событием [13, с. 8] в истории страны.

Изучению темы монгольской революции 1921 г. много сил отдал известный монгольский ученый, академик Базарын Ширендыб. Его работы – большой вклад

в историческую науку. В его трудах для понимания внутренних процессов дается подробный профессиональный анализ древней и средневековой истории и социально-экономического развития Монголии на рубеже XIX–XX вв. Нельзя сказать, что труды Б. Ширендыба не подвергались критике, а положения восприняты как постулаты. Есть мнение, что основными темами у авторов советского периода являются «пролетарский интернационализм», «мировая революция», «некапиталистический путь». Тем не менее, все исследователи с большим вниманием относятся к научному наследию академика Б. Ширендыба.

Монгольской историей XX в. занимаются монгольские (Н. Хишигт [14], О. Батсайхан [15], Ц. Батбаяр [17] и др.) и российские (А. В. Михалев [17], Ю. В. Кузьмин [18], Л. В. Курас [19], С. Л. Кузьмин [20], С. К. Роцин [21], Э. В. Батунаев [22] и др.) ученые. Они с глубоким уважением относятся к монгольскому прошлому и с разных сторон исследуют события, связанные с завоеванием независимости Монголии.

Список литературы

1. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука, 1971. 400 с.
2. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков (История социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печ., 1963. 518 с.
3. Урангуа Ж., Оюундалай Геополитические интересы России в Северо-Восточной Азии и Монголии в начале XX в. // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: материалы междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения – X» / науч. ред. О. Н. Полянская. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2019. С. 141–150.
4. Батсайхан О. Независимость Монголии 1911 года и Богд хаан. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2013. С. 156–161.
5. Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения начала XX века в общественно-политической мысли России // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века: сб. науч. тр. Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2013. С. 27–39.
6. Батунаев Э. В. Заметки о русско-монгольских торгово-экономических связях в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. ст. Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2021. С. 346–353.
7. Даш-Ендон Б. Философско-историческое обозрение монголо-российских отношений первой четверти XX века. Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2013. С. 28–34.
8. Жабеева Л. Б. Об отношении к религии новой власти Монголии после революции 1921 г. // Монгольский мир: новый век – новые вызовы (Улымжиевские чтения-IV): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (24–25 июня 2010 г.). Улан-Удэ: Бэлиг, 2011. С. 239–243.
9. Дашдаваа Ч. К вопросу о характере Монгольской революции 1921 года. // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2015. С. 60–62.
10. Дашдаваа Ч. Некоторые вопросы истории становления республиканского строя в Монголии. Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2015. С. 231–234.
11. Матвеева Г. С. Б. Ширендыб. Монголия на рубеже XIX–XX веков. (История социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет, 1963. 518 с.

12. Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенев Б. Д. От разведывательной деятельности к началу революционного сотрудничества: эволюция российской политики в отношении Монголии (1905–1918 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: сборник статей. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2021. С. 366–374.
13. Ширэндэв Б. Основные черты и главные итоги Монгольской народной революции 1921 года // Академич Базарын Ширэндэвийн бҮтээлийн чуулган: 10 боть. Улан-Батор: [б. и.], 2012. 410 с.
14. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үнэсний ардчислан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улан-Батор: Бэмби Сан хэвлэлийн газар, 2011. 299 с.
15. Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды / отв. ред. С. Л. Кузьмин; пер. с монгол. Н. М. Баяр. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 406 с.
16. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. 229 с.
17. Михалев А. В. Монгольская революция 1921 г. в советской и российской историографии. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2006. 129 с.
18. Кузьмин Ю. В. Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции. Иркутск: Оттиск, 2022. 320 с.
19. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в.: монография / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск, 2016. 188 с.
20. Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: МБА, 2015. 212 с.
21. Рощин С. К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. М.: Институт востоковедения РАН, 2008. 160 с.
22. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Бурят. нац. центр СО РАН, 2015. 160 с.

Информация об авторе

Кuftарева Венера Вячеславовна, аспирант; Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; buzaevavv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4020-2032>.

Для цитирования

Кuftарева В. В. Народная революция 1921 г. как феномен социальной трансформации монгольского общества // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 32–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-32-38.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Shirendyb, B. History of the Mongolian People's Revolution of 1921. Moscow: Nauka, 1971. (In Rus.)
2. Shirendyb, B. Mongolia at the turn of the XIX–XX centuries (History of socio-economic development of development). Ulaanbaatar: Kom. on affairs of the press., 1963. (In Rus.)
3. Urangua, J., Oyundalai Geopolitical interests of Russia in Northeast Asia and Mongolia at the beginning of the 20th century. Mongolian studies in the modern world: research experience, development prospects: materials of the international scientific conference "Ulymzhiev Readings – X". Ed. by O. N. Polyanskaya. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat State University, 2019: 141–150. (In Rus.)
4. Batsaikhan, O. Independence of Mongolia in 1911 and Bogd Khan. Russia and Mongolia at the turn of the XIX–XX centuries: economy, diplomacy, culture: Collection of scientific papers. Ulaanbaatar; Irkutsk: Publishing House of BGUEP, 2013: 156–161. (In Rus.)
5. Kuzmin Yu. V. Mongolia and Russian-Mongolian relations at the beginning of the 20th century in the social and political thought of Russia. Topical issues of the history of Russian-Mongolian relations in the first quarter of the twentieth century: Collection of scientific papers. Irkutsk: BGUEP, 2013: 27–39. (In Rus.)
6. Batunaev, E. V. Notes on Russian-Mongolian trade and economic relations at the beginning of the 20th century. Irkutsk Historical and Economic Yearbook: A collection of Articles. Irkutsk: Publishing house of the Baikal State University, 2021: 346–353. (In Rus.)
7. Dash-Endon B. Philosophical and historical review of the Mongolian-Russian relations in the first quarter of the twentieth century. Russia and Mongolia at the turn of the 19th–20th centuries: economics, diplomacy, culture: Collection of scientific papers. Ulaanbaatar; Irkutsk: Publishing House of BSUEP, 2013: 28–34. (In Rus.)
8. Zhabaeva, L. B. On the attitude towards religion of the new authorities of Mongolia after the revolution of 1921. Mongolian world: new century – new challenges (Ulymzhievsky readings-IV): materials of the All-Russian scientific and practical conference (June 24–25, 2010). Ulan-Ude: Publishing house "Belig", 2011: 239–243. (In Rus.)

9. Dashdavaa, Ch. To the issue of the nature of the Mongolian revolution of 1921. Russia and Mongolia: a new look at history (diplomacy, economy, culture): Collection of scientific papers. Ulaanbaatar; Irkutsk: Publishing House of BGUEP, 2015: 60–62. (In Rus.)
10. Dashdavaa, Ch. Some questions of the history of the formation of the republican system in Mongolia. Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science): Collection of scientific papers. Ulaanbaatar; Irkutsk: Publishing House of BGU, 2015: 231–234. (In Rus.)
11. Matveeva, G. S. B. Shirendyb. Mongolia at the turn of the XIX–XX centuries. Recent history of Asia and Africa, no. 6, pp. 172–174, 1964. (In Rus.)
12. Khishigt, N., Kuras, L. V., Tsybenov, B. D. From intelligence activities to the beginning of revolutionary cooperation: the evolution of Russian policy towards Mongolia (1905–1918). Irkutsk Historical and Economic Yearbook: a collection of articles. Irkutsk: Baikal State University, 2021: 366–374. (In Rus.)
13. Shirendev B. The main features and main results of the Mongolian People's Revolution of 1921. Academician Bazaryn Shirendeviin butteeliin чуулган: 10 days. Bot. 2: Ardyn khuvsгалын туух судлал. Ulaanbaatar, 2012: 410. (In Mong.)
14. Khishigt N. Mongolian khuvsгал: 1921 Ulaanbaatar: Bambi – San hevleliin Gazar, 2011. (In Mong.)
15. Batsaikhan O. The Last Great Khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba-Khutukhta VIII. Life and legends. Ed. by Kuzmin S. L. Tr. from Mongolian: Bayar N. M: Association of scientific publications of KMK, 2018. (In Rus.)
16. Batbayar, Ts. Mongolia and Japan in the first half of the 20th century. Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2002. (In Rus.)
17. Mikhalev, A. V. The Mongolian Revolution of 1921 in Soviet and Russian historiography. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat State. un-ta, 2006. (In Rus.)
18. Kuz'min, Yu. V. Mongolian studies of Russia of the XX century: personalities, creative heritage, concepts. Irkutsk: Ottisk, 2022. (In Rus.)
19. Kuras, L. V. Transnational history of the Mongolian world in the context of a revolutionary upsurge: the first quarter of the 20th century. Irkutsk: Otisk, 2016. (In Rus.)
20. Kuz'min, S. L., Oyunchimeg, Zh. Armed uprising in Mongolia in 1932. M: MBA Publishing House LLC, 2015. (In Rus.)
21. Roshchin, S. K. P. Genden, Mongolian national leader. Biography strokes. M: Institute of Oriental Studies RAS, 2008. (In Rus.)
22. Batunaev, E. V. The struggle for the independence of the Mongolian state (1911–1921). Ulan-Ude: Publishing House of the Belarusian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. (In Rus.)

Information about author

Kuftareva Venera V., Postgraduate student; Irkutsk State University, 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; buzaevavv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4020-2032>.

For citation

Kuftareva V. V. The People's Revolution of 1921 as a Phenomenon of the Social Transformation of Mongolian Society // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 32–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-32-38.

**Received: January 18, 2023; approved after reviewing February 25, 2023;
accepted for publication February 27, 2023.**

Научная статья

УДК 94(47+571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-39-47

**Взаимоотношения командного состава каппелевцев с атаманом Г. М. Семеновым
в свете мемуарных источников**

Денис Александрович Таскин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
taskins@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5647-3232>

Статья посвящена изучению вопроса отношений между атаманом Г. М. Семеновым и высшими офицерами остатков колчаковских армий, прибывших в Забайкалье в начале 1920 г. Анализ этих отношений проведен на основании опубликованных мемуаров участников белого движения. Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот большого количества мемуарной литературы, как лидеров, так и рядовых членов белого движения, оказавшихся на территории Забайкалья. В свете вновь открывшейся информации можно более детально рассмотреть, как складывались отношения внутри командного состава каппелевцев и их взаимодействие с атаманом Г. М. Семеновым. Ранее эти источники не были доступны для исследователей. В перспективе анализ этих источников позволит глубже изучить заключительный этап Гражданской войны в Забайкалье. Методология исследования основана на сравнительном и диалектическом подходах, позволяющих минимизировать субъективность мемуаров как исторического источника. Результатом исследования является вывод о том, что прибытие в Читу воинских контингентов бывших колчаковских войск не оказало существенного влияния на ход событий заключительного этапа Гражданской войны в Забайкалье. Попытки части их командного состава проявлять политическую субъектность и независимость по отношению к Г. М. Семенову провалились. Прохождение эшелонов частей Чехословацкого корпуса через Читу вызвало раскол среди командования каппелевцев. Отрицательное отношение к ним было вызвано нежеланием чехов вступать в конфронтацию с красными во время совместного с каппелевцами движения на восток. Г. М. Семенов, изначально опиравшийся на мнение японцев, к чехам относился с недоверием. Попытка Г. М. Семенова разоружить один из чешских эшелонов в Чите была предотвращена командующим каппелевцами С. В. Войцеховским, который относился к чехам положительно. В итоге, чешский фактор не оказал существенного влияния на последующие события Гражданской войны в Забайкалье.

Ключевые слова: Гражданская война, Забайкалье, каппелевцы, атаман Семенов, мемуары

Original article

**The Relationship of the Kappelévites Command Staff with G. M. Semenov
on the Basis of Memoir Sources**

Denis A. Taskin

Transbaikal State University, Chita, Russia
taskins@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5647-3232>

The article is devoted to the study of the issue of relations between ataman G. M. Semenov and senior officers of the remnants of the Kolchak armies who arrived in Transbaikalia in the early 1920. The analysis of these relations is carried out on the basis of published memoirs of participants of the white movement. The relevance of the study is due to the introduction into scientific circulation of a large amount of memoir literature of both leaders and ordinary members of the white movement who found themselves on the territory of Transbaikalia. In the light of the newly discovered information, it is possible to consider in more detail how the relations within the Kappel command staff and their interaction with ataman G. M. Semenov developed. Previously, these sources were not available to researchers. In the future, the analysis of these sources will allow a deeper study of the final stage of the Civil War in Transbaikalia. The research methodology is based on comparative and dialectical approaches that minimize the subjectivity of memoirs as a historical source. The result of the study is the conclusion that the arrival of military contingents of the former Kolchak troops in Chita did not have a significant impact on the course of events. Attempts by part of their command staff to show political subjectivity and independence in relation to Ataman Semenov failed. The passage of echelons of Czechoslovak Corps units through Chita caused a split among the Kappel command. The negative attitude towards them was caused by the Czechs' unwillingness to

© Таскин Д. А., 2023

engage in confrontation with the Reds during the joint movement to the east with the Kappelevites. G. M. Semenov, who initially relied on the Japanese, treated the Czechs with distrust. An attempt by G. M. Semenov to disarm one of the Czech echelons in Chita was prevented by the commander of the Kappelevites S. V. Wojciechowski, who treated the Czechs positively. As a result, the Czech factor did not have a significant impact on the subsequent events of the Civil War in Transbaikalia.

Keywords: Civil War, Transbaikalia, Kappelevites, ataman Semenov, memoirs

Введение. Актуальность исследования обусловлена изданием в последние годы большого количества мемуарной литературы, как лидеров, так и рядовых членов белого движения, оказавшихся на территории Забайкалья. Ранее эти источники не были доступны для исследователей. Их изучение и анализ позволят глубже понять процессы, происходившие в Забайкалье в период Гражданской войны.

Интерес к Гражданской войне в России как к объекту научного исследования на протяжении многих лет не ослабевает со стороны, как отечественных, так и зарубежных учёных. Сложность и многогранность этого социального, военного, экономического и культурного феномена позволяет различным его аспектам оставаться актуальными для разных поколений исследователей. Современные зарубежные историки рассматривают Гражданскую войну как часть широкого общеевропейского кризиса, вызванного Первой Мировой войной [1; 2]. Помимо обобщающих трудов, зарубежными авторами также исследуются различные аспекты Гражданской войны, в частности, такие, как роль беженцев и военнопленных Первой Мировой войны в событиях Гражданской войны [3] и межнациональные отношения и национальная политика различных правящих режимов [4]. Непосредственно истории Забайкалья, а именно режиму Г. М. Семенова, посвящена работа Джеймса Бишера [5].

Как в советской, так и современной отечественной историографии важным предметом научного изучения Гражданской войны в России остаётся её региональный элемент. Гражданской войне в Забайкалье в постсоветской историографии посвящены монографии таких исследователей как В. И. Василевский [6; 7] и П. А. Новиков [8]. Вопросы, касающиеся японской интервенции в Забайкалье, неоднократно рассматривал в своих статьях В. Г. Дацышен [9–11]. Исследования, посвящённые воинским формированиям белых, проводились Д. Р. Касаточкиным [12], А. М. Романовым [13], И. В. Стариковым [14]. Изучением политического режима ата-

мана Семенова занимался В. И. Мерцалов [15–18].

Несмотря на общую канву гражданско-го противостояния, каждый театр военных и политических действий был обусловлен местными географическими, социально-культурными, национальными и многими другими особенностями. При этом перемещение, смешение этих особенностей в результате движения фронтов и следовавших за ними масс населения, порождали, в свою очередь, новые и уникальные черты Гражданской войны, которые также могут являться предметом научного интереса. Гражданской войне в Забайкалье такую уникальную черту придавало отступление остатков колчаковских армий с территорий Урала и Западной Сибири и отношение их командования с Г. М. Семеновым и его правительством во время пребывания в Чите.

Среди всего массива исторических источников, которые характеризуют прибытие и нахождение остатков воинских соединений белых в Чите, особый интерес вызывает мемуаристика. Принимая во внимание всю субъективность и сравнительно низкую достоверность этого вида источников, мы всё же должны отметить их главную особенность – возможность передать все многообразие человеческих взаимоотношений, которые в экстремальных условиях Гражданской войны, часто играли в событиях ключевую роль. Таким образом, региональный аспект Гражданской войны в Забайкалье, поданный через призму воспоминаний участников событий со стороны белого движения, представляет собой не до конца изученный вопрос.

Цель исследования – на основании опубликованных мемуаров участников белого движения, в которых описывается или характеризуется ситуация на подконтрольных Г. М. Семенову территориях, проанализировать взаимоотношения между высшим командованием каппелевцев и Г. М. Семеновым.

Методы исследования. Исследование основано на принципе историзма, помогающем рассматривать происходящие события

в контексте реконструкции человеческих отношений в конкретный исторический период. В исследовании использованы сравнительный и диалектический подходы, позволяющие минимизировать субъективность мемуаров как исторического источника. При написании статьи применялись такие общенаучные методы познания как анализ, синтез, индукция и дедукция. Они позволяют рассматривать исторические события, как отдельные явления, так и в совокупности всего хода исторического процесса.

Результаты исследования. Прибытие в Забайкалье воинских соединений бывшей армии А. В. Колчака не оказало существенного влияния на ход событий Гражданской войны в Забайкалье. Несмотря на то, что А. В. Колчак, как «верховный правитель России» успел передать всю полноту власти над «Восточной окраиной» Г. М. Семенову, в глазах их сторонников противоречия, существовавшие ранее между этими политическими лидерами, никуда не делись. Одна часть высшего командного состава каппелевцев с подозрительностью и некоторым пренебрежением относилась к деятелям режима Г. М. Семенова, в то время как другая в превосходных тонах описывала атамана, видя в нём спасителя России. При этом трения и личная неприязнь среди руководителей самих каппелевцев вели к разброду и скорому отъезду некоторых из них в эмиграцию.

Кроме того, существенную роль в размежевании каппелевцев и семеновцев, а также определённую смуту в ряды самих каппелевцев внесло отношение к частям Чехословацкого корпуса. Продвижение чешских эшелонов во Владивосток для последующей их отправки в Европу в конце 1919 – начале 1920 г. совпало с исходом белых армий. И если до этого чехи воспринимались белыми как союзники, то теперь ими двигало желание, как можно скорее покинуть Россию. Поэтому, не желая обострять отношения с просоветскими силами, чехи предпочитали держать нейтралитет. Именно это стало причиной ареста и казни адмирала А. В. Колчака в Иркутске в начале 1920 г. Для каппелевцев такое поведение бывших союзников стало огромным ударом, но если одни пытались найти для них оправдание, помня о бывшей совместной службе, то другие ожесточились, заклеив чехов предателями. Что касается семеновцев, то опираясь на японских интервентов, чехи для

них изначально были чуждым элементом и продвижение чешских эшелонов через Читу и Забайкалье не вызывало ничего кроме нервозности.

Обсуждение результатов исследования. Анализ мемуарной источниковой базы, посвящённой указанной проблематике, следует начать с воспоминаний самого Григория Михайловича Семенова. Придя к власти в Забайкалье осенью 1918 г., Г. М. Семенов формально подчинялся Омскому правительству А. В. Колчака, но при поддержке японских воинских контингентов вёл достаточно независимую политику, что приводило к серьёзным конфликтам с Омском. Однако для остатков колчаковских армий, другого пути, кроме как уходить на восток, в Забайкалье, не было. По воспоминаниям Г. М. Семенова вошедшие в Читу каппелевцы, «представляли собою великолепный материал, который мог бы быть использован для организации образцовых частей национальной армии. Только что проделав легендарный по тяжести условий зимний поход через всю Сибирь, армия очистилась от всего слабого, непригодного, отправшего от нее в пути. В Забайкалье пришли люди наиболее крепкие физически и наиболее стойкие в идеологическом отношении. С такой армией можно было не бояться никаких лишений, ибо все лишения она уже испытала, и никакой пропаганды большевиков. Нужен был только вождь, чтобы привести её в порядок. Но такого вождя не было»¹. Г. М. Семенов указывает, что общее количество войск каппелевцев, прибывших в Забайкалье, составляло около 22 тыс. чел., половина из которых была больна тифом. Каких-либо подробностей или упоминаний о первой встрече с руководством прибывших войск в мемуарах Семенова нет. И в связи с этим, мы считаем важным обратиться к воспоминаниям другого участника тех событий – С. А. Щепихина.

Сергей Арефьевич Щепихин – кадровый военный, офицер Генерального штаба Русской Императорской армии. К моменту прибытия в Читу возглавлял штаб каппелевцев, главнокомандующим которых, после смерти Каппеля стал генерал Сергей Николаевич Войцеховский. Как вспоминал Щепихин ещё в Верхнеудинске руководство каппелевцев приняло решение не подчинять свои воинские формирования Г. М. Семенову

¹ Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 215.

настаивая на том, чтобы их главнокомандующим оставался С. Н. Войцеховский¹. Однако Щепихин опасался, что если Войцеховский отправится в Читу на встречу с Г. М. Семеновым в одиночку, то пойдёт на уступки и не сможет отстоять заранее принятого решения. И эти его опасения оправдались. С. Н. Войцеховский оставил С. А. Щепихина в Верхнеудинске, а сам уехал в Читу на встречу с Г. М. Семеновым. Позже, в телеграмме на имя Щепихина С. Н. Войцеховский сообщал, что он будет командовать войсками Дальнего Востока, а атаман Г. М. Семенов будет главнокомандующим, но номинально. Поэтому по поводу С. А. Щепихин записал: «Игра была по всему фронту проиграна: Семенов не такой человек, чтобы удовлетворится почётной ролью созерцателя, непременно попытается пробиться на роль главного руководителя военными русскими силами, в чём, конечно ему всемерно будут помогать и японцы...»². С. А. Щепихин утверждал, что после этого, последняя надежда оставалась только на стойкость других высших офицеров, но некоторые из них вызвали сильные сомнения, особенно генерал К. В. Сахаров.

Константин Вячеславович Сахаров – генерал-лейтенант, в октябре 1919 г. был назначен главнокомандующим всеми колчаковскими войсками, однако в начале декабря был арестован и отстранён от должности сподвижниками Колчака братьями В. Н. и А. Н. Пепеляевыми. В отличие от Щепихина в своих мемуарах Сахаров отзывался о Г. М. Семенове в самых превосходных тонах: «После первой встречи у всех устанавливались с ним сразу ровные и доверчивые отношения, несмотря на то, что более года – при работе на больших расстояниях – все время шли усилия со многих сторон, чтобы настроить всех против атамана Семенова. При дальнейшем знакомстве усилилось и подкрепилось первое впечатление, что это был человек с недюжинным, все охватывающим умом, крепкой, совершенно ненадломленной волей и с чисто эпическим спокойствием, которым было пропитано все его существо»³.

Такое же впечатление произвел Г. М. Семенов и на генерала Владимира Александровича Кислицина, который во время отступления каппелевцев командовал первой кавалерийской дивизией. В своих мемуарах

¹ Щепихин С. А. Великий сибирский поход. Воспоминания. – М.: Воевода, 2020. – С. 344.

² Там же. – С. 345.

³ Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен: [б. и.], 1923. – С. 301.

он пишет: «Нужно сказать, что и на офицеров моей дивизии Атаман произвел тоже чарующее впечатление, что и на меня. Все были в восторге оттого, что среди нас находился наш Верховный Вождь – Атаман Семенов. Все стремились приветствовать его и от души кричали «ура». Когда Атаман Семенов собрался уезжать с банкета, офицеры вынесли его на руках до экипажа и кричали «ура» до тех пор, пока не скрылся из вида этот обаятельный человек, умеющий так быстро привлечь сердца людей к себе»⁴.

Каппелевцы (и рядовой состав, и командный), конечно, знали о терроре, который был развязан режимом Г. М. Семенова в отношении населения Забайкалья⁵. Об этом говорил и размах партизанского движения, и люди, которые обращались к каппелевцам за защитой, после их прибытия в Читу. Анализ мемуарных источников показывает, что руководство бывших колчаковских армий на первоначальном этапе считало, что дело не в Г. М. Семенове, а людях, которые его окружают. Офицер армии Колчака Алексей Маркелович Смирнов, находившийся в начале 1920 г. на станции Онохой с остатками воинских соединений Тобольской группы войск под командованием А. В. Бордзиловского в своих мемуарах отмечал, что в послании С. Н. Войцеховского говорилось: «В полосе отчуждения – генерал Хорват. Политика его не против атамана Семенова, но и не за него; во всяком случае – белая... В Чите власть атамана Семенова, которому всю полноту власти Верховного правителя успел передать адмирал Колчак. Сам атаман не так плох, как о нём говорят. Очень добрый и отзывчивый. К нам относится очень хорошо и все готов сделать. Плохие и очень даже плохие лица его окружающие – вот они-то и создали то ужасное, что стало называться – атаманщиной и является пугалом мирных жителей»⁶.

После реформирования прибывших в Читу частей каппелевцев (они были све-

⁴ Кислицин В. А. В огне Гражданской войны. – Харбин: [б. и.], 1936. – С. 89–90.

⁵ Грондейс Л. Война в России и Сибири. – М.: Росспэн, 2018. – С. 352–354.

⁶ Ситников М. Г., Вебер М. И. «В военном деле, если что когда-либо и знал, то давным-давно всё позабыл»: доклад поручика А. М. Смирнова о генерал-майоре А. В. Бордзиловском. – Текст электронный // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Ижевцы и воткинцы в гражданской войне. – 2016. – № 1. – С. 177–344. – URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940 (дата обращения: 05.01.2023).

дены в два корпуса под командованием генералов Г. А. Вержбицкого и К. В. Сахарова), часть высших офицеров не теряли надежды обрести реальную политическую власть. Г. М. Семенов в своих воспоминаниях отмечал: «Покойный генерал-лейтенант Дитерихс, генерал-майор Акинтьевский, генерал-майор Пучков, генерал-майор Сукин стояли во главе этой кампании, направленной как против меня, так и против порядков, заведенных в Чите»¹. Хотя Семенов не упоминает С. А. Щепихина, он, видимо, играл не последнюю роль в попытках с одной стороны подвинуть Войцеховского к более активным и самостоятельным действиям, а с другой – сформировать из командиров воинских соединений каппелевцев подобие оппозиционного блока против Семенова. Решающим в этом деле должно было стать собрание командующего состава, организованное С. А. Щепихиным. Он вспоминал: «...подавляющее большинство высказалось за сохранение добрых отношений с атаманом Семеновым персонально, но отнюдь не с его сотрудниками. Сотрудничество с японцами они также допускали, но в весьма сдержанных тонах... Я был сильно разочарован в своих соратниках: ни одного обличительного факта, все очень, очень мило в райском уголке атамана-отца»². Согласно мемуарам Щепихина, во время этого собрания он взял слово и попытался донести до своих сослуживцев, что если ничего не изменить, то через короткое время они перестанут быть сколько-нибудь значимой самостоятельной силой и окончательно превратятся в орудие в руках Семенова. Он говорил: «... когда мы прибыли в Забайкалье, к нам началось настоящее паломничество из гущи не только интеллигенции, но и из толщи народа. Так было в Верхнеудинске и отчасти здесь, в Чите... Но теперь уже не то... нам перестают верить... И не долго ждать момента, когда наше имя свяжут прочно и не без основания с именем атамана...»³. Речь С. А. Щепихина не возымела действия и по его собственному признанию собрание закончилось безрезультатно.

Представляет интерес тот факт, что на более низовом уровне вера в «хорошего»

¹ Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 216.

² Щепихин С. А. Великий сибирский поход. Воспоминания. – М.: Воевода, 2020. – С. 381.

³ Там же.

атамана и «плохое» его окружение вызывали самые причудливые объяснения происходящего. Например, в воспоминаниях помощника командира первого сводного Оренбургского казачьего полка полковника Михаила Флегонтовича Воротова, прямо указывается, что трения между каппелевцами и семеновцами вызваны большевистскими агитаторами. В частности, он пишет: «Работа в этом направлении агентов-большевиков и подхалимствующих им была заметна еще при самом вступлении каппелевцев в Забайкалье. Была порождена невидимая рознь между «каппелевцами» и «семеновцами». Неудержимо велась агитация, что атаман Семенов – расточитель государственного достояния, взявший в личное пользование много из государственных средств в золотой валюте и что, бросая нерасчётливо деньгами своим приближённым, тем как бы подкупает их, и около него круг ближайших помощников образовался с сомнительным прошлым и незавидным настоящим. Благодаря этой агитации подобные взгляды усваивались массой каппелевских частей и проникали глубоко в командный состав. Всё это дало повод к ведению злостных интриг и в корне вредило общему делу, национальному делу; нельзя было, конечно, устранить фактов неразборчивых действий агентов власти атамана Семенова на местах, что вызвало и среди населения также большое недовольство, подогретое еще агитацией большевиков» [19, с. 261].

Ещё одним фактором, существенно повлиявшим, как на отношения между каппелевцами, так и их отношения с семеновцами, были чехи. Выступая на первоначальном этапе Гражданской войны в качестве союзников белых, к концу 1919 г. воинскими соединениями Чехословацкого корпуса двигало только одно желание – как можно быстрее добраться до Владивостока, погрузиться там на корабли и отправиться в Европу. Поэтому всё движение чешских эшелонов по транссибирской магистрали было подчинено этой цели. В этих условиях чехи категорически не хотели ввязываться в военные столкновения с красными, а одновременный отход остатков колчаковских армий в том же направлении вызывал только путаницу и взаимное раздражение.

Г. М. Семенов изначально опиравшийся на японских интервентов, отрицательно относился к союзникам А. В. Колчака – че-

хам. Эта неприязнь только усилилась после инцидента под Иркутском, когда семеновские части под командованием генерала Л. Н. Скипетрова были отправлены на подавление эсеров-меньшевистского восстания в декабре 1919 г. После неудачных боев, группа отступила на станцию Байкал где была атакована чехами и разоружена. Ключевым же событием, повлиявшим на отношение к чехам, стала выдача ими А. В. Колчака, пришедшему к власти Политцентру. Г. М. Семенов писал об этом так: «Как известно, Жанен и чехи сбросили маски еще в Нижнеудинске, когда адмиралу было предложено перейти из его поезда в вагон с чешской охраной. В Нижнеудинске адмирал отчетливо понял, что он предан теми, кому он верил, что представитель «благородной и благодарной Франции» генерал Жанен и командующий чешскими войсками Сыровой решили взять на себя роль коллективного Иуды»¹.

Отношение части каппелевцев к чехам хорошо передают слова В. А. Ксилицина: «Настроение в Петровском Заводе у нас было тревожное. Ожидалось выступление против нас наших «союзничков» – чехов, которые намеревались нас обезоружить. Чешские «полководцы» полностью выявили свои «симпатии» к белому движению. Мы приготовились дать чехам хороший отпор. Жаль, они не выступили: выпали бы мы нашим «союзничкам» от всей души и полной мерой в воздаяние за все их пакости»².

Не менее резок в своих оценках чехов был и генерал К. В. Сахаров. Он считал, что чем быстрее чехи покинут пределы области, тем лучше. Более того, в своих воспоминаниях он выдвигает в адрес чехов обвинения в помощи красным, указывая, что они провозили и укрывали в своих эшелонах большевиков и перевозили их почту. По его словам, семеновская контрразведка регулярно сообщала об этом командованию, но С. Н. Войцеховский не верил этому и ничего не предпринимал³.

Несмотря на то, что Г. А. Войцеховский избегал конфронтации с чехами, Семеновым всё же была предпринята попытка разоружить один из чешских эшелонов. По

воспоминаниям С. А. Щепихина для этих целей были подняты юнкера Читинского военного училища, подчинявшиеся непосредственно Семенову. Узнав об этом, Г. А. Войцеховский и С. А. Щепихин немедленно отправились к атаману. Вот как эта встреча отражена в мемуарах Щепихина: «Семенов, выслушав нас, сказал, что мы, вероятно, плохо информированы и что это провокация, чтобы поссорить его, атамана, с нами. «Нет, это не провокация или, вернее, если и провокация, то со стороны каких-то третьих лиц, – прервал его Войцеховский. – Во всяком случае, вряд ли без вашего, атамана, осведомления кто-либо решился вызвать «в ружье» боевую часть, находящуюся в вашем непосредственном ведении. Поэтому я прошу вас немедленно отдать отменяющий приказ и вернуть юнкеров, иначе я вызову подчиненные мне части и тогда за все последствия ответственность падет на вас, господин атаман». Семенов покривился от внутренней злости, но сейчас же передал по телефону распоряжение, чтобы юнкера вернулись в училище...»⁴.

Таким образом, спасение в чешских эшелонах части офицеров белой армии и членов их семей⁵ (в том числе, больных или раненых) не оказало существенного влияния на общее негативное к ним отношение. Примером этому может служить отправка каппелевцами командующему чехами Сыровому во время его нахождения в Чите 30 золотых монет, как знак того, что чехи по отношению к А. В. Колчаку совершили предательство⁶.

Заключение. К началу 1920 г. на всей территории бывшей Российской империи сохранялось только два оплота белой государственности – режим барона П. Н. Врангеля в Крыму и власть атамана Г. М. Семенова в Забайкалье. Причём последний, проводя политику необузданного террора, сумел настроить против себя большую часть населения, дав толчок широкому партизанскому движению. Проведённый анализ мемуарной базы показал, что для потерпевших поражение войск А. В. Колчака, Забайкалье казалось последней возможностью создать аль-

¹ Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 213.

² Ксилицин В. А. В огне Гражданской войны. Харбин: [б.и.], 1936. – С. 87.

³ Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен: [б.и.], 1923. – С. 305.

⁴ Щепихин С. А. Великий сибирский поход. Воспоминания. – М.: Воевода, 2020. – С. 393–394.

⁵ Там же. – С. 391.

⁶ Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 213; Щепихин С. А. Великий сибирский поход. Воспоминания. – М.: Воевода, 2020. – С. 395.

тернативную советской государственность. Согласно мемуарным источникам, часть командного состава каппелевцев видела несомненным лидером атамана Г. М. Семенова (К. В. Сахаров, В. И. Кислицин, А. В. Бордзиловский). Другие лидеры каппелевцев претендовали на политическую субъектность и на начальном этапе стремились проводить независимую политику (С. Н. Войцеховский, С. А. Щепихин). Используемые в исследовании источники показывают, что среди командного и рядового состава каппелевцев бытовали взгляды, согласно которым творимые беззакония проходят без ведома Г. М. Семенова и осуществляются недостойными людьми из его окружения. Попытка части командного состава каппелевцев проводить независимую политику не нашла поддержки среди основной массы солдат и офицеров. Таким образом, взаимоотношения руководящего состава каппелевцев

и Г. М. Семенова складывалась двояко. С одной стороны, были те, кто сразу признал его лидерство, а с другой – те, кто стремился сохранить независимость. На основании имеющихся источников можно сделать вывод о том, что последние потерпели поражение и покинули Забайкалье. Сменивший С. В. Войцеховского на посту командующего Н. А. Лохвицкий, а затем Г. А. Вержбицкий на независимость не претендовали и действовали в русле политики Г. М. Семенова.

Чешский фактор вносил разногласия и в отношении между руководством каппелевцев, и в их отношении с Г. М. Семеновым, однако серьезных столкновений удалось избежать. Анализ дальнейших событий показывает, что отношение к чехам повлияло только на выбор места будущей эмиграции высших офицеров каппелевцев и не оказало существенного влияния на заключительный этап Гражданской войны в Забайкалье.

Список литературы

1. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge: Mass, 2002. 359 p.
2. Smele J. D. The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. Oxford: Oxford University Press, 2016. 423 p.
3. Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1999. 317 p.
4. Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 385 p.
5. Bisher J. White Terror. Cossack warlords of the Trans-Siberian. London: Taylor & Francis 2005. 492 p.
6. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
7. Василевский В. И. Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита: ред.-изд. центр Упр. суд. деп. в Чит. обл., 2007. 174 с.
8. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 414 с.
9. Дацышен В. Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье // Новые документы по истории японской интервенции в Сибири. Текст: электронный // Японские исследования 2017. № 2. С. 29–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zaversheniya-sibirskoy-ekspeditsii-v-zabaykalie-novye-dokumenty-po-istorii-yaponskoy-interventsii-v-sibiri> (дата обращения: 04.01.2023).
10. Дацышен В. Г. Проблемы японской интервенции в Забайкалье // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. / гл. ред. Е. В. Дроботушенко (Чита, 22 сентября 2017 г.). Чита: ЗабГУ, 2017. Ч. 2. С. 75–80.
11. Дацышен В. Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерция фобий и научное познание. Текст: электронный // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44131236_32040994.pdf (дата обращения: 05.01.2023).
12. Касаточкин Д. Р. Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. URL: <https://avtoref.mgou.ru/new/d212.155.05/Kasatochkin/diss.pdf> (дата обращения: 03.01.2023). Текст: электронный.
13. Романов А. М. Особый маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова в Гражданской войне в Забайкалье в 1918–1920 годах: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobyi-manchzhurskii-otryad-atamana-gm-seменова-v-grazhdanskoi-voine-v-zabaykale-v-1918-1920> (дата обращения: 07.01.2023). Текст: электронный.
14. Стариков И. В. Организация и командный состав белоказачьих воинских формирований на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (август 1918 – ноябрь 1920) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 8. С. 32–42.

15. Мерцалов В. И. Особенности политического радикализма атамана Семенова. Текст: электронный // Забайкалье историческое: VI Межрегион. науч.-практ. конф. 2017. С. 35–42. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32679385_59418923.pdf (дата обращения: 02.01.2023).
16. Мерцалов В. И. Атаман Семенов как политик. Текст: электронный // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 43–52. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35424663_93089272.pdf (дата обращения: 02.01.2023).
17. Мерцалов В. И. О политической концепции «Россизм» атамана Семенова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 12–21.
18. Мерцалов В. И. Политическое «лицо» атамана Семенова (к истории Гражданской войны на Дальнем Востоке) // Российско-китайские исследования. 2018. Т. 2, № 3–4. С. 157–168.
19. Ганин А. В. «Лошадей наших ветром качало...» воспоминания полковника В. Ф. Воротовова о борьбе оренбургских казаков с красными в 1918–1922 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований 2020. № 1. С. 222–280.

Сведения об авторе

Таскин Денис Александрович, аспирант, Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; taskins@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5647-3232>.

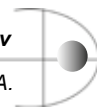
Для цитирования

Таскин Д. А. Взаимоотношения командного состава каппелевцев с атаманом Г. М. Семеновым в свете мемуарных источников // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 39–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-39-47.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Holquist, P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass.; London, 2002. (In Engl.)
2. Smele, J. D. The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. Oxford: Oxford University Press, 2016. (In Engl.)
3. Gatrell, P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indianapolis: Indiana univ. press, 1999. (In Engl.)
4. Petrone, K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, Indianapolis: Indiana univ. press, 2011. (In Engl.)
5. Bisher, J. White Terror. Cossack warlords of the Trans-Siberian. London: Taylor & Franci, 2005. (In Engl.)
6. Vasilevsky, V. I. Trans-Baikal white statehood. Chita: Search, 2000. (In Rus.)
7. Vasilevsky, V. I. The Trans-Baikal Cossack army during the revolution and the Civil War. Chita: ed.-ed. management Center of the Judicial Department in the Chita region, 2007. (In Rus.)
8. Novikov, P. A. The Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. (In Rus.)
9. Datsyshen, V. G. Problems of the completion of the "Siberian expedition" in Transbaikalia. New documents on the history of Japanese intervention in Siberia. Japanese Studies, no, 2, pp. 29–45. Web. 04.01.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zaversheniya-sibirskoy-ekspeditsii-v-zabaykalie-novye-dokumenty-po-istorii-yaponskoy-interventsii-v-sibiri> (In Rus.)
10. Datsyshen, V. G. Problems of the Japanese intervention in Transbaikalia. The border region in historical development: partnership and cooperation: proceedings of the International Scientific conference. Chita, September 22, 2017 Chita: Izdatel'stvo Zabaikal'skogo universiteta, part 2. pp. 75–80, 2017. (In Rus.)
11. Datsyshen, V. G. Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific cognition. Japanese Studies, no. 3, pp. 21–43, 2020. Web. 05.01.2023. https://elibrary.ru/download/elibrary_44131236_32040994.pdf (In Rus.)
12. Kasatochkin, D. R. The Asian Mounted Division and ethnopolitical processes in Transbaikalia and Mongolia. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Web. 03.01.2023. <https://avtoref.mgou.ru/new/d212.155.05/Kasatochkin/diss.pdf> (In Rus.)
13. Romanov, A. M. A special Manchurian detachment of Ataman G. M. Semenov in the Civil War in Transbaikalia in 1918 – 1920. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Web. 07.01.2023. <https://www.dissercat.com/content/osobyi-manchzhurskii-otryad-atamana-gm-semenova-v-grazhdanskoi-voine-v-zabaykale-v-1918-1920> (In Rus.)
14. Starikov, I. V. Organization and command structure of the White Cossack military formations on the territory of Transbaikalia during the Civil War (August 1918 – November 1920). Genesis: historical research, no. 8, pp. 32–42, 2019. (In Rus.)

15. Mertsalov, V. I. Features of the political radicalism of Ataman Semenov. Transbaikalia historical. VI Interregional Scientific and Practical Conference, pp. 35–42, 2017. Web. 02.01.2023. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32679385_59418923.pdf (In Rus.)

16. Mertsalov, V. I. Ataman Semenov as a politician // Humanitarian Vector, vol. 13, no. 4, pp. 43–52, 2018. Web. 02.01.2023. https://elibrary.ru/download/elibrary_35424663_93089272.pdf (In Rus.)

17. Mertsalov, V. I. On the political concept of “Russianism” by Ataman Semenov . Humanitarian Vector, no. 6, pp. 12–21, 2018. (In Rus.)

18. Mertsalov, V. I. The political «face» of Ataman Semenov (on the history of the Civil War in the Far East). Russian-Chinese Studies, no. 3–4, pp. 157–168, 2018. (In Rus.)

19. Ganin, A. V. “Our horses were rocked by the wind ...” memoirs of Colonel V. F. Vorotovov about the struggle of the Orenburg Cossacks with the Reds in 1918–1922. Journal of Russian and Eastern European Historical Studies, no. 1 (20), pp. 222–280, 2020. (In Rus.)

Information about author

Taskin Denis A., Postgraduate student, Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; taskins@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5647-3232>.

For citation

Taskin D. A. The Relationship of the Kappelévites Command Staff with G. M. Semenov on the Basis of Memoir Sources // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 39–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-39-47.

**Received: January 14, 2023; approved after reviewing February 24, 2023;
accepted for publication February 27, 2023.**

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья

УДК 796.093.412(47+57)''1956'':796(571.53)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-48-55

**Спортивные мероприятия в СССР как инструмент
пропаганды советских общественных ценностей
(на примере I Спартакиады народов СССР)**

Сергей Александрович Тигунцев

Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Россия
sergey038@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3281-3079>

В статье в качестве исследовательской задачи автором рассмотрены спортивные мероприятия в системе пропаганды советских ценностей. Внимание фокусируется на I Спартакиаде народов СССР 1956 г., призванной продемонстрировать спортивные достижения советского общества и приобщить широкие массы населения к занятиям спорта. Сделан обзор нормативно-правовых документов всесоюзного и регионального значения, направленных на подготовку к предстоящим соревнованиям. Проанализирована этапность и структура проведения региональных соревнований, в рамках Спартакиады. Особое внимание уделено агитационно-пропагандистской работе в регионе, посвящённой I Спартакиаде народов СССР. Раскрыта роль проведения физкультурно-массовых мероприятий, звездных эстафет и «Эстафеты юности», в деле пропаганды спорта в удаленных районах области. Подчёркнуто значение областных советов добровольных спортивных обществ и областного комитета ВЛКСМ в организации этих мероприятий. Дан развернутый анализ результатов выступления сборных команд и отдельных спортсменов Иркутской области на разных этапах Спартакиады народов СССР. В статье обобщены уже опубликованные источники по исследуемой теме, а также введены в научный оборот новые данные, полученные на основе документов Государственного архива Иркутской области. Приведён статистический анализ динамики развития физической культуры в Приангарье в ходе подготовки к проведению I Спартакиады народов СССР. Автором обосновывается гипотеза о том, что благодаря подготовке к Спартакиаде в Иркутской области удалось развернуть пропаганду советского спорта, обновить материально-техническую базу, улучшить качество кадрового состава и увеличить количество занимающихся физической культурой. Тем самым спорт в Приангарье стал значимым элементом в системе советских общественных ценностей.

Ключевые слова: Спартакиада народов СССР, Иркутская область, физкультура, спорт, спортивные мероприятия

Original article

**Sports Events in the USSR as a Tool for Promoting Soviet Social Values
(on the Example of the 1st Spartakiad of the Peoples of the USSR)**

Sergey A. Tiguntsev

Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russia
sergey038@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3281-3079>

The author made an attempt to consider sports events in the system of propaganda of Soviet values as a research task. The 1st Spartakiad of the Peoples of the USSR in 1956 was used as an example, designed to demonstrate the sporting achievements of the Soviet society and to involve the broad masses of the population in sports. We made a review of legal documents of all-Union and regional significance aimed at preparing for the upcoming competitions. The stages and structure of the regional competitions within the framework of the Spartakiad are analyzed. Particular attention is paid to agitation and propaganda work in the region dedicated to the 1st Spartakiad of the peoples of the USSR. The role of holding sports and mass events, star relay races and the "Relay Race of Youth" in the promotion of sports in remote areas of the region is revealed. The importance of the regional councils of voluntary sports societies and the regional committee of the All-Union Leninist Young Communist League in organizing these events was emphasized. The results of the performance of national teams and individual athletes of the Irkutsk region at different stages of the Spartakiad of the Peoples of the USSR are analyzed in detail. The article summarizes already published sources on the topic under study and also introduces into scientific circulation new data obtained on the basis of documents from the State Archives of the Irkutsk Region. A statistical analysis of the dynamics of the development of physical culture in the Angara region in the course of preparation for the 1st Spartakiad of the peoples of the USSR is given. The author substantiates the hypothesis that, thanks to the preparations for the Spartakiad in the Irkutsk region, it was possible to expand the propaganda of Soviet sports, update the material and technical base, improve the quality of personnel and

© Тигунцев С. А., 2023

increase the number of people involved in physical culture. Thus, sport became a significant element in the system of Soviet social values.

Keywords: Spartakiad of the peoples of the USSR, Irkutsk region, physical education, sports, sports events

Введение. Главным спортивным событием 1956 г. для физкультурников СССР стало участие советских спортсменов в XVI Олимпийских Играх в Мельбурне (Австралия) [1, с. 154]. Предшествовало Олимпийским Играм, не менее значимое событие для жителей страны – организация и проведение в августе 1956 г. I Спартакиады народов СССР. Решение об ее проведении было принято Советом Министров СССР постановлением № 147 от 22 января 1955 г. «О подготовке и проведении Спартакиады народов СССР» [2, с. 89].

Впервые в Советском Союзе спартакиада была проведена с 12 по 24 августа 1928 г. Она посвящалась принятию первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.). Финальные соревнования прошли в Москве, где на спортивных стадионах 7125 физкультурников, в том числе 612 иностранных рабочих-спортсменов из Англии, Германии, Франции, Финляндии, Швейцарии, Австрии и Уругвая соревновались в 21 виде спорта [3, с. 78]. Спартакиада собрала 25 тыс. болельщиков и безусловно стала знаковым спортивным событием государственного масштаба.

Спартакиада рассматривалась как альтернатива Олимпийским играм – «буржуазному индивидуалистическому спорту». Объявлялась иная цель: «Пропаганда физической культуры как средства оздоровления пролетариата и классового воспитания рабочих масс». Поэтому от грандиозности решили отказаться, в пользу массовости. Спартакиады проводились среди учащихся, профсоюзов, добровольных спортивных обществ для приобщения к советским общественным ценностям.

Возродить Спартакиады решили в 1955 г. К этому времени возросший авторитет и влияние Советского Союза после второй мировой войны привели к тому, что 7 мая 1951 г. Международный олимпийский комитет принял вновь созданный Олимпийский комитет СССР в члены МОК, объединявший к тому времени 53 страны. В 1952 г. советские спортсмены впервые выступили на XV Олимпийских играх в Хельсинки (Финляндия). Их достижения на международных соревнованиях стали использоваться как элемент пропаганды советских общественных ценностей.

В этих условиях Спартакиада приобрела совершенно иное значение. Она пере-

стала рассматриваться как альтернатива Олимпиадам и должна была служить этапом к их подготовке. Одновременно Спартакиада становилась стимулом для активизации физкультурно-массового движения в регионах, в которой каждый желающий мог принять участие.

I Спартакиада народов СССР, проведенная в 1956 г., включала в себя следующие виды спорта: лёгкая атлетика, плавание, прыжки в воду, водное поло, академическая и байдарочная гребля, баскетбол, волейбол, футбол, теннис, борьба вольная, борьба классическая, поднятие тяжестей, фехтование, стрелковый, велосипедный, конный спорт, современное пятиборье.

Соревнования проходили в четыре этапа:

I этап – массовые соревнования в коллективах физической культуры заводов, фабрик, учебных учреждений, колхозов, воинских подразделений и т. д.

II этап – соревнования в районах, областях, автономных республиках, Центральном совете ДСО (Всесоюзные Спартакиады, «Спартак», «Локомотив», «Динамо» и т. д.) [4, с. 63].

III этап – первенства внутри союзных республик (Спартакиады народов РСФСР, Литовской ССР, Украинской ССР, Белорусской ССР и др.), городов Москвы и Ленинграда.

IV этап – финальные мероприятия Спартакиады СССР, которые проходили на только что сданном (31 июля 1956 г.) Центральном стадионе им. В. И. Ленина «Лужники» в г. Москве, с 6 по 16 августа 1956 г.¹

Обзор литературы. В исторической литературе достаточно подробно рассматривались достижения советского спорта в масштабах страны [5; 6]. Публиковались статистические сборники по итогам крупнейших соревнований [7]. Не стали исключением и Спартакиады². Биографии советских спортсменов становились примером для подрастающего поколения [8]. Изучалась нормативно-правовая база, обеспечившая развитие советского спорта. В. Н. Зуев подробно рассмотрел решения партийных орга-

¹ Стадион имени В. И. Ленина: большая советская энциклопедия: в 24 т. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 24. – С. 346.

² IV Летняя Спартакиада народов РСФСР. – URL: <https://www.omskcity.ru/spravochnaya/spravochnik/195-spartakiada-1967.html?showall=1&limitstart> (дата обращения: 21.02.2023). – Текст: электронный.

нов и постановления союзного и республиканского правительств [2]. При этом их реализация на региональном и местном уровне ещё требует рассмотрения.

В целом, региональный аспект развития спорта, в системе советских общественных ценностей, изучен ещё недостаточно. Ждут своего рассмотрения региональные и местные нормативно-правовые акты, особенно применительно к отдельным соревнованиям.

В Иркутской области достижения спортсменов представлены в описательном ключе с последовательным изложением по годам или периодам. Ю. П. Колмаков, Э. Г. Азербайев, А. Г. Ширшиков собрали огромный фактический материал, привели биографии иркутских спортсменов и их тренеров, отразили их достижения [9–12].

Примерами блестящей спортивной журналистики Иркутска стала работа «Не думай о секундах свысока...»¹. В очерках показан драматизм спортивной борьбы и «особый нерв соревнований».

Указания на региональные соревнования, данные о спортивных сооружениях, биографии спортсменов имеются в общих справочных изданиях². Предпринимаются попытки рассмотреть развитие материально-технической базы спорта [13].

Деятельность спортивных организаций и обществ в Иркутской области представлена в трудах В. В. Шохирева [1]. Им же в соавторстве с А. В. Боминим была сделана попытка рассмотреть развитие спорта в стране и Иркутской области, как единый процесс. Показано участие иркутских спортсменов на всесоюзных турнирах [3]. Развитие регионального спорта на примере одного добровольного спортивного общества, имевшего свою ведомственную специфику, показано в работе «Под флагом иркутского «Динамо» [4].

Изучение массовых спортивных соревнований в стране и их влияние на общественную жизнь началось совсем недавно. На общероссийском уровне подходы к данной проблеме обозначил В. С. Малеев [14].

В данном исследовании планируется рассмотреть спортивные мероприятия не только как смотр достижений спортсменов страны, но и инструмент пропаганды советских общественных ценностей на примере отдельного всесоюзного турнира – I Спарта-

киады народов СССР и одного региона – Иркутской области. Автор стремился показать значение этих состязаний не только для спортсменов, но и развития физкультуры и спорта в регионе в целом.

Методология и методы исследования. Спорт занимал особое место в жизни советского общества. Достижения советских спортсменов с успехом использовались пропагандой для демонстрации успехов избранного социалистического пути. Поэтому спорту, особенно высших достижений, уделялось особое внимание, и оказывалась огромная поддержка. Но он был немислим без мощной основы – массового физкультурного движения. Элементом активизации этого движения служили Всесоюзные, республиканские и региональные соревнования. Одним из них стала I Спартакиада народов СССР, давшая серьезный толчок к развитию регионального спорта [14, с. 107]. Задачи данного исследования предполагают выявить связь всесоюзного спортивного соревнования, проводившегося в масштабах страны, с комплексом республиканских и региональных спортивных мероприятий, рассмотреть его результаты и значение для пропаганды и развития спорта в Иркутской области в системе советских общественных ценностей. Для этого использовались как общенаучные методы: историзма, объективности, системности, позволяющие увидеть процессы и взаимосвязи на примере отдельного региона и мероприятия; так и специальные: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и статистический, с помощью которых можно детально проследить механизм реализации поставленных правительством задач на местах и увидеть ход подготовки к данному спортивному мероприятию. При выполнении данного исследования были использованы материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), позволившие ввести в научный оборот новые данные.

Результаты исследования и их обсуждение. Все министерства и ведомства РСФСР, выполняя постановление № 526 от 15 апреля 1955 г. «О мерах улучшения массовой физкультурной работы и повышения мастерства спортсменов РСФСР, в связи с подготовкой и проведением Спартакиады народов СССР», развернули на предприятиях и учреждениях работу по организации предстоящего мероприятия. От руководителей министерств и ведомств РСФСР на места были отправлены приказы о проведении

¹ Кушкин П., Проходовский Р. Не думай о секундах свысока... – Иркутск: На Чехова, 2015. – 375 с.

² Иркутск. Историко-краеведческий словарь. – Иркутск: Сибирская книга, 2011. – 594 с.

ведомственных спартакиад. В них предпринималось, руководству учреждений и предприятий организовать и создать необходимые условия для работы коллективов физкультуры, освобождать от работы спортсменов участвующих в спортивных мероприятиях, с сохранением заработной платы¹. Говорилось и о необходимости привлечения населения страны к занятиям физкультурой и спортом, путём проведения физкультурно-массовых агитационных мероприятий. Для этого требовалось осуществить ремонт и строительство подведомственных спортивных сооружений, а также инициировать подготовку общественных инструкторов и судей на местах.

В сентябре 1955 г. комитетом по физической культуре и спорта при Совете Министров СССР был выпущен приказ «О мерах улучшения подготовки и использования общественных инструкторов физической культуры», который должен был хотя бы частично решить остро стоявший кадровый вопрос, в ходе подготовки к предстоящим спортивным мероприятиям.

Исполняя постановления Совета Министров СССР и РСФСР, Иркутский исполком областного совета депутатов трудящихся в июне 1955 г. принял решение № 230 «О мерах улучшения массовой физкультурной работы и повышения мастерства спортсменов Иркутской области, в связи с подготовкой и проведением Спартакиады народов РСФСР и СССР». В нём с целью проверки состояния физкультурно-спортивной работы областной организации и проведение отбора спортсменов на финальные туры соревнований, декларировалось проведение областных Спартакиад: районов и городов, учащихся, сельских физкультурников и др.²

Организация предварительных мероприятий потребовала от властей Иркутской области приведения в порядок материально-технической базы, активизации ремонта старых и строительства новых спортивных сооружений. С этой целью предусматривалось отведение земельных участков и выделения необходимых средств для строительства спортивных объектов, за счет накопленных предприятий местной промышленности, направленных на капитальное строительство³.

¹ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. Р-2826. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 135.

² Там же. – Л. 53.

³ Там же. – Л. 54–55.

При активном участии населения практически во всех крупных городах области проходило строительство и благоустройство спортивных сооружений. В кратчайшие сроки в Иркутской области было сооружено 380 волейбольных, 90 баскетбольных площадок, 95 футбольных полей, 160 спортивных городков, построено 12 тиров и 16 простейших стадионов⁴.

Вышедший в июне 1956 г. приказ председателя комитета по физической культуре и спорта СССР Н. Н. Романова «О проведении звездных эстафет, посвященных Спартакиаде народов СССР» дал старт масштабному физкультурно-массовому мероприятию, который проходил во всех уголках страны. Он включал в себя пять маршрутов, по ассоциации с пятиконечной звездой, от Карелии до Дальнего Востока. Финишировать все пять направлений эстафеты должны были в день открытия I Спартакиады народов СССР на Центральном стадионе страны – «Лужники» [5, с. 24].

Один из этапов эстафеты прошел через Иркутскую область. Он начался 16 июля в поселке Слюдянка и завершился 20 июля 1956 г. в поселке Иланском Красноярского края. В эстафете участвовало 445 человек – в основном члены областных Добровольных спортивных обществ «Урожай», «Спартак», «Красная Звезда», «Локомотив», «Динамо». Общая протяженность маршрута составила 900 км. Эстафета включала в себя мотоциклетный, конный, велосипедный и автомобильный виды транспорта. Во время прохождения эстафеты её участниками для жителей населённых пунктов организовывались показательные спортивно-массовые мероприятия, мини-турниры по легкой атлетике, волейболу, футболу и мотогонкам⁵.

По инициативе областного комитета ВЛКСМ и ДСО в Иркутской области проводились спортивно-массовые мероприятия с целью пропаганды физкультурно-спортивного движения среди населения, такие как: Спартакиада Северных районов (г. Братск), профсоюзно-комсомольские кроссы, летние спортивные игры областного фестиваля молодежи, «Эстафета Юности» и др.

Особенно масштабной стала «Эстафета Юности», общая протяженность которой составила более 7000 км, а количество участников превысило 100000 чел. Необходимо

⁴ Там же. – Л. 149–152.

⁵ Там же. – Л. 56.

отметить самоотверженность участников, проводимых в то время спортивно-массовых мероприятий. Так, например, за время проведения «Эстафеты Юности» спортсмены одной из школ Нижне-Удинского района области совершили 585-километровый лыжный переход, а спортсмены Казачинско-Ленского района прошли на лыжах 503 км.

За время проведения «Эстафеты Юности» было подготовлено 16.000 значкистов ГТО I ступени и 2.500 – II ступени, 110 человек получили 1 разряд, 9 спортсменов стали мастерами спорта СССР. В результате проведенных мероприятий по лучшей подготовке к Спартакиаде народов СССР среди районов Иркутской области, благодаря слаженной работе районной организации ВЛКСМ и комитета по физической культуре и спорта, 1 место было присуждено Слюдянскому району¹.

Подготовка к проведению столь масштабного спортивного мероприятия резко активизировала спортивное движение. Заметно увеличилось как число спортсменов, так и коллективов физической культуры в Иркутской области (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития физкультурной организации Иркутской области²

Год	Коллективов физической культуры	Число занимающихся физкультурой (чел.)	Спортивные кадры	
			По штату (чел.)	Фактически (чел.)
1953	1 238	86 968	777	537
1954	1 302	89 555	592	458
1957	1 376	115 011	696	692

На первом этапе участия в Спартакиаде народов РСФСР (зона Сибири и Дальнего Востока) среди десяти областей, краев и автономных республик сборная Иркутской области заняла 1 место. В финале Спартакиады народов РСФСР иркутская сборная команда в составе 180 спортсменов в 15 видах спорта, заняла 20 место из 84 команд³.

Особенно отличились команды по классической борьбе, стрельбе, лёгкой

атлетике и велоспорту. Иркутская сборная по велогонкам в составе: Э. Домашевской, М. Наумовой, Л. Кузнецовой и Л. Лужиной завоевали звание чемпионки Спартакиады РСФСР. Отличились иркутские стрелки А. Кузнецов, П. Точилов и И. Никитин, будущий 10-кратный чемпион мира, набравший максимальное количество очков в стрельбе из положения лежа и ставший чемпионом Спартакиады⁴. Легкоатлеты И. Вербицкий, С. Попов, З. Шилова, В. Седых, благодаря успешным выступлениям вошли в республиканскую сборную [9, с. 342; 11, с. 218]. Иркутские борцы греко-римского стиля заняли общекомандное 3 место [12, с. 54]. Капитаном команды был Константин Григорьевич Вырупаев (1930–2012) будущий чемпион XVI Олимпийских Игр в Мельбурне, занявший в личном первенстве на Спартакиаде РСФСР 1 место [10, с. 212].

К. Г. Вырупаев родился в Иркутске в 1930 г., после окончания 4-го класса школы поступил в ремесленное училище № 1, по специальности «кузнец». Работал на Иркутском заводе тяжелого машиностроения им. Куйбышева в кузнице. В свободное время занимался в секции ДСО «Авангард» классической борьбой. В 1950–1954 г. проходил службу в армии в пограничных войсках, где продолжил занятия спортом. Успешно выступал на соревнованиях Сибири и Дальнего Востока. Спартакиада народов СССР стала поворотным событием в жизни спортсмена. Победив на соревнованиях К. Г. Вырупаев, в условиях сильнейшей конкуренции, добился права включения в сборную СССР на Олимпийские игры 1956 г. и стал первым олимпийским чемпионом в Иркутской области (рис. 1).

Пример К. Г. Вырупаева привёл в секции спортивной борьбы сотни мальчишек региона. В сложные 1990-е гг. он сумел организовать ежегодные турниры по греко-римской борьбе, неустанно пропагандируя свой вид спорта. В 2022 г. в Иркутске прошёл 15 Всероссийский турнир, посвящённый памяти Г. К. Вырупаева.

В сборную РСФСР по итогам отборов для участия в финальных соревнованиях Спартакиады Народов СССР вошли 18 иркутских спортсменов (рис. 2). Все участники сборных команд Спартакиад народов РСФСР и СССР получили памятные значки (рис. 3).

⁴ Там же.

¹ ГАИО. – Ф.Р-2826. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 86.

² Там же. – Л. 3; Д. 26. – Л. 3–4; Д. 27. – Л. 1–3; Д. 61. – Л. 5.

³ IV Летняя Спартакиада народов РСФСР. – URL: <https://www.omskcity.ru/spravochnaya/spravochnik/195-spartakiada-1967.html?showall=1&limitstart> (дата обращения: 21.02.2023). – Текст: электронный.

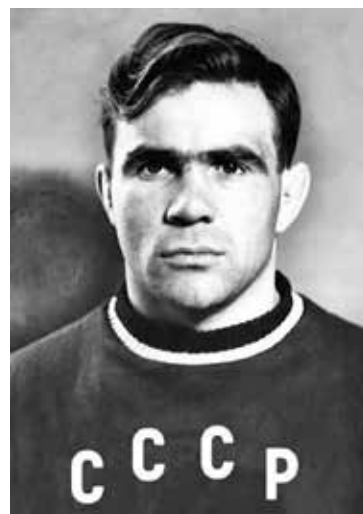

Рис. 1. Олимпийский чемпион по классической борьбе К. Г. Вырупаев, 1956 г.

Fig. 1. Olympic champion in Greco-Roman wrestling K. G. Vyurpaev, 1956

Рис. 2. Сборная Иркутской области на I Спартакиаде Народов СССР, Москва, центральный стадион «Лужники», 1956 г.

Fig. 2. The team of the Irkutsk region at the I Spartakiad of the Peoples of the USSR, Moscow, the central stadium Luzhniki, 1956

Рис. 3. Памятные значки участников первых Спартакиад народов СССР и РСФСР 1956 г.

Fig. 3. Commemorative badges of participants in the first Spartakiads of the peoples of the USSR and the RSFSR in 1956

Успешно на Спартакиаде народов СССР выступили иркутские стрелки. Победителем Спартакиады и Чемпионом СССР стал В. Фефелов в стрельбе из пистолета, он установил новый рекорд СССР. Бронзовые медали завоевали П. Точиллов и Л. Гусевский. И. Никитин стал первым в упражнении «бегущий олень», благодаря чему попал в состав Олимпийской сборной СССР¹.

Спартакиады органично вписались в систему подготовки советских спортсменов и проходили с 1956 по 1991 г. Многоуровневое проведение предварительных соревнований обеспечивало максимальный охват спортсменов всех ведомств, организаций и регионов страны. Это позволяло проводить качественную и многоплановую работу по отбору лучших спортсменов в сборные по видам спорта, для участия в международных турнирах и Олимпийских играх.

Заключение. Опыт проведения I Спартакиады народов СССР оказал огромное влияние на развитие физкультурно-спортивного движения в Иркутской области. В ходе подготовки к этим соревнованиям в 1955–1956 гг. иркутскими спортсменами было установлено и обновлено 92 областных рекорда, 8 рекордов РСФСР, 4 рекорда СССР и 1 мировой. Спартакиада дала возможность многим спортсменам Приангарья выступить на всероссийском и всесоюзном

уровне. 21 спортсмену было присвоено звание мастера спорта СССР. В Иркутске начали культивироваться новые виды спорта, входившие в зачет Спартакиад, например гребля на каноэ. Благодаря совместной работе партийных, комсомольских и спортивных организаций в области удалось обновить материально-техническую базу. Наметилась положительная динамика в повышении квалификации и улучшении качества кадрового состава спортивных коллективов, произошло увеличение числа жителей Иркутской области, занимающихся физкультурой и спортом [4, с. 445]. Итоги Спартакиады наглядно показали, что добиться высоких достижений можно тренируясь и работая в Сибири. Проведенная в регионе пропагандистская кампания по популяризации физкультуры и спорта привела к тому, что для части молодого поколения спорт вошел в жизнь и стал одним из ценностных ориентиров советского общества.

В современных условиях, когда многие российские спортсмены лишились возможности выступать на международных турнирах, во многом подзабытый опыт проведения Спартакиад может быть востребован спортивным сообществом страны не только как смотр достижений наших чемпионов, но и как элемент возрождения физкультурно-массового движения.

Список литературы

1. Шохирев В. В. Становление и развитие спортивных организаций Иркутской области в конце XIX – середине XX в. Иркутск: БГУЭП, 2007. 162 с.
2. Зуев В. Н. Нормативное правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта: история и современность. М.: Советский спорт, 2008. 194 с.
3. Бомин В. А., Шохирев В. В. Развитие физической культуры и спорта в России, Иркутской области и городе Иркутске. Иркутск: Мегаринт, 2008. 236 с.
4. Под флагом иркутского «Динамо». Иркутск: Принт Лайн, 2013. 335 с.
5. Сегал М. Д. Физкультурные праздники и зрелища. М.: Физкультура и спорт, 1977. 222 с.
6. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М.: Академия, 2001. 312 с.
7. Переверзин И. И. Физическая культура и спорт в СССР: факты и цифры. М.: Знание, 1985. 63 с.
8. Хавин Б. Н. Все о советских олимпийцах. М.: Физкультура и спорт. 1985. 464 с.
9. Колмаков Ю. П. Летопись города Иркутска. 1941–1991 гг. Иркутск: Оттиск, 2010. 720 с.
10. Азербайев Э. Г. Иркутский спорт в XX веке: Литературно-документальная летопись. Иркутск: Облмашинформ, 2003. 512 с.
11. Ширишников А. Г. В бою и спорте... Иркутск: Принт Лайн, 2020. 276 с.
12. Ширишников А. Г. От Кротона до Иркутска. Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1, 2005. 191 с.
13. Тигунцев С. А., Санников А. П. Развитие материально-технической базы Иркутского спорта в послевоенные годы // Иркутский историко-экономический ежегодник 2022: сб. ст. Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2022. С. 200–205.
14. Малеев В. С. Спартакиады народов СССР и их роль в развитии массового физкультурно-спортивного движения: тезисы докладов XLVII научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного Федерального округа. Краснодар: Куб. гос. ун-т физ. к-ры, спорта и туризма, 2020. 107 с.
15. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. комп., 2002. 512 с.

¹ Никитин И. И. Цель – «кабан»: пособие спортсмену и тренеру. – М.: ДОСААФ, 1974. – С. 37.

Информация об авторе

Тигунцев Сергей Александрович, старший преподаватель; Иркутский государственный медицинский университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1; sergey038@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3281-3079>.

Для цитирования

Тигунцев С. А. Спортивные мероприятия в СССР как инструмент пропаганды советских общественных ценностей (на примере I Спартакиады народов СССР) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-48-55.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Shokhirev, V. V. Formation and development of sports organizations of the Irkutsk region in the late XIX – mid XX century. Irkutsk: Izdatel'stvo BGUEP, 2007. (In Rus.)
2. Zuev, V. N. Normative legal regulation of the domestic sphere of physical culture and sports: history and modernity. Moscow: Sovetskii sport, 2008. (In Rus.)
3. Bomin, V. A., Shokhirev, V. V. Development of physical culture and sports in Russia, Irkutsk region and the city of Irkutsk. Irkutsk: Publishing house LLC "Megaprint", 2008. (In Rus.)
4. Under the flag of the Irkutsk Dynamo. Irkutsk: Print Lain, 2013. (In Rus.)
5. Segal, M. D. Physical culture holidays and spectacles. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1977. (In Rus.)
6. Goloshchapov, B. R. History of physical culture and sports. The history of physical culture and sports. Moscow: Akademiya, 2001. (In Rus.)
7. Pereverzin, I. I. Physical culture and sport in the USSR: facts and figures. Moscow: Znanie, 1985. (In Rus.)
8. Khavin, B. N. All about Soviet Olympic sportsmen. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1985. (In Rus.)
9. Kolmakov, Yu. P. Chronicle of the city of Irkutsk. 1941–1991. Irkutsk: Ottisk, 2010. (In Rus.)
10. Azerbaev, E. G. Irkutsk sport in the twentieth century: A literary and documentary chronicle. Irkutsk: Oblmashinform, 2003. (In Rus.)
11. Shirshikov, A. G. In combat and sports... Irkutsk: Print Line, 2020. (In Rus.)
12. Shirshikov, A. G. From Croton to Irkutsk. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1, 2005. (In Rus.)
13. Tiguntsev, S. A., Sannikov, A. P. Development of the material and technical base of Irkutsk sports in the post-war years. In Irkutsk historical and economic yearbook 2022: collection of articles. Irkutsk: Izdatel'skii dom BGU, 2022. 200–205. (In Rus.)
14. Maleev, V. S. Spartakiads of the peoples of the USSR and their role in the development of mass physical culture and sports movement. Abstracts of Papers of the XLVII scientific conference of students and young scientists of universities of the Southern Federal District. Krasnodar, 2020: 105–107. (In Rus.)
15. Irkutsk in the panorama of centuries: Essays on the history of the city. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 2002. (In Rus.)

Information about author

Tiguntsev Sergey A., Senior Lecturer; Irkutsk State Medical University, 1 Krasnogo Vosstaniya st., 664003, Irkutsk, Russia; sergey038@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3281-3079>.

For citation

Tiguntsev S. A. Sports Events in the USSR as a Tool for Promoting Soviet Social Values (on the Example of the 1st Spartakiad of the Peoples of the USSR) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-48-55.

Received: January 18, 2023; approved after reviewing February 26, 2023; accepted for publication February 27, 2023.

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-56-63

Культурная деятельность казачьей эмиграции на территории Трёхречья

Игорь Викторович Чапыгин¹, Ксения Андреевна Смирнова²

^{1,2}Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

¹IGOR_VCH@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4351-3602>

²kсениya300323@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8041-4041>

В статье рассматривается история появления российского казачества на территории Северо-Западной Маньчжурии, а именно Трёхречья, строительство первых поселений, их культурная жизнедеятельность и трансляция русских традиций. Авторами работы поставлена цель – изучить вклад эмигрантской общины в развитие и становления русского образа данного края, процесс сохранения традиционных порядков и устоев казачества. Данная проблема рассмотрена в статье в контексте материальной и духовно-социальных направлений культуры. Актуальность теме придаёт процесс возвращения к активной общественной деятельности казачества. В современном российском обществе не утихают дискуссии по поводу сущности казачества, экономических, нравственных, социальных и духовных основ их жизни. В статье дана характеристика казачьей жизни и культуры, которые на чужой территории укрепились и стали опорной точкой для развития Трёхречья. Помимо этого, представлен анализ процессов поддержания национального духа и борьбы с ассимиляцией со стороны разных представителей казаков-эмигрантов, включая интеллигенцию, духовенство. Представители казачьей эмиграции в Трёхречье вели активную культурную жизнь, которая на фоне культурной жизни других групп эмиграции в Китае, отличалась своей инициативностью. Отмечается, что все достижения в разных сторонах культуры имели особую русскую индивидуальность. Они получали отражение не только в быту и материальной культуре, но и в развитии таких институтов как образование, литература, церковь и т. д. При написании статьи привлечён репрезентативный круг источников, освещающих культурную деятельность русских в Трёхречье в определённых социальных и культурных аспектах. Это источники личного происхождения: воспоминания, мемуары, а также справочная литература, документы архивов и музеев. Привлечение данных источников позволяет решить поставленные задачи, дать представление о мировоззрении, социокультурных особенностях и национальной идентичности казаков-эмигрантов как основной социальной прослойки Трёхречья. Культурная жизнь занимала важное место в адаптационном процессе русских трёхреченцев и дальнейшем развитии этого края Китая. В работе выявлена и представляется перспективной необходимостью дальнейшего исследования, реконструкции, трансляции и поддержки казачьей культуры русских Трёхречья.

Ключевые слова: Трёхречье, эмиграция, казаки, Северо-Западная Маньчжурия, культура, традиции

Original article

Cultural Activity of the Cossack Emigration in the Territory of the Three Rivers

Igor V. Chapygin¹, Ksenia A. Smirnova²

^{1,2}Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

¹IGOR_VCH@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4351-3602>

²kсениya300323@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8041-4041>

The article examines the appearance of the Russian Cossacks on the territory of Northwestern Manchuria, namely the Three Rivers, the construction of the first settlements, their cultural life and the translation of Russian traditions. The authors of the work set a goal to study the contribution of the emigrant community to the development of the image of this region, the process of preserving traditional orders and foundations. This problem is considered in the article from the material and spiritual-social directions of culture. The relevance of the topic is due to the process of returning to active social activity of the Cossacks. In modern Russian society, discussions about the essence of the Cossacks, the economic, moral, social and spiritual foundations of their life do not cease. The authors use the fundamental principles of historical science. The principle of objectivity made it possible to evaluate the analyzed historical documents taking into account the subjectivity of their author. Representatives of the Cossack emigration in the Three Rivers were active in cultural life, which against the background of the cultural life of other emigration groups, was distinguished by its initiative. All achievements

© Чапыгин И. В., Смирнова К. А., 2023

in different aspects of culture had a special Russian personality. They were reflected not only in everyday life and material culture, but also in the development of institutions such as education, literature, publications, the church, etc. Arriving on the Manchurian side, the Cossacks brought with them their way of life and culture, which strengthened on foreign territory and became a reference point for the development of the region. Thanks to the location of the Chinese authorities, the Three Rivers began to grow and develop rapidly. People fleeing wanted to feel like an integral part of Russia. Various representatives of the emigrant Cossacks, including the intelligentsia, the clergy, sought to support the Russian spirit and opposed assimilation. The paper identifies and seems promising the need for further research, reconstruction, translation and support of the Cossack culture of the Russian Three Rivers.

Keywords: Three Rivers, emigration, Cossacks, Northwest Manchuria, culture, traditions

Введение. Трёхречьем называли и называют историко-культурную область, граничащую с Забайкальем по р. Аргунь, находящуюся в бассейне её правобережных притоков Хаула, Дербула и Гана (северо-запад Маньчжурии). Эта местность издавна привлекала население из казачьих станиц соседнего Забайкалья (преимущественно казаков). По некоторым данным ещё с начала XIX в. Дело в том, что вниманием казаков завладела плодородная почва и природные богатства региона, которые могли послужить в качестве хорошей площадки для земледелия, скотоводства и охоты. С маньчжурской стороны охрану границы несли местные жители этого района и китайские пограничники. Однако их малочисленность и растянутость вдоль границы не могли остановить переход забайкальцев на китайскую территорию. В результате этого, на маньчжурской территории казачьи заимки стали отправной точкой заселения и освоения Трёхречья русскими. Так как первые заимки обнаружены по реке Хаул, то именно здесь появился первый хутор Ивановка.

Актуальность теме придаёт процесс возрождения российского казачества с возвратом к активной общественной деятельности. В современном российском обществе не утихают дискуссии по поводу сущности казачества, ценностных ориентаций казаков, экономических, нравственных, социальных и духовных основ их жизни и деятельности.

Методология и методы работы. Исследование опирается на подходы, свойственные историческому познанию. Мнение автора строится на основополагающих принципах исторических наук. Принцип объективности дал возможность оценивать анализируемые исторические документы осторожно, учитывая субъективизм их автора, однако признавая, что они также являются важными источниками по истории дальневосточной эмиграции. Общие методы сбора, анализа и синтеза информации, показали

свою важность при работе с источниками и имеющимися публикациями, методы дедукции и индукции помогли при формулировке выводов.

В предыдущих работах одного из авторов этой статьи [1; 2] историография казачьей эмиграции на территории Китая уже достаточно детально освещалась. Что касается вопроса жизнедеятельности казачества непосредственно в Трёхречье (правобережья Аргунь и её притоков с китайской стороны), то этот аспект темы менее изучен и, безусловно, ещё ждёт новых исследований. В этой связи можно отметить работы А. М. Кайгородова [3], Ю. В. Аргудяевой [4–6], И. В. Чапыгина [7], О. И. Сергеева [8; 9], Е. В. Дроботушенко [10], А. П. Забияко и А. А. Забияко [11], В. А. Кормазова [12], М. Шестакова [13], В. Л. Кляуса [14], Я. В. Зиненко [15], П. В. Шахматова [16], В. В. Перминова¹, которые освещали жизнедеятельность русского населения и казачества Трёхречья в рамках своих научных интересов и задач.

Результаты исследования и их обсуждение. На территории Трёхречья первыми образовались охотничьи избушки, зимовья и заимки казаков, которые проживали на российской стороне р. Аргунь, но время от времени посещали Маньчжурию [16]. Новые поселения стали активно расширяться и превращаться в богатые деревни. Поспособствовал этому приток беженцев из Забайкалья и Сибири после революционных событий и последовавшей вслед за этим гражданской войной. В результате численность населения бассейна реки Хаул увеличилась в несколько десятков раз. Население Трёхречья также пополнилось за счёт новых притоков беженцев в 1930-е гг., когда в край стали прибывать крестьяне из СССР, не смилившиеся с коллективизацией и раску-

¹ Перминов В. В. Трёхречье // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / РО РАН, Забайкал. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Наука, 2000–2006. – Т. 3. – 240 с.

лачиванием. По подсчётам исследователей, к тому времени русское население региона достигало от шести до девяти тысяч человек. Значительная часть населения – русские, переселившиеся в своё время из-за реки Аргунь, городов Харбин, Маньчжурия, Хайлар, пристанционной полосы КВЖД и прочей территории Барги. Это были в основном казаки и их семьи [17].

Для эмигрантов культурная жизнь стала одной из основных частей национального самосознания, идентичности и мироощущения, а для проживавших на территории Трёхречья казачьих семей это было ещё и способом взаимодействовать с местной культурой и противовесом ассимиляции китайским обществом [18, с. 50]. Говоря о материальной культуре русских в Северо-Западной Маньчжурии, в первую очередь, стоит рассмотреть жилище трёхреченцев, ведь дом занимает важное место в жизни любой этнической группы и выполняет ряд функций. Стоит сказать, что большинство казачьих посёлков Трёхречья строились в соответствии с тем же принципом, что и в Забайкалье и других районах Сибири. Такие же широкие улицы, порядок построения домов и, в целом, общий вид поселений напоминал сибирские посёлки. Главное место в любом доме поселений занимала печь. Японцы называли её печью для приготовления хлеба. Прочая обстановка дома сохраняла свою последовательность в каждом доме: стол, место для инструментов, спальное место, сундук, стулья. В противоположной от прихожей части дома располагалась так называемая гостиная, которая находилась с южной стороны. Стены гостиной украшались повешенными здесь гармошкой, балалайкой или другими музыкальными инструментами. Отдельно на стене висела полка с расположенной на ней иконой. Вся мебель, что находилась в комнате, декорировалась со вкусом. При расстановке мебели старались сделать так, чтобы в самом центре комнаты оставалось достаточно свободного места, ведь здесь собирались все члены семьи после рабочего дня.

Рассматривая внутреннее и внешнее убранство русской избы, можно увидеть, что казаки перенесли русские традиции материальной культуры и приспособили их к жизни на территории Северо-Западной Маньчжурии. Сказанное относится в том числе к способам строительства жилья, интерьеру

и конструктивным особенностям (например, традиционная русская печь). Данные традиции соблюдались трёхреченцами не только в плане жилищного строительства, но и в других составляющих материальной культуры, таких как еда, одежда и средства передвижения.

Пища трёхреченцев изобиловала продуктами, как животного, так и растительного происхождения: продуктов сельского хозяйства, добываемой дичи и рыбы, собираемых дикоросов. Покупные продукты занимали незначительную долю в рационе. Между жителями разных лесостепных зон присутствовал активный обмен товарами, которыми не могли себя обеспечить в полной мере. Основным продуктом в рационе считался хлеб, который пекли самостоятельно. Мясо и рыбу употребляли в основном в зимнее время года, так как летом хранить мясо было невозможно. Мясной продукцией казаки обеспечивали себя самостоятельно – за счёт скотоводства, охоты, рыболовства.

В праздничные дни было принято ставить на стол разнообразные блюда, поэтому к этому готовились заранее. На Пасху всегда пекли куличи, делали творожную пасху, красили яйца, запекали целиком или варили кур, гусей, уток. В обычные рабочие дни население питалось однообразно – крупы, картофель, рыба, мясо, капуста. В постные дни рацион трёхреченцев был скромным и соответствовал православной традиции¹.

Внешний вид русских сохранился в том же традиционном виде, что и в Забайкалье и других районах Сибири. Женщины носили платья или кофту (рубашу) с юбкой. Мужчины одевались в холщовые рубахи и штаны, подпоясываясь ремнём. На праздники было принято наряжаться, надевая самые лучшие наряды. Для мужчин праздничным нарядом выступала казачья форму Забайкальских войск – папаху с жёлтым верхом, фуражка, брюки с лампасами, гимнастёрка. Женщины стремились в праздничные дни выглядеть особенно ярко, с помощью драгоценностей и украшений. Большую часть гардероба жители Барги шили самостоятельно из кожи и шерсти домашнего скота, что само по себе являлось трудоёмким процессом. Шили как

¹ Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых: в 5 т. – Т. 1. Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам... (1919–1934) / ред. М. А. Айламазян; Гуверовский институт войны, революции и мира. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 448 с.

нательную и верхнюю одежду, так и обувь, используя преимущественно традиционные виды рукоделия. Что касается средств передвижения, которые также можно отнести к элементу материальной культуры, то здесь русские остались верны традициям. Телеги, разного рода брички использовались в летнее время. Зимой же в краю перемещались с помощью самостоятельно изготовленных саней, либо верхом. Стоит отметить, что навыком верховой езды идеально владели не только мужчины, но и женская часть населения.

Эмиграция русских в Китай переместила большое количество людей в совершенно другие культурные, языковые, географические и социальные условия. В связи с этим, после становления материальной культуры в Барге, эмигранты взялись за развитие духовной и социальной культурной жизни. В первую очередь это коснулось становления на территории Трёхречья православной церкви как института социализации. Обустройство духовной жизни в чужой стране было не только потребностью для русских эмигрантов. Это стало связывающим звеном всех русских беженцев, так как выполняло объединяющую функцию.

После переселения эмигранты столкнулись с необходимостью начать всё заново. Они строили и освящали церкви, подбирали священников, выбирали оборудование и пр. Многие храмы содержались на средства населения [19]. В десяти из 19 поселений Северо-Западной Барги эмигранты построили приписные церкви и приходские храмы. Например, в Драгоценке (административный центр Трёхречья) был возведён собор святых Петра и Павла. Необходимо добавить, что церковные обряды и праздники проводились зарубежной Русской церковью по обычаям и порядкам дореволюционной России. Трёхреченцы всех возрастов принимали участие в традиционном праздновании Нового года, Рождества, Святки и Масленицы. Особым праздником для населения являлась Пасха, так как это было связано с христианской трактовкой данного праздника. Пекли куличи, красили яйца, при встрече «христосовались», посещали дома родственников и друзей. Иногда на праздничных гуляниях устраивались парады и бега на лошадях, казаки проводили джигитовку. Можно сказать, что роль Русской православной церкви в становлении русской

эмиграции на территории Трёхречья была огромной. Данный институт сыграл огромную роль в выживании беженцев на чужой территории в условиях незнакомого менталитета. Церковь превратилась в носителя русского самосознания, хранителя нравственных и духовных ценностей казаков [18, с. 53–54; 4, с. 6–9].

Русская школа в Маньчжурии являлась как социальным институтом, так и транслятором национальных ценностей, традиций и культурного наследия для подрастающего поколения. Школа имела в большинстве поселений Трёхречья, так как проблемой подрастающего поколения занималась сама казачья администрация. Везде строились начальные школы для детей, Казачьим союзом открывались новые курсы. Семилетняя школа находилась в Верх-Кули, в Драгоценке находилась школа (8 классов), которая была единственной на территории Трёхречья. После того, как Красная Армия заняла Маньчжурию, школа была преобразована в среднюю. На рассматриваемой территории проживали в основном казаки. Соответственно, образование становилось военно-патриотическим, то есть важное место здесь занимали физическая подготовка молодёжи, военно-техническое обучение и чествование заслуженных казаков. В отличие от остальной части русской эмиграции в Китае, детское образование Северо-Западной Маньчжурии находилось под куполом казачьего уклада жизни и в меньшей степени подверглось ассимиляции и влиянию жизни среди иной культуры.

«Эмигрантские дома» и всевозможные «кружки» – ещё одна распространённая форма культурной жизни русских эмигрантов. Чем плотнее была численность эмигрантов, тем больше было таких организаций. Как правило, это были детские, молодёжные, музыкальные и литературные кружки. Если говорить о Трёхречье, то на территории края подобной организацией был русский клуб, который находился в Драгоценке. Он, как и остальные «кружки» и «дома», выполнял воспитательную и объединяющую функции, особенно когда дело касалось молодёжи [20, с. 118–124].

Что касается периодической печати, то здесь сразу стоит сразу отметить, что создание изданий исключительно для казаков было достаточно сложным делом. Имели место политические и экономические слож-

ности. Соответственно, издания, которые изначально задумывались как периодические, печатались в лучшем случае несколько раз. Многие и вовсе были выпущены единожды. По поводу периодической печати Трёхречья в начале XX в. сохранились весьма скудные сведения. Известно, что в главном центре края – Драгоценке – некоторое время Трёхреченским отделением Бюро российских эмигрантов издавалась еженедельная газета «Казачья жизнь». В ней могли освещаться местная жизнь края, проблемы русской эмиграции в хозяйственной, экономической и культурных сферах, сведения о событиях в мире. Часто могла быть затронута тема будущей жизни в эмиграции и месте казачества в нём. Отдельное место в периодических изданиях всей эмиграции занимала тема истории революций, войн (Гражданской и Мировой), исхода русских с их последующим расселением на новой территории. Эти темы оставались насущными для всей русской эмиграции в целом, так как от жизни на родине у них осталось только прошлое, а о будущем они могли лишь догадываться.

Литературная и издательская деятельность также имела место быть среди культурного развития эмигрантской общины. Вообще бывшие подданные российского государства, несмотря на своё тягостное положение, стремились писать и создавать литературные произведения. В них они видели способ вылить свои переживания и психологическую нагрузку от пережитого ими. Эмигранты писали стихи, поэмы, повести и др. Они рассказывали о своей прежней жизни, касались сюжетов пережитых событий, говорили о будущем. Переживания о собственной судьбе и своем месте на чужбине побуждали к писательской деятельности. И, благодаря пожим чувствам у читателей, подобная литература находила понимание и отдачу [21].

Заключение. Оказавшись в иносреде, казакам пришлось приспособливаться к новой культурной и социальной действительности. Как и на территории остального Китая, в Трёхречье русские эмигранты могли рассчитывать только на себя, что, в свою очередь, повысило роль культуры и языка, как объединяющих факторов, способов выжить и сплотиться на чужой земле. А так как в Севе-

ро-Восточной Барге среди других беженцев превалировало число казачьих эмигрантских семей, то здесь культурной жизнью населения правили вековая традиция казачества, сплочённость как сформированной группы населения и сильная войсковая централизация. Прибыв на маньчжурскую сторону, русские принесли с собой свой уклад жизни и культуру, которые на чужой территории укрепились и стали опорной точкой для развития края. Благодаря отсутствию высоких налогов, пристального внимания со стороны китайских властей, а также серьёзных конфликтов с местным населением, Трёхречье стало стремительно развиваться. Спасавшиеся бегством люди, как никогда хотели ощущать себя неотъемлемой частью России. Все слои эмигрантов, включая интеллигенцию, крестьянство и, в том числе казачество стремились поддержать русский дух и противились ассимиляции.

Представители казачьей эмиграции в данном регионе вели активную культурную жизнь, которая на фоне культурной жизни других групп эмиграции, отличалась своей инициативностью. Все достижения в разных сторонах культуры отмечались современниками как достижения, имевшие особую русскую индивидуальность. Они получали отражение в развитии таких институтов как школа, литература, журналы, газеты, церковь и т. д.

Таким образом, культурная жизнь занимала важное место в адаптационном процессе русских трёхреченцев и дальнейшем развитии Барги. Благодаря тому, что основную часть беженцев составляли казачьи семьи, они стали играть основную роль в сохранении и распространении традиционной духовно-социальной и материальной культуры. Их организованность, уклад жизни, сформированный ещё на родине, а также мировоззрение повлияли на мобилизацию и культурное строительство жизни всей русской эмиграции на территории Трёхречья. Образование, духовная жизнь, фольклор, а также материальная и хозяйственная жизнь были воссозданы русскими в том же виде, что и на родине. Выявлена и представляется перспективной необходимость дальнейшего исследования, реконструкции, трансляции и поддержки казачьей культуры русских Трёхречья.

Список литературы

1. Чапыгин И. В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 173–176.
2. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2015. 171 с.
3. Кайгородова А. М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.
4. Аргудяева Ю. В. Русское население в Трёхречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.
5. Аргудяева Ю. В. Из России в маньчжурское Трёхречье: исход и хозяйственная деятельность русских казаков в 1920–1940-е гг. Текст: электронный // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. С. 137–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-rossii-v-manchzhurskoe-tre-hrechie-ishodi-hozyai-stvennaya-deyatelnost-russkih-kazakov-v-1920-1940-e-gg/viewer> (дата обращения: 21.12.2022).
6. Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2016. 477 с.
7. Чапыгин И. В. Трёхречье – район казачьего расселения русской эмиграции на северо-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. И. Дулова и его ученика профессора В. Г. Тюкавкина: в 2 т. Иркутский государственный педагогический университет, Научно-исследовательская лаборатория по изучению традиционной культуры Восточной Сибири. Иркутск: Иркутск. гос. пед. ун-т, 2005. Т. 2. С. 169–171.
8. Сергеев О. И. Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о. Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая) // Россия и АТР. 2016. С. 143–144;
9. Сергеев О. И. Казачье Трёхречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. 22–27 ноября 2012 г. (г. Чита Забайкальского края РФ – г. Эргуня автономного района Внутренняя Монголия КНР). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2012. С. 136–143.
10. Дроботушенко Е. В. К вопросу о количестве и названиях казачьих поселений на территории северного Китая на рубеже 1920–1930-х гг. // Научные ведомости. 2018. № 1. С. 112–121. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-1-112-121.
11. Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Ин-т арх. СО РАН, 2017. 340 с.
12. Кормазов В. А. Трёхречье: (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1931. № 5. С. 38–47.
13. Шестаков М. Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин: Изд. Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943. С. 192–195.
14. Кляус В. Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
15. Зиненко Я. В. Календарная обрядность русских Трёхречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 97–107.
16. Шахматов П. В. Трёхречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014. 334 с.
17. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Китае // Русское зарубежье: сб. ст. / РАН. ИНИОН; Центр комплексных исслед. рос. эмиграции. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014. С. 217–231.
18. Аргудяева Ю. В. Русские казаки-забайкальцы в маньчжурском Трёхречье: трансляция традиций материальной культуры. Текст: электронный // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. С. 48–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-kazaki-zabaykalsy-v-manchzhurskomtryohrechie-translyatsiya-traditsiy-materialnoy-kultury> (дата обращения: 20.12.2022).
19. Малышенко Г. И. Духовные ценности казаков-трехреченцев пореволюционной эмиграции (1920–1970-е гг.). Текст: электронный // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 5. С. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-tsennosti-kazakov-trehrechentsev-porevoljutsionnoy-emigratsii-1920-1970-e-gg> (дата обращения: 16.12.2022).
20. Ким Н. В. Литературное наследие русской эмиграции в Китае: культурный код // Гуманитарный вектор. 2021. № 1. С. 118–124.
21. Мяо Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Владивосток, 2015. 173 с.

Информация об авторах

Чапыгин Игорь Викторович, кандидат исторических наук; доцент; Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; IGOR_VCH@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4351-3602>.

Смирнова Ксения Андреевна, бакалавр исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; kseniya300323@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8041-4041>.

Вклад авторов

Чапыгин И. В. – основной автор, осуществлял сбор, анализ и систематизацию материала исследования, формулировку выводов и оформление статьи.

Смирнова К. А. – осуществляла анализ материала исследования и формулировку выводов.

Для цитирования

Чапыгин И. В., Смирнова К. А. Культурная деятельность казачьей эмиграции на территории Трёхречья // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 56–62. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-56-62.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Chapygin, I. V. Trans-Baikal Cossacks in emigration in the territory of Northeastern China (Manchuria) in the 1920s-1930s. Science and School, no. 4, pp. 173–176, 2013. (In Rus.)
2. Chapygin, I. V. Cossack emigration on the territory of Manchuria in 1920–1945. Some results of studying the topic. Science and school, no. 182, pp. 182–188, 2014. (In Rus.)
3. Kaigorodova, A. M. Russians in the Three Rivers (according to personal memoirs). Soviet Ethnography, no. 2, pp. 140–149, 1970. (In Rus.)
4. Argudyaeva, Yu. V. Russian population in the Three Rivers. Russia and the Asia-Pacific region, no. 4, pp. 121–134, 2006. (In Rus.)
5. Argudyaeva, Yu. V. Russian Cossacks in the Three Rivers: the exodus and economic activity of Russian Cossacks in the 1920s-1940s. Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the FEB RAN, pp. 137–146, 2019. (In Rus.)
6. Argudyaeva, Yu. V. Russian Cossacks in the Three Rivers (the first half of the XX century). Blagoveshchensk, 2016. (In Rus.)
7. Chapygin, I.V. Trekhrechyе – the area of Cossack settlement of Russian emigration in the northeast of China (1920–1945). Proceedings of the regional Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor V. I. Dulov and his student Professor V. G. Tyukavkin: in 2 v. V. 2. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University, 2005: 169–171. (In Rus.)
8. Sergeev O. I. Japan's use of the experience of the Russian Cossacks in the development of new territories (Hokkaido Island, occupied lands of Northeast China). Russia and the Asia-Pacific Region, 2016: 143–144. (In Rus.)
9. Sergeev, O. I. Cossack Three Rivers in China: a historical perspective. Cross-border cooperation and foreign economic activity: A historical perspective and modern assessments: Proceedings of the International Scientific Conference on November 22–27, 2012 (Chita of the Trans-Baikal Territory of the Russian Federation – Ergun of the Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC). Chita: Zabaikal. gos. gum.-ped. un-t, 2012: 136–143. (In Rus.)
10. Drobotushenko, E. V. On the question of the number and names of Cossack settlements on the territory of northern China at the turn of the 1920s-1930s. Scientific Vedomosti. Series History, Political Science, no. 1, pp. 112–121, 2018. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-1-112-121. (In Rus.)
11. Zabayako, A. P., Zabayako, A. A. Russian Three Rivers: the foundations of ethnic identity. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2017. (In Rus.)
12. Kormazov, V. A. Trekhrechyе: (From travel notes). Herald of Manchuria. Harbin, no. 5, pp. 38–47, 1931. (In Rus.)
13. Shestakov, M. Blagodatnoe Trekhrechyе. Bulletin of the Cossack exhibition in Harbin 1943. Collection of articles about the Cossacks and the Cossacks Bulletin of the Cossack exhibition in Harbin 1943. Harbin, 1943: 192–195. (In Rus.)
14. Klyaus, V. L. "Russian Three Rivers" of Manchuria: essays on folklore and traditional culture. Moscow, 2015. (In Rus.)
15. Zinenko, Ya. V. Calendar rites of the Russian Three Rivers. Traditional culture, no. 4, pp. 97–107, 2019. (In Rus.)
16. Shakhmatov, P. V. Trekhrechyе. Memories. Tomsk: Red Banner, 2014. (In Rus.)
17. Sharonova, V. G. The history of Russian emigration in China. Russian Abroad. 2014. Pp. 217–231. Web. 16.12.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-russkoy-emigratsii-v-kitae/viewer>. (In Rus.)
18. Argudyaeva, Yu. V. Russian Cossacks – Transbaikalians in the Manchurian Three Rivers: translation of traditions of material culture. Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography FEB RAN. 2018. pp. 48–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-kazaki-zabaykalsy-v-manchzhurskom-trekhrechie-translyatsiya-traditsiy-materialnoy-kultury>. Web. 20.12.2022. (In Rus.)

19. Malysenko, G. I. Spiritual values of the Cossacks of the Three Rivers of the post-revolutionary emigration (the 1920s-1970s). Electronic scientific and Methodological Journal of Omsk State University, no. 5, pp. 1–9, 2018. Web. 16.12.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-tsennosti-kazakov-trehrechentsev-porevoljucionnoy-emigratsii-1920-1970-e-gg>. (In Rus.)

20. Kim, N. V. Literary heritage of Russian emigration in China: cultural code. Humanitarian vector, no. 1, pp. 118–124, 2021. (In Rus.)

21. Miao, Hui The image of traditional Chinese culture in Russian emigrant literature in China. Cand. sci. diss. Vladivostok, 2015. (In Rus.)

Information about the authors

Chapygin Igor V., Candidate of History, Associate Professor; Irkutsk State University; 1 Karal Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; IGOR_VCH@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4351-3602>.

Smirnova Ksenia A., Master Student, the Faculty of History; Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; kseniya300323@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8041-4041>.

Contribution of the authors to the article

Chapygin I. V. – the main author, collection, analysis and systematization of the research material, as well as formulation of conclusions and design of the article.

Smirnova K. A. – analysis of the research material and formulation of conclusions.

For citation

Chapygin I. V., Smirnova K. A. Культурная деятельность казачьей эмиграции на территории Трёхречья // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 56–63. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-56-63.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГУМАНИТАРНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

THE BAIKAL REGION IN THE HUMANITARIAN AND GEOPOLITICAL DIMENSION

Научная статья

УДК 930.253

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-64-73

Диалог властей и верующих: предыстория основания Иволгинского дацана

Соелма Ринчиновна Батомункуева

*Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
soelmul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5060-0296>*

В основе работы лежат документы из Государственного архива Республики Бурятия, на базе которых реконструирован ранний этап истории храма «Хамбинский сумэ». Автором также были привлечены документы, характеризующие связанные события, которые относятся к периоду 1944–1946 гг. Отмечается, что несмотря на то, что основание дацана выпало на период тяжелого послевоенного времени, верующими и представителями духовенства была проделана большая работа не только по открытию храма, но также и по восстановлению и легализации буддийской религии в БМАССР после репрессивной политики советского государства. В качестве значимого факта, предшествовавшего этим событиям, названо патриотическое воззвание дид хамбо-ламы Хайдапа Галсанова, в котором он призывал верующих поддержать Родину и начать сбор средств в фонд обороны. В статье также приведены сведения, полученные в ходе бесед с Бимба-ламой Доржиевым, который бережно хранит в своей памяти воспоминания своих односельчан-старожилов, являвшихся прямыми свидетелями событий тех дней. Несмотря на то, что большая часть упоминаемых в статье архивных документов уже была опубликована в разное время, в данной статье выстроена хронология событий и документов первых шагов становления храма, с сопутствующими отсылками к прочим документам, вносящими ясность в историю дацана. Кроме того, сведения от информантов, несмотря на свою бездоказательность, и, более того, некоторые из них противоречат официальным источникам, имеют право на публикацию для освещения широкой аудитории. В статье также представлены некоторые сведения о персоналиях, принимавших активное участие на пути становления сумэ, названного впоследствии Иволгинским дацаном.

Ключевые слова: буддизм, религия и власть, буддийский храм, Хамбинский сумэ, Иволгинский дацан, архивные документы

Благодарность: Работа выполнена в рамках государственного задания (Проект № 121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI в. в контексте межкультурного взаимодействия»).

© Батомункуева С. Р., 2023

Original article

Dialogue Between Authorities and Believers: Prehistory of Ivolginsky Datsan Foundation

Soelma R. Batomunkueva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
soelmul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5060-0296>*

The article is devoted to the early history of the Khambinsky sume temple better known as Ivolginsky datsan. The work is based on the documents from the State Archive of the Republic of Buryatia, which regards to its history. The author also attracted documents characterizing the events that relate to the period 1944–1946. We note that despite the fact that the foundation of the datsan fell on the difficult period of post-war times, believers and the clergy did a lot of work not only to found the temple but also to restore and relegalize the Buddhist religion in the BMASSR after the repressive policy of the Soviet state. As an important issue, the author singles out the patriotic appeal of Did Khambho Lama Khaidap Galsanov, which preceded these events, in which he called on believers to support the Motherland and to start raising funds for the defense fund. The article also contains information obtained during conversations with Bimba Lama Dorzhiev, who carefully keeps the memories of his fellow villagers, his elders, who were direct witnesses of the events of those days. Despite the fact that most of the archival documents mentioned in the article have already been published at different times, this article builds a chronology of events and documents of the first steps in the formation of the temple, with accompanying references to other documents that clarify some details. In addition, information from informants, despite its lack of evidence, and, moreover, some of them contradict official sources, have the right to be published for coverage of a wide audience. The article also presents some information about the personalities who took an active part in the founding of the sume, later called Ivolginsky datsan.

Keywords: Buddhism, religion and power, Buddhist temple, Hambinsky sume, Ivolginsky dastan, archival documents

Acknowledgments: *The reported study was funded by government assignment (Project no. 121031000302-9 "Oriental Language Written Monuments of Russia and Inner Asia's Peoples and Archival Documents, 18th to Early 21st Centuries: A Perspective from Civilizational Interaction").*

Введение. Основание Иволгинского дацана относится к сложному периоду в истории России – послевоенному времени, а также, несмотря на относительную лояльность государства, периоду отчуждённости государства от религиозной сферы. Последнее тянулось ещё со времен репрессивной политики властей, осуществление которой привело к огромнейшим утратам буддийского наследия, как материального, так и духовного, а также репрессиям духовенства, гонениям простых верующих и последователей буддийского учения в лице выдающихся представителей бурятского народа. И. С. Цыремпилова отмечает, что в результате политики Советской власти по отношению к религиозным конфессиям, к 1940 г. на территории Бурятии не осталось ни одного действующего здания культа [1, с. 152].

Относительно непродолжительная переписка властей и представителей буддийского духовенства и верующих, связанная с открытием Хамбинского сумэ знаменовала собой начало диалога между властями и буддистами, не только по вопросу данного храма, но и буддийской конфессии в целом.

Изучение истории буддийских храмов актуально в связи с неугасающим, более того нарастающим, интересом к буддизму и его различным аспектам. Буддийские храмы и монастыри во все времена являлись показателем уровня развития не только буддийского учения, но также отражали и социокультурные реалии определённого периода и региона.

Обзор литературы. История взаимоотношений государства и церкви рассматривалась в работах М. И. Одинцова [2; 3], И. С. Цыремпиловой [1], А. В. Горбатого [4; 5], О. В. Мартышина [6], В. М. Митыпова [7], в сборнике статей «Государство и церковь в XX веке» [8] и др. Различные аспекты истории буддийской церкви, отдельных храмов и дацанов становились объектом как монографических исследований, так и отдельных научных статей, научно-популярных и популярных изданий. Некоторые стороны истории Иволгинского дацана, в частности, рассмотрены в работе Ц. П. Ванчиковой [9] и Д. Г. Чимитдоржин в контексте исследования истории буддизма в Бурятии в период с 1945 по 2001 г. [10]. Д. Г. Чимитдоржин также

является автором брошюры, знакомящей с историей дацана [11]. В статье П. Н. Бардымова кратко перечисляются документы, имеющие отношение к истории Хамбинского сумэ [12]. В сборнике документов «Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век» представлены некоторые архивные документы, связанные с религиозной ситуацией того периода и историей храма [13]. В статьях, опубликованных в последние годы, комплекс Иволгинского дацана рассматривается с точки зрения его туристической ценности, а также в контексте сотрудничества дацана с государственными организациями [14–16].

Методы исследования. При написании статьи автор придерживался принципа историзма, позволяющего рассматривать исторические события и явления как естественные, в рамках общих исторических процессы. В исследовании использованы такие основные методы научного познания, как метод анализа, синтеза, обобщения. Применение хронологического метода позволило передать и охарактеризовать события в их последовательности. Для получения достоверной исторической информации автор обращался к архивным источникам, при работе с которыми придерживался информационного подхода.

Результаты исследования и их обсуждение. Как было отмечено выше, открытие Хамбинского сумэ пришлось на тяжёлые послевоенные годы. Также это был период смягчения антирелигиозной политики властей, заключавшейся в отношении к религии как идеологии, требующей немедленного искоренения из умов и жизни граждан, которая выразилась в борьбе и ликвидации религиозных институтов, духовенства и т. д. Однако отношение к религии со стороны властей меняется с началом Великой Отечественной войны. Как отмечает О. В. Мартышин, грозная внешняя опасность побуждала предать забвению идейные соображения, снизить накал борьбы с религиозными пережитками и использовать религию как средство сплочения, а не повод для раскола, и дать религиозным организациям возможность внести вклад в противостояние агрессору [6, с. 158]. Обстоятельства того времени показали большую значимость патриотического духа, патриотических настроений, важным фактором формирования и подъёма которых стала именно религия.

Исследователи отмечают, что молчаливое признание этого факта выразилось в позиции государства, которое в течение первых двух военных лет фактически заняло позицию невмешательства в церковную жизнь страны. В тот же период рассеялись и иллюзии об успешном и повсеместном «преодолении» религии и о победе «безбожного движения». В стране насчитывались миллионы верующих, которые были несправедливо ограничены в возможностях свободно исповедовать свою веру и жить по её традициям и обычаям. Существенным потенциалом влияния на эту категорию граждан могли быть действовавшие в стране религиозные организации и духовенство различных конфессий [3, с. 111]. Очевидно, что советская власть разглядев ряд преимуществ в налаживании дел в религиозной сфере, и в дальнейшем продолжила идти на контакт с религиозными организациями и представителями духовенства. Всё же, несмотря на смягчение отношения к религиозным делам со стороны власти, был создан ряд ведомств, которые контролировали и координировали работу религиозных организаций. М. В. Митыпов отмечает, что был отлажен механизм подавления и контроля религиозных организаций, причём государство брало на себя и ряд чисто внутрицерковных функций. Социалистическое государство стало эффективнее использовать в интересах государства отдельные религиозные конфессии. Такой поворот имел веские основания. С началом Великой Отечественной войны церковь заняла патриотическую позицию [7, с. 259–260].

Как и представители остальных религиозных конфессий, буддийское духовенство так же принимало активное участие в сборе денежных средств в фонд обороны и поддержки Красной Армии. Помимо сбора средств, как отмечает М. В. Митыпов, они «оказывали религиозную помощь семьям, потерявшим своих близких на фронтах войны» [Там же, с. 260]. Активность по восстановлению буддийской религии продолжалась и в послевоенные годы. В среде буддийских монахов, вернувшихся из ссылки и буддистов-мирян начинается движение за восстановление разрушенной конфессии на основе лояльности государству и социалистическому строю [17, с. 229]. Надо полагать, большим вкладом в дело возрождения буддизма, стало патриотическое обращение

представителей буддийского духовенства в период войны.

В одном из своих информационных отчетов Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК БМАССР Н. Г. Гармаев сообщает, что «летом 1944 г. дид хамбо Галсанов вместе с представителями ламства и верующих выпустили патриотическое воззвание к верующим на бурят-монгольском языке с призывом о помощи советской Родине и Красной Армии для скорейшей победы над врагом человечества – немецким фашизмом ...»¹.

Текст патриотического обращения был написан на старомонгольской письменности 5 июня 1944 г. Представители буддийской конфессии осуждают фашизм, гитлеровскую агрессию и его последователей, которых необходимо искоренить. В обращении, адресованном верующим говорится о необходимости того, что все, нашедшие прибежище в трёх драгоценностях, и мужчины, и женщины должны направить свои намерения и силы на благое дело по защите Родины. Для того, чтобы подавить врага на корню, всем колхозам, совхозам, производственным силам необходимо усердно трудиться и обеспечивать армию всем насущным и в достаточном объёме. Составители обращения пытаются донести до верующих через их религиозные чувства о том, что наивысшая цель, стоящая перед народом – защита Родины. Кроме дид хамбо Галсанова, в конце обращения следуют имена и других лам – представителей разных дацанов – членов управления: лама Кыренского дацана Тункинського аймака Халудоров Дансаран, габжа-лама Цонгольского дацана Кяхтинского аймака Тасарунов Чагдар, габжа-ламы Янгажинского дацана Иволгинского аймака Ринчен Жамьянов и Шойсорон Цыбенев, а также прихожанин Шулутского дацана Заиграевского аймака Цыбииков Доржи².

По сообщению Н. Г. Гармаева, верующие в ответ на это обращение начали сбор средств в фонд обороны, а наиболее крупные суммы были пожертвованы буддийскими священнослужителями: «по данным Госбанка на 1 января 1945 г. в фонд обороны поступило от верующих 353,1 тыс. р. Внесли в фонд обороны более крупные суммы Галсанов Хайдап (дид хамбо) – 60 тыс. р., Дар-

маев Лобсан-Нима (член ЦДС) – 34 тыс. р., Тасорунов Чагдур (лама, габжа) – 70 тыс. р. и т. д. ... Поступление средств продолжается»³. В последующих отчётах сообщается об увеличивающихся суммах денежных средств и о том, что отдельные лидеры ламства получили благодарность от товарища Сталина: Х. Галсанов, Л.-Н. Дармаев, Ч. Тасорунов⁴.

В отчёте Н. Г. Гармаев также отмечает, что «временно исполняющий должность председателя Центрального духовного совета буддистов Восточной Сибири Хайдап Галсанов имеет тенденции восстановить ЦДС буддистов, но это находится в стадии зачаточного состояния. Никакие связи с ним не установлены»⁵.

Кроме того, для представления общей ситуации следует привести некоторые сведения и из других докладов Уполномоченного, из которых видно, как разворачивались события и принималось решение в пользу открытия Хамбинского сумэ. В первую очередь, надо полагать, сыграл территориальный фактор – близость к «центру», что дало бы возможность контролировать и координировать действия буддийского духовенства.

В одном из документов от 19 февраля 1945 г. говорится следующее: «... В истекшем 1944 году со стороны верующих заявлении об открытии дацанов, церквей и молитвенных домов не поступало. Тем не менее, следует отметить, что по имеющимся сведениям за последнее время отмечается активизация духовенства в республике, например: ... в ряде аймаков республики (Кяхтинском, Джидинском, Селенгинском, Иволгинском, Заиграевском, Хоринском и Еравнинском) в течение лета 1944 года ламы совершали массовые религиозные церемонии, молебствия под открытым небом, так называемые «обоны», «бунханы», «лосод», «дыгдэлгэ» (жертвоприношение богам земли, воды и небес). В таких религиозных обрядах принимали участие 100 и более верующих, главным образом, старики и женщины, а иногда количество участников таковых доходило до 200 человек»⁶.

10 апреля 1945 г. Уполномоченный сообщает, что в связи оживлением буддийского духовенства в стране за последнее вре-

¹ ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). – Ф. Р-248 с. – Оп. 4. – Д. 68. – Л. 4.

² ЦВРК (Центр восточных рукописей и киелографов). – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 731. – Л. 1.

³ ГАРБ. – Р-248 с. – Оп. 4. – Д. 68. – Л. 4.

⁴ Там же. – Л. 6.

⁵ Там же. – Л. 4.

⁶ Там же. – Л. 1.

мя отмечается активизация религиозного движения верующих-буддистов и ламства по республике в целом. Он также говорит и об увеличивающемся количестве поданных ходатайств об открытии буддийских храмов. Так, за первый квартал 1945 г. от верующих поступило 10 заявлений: три по Мухоршибирскому аймаку, два по Заиграевскому аймаку, два по Кяхтинскому аймаку, три по Тункинскому аймаку. Кроме того, отмечаются случаи нелегального открытия молитвенных домиков, якобы для личного пользования некоторых граждан, но на самом деле в них совершались религиозные обряды. К примеру, верующие Кяхтинского аймака в местности Хилгантуй, на старой усадьбе бывшего Цонгольского дацана, открыли нелегальный молитвенный дом, где в течение зимы этого года совершались молебствия. Работники колхоза «Комсомол» Мухоршибирского аймака поставили дом, куда поселили ламу Чимит-Доржи Будаева, что фактически также является нелегальным молитвенным домиком. Верующие Оронгойского и Гильбиринского сомонов Иволгинского аймака по своей инициативе производили уборку в усадьбе Янгажинского дацана и имеют намерение открыть его. Эти и другие факты: самовольное открытие молитвенных домиков, проведение массовых и коллективных обрядов, а также исполнение религиозных треб отдельных верующих являются нарушением существующих законов и инструкции совета по делам религиозных культов при СНК СССР¹.

Назрел вопрос по буддийской конфессии в республике и требуется его принципиальное решение. В связи с этим Уполномоченный Гармаев со своей стороны предлагает провести некоторые мероприятия. В целях прекращения имеющихся мест нарушения законов в религиозном вопросе и предотвращения возможного недовольства со стороны верующих, удовлетворить ходатайства об открытии дуганов (молитвенные дома по типу храмов) со строго ограниченным количеством служителей-лам при них: в Кяхтинском аймаке в местности Хилгантуй при бывшем Цонгольском дацане с количеством лам в три человека для обслуживания верующих Кяхтинского, Кударинского и части Бичурского аймаков; открыть дуган при бывшем Ацагатском дацане с количеством лам в четыре человека для обслужи-

вания верующих Заиграевского, Хоринского, Еравнинского и Кижингинского аймаков; открыть дуган в улусе Зандин Мхоршибирского аймака с закреплением двух лам для обслуживания верующих части Бичурского, Селенгинского и Мухоршибирского аймаков; разрешить открыть дуган в г. Улан-Удэ с количеством лам в пять человек, при котором будет находиться резиденция Центрального Духовного Совета буддистов Восточной Сибири во главе с хамбо-ламой с полномочиями, распространяющимися в отношении буддистов БМАССР, Усть-Ордынского и Агинского национальных округов. Кроме того, в случае проведения незарегистрированными ламами каких-либо молебствий и удовлетворения религиозных треб верующих, привлекать к ответственности за нарушение закона².

Впоследствии все ходатайства были отклонены и принято решение открыть храм «Хамбинский сумэ» в улусе Средняя Иволга с районом деятельности БМАССР с количеством служителей культа при нем в 10–15 чел. Отклонённые ходатайства свидетельствовали и о нецелесообразности открытия множество храмов и, по мнению властей, эти ламы могли выезжать в другие аймаки и удовлетворять религиозные требы верующих буддистов.

Регистрация одного религиозного объединения – Хамбинского сумэ, с одной стороны, могла позволить государственным структурам централизованно контролировать жизнедеятельность буддийской организации и, с другой, в определённой степени доставляла бы меньше хлопот в регуляции деятельности лам, которые по приглашению верующих будут выезжать в закреплённые за ними районы для совершения разного рода молебствий, как индивидуальные, так и коллективные [4, с. 342].

При вынесении положительного решения в пользу открытия Хамбинского сумэ, руководствовались тем, что ходатайство соответствует следующим требованиям Приложения к Постановлению СНК СССР за № 1603 от 19 октября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», а именно:

а) заявители являются совершеннолетними, не лишённые избирательных прав по суду и представителями групп верующих;

¹ ГАРБ. – Ф. Р-248с. – Оп. 4. – Д. 74. – Л. 9.

² Там же. – Л. 7–9.

б) имеется культовое здание, построенное под молитвенный дом местным кулаком Амуровым. Указанное помещение в 1931 г. при проведении ликвидации кулачества как класса, было передано сельсовету и вывезено в центр сомона под квартиры, где и теперь используется как жилой дом;

в) вышеуказанный молитвенный дом «мани» как частновладельческий ранее не был зарегистрирован и существовавшая в то время община Янгажинского дацана не пользовалась им. Этот молитвенный дом в 1931 г. самоликвидировался. Поэтому о закрытии данного молитвенного дома «мани» решения советскими органами не выносились;

г) функционирующих дацанов или молитвенных храмов буддийского духовенства в пределах БМАССР нет¹.

Таким образом, после относительно непродолжительных переговоров и переписка верующих с властями, последними дано разрешение на открытие буддийского храма на территории Иволгинского аймака. Об этом свидетельствует постановление Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской Автономной ССР «Об открытии буддийского храма «Хамбинский сумэ» от 3 мая 1945 г. № 186-ж., согласно которому СНК БМАССР постановляет: удовлетворить ходатайство групп верующих об открытии буддийского храма – «Хамбын сумэ» в улусе Средняя Иволга; передать помещение бывшего молитвенного дома «мани» религиозной общине под буддийский храм «Хамбинский сумэ»; представить настоящее постановление в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР на рассмотрение².

Это постановление стало разрешительным документом на местном уровне и разумеется, что оно было чрезвычайно важным, но окончательную судьбу, представленного к открытию храма, должны были решить в Москве. Поэтому 7 мая 1945 г. Уполномоченным Н. Г. Гармаевым было доложено И. В. Полянскому о том, что при изучении религиозной ситуации и ходатайств, они пришли к выводу о возможности и целесообразности открытия буддийского храма Хамбинское сумэ: «... открываемый храм и регистрация при нём 10–15 лам вполне соответствует требованиям верующих и удовлетворяет их потребностям. Указанные

ламы по приглашению верующих и разрешения ЦДС буддистов будут разъезжать по аймакам и исполнять религиозные требы мирян на дому, а при наличии разрешения Исполкома Аймсовета депутатов трудящихся будут совершать молебствия «обон», «бунхан» и т. п., что парализует действия неразрешенных лам и организацию нелегальных молебствий»³.

Дальнейшая судьба Хамбинского сумэ решалась уже в вышестоящих инстанциях: Совет по делам религиозных культов при СНК СССР постановлением № 4 от 4 сентября 1945 г. вынес положительное решение об открытии храма «Хамбинское сумэ» в улусе Средняя Иволга; Совнарком Союза ССР распоряжением № 14814-рс от 10 октября 1945 года утвердил это постановление⁴. При этом следует заметить, что в адрес Уполномоченного поступало два сообщения (от 10 и 12 октября 1945 г.) о принятом положительном решении и в одном из них говорится о воздержании от фактического открытия храма до получения дополнительных инструкции. Также отмечалось, что вместе с тем был рассмотрен вопрос о созыве в Улан-Удэ ламаистских деятелей Бурят-Монголии, Тувинской, Ойротской, Иркутской и Читинской областей для создания «Временного Центрального духовного управления», главной задачей которого должна была стать ликвидация бродячего ламства, упорядочение выполнения религиозных обрядов и последующего созыва съезда или собора лам для создания юридически правомочного духовного центра. При этом рекомендовалось не приурочивать открытие храма к совещанию и воздержаться от приглашения лам из других областей на это открытие⁵.

11 декабря 1945 г. Уполномоченный Гармаев телеграфирует в Москву: «Буддийский храм открыт, зарегистрирован надлежащим образом. Подробности почтой»⁶. Дальнейшие мероприятия были связаны с регистрацией религиозной общины, его исполнительного органа и ревизионной комиссии, вопросами организации деятельности общины, ремонта и обустройства храма и т. д.

Исходя из того, что автобиографии некоторых средне/верхне-иволгинцев приложены к архивным делам, надо полагать, что именно они являлись наиболее активными

¹ ГАРБ. – Ф. Р-248с. – Оп. 4. – Д. 74. – Л. 17.

² Там же. – Л. 22.

³ ГАРБ. – Ф. Р-248 с. – Оп. 4. – Д. 74. – Л. 12.

⁴ Там же. – Д. 80. – Л. 57.

⁵ Там же. – Д. 74. – Л. 1.

⁶ Там же. – Л. 20.

участниками в деле становления Хамбинского сумэ. Это автобиографии следующих людей: Дармаев Ширип, 1881 г. р.; Санжиев Бальжинима, 1886 г. р.; Зодбоев Гарма Бадмацыренович, 1875 г. р.; Жапов Галсан Жапович, 1883 г. р.; Жамбалов Дугар Нимаевич, 1891 г. р. Упомянутые люди входили в состав учредителей религиозной общины, также являлись и членами исполнительного органа и ревизионной комиссии. Об этом имеется соответствующая справка, составленная на основании протокола собрания верующих от 19 декабря 1945 г. Также на этом собрании было принято решение об избрании Жамьянова Ринчина ширетуем (настоятелем) открывшегося храма¹.

В данном контексте также следует привести некоторые сведения из информационного доклада Н. Г. Гармаева: верующие, узнав о положительном результате ходатайства об открытии храма в Иволге, с большой активностью начали вносить разного рода пожертвования для скорейшего завершения ремонта и оборудования храма. Старик-плотники, печники и другие изъявили желание и приходили на работу. Например, семидесятилетний Дондуков Бадма приходил пешком за тридцать километров и работал на ремонте помещения храма. Верующие приносили продукты питания и деньги на расходы, связанные с ремонтом и открытием храма. По имеющимся данным у них поступило более трёх тысяч деньгами и около десяти пудов различных сельхоз продуктов (мясо, молоко, масло, мука и пр.). Стройматериалы для ремонта помещения храма, такие как как стекло, кирпич и т. д. также поступали от верующих. Все необходимые ремонтные работы были завершены в течение 20 дней. Для внутреннего оборудования верующие пожертвовали различный инвентарь: иконостас, столики, войлок, посуду, шелк, мануфактуру, материал для обивки сидений и др.²

Несколько забегаая вперед и если учесть, что Хамбинский сумэ и Иволгинский дацан по сути есть одно и то же, то следует отметить, что изначально (с 1945 по 1947 г.) его здание располагалось в нескольких километрах от его настоящего расположения. В протоколе общего собрания верующих говорится о том, что место, выделенное под строительство Хамбинского сумэ, располо-

женное в верхней части земельного массива сельхоз артели им. Сталина в местности Тохой-Шибирь, довольно удобно расположено для будущего благосостояния людей³.

Однако ввиду того, что сумэ находился на покосных угодьях колхоза, было решено перенести здание храма на новое место. С другой стороны, местность на котором располагалось сумэ, была болотистой, что также могло повлиять на решение о переносе.

Согласно протоколу общего собрания колхоза им. Сталина от 11 марта 1947 г., рассмотренное ходатайство о выделении земли под усадьбу Хамбинского сумэ в количестве пяти гектаров в местности Мангажин-добо было удовлетворено⁴. Таким образом, в 1947 г. Хамбинский сумэ был перенесён на новое, более возвышенное место, где располагается и по сей день.

Как уже отмечалось неоднократно, было разрешено открыть Хамбинский сумэ при молитвенном доме, который ранее принадлежал кулаку Амурову. Однако по свидетельству Бимба-ламы Доржиева, дом, переданный религиозной общине принадлежал не кулаку Амурову, как сообщают официальные документы, а местным жителям, которые пожертвовали их общине. На балансе Хамбинского сумэ, согласно описи типового договора от 2 февраля 1946 г., официально числится два дома. Первый дом принадлежал Памаевой Даше Сампиловне, которая в качестве подарка-пожертвования передала свой дом религиозной общине. Впоследствии этот подарок и стал тем самым модельным домиком, который в официальных документах называют «культурное здание, переданное аймсоветом религиозной общине». В данном доме проводились культовые служения – хуралы. Второй дом, переданный религиозной общине принадлежал Бужиндайн Адье и представлял собой жилое помещение, использовавшееся ламами для хозяйственно-бытовых нужд⁵.

Слова Бимба-ламы в какой-то степени находят подтверждение в архитектуре Чойра дугана Иволгинского дацана. Несложно разглядеть, что здание Чойра дугана представляет собой пристроенные друг к другу два дома, половина которого выступает из-за большего размера. Это два дома, которые были перевезены из местности То-

¹ ГАРБ. – Ф. Р-248 с. – Оп. 4. – Д. 74. – Л. 27

² Там же. – Д. 68. – Л. 2.

³ Там же. – Л. 1.

⁴ Там же. – Д. 107. – Л. 57.

⁵ Информант Бимба-лама Доржиев.

хой-Шибирь в Мангажин-добо в 1947 г. Также до недавнего времени в качестве джагана (столовой для лам) функционировал и тот самый дом кулака Амурова, который до переноса на территорию дацана находился примерно в трёхстах метрах от нынешнего расположения храмового комплекса. Также, как утверждает Бимба-лама, с момента открытия Хамбинского сумэ до начала его использования в качестве столовой, в доме кулака Амурова никакие религиозные молебны не проводились.

По свидетельству Бимба-ламы, храм «Хамбинский сумэ», якобы начал функционировать уже после сообщения из Москвы от 10 октября, о котором мы упоминали выше. Кроме того, в октябре 1945 г., группа верующих в лице Ширапа Дармаева, Цыренгармы Намсараева и Гармы Зодбоева отправились на конной повозке в улус Эрхирик Заиграевского аймака, чтобы привезти Хайдапа Галсанова на интронизацию в качестве хамбо-ламы. При этом присутствовали ламы – Лубсан-Нима Дармаев, Ринчен Жамьянов, Доржиев Ширап-Жамсо и Доржиев Гармажап. Эти ламы вместе с верующими поднесли Хайдапу Галсанову мандалу, и, согласно традиции, посадили его на семь подушек, что означало, что отныне он хамбо-лама (бурят. «хамбын ширээдэ залаа»)¹. В данном контексте необходимо отметить, что в некоторых документах внутрихрамового оборота Хайдап Галсанов действительно именуется хамбо-ламой. Кроме того, Хайдап Галсанов подписывался как хамбо-лама и на некоторых ходатайствах и представлениях, направляемых уполномоченному Н. Г. Гармаеву. С одной стороны, удивляет смелость представителей духовенства своевольно и столь высоко титуловать себя. С другой стороны, можно крайне осторожно предположить о том, что представители местных властей были осведомлены о происходящем, не вмешивались и безмолвно наблюдали со стороны. К тому же, вопросы вызывает и факт отсутствия коммуникации в течение пяти месяцев уполномоченного Н. Г. Гармаева с органами, которым он был подконтролен. В секретном сообщении, адресованном Н. Г. Гармаеву, Н. Тагиев – член Совета по делам религиозных культов при СНК СССР пишет: «Со времени вашего отъезда из Москвы прошло 5 месяцев и невзирая на

такой продолжительный срок мы от Вас не имеем никаких известий. Не получили также Вашего информационного отчёта за 3-й квартал текущего года. Мы писали Вам два письма – одно 10-го октября, а второе – 12-го октября 1945 г. коими ставили Вас в известность о том, что разрешен к открытию буддийский храм «Хамбинский сумэ» и просили Вас о времени фактического открытия этого храма нас известить, но и на эти письма мы до настоящего времени от Вас не получили ответа»². Надо полагать, что причиной позиции невмешательства со стороны местной власти стало то, что её представители сами были заинтересованы в этом, дабы не ожидать «неприятностей» по фактическому открытию храма. И поскольку все происходило без каких-либо осложнений и неприятностей, то и отчиталась сроками позже. Создается впечатление, что Н. Г. Гармаев не был столь воодушевленным Уполномоченным и в глазах местных верующих его личность несколько не была «демонизирована».

Заключение. Вопреки неоднозначной позиции со стороны властей и прочим перипетиям того времени, разрешение на открытие Хамбинского сумэ – Иволгинского дацана указало на возможность диалога между властями и верующими. Это стало ярким событием не только местного масштаба, но несомненно и то, что открытие Хамбинского сумэ знаменовало собой начало восстановления буддийской конфессии в целом. На наш взгляд, большой вклад в дело становления храма внесли не только духовенство и верующие, но и сам Уполномоченный Н. Г. Гармаев.

Несмотря на то, что многие документы того периода рассекречены, все же часть из них остается недоступна для ознакомления. Возможно, что именно в них содержатся ответы на некоторые вопросы. Существующие в настоящее время спорные моменты в истории Хамбинского сумэ говорят о необходимости дальнейшего ее изучения.

Следует также отметить, что ухудшение религиозной ситуации и вновь усилившаяся антирелигиозная пропаганда конца 1950-х – середины 1960-х гг. не сказались на деятельности Иволгинского дацана, который продолжал развиваться и на сегодняшний день считается центром буддизма в России.

¹ Информант Бимба-лама Доржиев.

² ГАРБ. – Ф. Р-248 с. – Оп. 4. – Д. 74. – Л. 25.

Список литературы

1. Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2000. 162 с.
2. Одинцов М. И. Государство и церковь в России: XX век. М.: Луч, 1991. 171 с.
3. Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Науч.-полит. кн.; Полит. энциклопедия, 2014. 317 с.
4. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 2008. 408 с.
5. Горбатов А. В. Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 77–88. DOI: 10.31857/S086956870001572-7.
6. Мартышин О. В. Государство и религия. М.: Проспект, 2021. 384 с.
7. Митыпов В. М. Государственно-церковная политика в России / СССР в отношении буддийской конфессии // Мир большого Алтая. 2018. Т. 4, № 2. С. 253–264. DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-253-264.
8. Государство и церковь в XX веке: Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты: Опыт России и Европы. М.: Либроком, 2011. 464 с.
9. Ванчикова Ц. П. Иволгинский дацан // Наука в Сибири. 1994. № 24. С. 7–8.
10. Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: Бурят. нац. центр СО РАН, 2006. 132 с.
11. Чимитдоржин Г. Г. Иволгинский дацан «Гандан Даши Чойнхорлин» 1946–2001. История, события, люди. Верхняя-Иволга: Даши Чойнхорлин, 2001. 86 с.
12. Бардымов П. Н. История Иволгинского дацана (по материалам НАРБ) // Иволгинский дацан: история, современность и перспективы: материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2001. С. 61–63.
13. Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сборник документов / сост. С. Г. Аюшеева, М. Г. Бухаева, Н. К. Сафонова, Л. П. Шапова. Улан-Удэ: Комитет по делам архивов РБ, 2001. 260 с.
14. Бальжурова А. Ж., Бороноева Т. А. Иволгинский дацан: сохранение исторического памятника, создание музея // Искусство Евразии. 2019. № 4. С. 255–266. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.017.
15. Кочергина Д. В. Иволгинский дацан как объект туристского показа // Музеи и национальное наследие трансграничных регионов в XXI веке: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, приуроченной к 30-летию кафедры музеологии и наследия ВСГИК. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ин-т к-ры, 2022. С. 269–273.
16. Бороноева Т. А., Бальжурова А. Ж. Культурный диалог религиозной организации и музея (реализация проекта «Сохранение исторического памятника Иволгинский дацан “Хамбын Хурээ”») // Сукачёвские чтения. 2020. № 17. С. 128–133.
17. Абаева Л. Л. Духовенство и миряне в процессах восстановления возрождения буддийских монастырей Бурят-Монголии в послевоенный период // Власть. 2019. № 4. С. 229–233.

Сведения об авторе

Батомункуева Соелма Ринчиновна, кандидат философских наук, Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; soelmul@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5060-0296>.

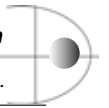
Для цитирования

Батомункуева С. Р. Диалог властей и верующих: предыстория основания Иволгинского дацана // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 64–73. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-64-73.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.

References

1. Tsyrempilova, I. S. Religion and power in the Republic of Buryatia: the history of relations (1917–1940). Ulan-Ude: VSGAKI, 2000. (In Rus.)
2. Odintsov, M. I. State and Church in Russia: XX century. M: Luch, 1991. (In Rus.)
3. Odintsov, M. I., Kochetova, A. S. Confessional policy in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945. M: NPK, 2014. (In Rus.)
4. Gorbatov, A. V. State and religious organizations of Siberia in the 1940s–1960s. Tomsk: Izdatel'stvo NGPU, 2008. (In Rus.)
5. Gorbatov, A. V. Buddhists and the Soviet state in the 1946s–1960s. Russian history, no. 5, pp. 77–88, 2018. DOI: 10.31857/S086956870001572-7. (In Rus.)

6. Martyshin, O. V. State and religion. M: Prospekt, 2021. (In Rus.)
7. Mitypov, V. M. The State and Church policy in Russia. USSR towards the Buddhist confession. *Mir bol'shogo Altaya*, no. 2, pp. 253–264, 2018. DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-253-264. (In Rus.)
8. State and Church in the 20th century: The evolution of relationships, political and socio-cultural aspects: The experience of Russia and Europe. M: Librocom. (In Rus.)
9. Vanchikova, C. P. Ivolgisky datsan. *Science in Siberia*, no. 24, p. 7, 1994. (In Rus.)
10. Vanchikova, C. P., Chimitdorzhin D. G. History of Buddhism in Buryatia: 1945–2000. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2006. (In Rus.)
11. Chimitdorzhin, G. G. Ivolginsky datsan “Gandan Dashi Choynhorlin” 1946–2001. History, events, people. *Verhnyaya-Ivolga: Izd-vo Buddiiskogo instituta “Dashi Choinhorlin”*, 2001. (In Rus.)
12. Bardymov, P. N. The history of the Ivolginsky datsan (according to the materials of the NARB). *Ivolginsky datsan: history, modernity and prospects. Materials of the scientific-practical conference*. Ulan-Ude, 2001: 61–63. (In Rus.)
13. From the history of the religious confessions of Buryatia. XX century. Collection of documents. Compiled by S. G. Ayusheeva, M. G. Buhaeva, N. K. Safonova, L. P. Shapova. Ulan-Ude: Komitet po delam arhivov RB, 2001. (In Rus.)
14. Balzhurova, A. Zh., Boronoeva, T. A. Ivolginsky datsan: preservation of a historical monument, creation of a museum. *Iskusstvo Evrazii*, no. 4, pp. 255–266, 2019. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.017. (In Rus.)
15. Kochergina, D. V. Ivolginsky datsan as an object of tourist display. *Museums and National Heritage of Cross-Border Regions in the 21st Century: Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Timed to the 30th Anniversary of the Department of Museology and Heritage of the All-Russian State Institute of Cinematography*. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2022: 269–273. (In Rus.)
16. Boronoeva, T. A., Balzhurova, A. Zh. Cultural dialogue between a religious organization and a museum (implementation of the project “Preservation of the historical monument Ivolginsky datsan “Khambyn Khuree”). *Sukachev readings*, no. 17, pp. 128–133, 2020. (In Rus.)
17. Abaeva, L. L. Clergy and laymen in processes of restoration/revival of Buddhist monasteries in Buryat-Mongolia during the post-war period. *Power*, no. 4, pp. 229–233, 2019. (In Rus.)

Information about author

Batomunkueva Soelma R., Candidate of Philosophy; Institute for Mongolian Studies of Buddhology and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; soelmul@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5060-0296>.

For citation

Batomunkueva S. R. Dialogue Between Authorities and Believers: Prehistory of Ivolginsky Datsan Foundation // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 64–73. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-64-73.

Received: January 13, 2023; approved after reviewing February 16, 2023; accepted for publication February 17, 2023.

Научная статья

УДК 930.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-74-85

Даниэль Готлиб Мессершмидт в Забайкалье: картографические материалы в архивном наследии

Лариса Дмитриевна Бондарь¹, Ольга Алексеевна Красникова²

¹Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия;

²Библиотека Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

¹L007@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6745-841X>

²okras05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2396-2793>

Целенаправленное научное изучение Забайкальских территорий началось со времени посещения этих областей немецким учёным Даниэлем Готлибом Мессершмидтом, отправленным в сибирское научное путешествие именованным указом Петра Великого. В Забайкалье Д. Г. Мессершмидт провёл более года (3 марта 1724 – 30 марта 1725 г.), однако эта часть его путешествия представлена в бумагах учёного в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН лишь четырьмя картографическими чертежами различного характера. Настоящая публикация вводит в научный оборот эти четыре документа. Факсимильное издание документов сопровождается их транскрибированием, описанием и комментированием на основе путевых записей Д. Г. Мессершмидта, прежде всего, его экспедиционного дневника. Два из рассмотренных документов, помещённые в тексте дневниковых записей за 17 июля 1724 и 6 марта 1725 г., являются фиксацией небольших отрезков собственного маршрута путешественника. Два прочих чертежа – это материал, полученный от информантов: копия карты, представляющей территорию между реками Аргунь и Шилка при их слиянии в Амур, предназначенной для передачи в Берг-коллегию, и чертёж места нахождения горячего источника близ Баргузина, посетить который Д. Г. Мессершмидту не удалось. Рассмотренные сюжеты дополняют портрет Д. Г. Мессершмидта как преданного науке, добросовестного и скрупулёзного исследователя. Введение в научный оборот картографического материала пополняет круг источников по топографии Забайкалья начала XVIII в., подтверждает локализацию редко упоминаемых объектов (Городище на Шилке, Онское зимовье и т. д.) и даёт материал для краеведческих исследований.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт, экспедиции XVIII в., Забайкалье, картографический материал

Original article

Daniel Gottlieb Messerschmidt in Transbaikalia: Cartographic Materials in Archival Heritage

Larisa D. Bondar¹, Olga A. Krasnikova²

¹ St. Petersburg Branch of the Archive, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

² Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

¹ L007@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6745-841X>

² okras05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2396-2793>

The purposeful scientific study of the Trans-Baikal territories began with the visit of a German scientist Daniel Gottlieb Messerschmidt to these areas. He was sent on the Siberian scientific journey by the personal decree of Peter the Great. D. G. Messerschmidt spent more than a year in Transbaikalia (March 3, 1724 – March 30, 1725), but this part of his journey is represented in the scientist's papers in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS) by only four cartographic drawings of various nature. This publication introduces these four documents into scientific circulation. The facsimile edition of the documents is accompanied by their transcription, description and commentary based on D. G. Messerschmidt's travel notes, primarily his expedition diary. Two of the documents considered, placed in the text of diary entries for July 17, 1724 and March 6, 1725 are the fixation of small segments of the traveler's own route. Two other drawings are the material received from informants: a copy of the map representing the territory between the Argun and Shilka rivers at their confluence into the Amur, intended for transfer to the Berg Collegium, and a drawing of the location of a hot spring near Barguzin, which D. G. Messerschmidt failed to visit. The subjects considered complement the portrait of D. G. Messerschmidt as a dedicated, conscientious and scrupulous researcher. The

© Бондарь Л. Д., Красникова О. А., 2023

introduction of the considered cartographic material into scientific circulation replenishes the range of sources on the topography of Transbaikalia at the beginning of the 18th century, confirms the localization of rarely mentioned objects (Gorodishche on the Shilka, Ona Zimovie, etc.) and provides material for local history research.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt, expeditions of the XVIII century, Transbaikalia, cartographic material

Введение. Целенаправленное научное изучение Забайкальских территорий началось со времени посещения этих областей немецким практикующим врачом [1; 2, р. 35–49, 51–54] и учёным, уроженцем Данцига, Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735), приглашенным в конце 1717 г. на русскую службу Петром Великим и его же именным указом от 15 ноября 1718 г. отправленным в сибирское путешествие для изучения природных богатств мало изведанных земель и населяющих их народов [2, р. 54–66; 3, с. 24–26]. Продолжительность путешествия, со дня отправления из Петербурга 1 марта 1719 г. и к моменту возвращения в столицу 27 марта 1727 г., составила чуть более восьми лет [2, р. 83–212; 4; 5]. В Забайкалье, или Западной и Восточной Даурии (*West-Davurien, Ost-Davurien*), как именовал эти территории Д. Г. Мессершмидт, учёный провел немногим больше года, привезя из путешествия богатейший материал, в том числе – картографический.

Известно, что архив Д. Г. Мессершмидта, сохранился не весь, многое было утрачено [6, с. 47–55; 7, р. 93–94]. Надо полагать, что в значительной степени это касается картографического материала. В личном фонде учёного в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) (фонд 98) сохранилось в общей сложности чуть более пяти десятков картографических документов разного характера, что немного для восьмилетнего путешествия. Для Забайкалья эта цифра особенно мала мы располагаем лишь четырьмя картографическими чертежами, которые никогда ранее не становились предметом специального изучения, хотя и были опубликованы факсимильно в разных изданиях (учитывается картографический материал, созданный самим Д. Г. Мессершмидтом).

Настоящая публикация вводит в научный оборот четыре сохранившихся картографических чертежа Д. Г. Мессершмидта разного характера, относящихся к забайкальскому отрезку его экспедиционного маршрута. Факсимильное издание документов сопровождается их транскрибированием, описанием и комментированием.

Обзор литературы и источников.

Маршрут Д. Г. Мессершмидта может быть детально восстановлен благодаря двум документам. Первый из них – это путевой дневник, который в виде пяти объёмных тетрадей, переплетенных в телячью кожу, хранится в СПбФ АРАН¹. Предметом публикаций, начиная с конца XVIII в. становились лишь фрагменты дневника – на языке оригинала (немецком) и в переводе на русский язык [6, с. 55–66; 8, с. 16–20]; но даже самое полное берлинское издание 1960–70-х гг.² содержит лакуны, в частности, касающиеся подробностей маршрута, поэтому для получения точных и достоверных сведений необходимо обращаться к оригинальному тексту дневника.

Второй документ, составленный Д. Г. Мессершмидтом с целью точной фиксации маршрута, озаглавлен автором “*Hodographicum sive Consignationes susceptorum per Sibiriam qua late patet itinerum anniversariæ*”³ и является разделом обширной рукописи, представляющей собой, по сути, итоговый отчёт о путешествии. Рукопись, составленная на латинском языке, получила довольно символическое название – “*Sibiria perlustrata*”, т. е. «Описание Сибири»⁴. Как отметил в своей первой публикации, посвященной этой рукописи, профессор В. Лефельдт [9], название, данное Д. Г. Мессершмидтом, заставляет вспомнить неоконченный труд “*Germania illustrata*” немецкого «эрцгуманиста» Конрада Цельтиса (*Konrad Celtis*; 1459–1508), который, со своей стороны, мог ориентироваться на наименование первого гуманистического географического описания Флавио Бьондо (*Flavio Biondo*; лат. *Flavius Blondus*; 1392–1463) “*Italia illustrata*”. Д. Г. Мессершмидту были не чужды поэтические образы: в его путевом дневнике, помимо научных, отражены и досуговые занятия путешественника, и нам известно, что одним

¹ СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 1–5.

² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. – Тl. 1–5. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962–1977.

³ «Описание маршрута, или годовые записи путешествий, предпринятых по просторам Сибири»: СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 16–55 об.

⁴ Или буквально «Сибирь исследованная (описанная, освещённая)».

ших орфоэпические нормы того времени в разных регионах Сибири. В документах топонимы представлены транслитом (латиницей), географическая номенклатура в подавляющем большинстве случаев – на латинском. Интерпретацию записанных Д. Г. Мессершмидтом названий облегчает многолетний опыт работы авторов исследования с рукописными текстами путешественника, позволивший установить систему в транскрибировании Д. Г. Мессершмидтом экзотической безэквивалентной лексики и с большей долей вероятности реконструировать исходную форму названий.

Топонимика Д. Г. Мессершмидта, относящаяся порой к не существующим уже объектам, требует интерпретации, которая оказывается невозможной без обращения к другим документам учёного: в первую очередь, к путевому дневнику, а также «отчётной» рукописи "Sibiria perlustrata". Рассмотрение источниковых данных в их взаимосвязи позволило авторам реализовать принцип историзма.

Результаты исследования и их об- суждение. Забайкальские территории представлены только на четырёх чертежах Д. Г. Мессершмидта. 29 февраля 1724 г. небольшой экспедиционный отряд на четырнадцать санных подводках и под охраной трёх тобольских солдат выдвинулся из Иркутска вверх по Ангаре и далее, перейдя по льду Байкала на другой берег, 2 марта оказался в Посольском монастыре (*Possolskoi-Monastir*). После ночевки в этом месте, утром 3 марта по Селенге началось собственно путешествие вглубь Даурии. Все свое восьмилетнее путешествие Д. Г. Мессершмидт в "Hodogeticum" разделил на 130 отдельных «поездок» (*Reise*) той или иной степени продолжительности. Первая «поездка» по Забайкалью, начавшаяся от Посольского монастыря 3 марта 1724 г., имеет номер 76; последняя, закончившаяся 30 марта 1725 г. в том же монастыре, записана под номером 95. За время пути по Даурии путешественник прошёл через крупные для того времени населённые пункты: Удинск, Селенгинск, Читинск, Нерчинск, Аргунский завод, – и целый ряд зимовий и стойбищ. Сводную таблицу маршрута подготовил А. К. Сытин [22].

Первая картографическая зарисовка появилась в дневнике 17 июля 1724 г. (рис. 1)¹.

¹ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 179; Рисунок без комментария опубликован в берлинском

Рис. 1. Зарисовка на странице дневника истока реки Шилки. Автор – Д. Г. Мессершмидт. 17 июля 1724 г. Железо-галловые чернила. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 179

Fig. 1. A sketch on the diary page of the source of the Shilka River. The author – D. G. Messerschmidt. July 17, 1724. Iron gall ink

Это рисунок р. Шилки, на стрелке рек Онон и Ингода. Чертёж помещён в тексте описания пути и взят в большие круглые скобки, являясь таким образом, пояснением к тексту. В это время Д. Г. Мессершмидт совершал водное путешествие, начавшееся 26 июня 1724 г. от Читинского острога по реке Чита и далее – по Ингоде, с двухнедельной остановкой (с 3 по 16 июля) в месте, названном «Галкина заимка» (*Galkinah-Saymka*) (окончание 82-й «поездки»)². 17 июля движение продолжилось (начало 83-й «поездки»), и к вечеру отряд достиг места ночёвки в Воровской заимке (*Worowska-pad*, или *Saymka*). В ту ночь дождь, продолжавшийся и на следующее утро, заставил Д. Г. Мессершмидта ночевать в каком-то доме, а в 9 ч 3 мин утра 17 июля путешественник двинулся вниз по Ингоде в северо-восточном направлении. «Но около 10 ч мы повернули сначала на восток, затем на юго-восток, и около 10 ч 15 мин вновь повернули на восток, но скоро снова на восток-северо-восток и юго-восток. Однако в 10 ч 30 мин течение повернуло вновь на восток, а затем на восток-северо-восток; в 10 ч 45 мин мы вновь пошли в восточном направлении с отклонением на юг, по обоим берегам у нас были высокие скалы, и в 11 ч это направление сохранялось ещё тем же – восточное с отклонением на юг, часто устанавливалось направление – на восток. В 11 ч 15 мин мы шли то строго на восток, то с небольшим отклонением к югу, находились в этих же румбах до 11 ч 30 мин и здесь мы наконец достигли места слияния Ингоды (*Inгода*) и Онона (*Onon*) (<в этом месте помещена рассматриваемая зарисовка>), или реки

издании дневника: Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. – T1. 3. – Taf. 7

² СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 39 об. – 40 об.

Шилка (*Schilka*)»¹. Следующий далее текст описания местности имеется в немецком издании дневника².

Следующий картографический материал в дневнике появился 3 сентября 1724 г. (рис. 2)³.

21 июля путешественники по Шилке дошли до устья Нерчи (*Nérza*), свернули в нее, и 22 июля Д. Г. Мессершмидт мог уже разместиться на своей квартире в Нерчинске (окончание 83-й «поездки»). В Нерчинске путешественник провёл три недели. Путешествие продолжилось 12 августа (84-я «поездка»), на этот раз сухим путём, по Ононской степи, на тех же 14-ти подводах в сопровождении трёх тобольских солдат и четырёх нерчинских «служивых». Отряд двигался с остановкой у реки Борзя (*Bordshe*; окончание 84-й поездки и начало 85-й) и 1 сентября прибыл на Аргунский серебряный завод (окончание 85-й «поездки») ⁴.

Во время пребывания на Аргунском заводе и был сделан этот картографический чертёж, существенно отличающийся своей графикой и детализацией не только от большинства дневниковых зарисовок, но и прочих чертежей Д. Г. Мессершмидта, сохранившихся в виде самостоятельных документов. Это карта системы водосбора и истоков реки Амур, на которой изображено верхнее течение Амура (*Amur*), образованного слиянием рек Шилка (*Schilka*) и Аргунь (*Argun*) и система притоков р. Шилки и Аргунь. Надписаны притоки реки Аргунь: правые – Хайлар (*Kailar*), Ганьхэ (Ган) (*Gana*), Маритка (*Marutka*), *Bystra*, *Apa*, *Jasobhka*; левые – Верхняя Борзя (*Sachain-Borsa*), Средняя Борзя (*Dundaky-Borsa*), Нижняя Борзя (*Tsado-Sachain-Borsa*) с впадающей в нее слева падью Гидаринский Зерентуй (*Serentuy*), Уров (*Urobhka*), Урюлькан (*Urulkan*), Газимур (*Gasimur*) со своим правым притоком Зола (*Sola*) и ещё пять безымянных рек в районе Аргунского острога и завода.

¹ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 179; Перевод фрагментов дневника здесь и далее выполнен Л. Д. Бондарь по оригинальному документу. Рядом с именами собственными в скобках указывается оригинальное написание Д. Г. Мессершмидта.

² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. – T1. 3. – S. 85.

³ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 227; Чертёж был опубликован дважды, но в низком качестве и без комментария – в книге М. Г. Новлянской [4, с. 87] и издании дневников: Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. – T1. 3. – Taf. 5.

⁴ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 40 об. – 41 об.

Рис. 2. Карта системы водосбора и истоков реки Амур, помещённая на странице дневника. Автор – Д. Г. Мессершмидт. 3 сентября 1724 г. Железо-галловые чернила, тушь. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 227

Fig. 2. Map of the catchment system and the sources of the Amur River, placed on the diary page. The author – D. G. Messerschmidt. September 3, 1724. Iron gall ink, India ink

В верховьях р. Аргунь – озеро Далайнор (*Bura seu Dalai*) с впадающей в него рекой Керулен (*Kurulun*). Надписаны образующие Шилку река Ингода (*Ingoda*) с левым притоком Чита (*Tschita*) и река Онон (*Onon*) с левым притоком Ага (*Aga*) и правыми Борзя

(Borsa) и Унда (Unda), со своим именованным левым притоком. Притоки Шилки: левые – Нерча (Nerza), Черная (Tschörna), Горбица (Gorbíza), ещё два неназванных левых¹ и один неназванный правый приток. Недалеко от Борзи показан Давусон-нор, или Соляное озеро (Davussün-nor). Из населённых пунктов и острогов обозначены: по Ингоде и Шилке – Читинский острог (Tschitínskoë) при впадении Читы в Ингоду, Городище (Gorodistscha)² – сразу за слиянием Ингоды и Онона, Нерчинск³ (Nerzinskoe), Ундинская (Undínska), Нижний острог (Nishna ostrog)⁴, Botínska derewna (отмечено наличие церкви); по р. Аргунь – завод (Savod), Аргунский острог (Argun ostrog), Используются условные знаки для обозначения статуса поселений, а также алхимические знаки для указания рудных месторождений: при впадении Нижней Борзи в Аргунь знак «Марс» указывает на месторождение железа, при впадении Аги в Онон знак «Венера» указывает на месторождение меди, между истоками Верхней и Средней Борзи, недалеко от реки Газимур знак «Луна» – месторождение серебра.

Точечным пунктиром показаны сухопутные маршруты (волоки): один – между Аргунским острогом и деревней Botínska (цифрой «2» указано расстояние, очевидно, в днях) и три – к заводу: от Нерчинска, Городища и среднего течения реки Унда. По левому берегу рек Керулен и Аргунь – до впадения р. Аргунь в Амур и по правому берегу рек Горбица и Шилка – до впадения Шилки в Амур точечным пунктиром показана граница с Китаем по Нерчинскому договору [23, с. 82]. Дополнительно это обозначено надписями: слева от Горбицы и Шилки и справа от р. Керулен и Аргунь – “Chinense”, между речными границами – “Russiae”.

Изображение ориентировано по северо-востоку, заключено в простую двойную рамку; на поле карты – компасная картушка. Имеется условная разграфка горизонтальными линиями; в диагональном направлении – параллели через 1°, от 47° до 58° северной широты.

Дневниковая запись за 3 сентября даёт сведения об источнике этого чертежа. Во

время пребывания на Аргунском заводе Д. Г. Мессершмидта опекал управляющий (Ober-Berg-Factor oder Inspector) Тимофей Матвеевич Бурцев (Timoth[eus] Matth[aei] fil[ius] Burzoff; Timothée Búrzoſſoff)⁵. В тот день Т. М. Бурцев показал путешественнику предназначавшийся для отправки в Берг-коллегию «чертёж реки Аргунь на карте, поделённой на 90 маленьких квадратов, без долгот и параллелей, что является русским способом изготовления их карт». Отметив этот недостаток, Д. Г. Мессершмидт всё же заинтересовался документом, поскольку там «были указаны пути коммуникации, а также названия рек, городов и деревень», одолжил на время карту и поспешил на свою квартиру, чтобы произвести градусные измерения. В результате он нашёл географическую широту Аргунского завода, которая составила 51°14', «так что мы здесь находились лишь на 0°14' южнее Селенгинска и Аргунского острога, который отсюда отстоит на 50–60 новых верст, приблизительно на той же параллели, хотя возможно несколькими минутами севернее, устье же реки Аргунь, или слияние рек Аргунь и Шилка в реку Амур, что расположено к северо-востоку отсюда, находится значительно выше на север, а ещё выше – устье реки Амур при впадении в Oceanum orientalem [Тихий океан]». «После того, как я все это проделал, я тут же взялся за копирование одолженной мне карты <...> и обозначил градусы параллелей в соответствии с моим определением широт, как это можно видеть на помещённом здесь чертеже <...>»⁶.

Таким образом, в этом случае мы имеем дело с доработанной Д. Г. Мессершмидтом копией карты, снабжённой математической основой. Это занятие, которое путешественник начал около полудня, затянулось глубоко за полночь, так что после завершения этих работ и описания прошедшего дня в дневнике, он лёг спать лишь без четверти три ночи.

Аргунский завод был крайней восточной точкой, откуда 6 сентября путешественник выехал в свою 86-ю «поездку»⁷, чтобы посетить озеро Далайнор и отправиться в обратный путь к Байкалу и в Иркутск. Этот

¹ Один из них, очевидно, река Куенга.

² В “Hodogeticum” назван “Wercha-Gorodistscha derewna или Sehlo” (в отличие от “Nishena-Gorodistscha-Saymka”); СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 40.

³ В “Hodogeticum” – “Nerzinskoy-gorod”; СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 40 об.

⁴ Сретенский острог.

⁵ Бурцев Тимофей Матвеевич (1679 – ?) был управляющим уральского Уктусского завода в 1712–1724 гг., в 1724–1734 гг. – управляющий Нерчинских заводов.

⁶ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 227 об. – 228 об.

⁷ Там же. – Д. 22. – Л. 41.

путь затянулся дольше предполагаемого из-за того, что отряд сбился с дороги [4, с. 91–99], но всё же к 10 ноября 1724 г. (окончание 91-й поездки) путешественник прибыл в Читинский острог, где остался на зимовку¹. За все это время картографического материала в дневнике не представлено.

Последняя зарисовка в Забайкалье была сделана 6 марта 1725 г. (рис. 3)². Вновь мы имеем дело с очень маленькой схемой, представляющей участок русла реки Уда, где точечным пунктиром обозначен маршрут из населённого пункта через два водных препятствия. Изображение внесмасштабное, ориентация по сторонам света не обозначена, чертёж помещён непосредственно в тексте описания пути.

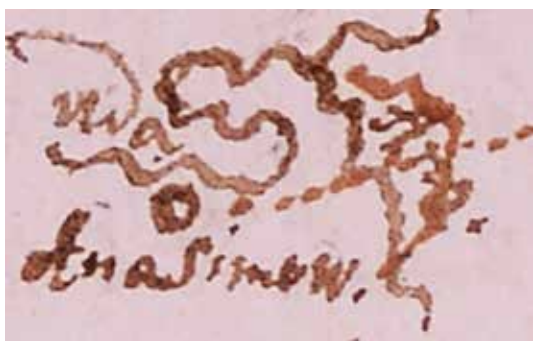

Рис. 3. Зарисовка участка русла реки Уда на странице дневника. Автор – Д. Г. Мессершмидт. 6 марта 1725 г. Железо-галловые чернила. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 42 об.

Fig. 3. Sketch of a section of the Uda River bed on the diary page. Author – D. G. Messerschmidt. March 6, 1725. Iron gall ink

Что касается водных объектов, то в этом случае трудностей с идентификацией не возникает. Подписанное Д. Г. Мессершмидтом название впадающей в Уду реки «Ана» является одним из вариантов произношения и записи правого притока Уды – Она (по-бурятски «Анаа»). Таким образом, эта картографическая зарисовка ориентирована на юг. Относительно изображённого населённого пункта (*Ana Simow.*) дают пояснения дневник и «Hodogeticum».

Из Читинского острога экспедиция выдвинулась на санях 24 февраля 1725 г. (начало 92-й «поездки»). Отряд держал путь

в Удинск, и уже в конце февраля вышел к верховьям Уды, а в начале марта двигался вдоль этой реки, сделав в пути две небольшие остановки: с вечера 28 февраля (окончание 92-й «поездки») до утра 2 марта (начало 93-й «поездки») путешественники находились в Еравнинском остроге (*Jeráwna-ostrog*) на восточном берегу Малого Еравного озера (*Mala-Jeráwna-Ozero*), отправившись из острога 2 марта³. Днём 3 марта приблизились к Уде и 5 марта в 1 ч 45 мин дня достигли пункта, названного Д. Г. Мессершмидтом «Ана-Зимовья» (*Ana-Simobhia*) «лежащего на Уде, правом берегу, примерно ½ версты выше устья реки Ана, где подводы редко меняют лошадей. Я приказал установить мою юрту <..>»⁴ (окончание 93-й поездки).

Таким образом, указанное на схеме название «Ана Simow.» – это место ночёвки, являвшееся мало используемой, судя по словам путешественника, почтовой станцией и названное в дневнике *Ana-Simobhia*, в «Hodogeticum» – *Ana-Simowia*⁵. Какие бы то ни было широтные определения для этого пункта у Д. Г. Мессершмидта отсутствуют как в дневнике, так и в таблице градусных измерений в «Sibiria perlustrata», однако с большой долей вероятности следует предполагать, что речь идёт о современном улусе Анинск, бывшей почтовой станции на Старомосковском тракте.

Об изображённом на рисунке рукаве Оны вновь находим сведения в дневнике. Итак, утром 6 марта Д. Г. Мессершмидт выдвинулся дальше, на этот раз из-за малого количества снега в степи слабых лошадей пришлось заменить на волов (начало 94-й «поездки», которая окончится 11 марта в Удинске⁶). Сначала Д. Г. Мессершмидт двигался «в западном направлении с небольшим отклонением к югу и в 11 ч 15 мин перешёл реку Ану недалеко от её устья < в этом месте помещена рассматриваемая схема > с левого на правый берег, а вскоре, около 12 ч, – *Narráng-chadda*, или горный массив, который остался по левую сторону нашей дороги, так как мы из-за снега прошли позади него, почти в то же время пересекли протоку (*Protóka*) реки Ана, называемую *Tatur* (то есть, «Неглубокая») – с левого на правый берег и после этого стали двигаться по достаточно хо-

¹ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 42 об.

² Там же. – Д. 4. – Л. 42 об; рисунок без комментария опубликован в берлинском издании дневника: Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. – Т1. 4. – Taf. 5.

³ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 42 об. – 43.

⁴ Там же. – Л. 41 об.

⁵ Там же. – Д. 22. – Л. 43.

⁶ Там же. – Л. 43 об. – 43 об.

рошему снежному пути без каких-либо дальнейших [трудностей]»¹. В “Hodogeticum” этот участок пути обозначен следующим образом: “<...> durch die Udische Steppen längsthin dem Uda-Fluße unterwärts, über Ana-reka-ostium; Ana-tadör oder Protócka” (“<...> через удинскую степь вдоль реки Уда, вниз по течению, через устье реки Ана, *Ana-tadör*, или *Protócka*”)².

Так, на зарисовке 6 марта 1725 г. Д. Г. Мессершмидт показал маршрут от почтовой станции до хорошей проезжей дороги.

Ещё одна забайкальская картографическая зарисовка находится среди собранных в отдельное архивное дело рабочих заметок (рис. 4)³; чертеж был опубликован факсимильно [24, рис. 6]. Это немасштабное изображение местности в Забайкалье; в правой части чертежа имеется простая компасная картушка.

На чертеже показан берег озера Байкал (*Baykúl*) и устья нескольких рек, впадающих в него. Притоки Итанца (*Itanza*) и Уда (*Uda*) позволяют определить первую снизу неназванную реку как Селенга; обозначен приток Итанцы – *Krasnarezka*. К северу от Селенги показаны р. Кика (*Kiky*) с правым притоком – Хаим (*Chajim*), затем р. Баргузин (*Warchosynn*) и два левых притока – *Korunkanka* (Курумканка?) и Шаманка (*Schamanka*). Севернее Кики – озеро, обозначенное как *Kotokill* (оз. Котокельское). Прерывистым пунктиром показан маршрут от устья Уды, по правому берегу Селенги, до устья Итанцы, затем по правому берегу Итанцы, через Итанцу, *Krasnarezka*, Кику и Хаим в точку, находящуюся между реками Хаим и Курумканка, недалеко от озера Котокель.

Рис. 4. Картографический чертёж участка впадения в Байкал рек Селенга, Кика и Баргузин. Автор – Д. Г. Мессершмидт (28 марта 1724 г.). Железоголловые чернила © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 164 об.

Fig. 4. Cartographic drawing of the confluence of the Selenga, Kika and Barguzin rivers into Lake Baikal. Author – D. G. Messerschmidt. [March 28, 1724]. Iron gall ink

¹ СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 42. об. – 43 об.

² Там же. – Д. 22. – Л. 43.

³ Там же. – Д. 39. – Л. 164 об.

Рисунок занимает верхний левый угол листа, отчерчен от остального поля вертикальной и горизонтальной чертой. На основном поле листа надписи отсутствуют, но в качестве шапки записана фраза: «Иван, Максимов сын, Кирпичников <три (?) слова зачеркнуто>, баргузинский служивый». Позднее дописано: «сообщил эту информацию, которая вполне хороша» (т. е., правдоподобна)¹.

О встрече с названным служивым находим информацию в дневнике. Эта встреча состоялась 28 марта 1724 г. во время первого пребывания Д. Г. Мессершмидта в Удинске на пути вглубь Даурии. «Около полудня комиссар Фёдор, Андреев сын, Байтонов (*Fedor Andreewsin Baytónoff*) прислал баргузинского служивого по имени Иван Кирпичников (*Iwan-Kirpischnikoff*), который сообщил мне, что недалеко от устья реки Арал (*Aral-Fluß*) при впадении в реку Баргузин (*Wargúsin*) имеется бьющий изпод земли родник, или горячий источник, который расположен в четырёх днях пути от Баргузинского острога (*Wergosyn-Ostrog*), и что никакой другой дорогой до него не добраться, так как вокруг сплошь каменистая местность. Обычный зимний путь от Удинска до Баргузинского острога через степь на озеро Котокиль (*Kotokil=Osero*) и т. д. будет в весеннее время крайне сложен из-за вскрывшейся сейчас реки Хаим (*Chajin=Strohm*) и её быстрого течения, а также и позднее, летом, из-за неопределимо огромных болот, и туда невозможно провести никакую гружёную лошадь без ущерба для имущества. Кроме того, [по дороге] имеется едва лишь 3–4 зимовья, а потому придётся около 10 ночей провести под открытым небом, что на воде вынести невозможно. Для меня оставался единственно возможным водный путь летом, для чего, однако я должен был запланировать [на дорогу] из Удинска и обратно не менее 4–5 недель»². Далее Д. Г. Мессершмидт попросил своего гостя записать эту сказку по-русски и присоединил её к подборке копий официальных бумаг, которую он име-

новал “*Acta curialia*” и которая сохранилась в фонде Д. Г. Мессершмидта в составе трёх архивных дел³.

Таким образом, Д. Г. Мессершмидт записал и зарисовал путь к горячему источнику, однако посетить его путешественнику не было суждено; на север от Селенги он не заходил.

Заключение. Число картографических изображений, сохранившихся в бумагах Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, ограничивается четырьмя рассмотренными чертежами. Только два из них, помещённые в тексте дневниковых записей за 17 июля 1724 и 6 марта 1725 г., являются фиксацией небольших отрезков собственного маршрута путешественника. Два прочих чертежа – это материал, полученный от информантов.

Рассмотренные сюжеты, в первую очередь, дополняют портрет Д. Г. Мессершмидта как преданного науке, добросовестного и скрупулёзного исследователя. Сопутствующие картографическим чертежам дневниковые записи отмечают важные детали получения топографической информации или тех особенностей экспедиционного пути, которые заставили путешественника представить его зарисовки. Усилия, приложенные учёным к доработке карты, полученной на Аргунском заводе, повышают степень доверия к имеющейся в бумагах Д. Г. Мессершмидта информации.

Введение в научный оборот рассмотренного картографического материала Д. Г. Мессершмидта пополняет круг источников по топографии Забайкалья начала XVIII в., подтверждает локализацию редко упоминаемых объектов (Городище на Шилке, Онское зимовье и т. д.) и даёт материал для краеведческих исследований; записи отражают топонимику, бытовавшую в разговорной среде, которая могла отличаться от официальной. Отдельного внимания заслуживает копия карты, предназначавшейся для отправки в Берг-коллегию, как элемент изучения горно-заводских чертежей начала XVIII в.

Список литературы

1. Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmits Dissertation “De ratione praeside universae medicinae” – Bericht über eine Annäherung. Текст: электронный // *Collegae, amico, magistro*: сб. научных трудов к 70-ле-

¹ Iwan-Maximow syn Kyrpischnikoff <...> Bhargusyns<...> Slusive; ertheilte diese Nachricht: so ziemlich gut ist”; СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 164 об.

² СПбФ АРАН. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 73–73 об.

³ Там же. – Д. 31–33.

тию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. URL: https://renomespb.ru/uploads/pdf/10.25990_archiveras.messer.bkjb-8f42.pdf (дата обращения: 21.02.2023).

2. Lehfelddt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen: Universitätsverlag, 2023. 732 p.

3. Лефельдт В. Д. Г. Мессершмидт: биографическая канва и хронология событий // Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под. общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 19–32.

4. Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

5. Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готтлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11. № 3. С. 120–134. DOI: 10.24411/2076-8176-2019-13006.

6. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с.

7. Vermeulen H. F. Ethnographie, Ethnologie und Anthropologie im 18. und 19. Jahrhundert: Einheit, Vielfalt und Zusammenhang // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 2019. Bd. 40. P. 91–117. DOI: 10.30819/mbgaeu.40.8.

8. Чивтаев Ю. И. Предисловие // Мессершмидт Д. Г. «В Иркутском на реке Ангаре» (дневник: декабрь 1723 – февраль 1724) / пер. с нем. О. Д. Лазуткиной; под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь; сост. Ю. И. Чивтаев; под общ. ред. Ю. И. Чивтаева, Л. Д. Бондарь. Иркутск: На Чехова, 2021. С. 4–24.

9. Lehfelddt W. Daniel Gottlob Messerschmidt, der erste Erforscher Sibiriens, und sein Werk «Sibiria perlustrata» // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. 2019. 2021. P. 69–97.

10. Казанский Н. Н. Даниэль Готтлиб Мессершмидт в гостях у читинского богача: эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу // Homo omnium horarum: сборник статей в честь 70-летия А. В. Подосинова / под ред. А. В. Белоусова, Е. В. Илюшечкиной. М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2020. С. 262–271.

11. Казанский Н. Н. К изучению латинских стихотворений Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. ст. / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 53–56. DOI: 10.25990/archiveras.messer.an0g-3x14.

12. Зенкевич С. И., Басаргина Е. Ю. Походная библиотека Д. Г. Мессершмидта в сибирском путешествии. Текст: электронный // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней: материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. С. 664–667. URL: <http://sibhistory.sfu-kras.ru/архив> (дата обращения: 21.02.2022).

13. Nicolai J. F. Hodogeticum orientale harmonicum, quod complectitur I. Lexicon linguarum Ebraicae, Chaldaicae, Syriacae <...> harmonicum. II. Grammaticam linguarum earundem <...> harmonicam. III. Dicta Biblica <...> harmonica. Jenae: Typis et impensis Johannis Jacobi Bauhoferi, 1670. 236 p.

14. Vermeulen H. F. Before Boas. The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2015. 718 p.

15. Бондарь Л. Д., Лефельдт В., Тункина И. В. Д. Г. Мессершмидт как учёный-пиетист // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 28–36. DOI: 10.25990/archiveras.messer.tzjj-rv23.

16. Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Зенкевич С. И., Зорин А. В., Кургузова А. В., Лефельдт В., Поникаровская М. В., Сизова А. А., Смирнов А. В., Сытин А. К., Тункина И. В. «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта – энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи: [коллективная монография] / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной; при участии В. П. Иванова, Д. А. Кондаковой, А. В. Куприянова, И. Майер. СПб.: Реноме, 2022. 560 с. DOI: 10.25990/archiveras.messer.x2n2-zn44.

17. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век: первая половина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 364 с.

18. Берг Л. С. Первые карты Камчатки // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75, вып. 4. С. 3–7.

19. Гнучева В. Ф., Черников А. М. О работах Архива по изучению экспедиционной деятельности Академии Наук // Вестник АН СССР. 1935. № 10. С. 46–52.

20. Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.: Главсевморпути, 1949. С. 771–816.

21. Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук / под общ. ред. И. В. Тункиной. СПб.: Реноме, 2022. 228 с. DOI: 10.25990/archiveras.3r6q-es04.

22. Сытин А. К. Даниэль Готтлиб Мессершмидт – ботаник // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века / сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластунов; отв. ред. А. К. Сытин. СПб.: Келлер, 2022. 408 с.

23. Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАРД, 2014. 364 с.

24. Бондарь Л. Д. Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 199–213. DOI: 10.25990/archiveras.messer.9h9n-t933.

Информация об авторах

Бондарь Лариса Дмитриевна, кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; 196084, Санкт-Петербург, ул. Киевская, д. 5, корп. 9, строение 1; L007@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6745-841X>.

Красникова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук; Библиотека Российской академии наук; 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1; okras05@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2396-2793>.

Вклад авторов в статью

Бондарь Л. Д. – выявление архивных документов, анализ источников, транскрибирование и перевод источников с немецкого и латинского языков, формулировка выводов и обобщение результатов исследования.

Красникова О. А. – изучение и обзор предшествующих работ по теме исследования, транскрибирование и описание картографических документов.

Для цитирования

Бондарь Л. Д., Красникова О. А. Даниэль Готтлиб Мессершмидт в Забайкалье: картографические материалы в архивном наследии // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 74–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-75-85.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

References

1. Lehfeltd, W. Daniel Gottlieb Messerschmits Dissertation “De ratione praeside universae medicinae” Bericht über eine Annäherung. In Abashnik, A. V., Bondar, L. D., Hintzsche, A.-E., editors Collegae, amico, maestro: collection of scientific papers for the 70th anniversary of Dr. Wieland Hintzsche. Kharkiv, 2019: 154–163. (In Germ.)

2. Lehfeltd, W. Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen: Universitätsverlag, 2023. (In Germ.)

3. Lehfeltd, W. D. G. Messerschmidt: biographical outline and chronology of events. Ed. by Basargina, E. Yu., Zenkevich, S. I., Lehfeltd, W., Khosroev, A. L. The first explorer of Siberia D. G. Messerschmidt: Letters and documents. 1716–1721. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2019: 19–32. (In Rus.)

4. Novlyanskaya, M. G. Daniel Gottlieb Messerschmidt and his works on the study of Siberia. Leningrad: Nauka, 1970. (In Rus.)

5. Basargina, E. Yu., Bondar, L. D., Tunkina, I. V. 300 years of the first scientific expedition to Siberia: Daniel Gottlieb Messerschmidt and the study of his scientific heritage. Historical and biological research, vol. 11, no. 3, pp. 120–134, 2019. DOI: 10.24411/2076-8176-2019-13006. (In Rus.)

6. Tunkina, I. V., Savinov, D. G. Daniel Gottlieb Messerschmidt: At the origins of Siberian archaeology. Saint Petersburg: Elexis, 2017. (In Rus.)

7. Vermeulen, H. F. Ethnographie, Ethnologie und Anthropologie im 18. und 19. Jahrhundert: Einheit, Vielfalt und Zusammenhang. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, vol. 40, pp. 91–117, 2019. DOI: 10.30819/mbgaeu.40.8/. (In Germ.)

8. Chivtaev, Yu. I. Preface. In Messerschmidt, D. G. “In Irkutsk on the Angara River” (diary: December 1723 – February 1724). Irkutsk: Na Chekhova, 2021: 4–24. (In Rus.)

9. Lehfeltd, W. Daniel Gottlob Messerschmidt, der erste Erforscher Sibiriens, und sein Werk “Sibiria perlustrata”. Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 2019, pp. 69–97, 2021. (In Germ.)

10. Kazansky, N. N. Daniel Gottlieb Messerschmidt visiting the Chita rich man: an epigram written on March 4, 1725 in imitation of Martial. Ed. by Belousov, A. V., Ilyushechkina, Y. V. Homo omnium horarum: a collection of articles in honor of the 70th anniversary of A. V. Podosinov. M: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2020: 262–271. (In Rus.)

11. Kazansky, N. N. To the study of Latin poems by D. G. Messerschmidt. Ed. by Basargina, E. Yu, Bondar, L. D., Tunkina, I. V. To the 300th anniversary of the beginning of Daniel Gottlieb Messerschmidt's expedition to Siberia (1719–1727). Saint Petersburg: Renome, 2021: 53–56. DOI: 10.25990/archiveras.messer.an0g-3x14. (In Rus.)
12. Zenkevich, S. I., Basargina, E. Yu. The field library of D. G. Messerschmidt in the Siberian journey. Ed. by Drozdov, N. I. Peoples of Siberia and the Far East from ancient times to the present day. Proceedings of the International Scientific Conference. Krasnoyarsk: 14–16 September 2022: 664–667. URL: <http://sibhistory.sfu-kras.ru/архив> (In Rus.)
13. Nicolai, J. F. Hodogeticum orientale harmonicum, quod complectitur I. Lexicon linguarum Ebraicæ, Chaldaicæ, Syriacæ <...> harmonicum. II. Grammaticam linguarum earundem <...> harmonicam. III. Dicta Biblica <...> harmonica. Jenæ: Typis et impensis Johannis Jacobi Bauhoferi, 1670. (In Lat.)
14. Vermeulen, H. F. Before Boas. The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2015. (In Engl.)
15. Bondar, L. D., Leheldt, W., Tunkina, I. V. D. G. Messerschmidt as a pietist scientist. Ed. by Basargina, E. Yu, Bondar, L. D., Tunkina, I. V. To the 300th anniversary of the beginning of Daniel Gottlieb Messerschmidt's expedition to Siberia (1719–1727). Saint Petersburg: Renome, 2021: 28–36. DOI: 10.25990/archiveras.messer.tzjj-rv23. (In Rus.)
16. "Sibiria Perlustrata" by D. G. Messerschmidt – encyclopedic description of Siberia of the Petrine epoch. Saint Petersburg: Renome, 2022. DOI: 10.25990/archiveras.messer.x2n2-zn44. (In Rus.)
17. Andreev, A. I. Essays on the source studies of Siberia. XVIII century: the first half. M.; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1965. (In Rus.)
18. Berg, L. S. The first maps of Kamchatka. News of the All-Union Geographical Society, vol. 75, iss. 4, pp. 3–7, 1943. (In Rus.)
19. Gnucheva, V. F., Chernikov, A. M. On the works of the Archive for the study of the expeditionary activities of the Academy of Sciences. Bulletin of the USSR Academy of Sciences, no. 10, pp. 46–52, 1935. (In Rus.)
20. Efimov, A. V. On maps relating to the great Russian geographical discoveries of the XVII and the first half of the XVIII centuries. In Krashennikov, S. P. Description of the land of Kamchatka. M.: Izdatel'stvo Glavsevmorputi, 1949: 771–816. (In Rus.)
21. Bondar, L. D., Iodko, O. V., Krasnikova, O. A. Comprehension of Russia. Topography of Siberia of the XVIII century in graphic documents of the Second Kamchatka expedition in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Renome, 2022. DOI: 10.25990/archiveras.3r6q-es04. (In Rus.)
22. Sytin, A. K. Daniel Gottlieb Messerschmidt – botanist. In Sytin, A. K., Slastunov, D. D. From the Kunstammer to herbology. The development of botany in Russia in the first half of the XVIII century. Saint Petersburg: Keller, 2022. (In Rus.)
23. Postnikov, A. V. History of geographical study and mapping of Siberia and the Far East in the XVII – early XX century in connection with the formation of the Russian-Chinese border. M: LENARD, 2014. (In Rus.)
24. Bondar, L. D. Working sketches of D. G. Messerschmidt as a historical source. Ed. by Basargina, E. Yu., Bondar, L. D., Tunkina, I. V. To the 300th anniversary of the beginning of Daniel Gottlieb Messerschmidt's expedition to Siberia (1719–1727). Saint Petersburg: Renome, 2021: 199–213. DOI: 10.25990/archiveras.messer.9h9n-t933. (In Rus.)

Information about authors

Bondar Larisa D., Candidate of History; St. Petersburg Branch of the Archive, Russian Academy of Sciences, 1 building, 9 corpus, 5 Kievskaya st., St. Petersburg, 196084, Russia; L007@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6745-841X>.

Krasnikova Olga A., Candidate of History; Library of the Russian Academy of Sciences, 1 Birzhevaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russia; okras05@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2396-2793>.

Contribution of authors to the article

Bondar L. D. – identification of archival documents, analysis of sources, transcription and translation of sources from German and Latin, formulation of conclusions and generalization of research results.

Krasnikova O. A. – study and review of previous works on the research topic, transcription and description of cartographic documents.

For citation

Bondar L. D., Krasnikova O. A. Daniel Gottlieb Messerschmidt in Transbaikalia: Cartographic Materials in Archival Heritage // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 74–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-74-85.

Received: January 17, 2023; approved after reviewing February 20, 2023; accepted for publication February 22, 2023.

Научная статья

УДК 94(571.54)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-86-96

Баргузин: городская история (1783–1927)

Татьяна Сергеевна Бреславская

*Региональный центр обработки информации и оценки качества образования, г. Улан-Удэ, Россия
breslavskaya83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-5220>*

Статья посвящена «городскому» периоду Баргузина (1783–1927). Его история имеет свои особенности, тесно связанные с окраинной политикой государства. Основанный как острожное поселение на пути продвижения казаков Русского царства на Восток, Баргузин стал одним из первых опорных пунктов «государевых слуг» на территории современной Бурятии. После завершения процесса присоединения сибирских территорий менее трети острогов – деревянных крепостей – получили шанс на дальнейшее развитие благодаря удачному транспортно-географическому положению, возможности экономического развития и покровительству со стороны региональной власти. Баргузин был в их числе. В статье рассматривается вопрос соответствия Баргузина статусу города на всем протяжении его «городской» истории. На основе широкой источниковой базы автор доказывает, что Баргузин, даже при малой численности населения, в исследуемый хронологический период соответствовал критериям города: многообразие занятий населения, значительная экономическая и политическая роль в крае. Основные принципы и методы исторического исследования позволили выявить причинно-следственные связи, закономерности, факты, особенности развития Баргузина, обусловленные, как внешними, так и внутренними факторами. Хотя в качестве административного центра Западного Забайкалья Баргузин пробыл несколько лет, он, сохранив статус уездного города, стал средоточием политической, экономической и культурной жизни края, центром золотодобычи и местом массовой, в том числе политической, ссылки, которая привнесла в городской уклад новые культурные традиции. Установлено, что в конце XIX в. Баргузин утратил свои позиции из-за спада золотодобычи и отдалённости от Транссибирской железнодорожной магистрали. За годы экономического процветания Баргузин не создал материальной базы, которая при истощении золотодобычи могла бы подпитывать город, а отдалённость от торговых путей исключала развитый торговый оборот, обеспечивавший приток населения. Потеря Баргузином городского статуса не уменьшила интереса исследователей к различным аспектам его богатой истории.

Ключевые слова: Баргузин, город, купечество, торговля, золотопромышленность, ремесло, сельское хозяйство

Original article

Barguzin: Urban History (1783–1927)

Tatyana S. Breslavskaya

*Regional Center for Information Processing and Education Quality Assessment, Ulan-Ude, Russia
breslavskaya83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-5220>*

The article is devoted to the “urban” period of Barguzin (1783–1927) – one of the oldest settlements in the Republic of Buryatia. Its history has its own peculiarities, closely related to the marginal policy of the state. Founded as a prison settlement on the way of the Cossacks of the Russian Kingdom advancing to the East, Barguzin became one of the first strongholds of the “sovereign’s servants” on the territory of modern Buryatia. After the completion of the process of annexation of the Siberian territories, less than a third of all Siberian prisons – wooden fortresses – got a chance for further development due to their successful transport and geographical location, opportunities for economic development and patronage from the regional authorities. Barguzin was among them. The article for the first time considers the question of compliance of Barguzin with the status of the city throughout its “urban” history. Based on a wide source base, including archival documents introduced into scientific circulation for the first time, the author proves that Barguzin, even with a small population, in the chronological period under study corresponded to the criteria of the city highlighted by researchers: the diversity of the population occupations, a significant economic and political role in the region. Although Barguzin stayed only a few years as the administrative center of Western Transbaikalia, having retained the administrative status of a county town, it became the focus of the political, economic and cultural life of the region, the center of

© Бреславская Т. С., 2023

gold mining and a place of mass exile, including the political one, new cultural traditions having been brought to the urban way of life. The author states that Barguzin lost its positions at the end of the XIXth century which is explained by the decline in gold mining and remoteness from the Trans-Siberian railway. During the years of economic prosperity provided by gold mining, Barguzin did not create a material base that, with the depletion of gold placers, could fuel the city, and the remoteness from trade routes excluded a developed trade turnover that provided an influx of population. The loss of Barguzin urban status did not diminish the interest of researchers in its rich history. The basic principles and methods of historical research: objectivity, historicism, scientific, systematic, comparative analysis allowed us to identify cause-and-effect relationships, patterns, facts, features of Barguzin development due to both external and internal factors.

Keywords: Barguzin, city, merchants, trade, gold industry, craft, agriculture

Введение. В 1648 г. на карте Сибири появился новый опорный пункт на пути продвижения русских казаков на восток – Баргузинский острог. 2 марта 1783 г. он стал уездным городом Баргузинского уезда Нерчинской области Иркутской губернии. 26 октября 1790 г. городу пожалован собственный герб. 22 июня 1822 г. Баргузин по управлению был отнесен к разряду малолюдных городов. 11 июля 1851 г. причислен к Забайкальской области. 6 декабря 1856 г. получил статус окружного города.

На рубеже XIX–XX вв. округа Забайкальской области были преобразованы в уезды. Баргузинский округ вновь стал уездом в 1901 г. В его состав вошли город Баргузин, Читканская волость и два сельских общества: Верхнеангарское и Горячинское.

В ноябре 1920 г. Баргузинский уезд вошел в состав Прибайкальской области Дальневосточной Республики. После её ликвидации в 1922 г. Баргузинский уезд вместе с Баргузином вошёл в состав Прибайкальской губернии. 30 мая 1923 г. уезд был передан Бурят-Монгольской АССР, а 23 декабря того же года преобразован в Баргузинский аймак. До 1927 г. город Баргузин входил в состав аймака.

Городской статус Баргузина определялся в том числе и его значением как экономического центра обширного Баргузинского округа. Жители города и окрестностей добывали золото, занимались торговлей, работали на рыбных и пушных промыслах.

Хозяйственный и культурный быт баргузинцев формировался не одно десятилетие под влиянием различного рода факторов: природно-климатических условий, периферийного положения, отдалённости от крупных городских и культурных центров. Политика самодержавия, отводившая Сибири роль ссыльного края, способствовала появлению здесь ссыльнопоселенцев. Баргузин оказался средоточием различных национальных культур и вероисповеданий, что

также не могло не отразиться на его социально-культурном и экономическом облике. Представители разных политических движений, сосланные сюда в разное время, тоже внесли свою лепту в формирование уклада жизни города и края.

Обзор литературы. История Баргузина отразилась в мемуарах, о Баргузине написаны книги и статьи научного и научно-популярного характера. В той или иной мере историю, социальную структуру, экономику, культуру, архитектуру Баргузина и Баргузинского края изучали А. Р. Артемьев [1–2], Г. Д. Басаев [3], Д. Б. Батоев [4], В. П. Гирченко [5], С. В. Евдокимова [6–8], Л. В. Кальмина [9–13], Л. В. Курас [14–15], Т. С. Мамсик [16], Т. В. Паликова [17–21], Т. С. Филиппова [22–23], М. М. Шмулевич [24] и др. В работах историков, краеведов, географов рассматриваются отдельные аспекты истории Баргузина и округа/уезда. Изучение повседневности забайкальских городов позволило исследователям провести сравнительный анализ и определить место Баргузина в забайкальской городской сети.

Методы исследования. При написании статьи мы руководствовались принципами историзма, системности и объективности. Историко-хронологический метод позволил структурировать материал в хронологической последовательности. Историко-сравнительный метод дал возможность определить общую историческую закономерность основания и развития забайкальских городов и специфику Баргузина, чей статус, обусловленный как внешними, так и внутренними факторами, неоднократно менялся.

Результаты исследования и их об-суждение. Европейские города начинают отсчёт своей истории с той поры, когда они были крепостью и местом дислокации гарнизона. В Российской империи остроги также выполняли эту функцию. Баргузинский острог появился как форпост для дальней-

шего продвижения российского государства в Забайкалье.

Когда Баргузин официально был определен как уездный город Нерчинской волости¹, подчинявшейся Иркутскому наместничеству, в нем жили не более 40 чел. [1, с. 42]. Не отличались большой численностью населения и некоторые другие города Забайкалья, например, Селенгинск. Это подтверждает мнение немецкого исследователя М. Вебера: величина населения не может быть решающей в определении понятия «город» [25, с. 308]. Однако «одним взмахом пера города не создаются, для этого требуются известные экономические условия»². Признаком города, например, считается «многообразие» занятий». С экономической точки зрения, город может быть определен как поселение, жители которого в преобладающей своей части занимаются не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей [Там же]. Это определение подходит к городам Забайкалья того периода. В Верхнеудинске, Селенгинске и Баргузине уже в XVIII в. существовали мельницы и кожевенные заводы, хотя преобладало не мануфактурно-заводское, а ремесленное производство [26, с. 228]. В Баргузине, как и в более крупном Верхнеудинске, население занималось торговлей, ремеслами, перевозкой товаров, хлебопашеством, охотой и рыбной ловлей.

Единственным направлением в добыче полезных ископаемых в те времена было золотоискательство. Даже сосланный в Баргузин декабрист М. К. Кюхельбекер не избежал соблазна занятия золотодобычей «и обращался к министру финансов с просьбой о выдаче ему разрешения на разработку золотых россыпей в Восточной Сибири»³. В его письмах встречается характеристика приисков: «золото идёт плохо»⁴, «золото на одном прииске оказалось богатое»⁵. «По свидетельству его современника П. И. Пер-

¹ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. – СПб.: Товарищество, 1914. – С. 346.

² БАО (Баргузинский архивный отдел). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 5.

³ Декабристы: биогр. справ. – М.: Наука, 1988. – С. 97.

⁴ Декабристы о Бурятии: Статьи, очерки, письма / АН СССР. Сиб. отд.-ние Бурят. филиал. Ин-т обществ. наук; отв. ред. П.Т. Хаптаев и С.Ф. Коваль, сост., авт. предисл. и примеч. В.Б. Бахаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – С. 168.

⁵ Там же. С. 177.

шина-Караксарского, М. К. Кюхельбекер служил агентом золотопромышленной компании Витимской тайги, скорее всего без официального разрешения [16, с. 134].

Добыча золота в Баргузинской тайге шла неравномерно, были годы спада и подъёма. В источниках данный вид деятельности оценивается как основное дело горожан: «занятие жителей, почти исключительно, золотопромышленность»⁶, хотя «в Баргузинском округе была найдена и медь. Образцы медной руды казаки посылали из Баргузина ещё в бытность его острогом. «Может быть, есть и другие металлы, – писал в путевых заметках один путешественник, – но все они покоятся в недрах земли, в ожидании, когда дойдет до них очередь. В настоящее же время все стремятся к скорой наживе, к открытию золотых россыпей! Иной наживается, а другой окончательно закапывает свой капитал в землю. Вероятно, в баргузинских хребтах, кроме белой огнеупорной глины, есть цветные камни, но о них пока не слышно. Известно только, что в горах, окружающих Байкал, встречаются: раухтопаз, вениса⁷, аметист, горный хрусталь и слюда»⁸.

В экономической жизни Баргузина важную роль сыграло купечество. После проведения гильдейской реформы 1775 г. оно было разделено на три гильдии в зависимости от размера объявляемого капитала. Жалованная грамота городам 1785 г. предоставила купечеству монополию на торговую деятельность, что вызвало приток желающих записаться в сословие. Для поощрения купцов было введено почётное гражданство. По «Городовому положению» 1785 г. им разрешалось записываться в гильдию, вступать в казенные подряды и откупа, вести торги, иметь фабрики и заводы и т. д.

Росту в Баргузине купеческой прослойки способствовало не столько промышленное развитие самого города, сколько увеличение золотодобычи в крае [7, с. 116]. В начале XVIII в. в Баргузине было 3 купца, в 1825 г. – 10, в 1833 г. – 37 (по другим данным – 47), в 1834 г. – 53 [Там же, с. 117],

⁶ Баргузинский уезд (доклад Иркутскому Советанию по проведению дороги Чита-Бодайбо): Издания Статистического Отдела Забайкальского переселенческого района, 1916. – С. 15. – URL: http://www.gbu-garb.ru/assets/files/do_rev.docx (дата обращения: 16.01.2023). – Текст: электронный.

⁷ Вениса – гранат.

⁸ От Верхнеудинска до Баргузина, а оттуда до Кударинской Степной думы (путевые заметки) // Иркутские губернские ведомости. – 1877. – № 45. – С. 4.

столько же и в 1839 г. В дальнейшем рост численности купцов был нестабильным: в 1844 г. – 34, 1850 г. – 46. Преимущественно это были купцы третьей гильдии [7, с. 117]. По мнению Т. В. Паликовой, среди малочисленных городов Забайкалья «Баргузин можно считать самым «городским» – 71,3 % городских сословий (в т. ч. и купеческое), в этой же группе – Селенгинск (57,3 %) и Нерчинск (55,6 %)» [20, с. 47].

Самый состоятельный слой горожан формировался за счёт евреев, занимавшихся разработкой золотых россыпей в округе [13, с. 49]. Занимались золотопромышленностью и русские купцы, например, Н. П. Герасимов.

Торговлю в Баргузине вели русские, евреи, китайцы. Китайцы торговали бакалеей, сухофруктами, конфетами и другими товарами. Имевшие разветвленную сеть лавочек и налаженные связи с Китаем, китайские торговцы завозили оттуда любимый местными жителями чай. По воспоминаниям М. А. Новомейского, китайские купцы, владельцы маленьких лавок и лабазов, ладили с местным населением и заслужили его доверие¹.

Одной из основных форм торговли традиционно считалась ярмарка. Крупные по обороту ярмарки в Иркутской губернии находились в Иркутске, Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске, Киренске, Якутске и Охотске. Остальные были незначительны. В Баргузине первая ярмарка, открывшаяся в 1812 г., была кратковременной – 5 дней. Горожане вели на ней оживленный обмен товарами с окрестным сельским населением. Оборот ее был невелик и неустойчив: в 1812 г. он составил 20590 р., в 1830 г. – 5437 р. [8, с. 112].

В 1830-е гг. в «Ведомостях о товарах, привезенных для продажи на ярмарку», указаны сукно (высшего, среднего и низшего сорта), шерстяные кушаки, чулки, перчатки, платки, изделия из шелка, холст, котлы медные, ковши, чаши чугунные, кожи (скотские, олени, козы и др.), крупный рогатый скот, овцы, соболя, лисицы, медведи, белки, волки, рыси, выдры, росомахи, хорьки, струя кабарги, рыба, хлеб пшеничный, ржаной, кофе, чай байховый, кирпичный, китайский разных сортов, соль, масло, вина, напитки, сахар, мыло, воск, табак, бумага писчая,

¹ Беркович В. Б. Воспоминания.– Иерусалим: Алия, 2007. – С. 18; Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. – Иерусалим: Алия, 1979. – С. 13.

книги, иностранные краски и пр.² Товар был местного, российского и зарубежного производства.

Многих купцов привлекала торговля скотом. Так, в Баргузинском ведомстве с 1867 г. активное участие в торгах принимал известный баргузинский купец I гильдии А. Х. Новомейский. Он вёл торговлю мануфактурными, бакалейными товарами, приобретая в обмен у бурят мясо и продовольствие для золотых приисков, шерсть для Иркутской Тельминской фабрики [27, с. 193]. В 1901 г. А. Х. Новомейский обратился в Баргузинскую Степную думу с прошением о выдаче ему удостоверения о том, что он вёл торговлю добросовестно дозволенными товарами. Родоначальники всех 8 бурятских родов дали разрешение на выдачу ему удостоверения.

К началу XX в. Баргузинская ярмарка проводилась с 26 декабря по 2 января. Главными продуктами торговли были пушнина, сырые скотские кожи, мясо и масло³.

Оборот внутренней торговли в Баргузине был невелик, но баргузинские купцы и мещане торговали не только в ярмарочные дни. В течение года они вели разъездную торговлю в близлежащих деревнях и улусах. На местном рынке, чаще в ярмарочные дни, торговали приехавшие из Верхнеудинска и других населенных пунктов Российской империи, а также торговцы из Поднебесной империи. Каждый год около 150 000 пудов различных грузов прибывало из Иркутска в Баргузин водным и сухопутным путём, а отсюда уже направлялось вглубь тайги преимущественно на Витимские прииски⁴.

В начале XX в. появились новые формы торговли. В январе 1914 г. в Верхнеудинске состоялся съезд кооператоров Западного Забайкалья, на котором было создано товарищество кооперативов «Прибайкалсоюз». После этого кооперативные общества потребителей «Экономия» возникли в Троицкосавске, Мысовске и Баргузине [3, с. 106].

² ГАРБ. – Ф.7. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 153–156.

³ Вся Чита и Забайкалье. Торгово-промышленный справочник-путеводитель 1923 г. / под ред. И. С. Ушакова. – Чита: Тип. Забайкальского Губсоюза Кооперативов, 1923. – С. 66.

⁴ Баргузинский уезд (доклад Иркутскому Советанию по проведению дороги Чита-Бодайбо): Издания Статистического Отдела Забайкальского переселенческого района, 1916. – С. 15. – URL: http://www.gbu-garb.ru/assets/files/do_rev.docx (дата обращения: 16.01.2023). – Текст: электронный.

Рис. 1. Обозы на ярмарке в Баргузине. Фото из Баргузинского школьного краеведческого музея

Fig. 1. Wagons at the fair in Barguzin. Photo from the Barguzin School Museum of Local Lore

Рис. 2. Ярмарка в Баргузине. Фото из Баргузинского школьного краеведческого музея

Fig. 2. Fair in Barguzin. Photo from the Barguzin School Museum of Local Lor

Рис. 3. Торговый инвентарь. Фото из Баргузинского школьного краеведческого музея

Fig. 3. Trading inventory. Photo from the Barguzin School Museum of Local Lore

Рис. 4. Продукция баргузинского стекольного завода. Фото из Баргузинского школьного краеведческого музея

Fig. 4. Products of the Barguzin glass factory. Photo from the Barguzin School Museum of Local Lore

Промышленность была развита слабо и имела большей частью кустарный характер. Однако работали и небольшие заводы/фабрики, чья продукция хорошо себя зарекомендовала. Для нужд города и его окрестностей недалеко от Баргузина был построен небольшой стекольный завод¹. Он располагался в 10 верстах от города и производил стекла на сумму до 15 тыс. р. в год². Упоминание о нем есть в воспоминаниях революционера Н. С. Тютчева: «Поблизости от Баргузина находится озеро Алга, на котором добывают сульфат натрия, он используется на стекольном заводе для производства стекла»³. Предприятие принадлежало М. А. Новомейскому. Он вспоминал, что его «фабрику посетил казенный инспектор, опытный горный инженер, который раз в год проверял горнопромышленные предприятия уезда. Моя фабрика была первым пред-

¹ Завод возле озера Алга был построен по инициативе М. А. Новомейского.

² Гурьянов М. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Западного Забайкалья (Баргузин, Селенгинск, Улан-Удэ, Кяхта) до нач. XX в.: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. – СПб., 2008. – С. 38.

³ Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 221–222.

приятием такого рода в Сибири⁴. Инспектор поздравил моего отца с «талантливым сыном», разработавшим интересную и дешевую технологию, а затем опубликовал хвалебную статью в отраслевом петербургском вестнике»⁵.

Кроме оконного стекла на заводе изготавливали небольшие бутылочки. М. А. Новомейский привез из Нижнего Новгорода мастера, который учил местных жителей их делать. На речке Винная стоял винокуренный завод, где из дикоросов готовили столовые вина и разливали в эти сосуды. Местное вино отправляли даже в Москву и Санкт-Петербург.

Из глины местные мастера делали горшки и светильники для нужд города и его окрестностей. Глину, как и гуджир для стекольного завода, поставляли из Баргузина в Иркутск. Об этом есть упоминание в най-

⁴ Глауберова соль, получаемая на заводе Новомейского была белого цвета, без примесей, в отличие от используемой, например, на Иркутском заводе, это сказывалось, в конечном счете, на качестве производимого в дальнейшем стекла.

⁵ Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. – Иерусалим: Алия, 1979. – С. 80.

денном нами источнике XVIII в.¹ Деревянную (кружки, ложки, чашки, ступки и пр.) и берестяную посуду (короба, туески и пр.) также мастерили местные умельцы. Чугунную, медную, стеклянную и фарфоровую посуду и различные приспособления для домашнего хозяйства² можно было приобрести в местных лавках, в т. ч. и у китайцев, на ярмарках и в соседних городах. Недалеко от Баргузина работали смолокурни³ Воронкова.

Сыльнопоселенцы основали в Баргузине кустарный мыловаренный заводик⁴. «Окушко и Чачковский делали [...] мыло. Оно было очень низкого качества, но продавалось хорошо [...] завод был оснащён самым примитивным оборудованием, например, котел позаимствовали из старой бани»⁵, – вспоминала Е. Брешко-Брешковская. «Большинство ссыльных вело уроки [5, с. 18], относительно хорошо оплачиваемые, меньшинство пробовало заняться ремеслом [...]. Горяинов, хороший сапожник из Одессы, имел достаточный заработок. К нему же, в виде подмастерья, примкнул и Агапов [...]. Относительно недурно оплачивалось и женское рукоделие»⁶.

На окраине Баргузина функционировал кожевенный завод Шрагера-Виляка по выработке разного сорта кож и простой обуви, а в 1855 г. «недалеко от Баргузина в Улюне по инициативе баргузинского тайши С. Хамнаева было устроено кожевенное⁷ и су-

конное заведение типа мануфактуры, в нём выделялись юфтевые кожи, крестьянское сукно, сукманина (тонкое сукно), шились сапоги и бродни. Кроме того, в отдельных хозяйствах для выделки сукна и сукманины существовало 12 кроснов (станков для тканья) и 45 самопрядок»⁸.

Местная продукция стала рыночным товаром. «Бродни, ичиги, унты ушли из рук домашнего производства, – указывалось в очерке об экономической жизни города, – попали в руки торгового капитала и фигурируют по лавкам вместе с варшавскими ботинками и туфлями, вводящими в искушение девичьи души»⁹.

12 октября 1868 г. в Иркутске прошла первая публичная выставка местных производителей. Из Баргузина тайша баргузинских бурят Хамнаев прислал с описанием три образца трав, применяемых в ламаистской медицине. «Представленные им же на выставку образцы хлебов Баргузинского округа (139 зёрен в золотнике) посчитали образцовыми [...], красовались в полном смысле этого слова изящные по роскоши и отделке металлические (серебряные) изделия [...] баргузинских бурят (ганзы, ножи и огнива, оправленные в серебро)»¹⁰.

Помимо торговли и ремесла, жители Баргузина также занимались сельскохозяйственным трудом. По мнению М. Вебера, отношение городов к сельскому хозяйству неоднозначно. Существовали и существуют города сельскохозяйственного типа, которые, являются местом торговли и типичного городского ремесла, очень далеки от деревень, однако значительное число горожан «удовлетворяет свою потребность в продуктах питания тем, что производит их в собственном хозяйстве, а излишек сбывает на рынке» [25, с. 314]. Эта характеристика наиболее точно, на наш взгляд, подходит к Баргузину того периода. Семьи дворян, купцов, мещан (братья Кюхельбекеры, Новомейские, Черных, Цивилевы и др.) имели участки земли, на которых выращивали хлеб и занимались огородничеством для личного потребления и для обмена/прода-

⁸ История Бурят-Монгольской АССР: в 2 т. / под ред. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. – Т. 1. – С. 288.

⁹ Архангельский А. И. Экономическая жизнь Баргузинского края // Забайкальский хозяин. – Чита. – 1915. – № 5. – С. 4.

¹⁰ Описание Первой Публичной выставки, бывшей в Иркутске в 1868 г. – СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, ценз. 1869. – С. 6, 12, 29, 48, 76.

¹ Древняя российская вивлиофика: Содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся: в 18 т. – М.: В типографии Компании типографической, 1791. – Т. 18. – С. 300.

² С предметами материальной культуры можно ознакомиться в Баргузинском школьном историко-краеведческом музее и в музее Л. П. Будунова в с. Баргузин.

³ Смолокурение – добывание смолы из хвойных деревьев как промысел.

⁴ В начале XX в. кустарным мыловарением в Баргузине занимались также Цукасов В. М., Бреславский М. Я. и др.

⁵ Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 221–222.

⁶ Тютчев в воспоминаниях, письмах современников и документах. – URL: <http://socialist-revolutionist.ru/component/content/article/100-vozpominania/2718-tyutchev-ns-vozpominaniya-barguzinskaya-ssylkai-pobeg-s-e-k-breshkovskoj> (дата обращения: 12.02.2018). – Текст: электронный.

⁷ В «Обзоре Забайкальской области за 1909 г.» в ведомости № 3 «О фабриках и заводах в Забайкальской области», возможно, речь идёт либо об этом кожевенном производстве, либо о заводе Шрагера-Виляка в Баргузине.

Рис. 5. Улицы в Баргузине до 1917 г. (Фотографии из архива Баргузинского школьного краеведческого музея)

Fig. 5. Streets in Barguzin before 1917. (Photos from the archive of the Barguzin School Museum of Local Lore)

жи. «Озимая рожь, овес, обыкновенные огородные овощи, пенька, простой табак родились здесь довольно хорошо. Сеяли ячмень, иногда горох» [24, с. 18]. Ещё в 30-е гг. XIX в. М. К. Кюхельбекер [22, с. 126] писал: «Своими руками я расчистил и обработал две десятины земли, кроме пожалованных мне казенных, завел 13 голов скота» [16, с. 131].

С уменьшением золотоносных объёмов добываемого золота в Баргузинской тайге начался и упадок города. 5 апреля 1925 г. жители Баргузина выступили с предложением об изменении его статуса: «Существование и развитие любого города возможно только тогда, когда имеется известная ма-

териальная база, питающая город [...] фабрично-заводская промышленность, железная дорога, водный путь, развитый торговый оборот [...]. Только обладающий указанным, данный город может быть экономическим центром с одной стороны – потребляющий излишки сельскохозяйственной продукции, с другой – снабжающий всем необходимым деревню. Если этих экономических предпосылок нет, развитие города невозможно, да и не только развитие, но невозможно вообще существование его как города, как невозможно без земли существование деревни»¹.

¹ БАО (Баргузинский архивный отдел). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 5–7.

На предложение баргузинцев был получен следующий ответ: «В настоящее время (на 1925 г. – прим. авт.) у города Баргузина нет той экономической базы, которая необходима для него как для города и которая способствовала бы развитию его городского хозяйства [...] На данное время Баргузин [...] не подходит к типу городских поселений и стоит на одном уровне с некоторыми населенными пунктами негородского типа [...]. Но вместе с тем [...] городские поселения придают бюджету Буреспублики в центре [в Москве – прим. авт.] тот или иной удельный вес, который необходимо сохранить [...] поэтому нецелесообразно переименовывать город Баргузин в село»¹.

Однако в протоколе заседания 2-й Сессии Центрального Исполнительного Комитета Бурят-Монгольской АССР от 4 ноября 1925 г. отмечается, что «экономические условия города Баргузина исключают всякую возможность существования его как города, т. к. городское население чрезвычайно бедное и не может выдержать городских налогов»². В 1927 г. Баргузин становится селом³, и на этом его городская история закончилась.

В аналогичном положении оказался Селенгинск, городская история которого завершилась ещё в 1906 г.⁴ Есть и другие примеры утраты городского статуса. Например, селом стала Заудинская часть Верхнеудинска, которая с конца XVIII в. входила в черту города. Город Кяхта, признанный центр чайной торговли, хотя и остался в статусе

города, утратил своё значение из-за того, что железнодорожная магистраль прошла мимо него. Видный экономист и общественный деятель Н. Н. Козьмин считал, что в Западном Забайкалье «один Верхнеудинск может без оговорок называться городским центром, хотя и уездного размера, что касается Баргузина, то это скорее – средней величины село, а Троицкосавск – особенно его торговая слобода Кяхта – разрушен во время гражданской войны»⁵.

Заключение. Таким образом, городская история Баргузина продолжалась около полутора столетий. Основанный как острог он впоследствии получил статус города как важная «точка опоры» российской колонизации на востоке. Весь период своей городской истории Баргузин соответствовал устоявшимся критериям статуса: многообразие занятий населения (золотопромышленность, торговля, ремесло, сельское хозяйство), роль экономического и культурного центра края, что обеспечивалось добычей золота и политической ссылкой, ставшей первой культурной прослойкой в городе. Однако спад золотодобычи и удаленность от Транссибирской железнодорожной магистрали привели к утрате городом своих экономических позиций и смене статуса.

В дальнейшем, безусловно, необходимы сопоставительные исследования на примере других городов Забайкалья для выявления схожих характеристик и особенностей развития.

Список литературы

1. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине 17–18 вв. Владивосток: Изд-во РАН, 1999. 336 с.
2. Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.
3. Басаев Г. Д., Хуташкеева С. Д. Кооперативное движение в Западном Забайкалье накануне и в годы Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 105–109.
4. Батоев Д. Б. История здравоохранения Баргузинской долины: в 2 ч. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2007. Ч. 1. 243 с.
5. Гирченко В. Прибайкалье. Краткий исторический очерк. Верхнеудинск: Объединённого Прибайкальского союза кооперативов. 1922. № 3. 26 с.
6. Евдокимова С. В. История основания и развития Баргузина в 17 – первой половине 19 вв. // Баргузин: страницы истории: материалы науч.-практ. конф., посвящённой 350-летию со дня основания г. Баргузин. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс, 1998. С. 45–58.

¹ БАО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 5–7.

² Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Бурят-Монгольской АССР (4–9 ноября 1925 г.): Протоколы и резолюции. – Верхнеудинск: Буреспублики, 1925. – С. 14.

³ 5 сентября 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР (протокол № 21, § 22) постановил переименовать город Баргузин в село. Постановление президиума ЦИК БМАССР № 138 // Бурят-Монгольская правда. – № 230. – 11 окт. – С. 4.

⁴ Новоселенгинск, с городищем Старый Селенгинск является одним из пяти исторических городов Бурятии. Имел статус города с 1684 по 1906 г.

⁵ Козьмин Н. Н. Вопросы капитального строительства Бурятии. – Верхнеудинск: [б. и.], 1926. – С. 13.

7. Евдокимова С. В. Население г. Баргузина в 17–19 вв. // Бурятия: проблемы региональной истории исторического образования. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т. 2001. С. 115–120.
8. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в 17–19 вв. Улан-Удэ. Изд-во БГУ, 2007. С. 110–113.
9. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 423 с.
10. Кальмина Л. В. Баргузин – еврейский анклав в Сибири // Научные труды по иудаике: материалы XVIII Междунар. ежегод. конф. по иудаике. М.: Пробел-2000, 2011. С. 114–121.
11. Кальмина Л. В. Иерусалим, затерянный в Сибири (история Баргузинской еврейской общины) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 29–49.
12. Кальмина Л. В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142–145.
13. Кальмина Л. В., Курас Л. В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XX века – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Бурят. нац. центр СО РАН, 1999. 172 с.
14. Курас Л. В. Сионисты в Баргузине (1917–1923 гг.) // Баргузин: страницы истории: материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. С. 159–163.
15. Курас Л. В. Советское государство и «еврейский вопрос» в Бурятии 20-х годов (на материалах архива Управления ФСБ России по Республике Бурятия) // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2: Сборник статей. Красноярск: Сибир. Фед. ун-т, 2001. С. 154–162.
16. Мамсик Т. С. Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров // Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 126–148.
17. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.: источники и историография. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2015. 175 с.
18. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.: социальное, экономическое, культурное развитие. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2010. 310 с.
19. Паликова Т. В. История городского самоуправления, Верхнеудинск – Улан-Удэ, 1875–2015 гг. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2015. 159 с.
20. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкалья второй половины XIX – начала XX века. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2008. 258 с.
21. Паликова Т. В. Сибирский город начала XX в. как место этнокультурных взаимодействий // Вестник международного центра азиатских исследований. 2004. № 12. С. 237–240.
22. Баргузинская ссылка декабристов – братьев Кюхельбекеров / сост. Т. С. Филиппова. Баргузин: Тип. Зебра, 2006. 176 с.
23. Бреславская Т. С., Филиппова Т. С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). Иркутск: Оттиск, 2019. 508 с.
24. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – сер. XIX вв. Новосибирск: Наука, 1985. 286 с.
25. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
26. История Бурят-Монгольской АССР: в 2 т. / под. ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ: Бурят.-Монгол. кн. изд-во, 1951. Т. 1. 574 с.
27. Санжиева Т. Е. Участие бурят Забайкалья в торговле в XIX веке // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. С. 193–194.

Сведения об авторе

Бреславская Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук; Региональный центр обработки информации и оценки качества образования; 670033, г. Улан-Удэ, ул. Краснофлотская, 2; breslavskaya83@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-5220>.

Для цитирования

Бреславская Т. С. Баргузин: городская история (1783–1927) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 86–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-86-96.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Artemiev, A. R. Cities and fortresses of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17th and 18th centuries. Vladivostok: RAN, 1999. (In Rus.)
2. Artemiev, A. R. Construction of cities and ostrogs of Transbaikalia and Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries and types of defensive structures. National history, no. 5, pp. 140–147, 1998. (In Rus.)

3. Basaev, G. D., Khutashkeeva, S. D. Cooperative movement in Western Transbaikalia on the eve and during the First World War. *Gumanitarnyi vektor*, no. 2, pp. 105–109, 2012. (In Rus.)
4. Batoev, D. B. The history of healthcare in the Barguzin Valley. Ch. 1. Ulan-Ude: Respublikanskaya, 2007. (In Rus.)
5. Girchenko, V. Pribaikal'e. Baikal region. A brief historical sketch, no. 3, pp. 15–22, 1922 (In Rus.)
6. Evdokimova, S. V. The history of the foundation and development of Barguzin in the 17th – first half of the 19th centuries. Barguzin: pages of history: materials of the scientific-practical conference dedicated to the 350th anniversary of the founding of the city of Barguzin. Ulan-Ude, 1998: 45–58. (In Rus.)
7. Evdokimova, S. V. The population of Barguzin in the 17th – 19th centuries. Buryatia: problems of regional history of historical education. Ulan-Ude. Part 1. 2001: 115–120. (In Rus.)
8. Evdokimova, S. V. Socio-economic development of the cities of Transbaikalia in the 17th – 19th centuries. Ulan-Ude: 2007: 110–113. (In Rus.)
9. Kal'mina, L. V. Jewish communities of Eastern Siberia. Ulan-Ude: VSGAKI, 2003. (In Rus.)
10. Kal'mina, L. Barguzin is a Jewish enclave in Siberia. Scientific works on Judaica. Proceedings of the XVIII International Annual Conference on Jewish Studies. Vol. II: Academic Series, no. 35, pp. 114–121, 2011. (In Rus.)
11. Kal'mina, L. V. Jerusalem, Lost in Siberia (history of the Barguzin Jewish Community). *Diaspory*, no. 2, pp. 29–49, 2003. (In Rus.)
12. Kal'mina, L. V. Siberian gold miner and philanthropist Yakov Frizer. *Questions of history*, no. 3, pp. 142–145, 2003. (In Rus.)
13. Kal'mina, L. V., Kuras, L. V. The Jewish community in Western Transbaikalia (the 1960s – February 1917). Ulan-Ude: BNC SO RAN, 1999. (In Rus.)
14. Kuras, L. V. Zionists in Barguzin (1917–1923). Barguzin: pages of history: materials of the scientific-practical conference. Ulan-Ude. 1998: 159–163. (In Rus.)
15. Kuras, L. V. The Soviet state and the “Jewish Question” in Buryatia in the 1920s (based on the materials of the archive of the FSB of Russia for the Republic of Buryatia). Jewish communities of Siberia and the Far East. Issue. 2: Collection of articles. Krasnoyarsk. 2001: 154–162. (In Rus.)
16. Mamsik, T. S. The farm of exiled Decembrists Kuchelbecker brothers. Exiled Decembrists in Siberia. Novosibirsk, 1985: 126–148. (In Rus.)
17. Palikova, T. V. Cities of Transbaikalia of the second half of the XIX – early XX centuries: sources and historiography. Ulan-Ude: BGU, 2015. (In Rus.)
18. Palikova, T. V., Bocharova, Z. S. Cities of Transbaikalia of the second half of the XIX – early XX centuries: social, economic, cultural development. Ulan-Ude: BGU, 2010. (In Rus.)
19. Palikova, T. V. History of city self-government, Verkhneudinsk – Ulan-Ude, 1875–2015. Ulan-Ude: BGU, 2015. (In Rus.)
20. Palikova, T. V. Development of culture of the cities of Transbaikalia in the second half of the XIX – early XX centuries. Ulan-Ude: BGU, 2008. (In Rus.)
21. Palikova, T. V. Siberian city of the early twentieth century as a place of ethno-cultural interactions. *Bulletin of the International Center for Asian Studies*, no. 12, pp. 237–240, 2004. (In Rus.)
22. The Barguzin exile of the Decembrists – the Kuchelbecker brothers. Barguzin: Zebra, 2006. (In Rus.)
23. Breslavskaya, T. S., Filippova, T. S. The history of Barguzin: from the ostrog to the city (1648–1927). Irkutsk: Ottisk, 2019. (In Rus.)
24. Shmulevich, M. M. Essays on the history of Western Transbaikalia. XVII – ser. XIX century. Novosibirsk, 1985. (In Rus.)
25. Veber, M. Selected works. M: Progress, 1990. (In Rus.)
26. History of the Buryat-Mongolian ASSR. V.1. Ulan-Ude: Buryat-Mongol. kn. izd-vo, 1951. (In Rus.)
27. Sanzhieva, T. E. Participation of the Trans-Baikal Buryats in trade in the XIX century. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, pp. 193–194, 2017. (In Rus.)

Information about author

Breslavskaya Tatyana S., Candidate of Sociology; Regional Center for Information Processing and Education Quality Assessment, 2 Krasnoflotskaya st., Ulan-Ude, 670033, Russia; breslavskaya83@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-5220>.

For citation

Breslavskaya T. S. Barguzin: Urban History (1783–1927) // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 1. PP. 86–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-86-96.

**Received: January 18, 2023; approved after reviewing February 24, 2023;
accepted for publication February 27, 2023.**

Научная статья

УДК 94(571.6)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-97-106

Урбанизационный кризис и трансформация городского расселения в Хабаровском крае (1990–2010-е годы)

Анатолий Сергеевич Бреславский

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
breslavsky@imbt.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>*

Постсоветская история урбанизационного процесса в России остаётся слабо осмысленной, как в эмпирическом, так и в концептуальном плане. Узкая география региональных исследований, слабая интеграция отечественных специалистов в международные дискуссии всё ещё ограничивают наши возможности в построении теорий среднего уровня, объясняющих разновекторные тенденции в развитии отечественных городов и поселков городского типа (пгт) в 1990–2010-е гг. Специфический опыт урбанизации регионов Дальнего Востока в этой связи представляется крайне востребованным в силу его исторического и регионального своеобразия. В фокусе внимания данной статьи – процессы трансформации городского расселения в Хабаровском крае в конце 1980–2010-е гг. Исследование опирается на корпус исторических методов, его источниковую базу составляют официальные статистические данные и нормативно-правовые документы федерального, регионального и локального уровней. Автор приходит к выводу, что последние три десятилетия в истории городских населённых пунктов края могут быть обозначены как период урбанизационного кризиса. Содержательно он проявился в утрате городами и поселками городского типа региона части (а где-то и всех) градообразующих предприятий, перспектив экономического роста; в реорганизации части поселков городского типа в сельские населенные пункты; в существенном сокращении численности городского населения. На территории региона в 1990–2010-е гг. не было создано ни одного нового пгт, а уже имеющиеся – не получили реальных оснований для приобретения статуса города. Опорным центром региона, генерирующим вокруг себя агломерационные и субурбанизационные процессы, оставался лишь Хабаровск. В то же время система городского расселения в крае, благодаря Комсомольску-на-Амуре и уже в меньшей степени малым городам региона, всё ещё остаётся полицентричной.

Ключевые слова: урбанизационный процесс, городское расселение, урбанизационный кризис, Хабаровский край, Дальний Восток

Благодарность: статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.», номер госрегистрации: 121031000243-5).

Original article

**The Urbanization Crisis and the Transformation
of Urban Settlement System in Khabarovsk Krai
in the 1990s – 2010s**

Anatoliy S. Breslavsky

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
breslavsky@imbt.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>*

The post-Soviet history of the urbanization process in Russia is still poorly understood both empirically and conceptually. The scarce geography of regional studies, the low level of integration of domestic scientists into international discussions still limit our ability to construct medium-level theories explaining the multi-vector trends in the development of Russian cities and urban-type settlements in the 1990s–2010s. The specific experience of urbanization of the regions of the Far East in this regard seems to be highly important due to its historical and regional originality. The article focuses on the processes of transformation of urban settlement system in the Khabarovsk Krai in the late 1980s–2010s. The study is based on the complex of methods of historical science;

© Бреславский А. С., 2023

its source base includes official statistical data and regulatory documents of the federal, regional and local levels. The author concludes that the last three decades in the history of urban settlements of Khabarovsk Krai can be defined as a period of urbanization crisis. Substantially, this crisis manifested in the loss by cities and urban-type settlements of the region of part (and somewhere, all) of the city-forming enterprises – the economic base, prospects for economic growth; in the reorganization of 14 out of 31 urban-type settlements into rural settlements; in a significant reduction in the population of 6 out of 7 cities (except Khabarovsk) and all urban-type settlements of the region. Not a single new urban-type settlement was created in the region in the 1990s–2010s, and the existing ones did not receive any real grounds for receiving the city status. Only Khabarovsk remains the main support of the region, generating agglomeration and suburbanization processes around it. At the same time, due to Komsomolsk-on-Amur and, to a lesser extent, small towns in the region, the urban settlement system in the region still remains polycentric.

Keywords: urbanization process, urban settlement system, urbanization crisis, Khabarovsk Krai, Russian Far East

Acknowledgment: *The study was funded by the government subsidy (project 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interactions of the 17th–21st centuries', state reg. no. 121031000243-5).*

Введение. В то время как общенациональные, региональные концепции и программы социально-экономического развития настойчиво указывают на перспективы демографического роста Дальнего Востока, реальные тенденции свидетельствуют об обратном [1, с. 34; 2, с. 76; 3, с. 39]. С 2010 по 2020 г. только в двух из 11 субъектов ДФО (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия) был зафиксирован прирост населения¹. Остальные 9 регионов в результате миграционной и естественной убыли продолжили терять население. В их числе и Хабаровский край – один из наиболее крупных, промышленно и инфраструктурно развитых регионов Дальнего Востока, стабильно занимающий в последнее десятилетие 4 место по объему валового регионального продукта в ДФО².

С конца 1980-х гг. регион потерял чуть менее 20 % своего населения (315 тыс. чел.), в т. ч. более 200 тыс. чел. жителей городов и поселков городского типа³. В значительной степени это стало следствием структурных особенностей региональной экономики, существенного сокращения оборонного заказа, снижения рентабельности сырьевых секторов, ограниченности местных рынков тру-

да, сбыта и пр. [4, с. 373–375]. Противоречия советской индустриализации и урбанизации региона, шоковый переход от планово-административной к неолиберальной системе управления привели к острому кризису всей сети городских поселений региона уже в начале 1990-х гг. Это запустило процессы перераспределения городского населения на его территории, стимулировало отток части жителей за его пределы. Миграция из фактора прироста численности населения края превратилась в фактор его сокращения [2; 4, с. 57]. Рассмотрим, как эти процессы развивались в последние три десятилетия, взяв за точки отсчёта даты переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 г.

Обзор литературы. Развитию урбанизационного процесса в Хабаровском крае в изучаемый период посвящены отдельные научные работы, главным образом сфокусированные на Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Советской Гавани (опорных городских центрах региона), а также на движении городского населения в регионе в целом. Преимущественно это труды сотрудников Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск), в т. ч. академика РАН П. А. Минакира, д-ра экон. наук Е. Л. Мотрич, д-ра экон. наук С. Н. Найден, канд. экон. наук Е. О. Колбиной (Скрипник) и др., посвященные концептуальным основам изучения региональной экономики, системе городского расселения, анализу демографических процессов в Хабаровском крае в 1990–2010-е гг. [4–8]. В то же самое время в исторической науке развитие урбанизационного процесса в регионе в 1990–2010-е гг. не становилось предметом самостоятельного исследования. Оставались без необходимо-

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. – М.: Росстат, 2021. – С. 457.

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный.

го исследовательского внимания процессы трансформации городского расселения в разрезе малых городов и поселков городского типа края, изменения в категориальной структуре городских поселений, вопросы концептуализации исторического периода 1990–2010-х гг. в развитии урбанизационного процесса в регионе, которым, в частности, посвящено наше исследование.

Методология и методы исследования. Исследование опирается на корпус методов исторической науки (хронологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, статистический и др.), который позволил рассмотреть урбанизационный процесс в Хабаровском крае с конца 1980-х гг. по 2020 г. в комплексе тенденций социально-экономического и демографического развития региона и Дальнего Востока в целом, учесть в исследовании внутренние противоречия советской урбанизации региона, изменение исторических условий хода урбанизационного процесса в постсоветский период. В методологическом плане нам близка концепция урбанизационного процесса А. С. Сеньявского, рассмотренная через призму модернизации России в новейшее время с учетом ее цивилизационной специфики [9]. Для понимания уни-

версальных явлений в развитии урбанизационного процесса в постсоциалистических странах важными для нас остаются работы восточно-европейских авторов [10–12].

Результаты исследования и их об- суждение. В конце 1980-х гг. городское население на территории региона оказалось сосредоточено в 7 городах и 31 поселке городского типа (табл. 1), размещенных в основном вдоль железнодорожных магистралей (Транссиб, БАМ, ветки между ними). При этом 70 % городского населения края проживало в двух городах: 46 % (601 тыс. чел.) было сконцентрировано в региональном центре – Хабаровске, ещё 24 % (315 тыс. чел.) – в г. Комсомольск-на-Амуре¹. Оба города наряду с Владивостоком составляли тройку наиболее крупных городских поселений всего Дальнего Востока. К концу 1980-х гг. Хабаровск превратился в крупный административный, промышленный, транспортный, научно-образовательный и культурный центр края и Дальнего Востока в целом. Комсомольск-на-Амуре получил развитие как центр промышленности, прежде всего, военно-оборонной отрасли: здесь были введены в эксплуатацию судостроительный, авиастроительный и другие заводы и предприятия.

Таблица 1

Трансформация структуры городских поселений Хабаровского края (1989–2020 гг.)

Год	Всего городов	Крупнейшие города (500 тыс. – 1 млн чел.)	Крупные города (250–500 тыс. чел.)	Большие города (100–250 тыс. чел.)	Средние города (50–100 тыс. чел.)	Малые города (50 тыс. и менее)	Всего поселков городского типа	Поселки городского типа						
								до 1 тыс. чел.	1–3 тыс. чел.	3–6 тыс. чел.	6–9 тыс. чел.	9–12 тыс. чел.	12–15 тыс. чел.	15 и более тыс. чел.
1989	7	1	1	-	1	4	31	2	9	8	3	3	2	4
2002	7	1	1	-	-	5	24	2	8	5	2	3	2	2
2010	7	1	1	-	-	5	24	2	8	5	3	3	2	1
2020	7	1	-	1	-	5	17	1	4	3	4	3	1	1

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный.

² Таблица составлено по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный; Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный; Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный.

К категории средних городов края с населением чуть более 58 тыс. чел. в конце 1980-х гг. относился Амурск, выросший неподалеку от Комсомольска-на-Амуре в 1960–1980-е гг. вокруг построенного здесь в ходе всесоюзной ударной комсомольской стройки целлюлозно-бумажного комбината, а затем машиностроительного завода и др. предприятий [14, с. 209–210]. Наконец, к категории малых городов края с населением менее 50 тыс. чел. относились еще три города краевого подчинения (Николаевск-на-Амуре – 36,2 тыс. чел., Советская Гавань – 34,9 тыс. чел., Бикин – 19,1 тыс. чел.), и один город районного подчинения – Вяземский (18,4 тыс. чел.). Николаевск-на-Амуре к концу 1980-х гг. выполнял функции морского порта, центра судостроения, рыбной ловли, опорной базы по добыче полезных ископаемых. Советская Гавань сформировалась как морской порт, судоремонтный центр, до начала реформ 1990-х гг. имела перспективы стать крупным центром военного судопроизводства. Бикин и Вяземский, расположенные на Транссибе между Хабаровском и границей с Приморским краем, получили развитие как центры лесопереработки, пищевой промышленности.

Среди 31 поселка городского типа (все они были рабочими поселками) численностью населения и экономических значениям в 1989 г. выделялись шесть: Ванино (21,5 тыс. чел.), Чегдомын (20,3 тыс. чел.), Солнечный (17,3 тыс. чел.), Эльбан (15,2 тыс. чел.), Хор (13,2 тыс. чел.), и Заветы Ильича (13,1 тыс. чел.). По существу, численность их населения позволяла им претендовать на статус города, который, однако, ни одним из поселений так и не был получен. Из шести наиболее крупных поселков два (Ванино и Заветы Ильича) сформировались неподалеку от г. Советская Гавань. Ванино – как морской порт и конечная грузовая железнодорожная станция Байкало-Амурской магистрали на востоке страны, административный центр Ванинского района, п. Заветы Ильича – в связи с формированием здесь в советский период военно-морской базы, которая, несмотря на многочисленные реорганизации, остается его «градобразующим предприятием» и сегодня. Рядом с Советской Гаванью расположились еще три, но уже менее крупных поселка края (Октябрьский, Майский, Лососина), общая численность которых в 1989 г. составляла существенные 17,8 тыс. чел. В Октябрьском

была размещена железнодорожная станция «Советская Гавань – Сортировочная», леспромхоз, в Майском – выстроена ГРЭС, в Лососина – морской порт, рыбокомбинат, осуществлялась переработка леса.

Еще четыре крупнейших поселка края были основаны в его континентальной части. На западе региона у линии БАМа сформировался Чегдомын – центр Верхнебуреинского района, поселок шахтеров, занятый с 1940-х гг. по настоящее время добычей угля. В 38 км северо-западнее Комсомольска-на-Амуре в 1950–1980-е гг. был выстроен п. Солнечный – центр добычи олова (Солнечный ГОК), административный центр одноименного района. В связке с ним функционировал пос. Горный с населением 2,9 тыс. чел. в 1989 г.

Южнее Комсомольска-на-Амуре, в 72 км, в 1940–1980-е гг. вырос как центр военной промышленности крупный пос. Эльбан Амурского района, в котором также действовал совхоз, комбинат госрезерва, строительные организации. Южнее Хабаровска в районе им. Лазо к концу 1980-х гг. сформировался ещё один поселок с населением более 12 тыс. чел. – пос. Хор. Экономику поселения составляли предприятия деревообрабатывающей отрасли, хлебозавод, кирпичный завод, предприятия химической промышленности (гидролизный, биохимический заводы). Среди шести наиболее крупных поселков края только Хор расположился на Транссибе.

В ещё трёх посёлках края в конце 1980-х гг. проживало от 9 до 12 тыс. чел., что позволяло отнести их к разряду крупных. Речь идёт о пос. Переяславка (центр района им. Лазо, мебельная производство, пищевая промышленность), Охотск (центр Охотского района, морской порт, промышленная рыбообработка) и Новый Ургал (как узловая железнодорожная станция на БАМ, локомотивная станция).

В каждом из остальных 19 поселков городского типа Хабаровского края в конце 1980-х гг. население не превышало 6,2 тыс. чел. К концу 2010-х гг. 14 из этих 19 поселков были преобразованы в сельские населенные пункты, остальные пять – сохранили статус пгт. Их экономика в последние советские десятилетия была выстроена преимущественно либо вокруг обслуживания железнодорожных станций (на Транссибе, БАМе, ветках между ними), либо в сфере лесной промышленности. Два поселка были

ориентированы на добычу золота (Софийск и Многовершинный), два – выполняли функции морского/речного порта (Лазарев, Маго). Отдельно стоит сказать о пос. Троицкое – центре Нанайского района Хабаровского края, где компактно проживают коренные малочисленные народы Севера (КМНС).

Необходимо понимать, что в 1980-е гг. далеко не во всех городских населенных пунктах края фиксировался прирост населения. 14 поселков (в основном с населением менее 7 тыс. чел.) и г. Вяземский с 1979 по 1989 г. потеряли часть своего населения (от 0,5 до 25 %). В частности, на 10–25 % сократилось число жителей поселков Болонь (25 %), Пивань (17 %), Лесопильное (16 %), Тирма (15 %), Средний Ургал (12 %), Горный (10 %). В связи с завершением строительства ряда инфраструктурных объектов, ограниченной емкостью локальных рынков труда, городское население Хабаровского края продолжало перераспределяться между населенными пунктами.

На завершающем этапе Перестройки в конце 1980-х – начале 1990-х гг., несмотря на противоречивые реформы правительства страны, направленные на разгосударствление экономики, политику разоружения, численность крупнейших городских населенных пунктов края продолжала расти. Однако уже в 1992 г. после нескольких десятилетий поступательного демографического роста она начинает падать. Стабильно отрицательными, в частности, стали показатели естественного прироста: смертность ежегодно превышала рождаемость за исключением 2012–2016 гг.¹ Нарастала миграционная убыль [4, с. 52–65].

С 1989 по 2002 г. общая численность населения региона сократилась на 172 тыс. чел. (10,7 %). На фоне других регионов Дальнего Востока эти потери в относительных показателях были одними из наименьших. Из 11 субъектов ДФО в его современном составе, меньше потеряли в 1989–2002 гг., по нашим подсчетам, только Республика Бурятия (5,5 %) и Приморский край (8 %).

Городское население Хабаровского края в 1989–2002 гг. сократилось на 130 тыс. чел. (10,1 %). На 89 % это стало следствием естественного и миграционного убытия жителей городов и пгт края (116 тыс. чел.), а на

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. М.: Росстат, 2010. С. 83; Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2018. – С. 72; Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2021. – С. 76.

11 % – за счёт реорганизации 7 поселков городского типа в сельские населенные пункты (14 тыс. чел.). Так, в 1996 г. в эту категорию были переведены п. Лесопильное Бикинского района, Согда и Средний Ургал Верхнебураинского района, в 1997 г. п. Пивань Комсомольского района, в 1999 г. – п. Болонь Амурского района. В переписи 2002 г. уже в качестве сельских населенных пунктов учитывались также два поселения Нанайского района: административный центр – с. Троицкое и с. Иннокентьевка. К 2022 г. во всех перечисленных населенных пунктах, кроме п. Пивань, было зафиксировано сокращение населения по сравнению с 2002 г.

Города региона по итогам межпереписного периода 1989–2002 гг. в основном теряли население. Причём, если в столичном Хабаровске эти потери компенсировались центростремительными внутрирегиональными и макрорегиональными миграциями [7, с. 62], то остальные города могли рассчитывать преимущественно на внутрирайонных мигрантов. С 1992 г., когда в Хабаровске была зафиксирована исторически максимальная численность населения (626 тыс. чел.), число жителей города стало понемногу уменьшаться, сократившись к 1998 г. до 615 тыс. чел., а к 2002 г. – до 583 тыс. чел.² Надо учесть здесь, что в 1994 г. в состав Хабаровска также вошло с. Березовка³.

Демографические потери Хабаровска в 1989–2002 гг. (17,5 тыс. чел., 2,9 %) в абсолютных и относительных показателях оказались, существенно ниже чем, например, в Комсомольске-на-Амуре (34,2 тыс. чел., 10,8 %), экономика которого ожидаемо оказалась более уязвимой в силу большей специализации на военно-промышленном заказе (авиационный, судостроительный и др. заводы города). В схожую ситуацию попал и Амурск, население которого в 1979–1989 гг. успело вырасти на 43 % (17,5 тыс. чел.), а к 2002 г. уменьшилось на 10,6 тыс. чел. (18,2 %). Из среднего он вновь вернулся в категорию малых городов (см. табл. 1). Советская Гавань в 2002 г. потеряла не только перспективы бурного роста в

² Российский статистический ежегодник. России. М.: Госкомстат, 1998. – С. 128–131; Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный.

³ Постановление Главы Администрации Хабаровского края от 21 февраля 1994 г. № 117. – URL: <https://base.garant.ru/25578511> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст: электронный.

связи с планами 1980-х гг. по строительству в городе новых судостроительных предприятий, но и 4,4 тыс. жителей (12,7 %). Градообразующие судоремонтные предприятия к этому времени здесь прекратили свою деятельность.

Экономический кризис повлиял и на другие города: на 7,8 тыс. чел. (21,5 %) меньше стало проживать в г. Николаевск-на-Амурске, на 2,6 тыс. чел. (14,5 %) сократилось число жителей города районного подчинения Вяземский. На этом фоне аномальным кажется незначительный, но все же прирост в 1989–2002 гг. населения малого приграничного города Бикин (512 чел., 2,6 %).

В сохранивших статус «пгт» населённых пунктах края наблюдалась схожая ситуация. В 23 из них перепись 2002 г. зафиксировала сокращение численности жителей и лишь в одном – небольшой прирост в абсолютных показателях (в п. Корфовский на 630 чел., 12 %). Общее число жителей пгт региона без учета 7 населённых пунктов, утративших статус «городских», уменьшилось с 1989 г. на существенные 39,4 тыс. чел. (20,7 %). От четверти и более жителей утратили 11 посёлков: шахтерский п. Чегдомын (25 %), поселок-морской порт Лазарев (27 %), п. Заветы Ильича при базе военно-морского флота (28 %), п. Майский при одноименной ГРЭС (29 %), районный центр и морской порт Охотск (38 %), поселок-речной порт Маго (41 %), поселок оловодобывчиков Горный (42 %), поселок-морской порт Лососина (43 %), центр золотодобычи Софийск (44 %), пристанционный поселок Тырма (54 %), в котором в советские десятилетия массово работали корейские рабочие-лесозаготовщики. В ещё 10 поселках в 1989–2002 гг. население уменьшилось на 10–24 %. Менее 10 % жителей в этот период потеряли только два пгт края – Высокогорный и Гурское. Оба находятся на железнодорожной линии между Комсомольском-на-Амуре и Советской Гаванью.

Таким образом, в 1990-е гг. в развитии урбанизационного процесса наметились очевидные кризисные тенденции, связанные с шоковым реформированием городских экономик, деконцентрацией населения в городских населённых пунктах, утратой отдельными поселениями перспектив промышленного развития, статуса городских населённых пунктов и т. д.

В 2002–2010 гг. население Хабаровского края уменьшилось ещё на 92,7 тыс. чел.

(6 %), включая 57 тыс. чел. из числа жителей городов и пгт (табл. 2). Городское население за эти восемь лет сократилось, таким образом, на 5 %. Учитывая, что в этот период ни одно из городских поселений не утратило свой административный статус, не было переведено в разряд сельских, указанные потери полностью были связаны со стабильно отрицательными показателями миграционного и естественного прироста.

Все без исключения города и поселки городского типа края в этот период теряли свое население, при этом темпы этого процесса от поселения к поселению существенно отличались. Так, Хабаровск, вновь сосредотачивая в себе центростремительные региональные потоки населения, потерял чуть менее 1 % жителей (5,6 тыс. чел.), а остальные города – от 6 до 20 %. Население Комсомольска-на-Амуре уменьшилось еще на 17 тыс. чел. (6 %), на 7,6 % (1,2 тыс. чел.) сократилось население г. Вяземский, на 9 % (2,7 тыс. чел.) – Советской Гавани, на 10 % (4,7 тыс. чел.) – г. Амурск, на 12,6 % (2,4 тыс. чел.) – Бикина, на 20 % (5,7 тыс. чел.) – Николаевска-на-Амуре. В целом население городов края в межпереписной период сократилось с 1 млн 6 тыс. до 966 тыс. чел., т. е. на 40 тыс. чел. (табл. 2).

Общая численность населения поселков городского типа края в 2002–2010 гг. уменьшилось на 17 тыс. чел. Четверть и более жителей потерял поселок Литовко (25 %, 708 чел.), а также, как и в предыдущий период, поселки Тырма (25 %, 586 чел.), Охотск (26,5 %, 1,5 тыс. чел.), Лазарев (33,4 %, 656 чел.), Маго (34,8 %, 793 чел.) и Софийск (35 %, 235 чел.). Таким образом, с 1989 по 2002 г. эти пять поселков утратили более 50 % своего населения.

На 10–24 % сократилось число жителей поселка-порта Ванино, поселков железнодорожников Высокогорный, Дормидонтовка, шахтерского поселка Чегдомын, поселка золотодобычи Многовершинный, поселка энергетиков Майский, трёх посёлков городского типа района им. Лазо: Переяславка (районный центр), Мухен, Хор, промышленная база которых также переживала кризис. В семи поселках края в этот период население уменьшилось от 1,5 до 10 %. И вновь наименьшие демографические потери (1,5 %) были зафиксированы в п. Корфовский, что было связано не только с пристольным расположением поселка, но

и с сохранением в структуре его экономики крупного предприятия – каменного карьера, на котором трудилось в это время, судя по данным администрации поселения, более 1000 чел.¹

В 2010-е гг. темпы снижения общей численности населения региона уменьшились вдвое. Если в 2002–2010 гг. ежегодно регион терял в среднем 11 тыс. человек, то в 2010-е гг. – 5 тыс. чел. С 2012 по 2016 гг. в крае впервые с начала 1990-х гг., как уже отмечалось, фиксировался естественный прирост населения. Между тем, Всероссий-

ская перепись населения 2020 г. зафиксировала в нем 1292 тыс. чел. – на 50,9 тыс. чел. меньше, чем в 2010 г. (табл. 2). Городское население региона уменьшилось на в целом незначительные 21,3 тыс. чел. (1,9 %), а сельское – на 29,6 тыс. (12,1 %). Впервые за три постсоветских десятилетия сельское население Хабаровского края сокращалось быстрее городского как в абсолютных, так в относительных показателях.

С 1989 по 2020 г. общее число жителей Хабаровского края сократилось почти на 20 % – с 1,6 до 1,3 млн чел. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика демографических параметров урбанизации Хабаровского края в 1989–2020 гг.²

Показатели	ВПН-1989*	ВПН-2002	ВПН-2010	ВПН-2020	Абсолютный и относительный прирост / убытие населения в 1989–2020 гг., чел. / %
Общее население региона, чел.	1608569	1436570	1343869	1292944	-315625 (-19,6 %)
Городское население в целом, чел.	1287608	1157326	1099714	1078340	-209268 (-16,2 %)
Сельское население в целом, чел.	320961	279244	244155	214604	-106357 (-33,1 %)
Удельный вес городского населения, %	80,05	80,56	81,83	83,4	-3,35
Удельный вес сельского населения, %	19,95	19,44	18,17	16,6	3,35
Население городов в целом / доля в городском населении, %	1083109 (84,1 %)	1006239 (86,9 %)	966490 (87,8 %)	966429 (89,6 %)	-116680
Население рабочих поселков (поселков городского типа) в целом, чел. / доля в городском населении, %	204499 (15,9 %)	151087 (13,1 %)	133224 (12,2 %)	111911 (10,4 %)	-92588
Население Хабаровска / доля города в общей численности городского населения, %	600623 (46,6 %)	583072 (50,38 %)	577441 (52,5 %)	617441 (57,25 %)	16818

* Без учёта Еврейской автономной области, выделившейся в 1992 г. в самостоятельный субъект РФ.

Снижение численности городского населения на 21,3 тыс. чел. на 45 % (9,6 тыс. чел.) оказалось связано с возобновлением в крае практики реорганизации пгт в сельские населенные пункты. В 2011–2012 гг. статус

«пгт» потеряли поселки Дормидонтовка, Литовко, Маго, Софийск, Тырма, в 2018 г. – Горный. Все они ранее упоминались нами в числе поселков с наибольшими демографическими потерями (более 50 % населения

¹ История поселка Корфовский. – Текст: электронный // Администрация МО СП «Корфовское» Хабаровского края. – URL: <http://adminkorfovskoe.ru/mestnoe-samoupravlenie/o-poselenii/istoriya-poseleniya> (дата обращения: 12.01.2023).

² Рассчитано и составлено по тем же источникам, что и табл. 1.

в 1990–2000-е гг.). В 2011 г. сельским населенным пунктом стал также небольшой п. Гурское на железнодорожной линии между Комсомольском-на-Амуре и Советской Гаванью. В 1989 г. в нём уже проживало менее 1 тыс. чел.

Если взглянуть на данные переписи 2020 г. по региону, становится понятно, что потери городского населения края в 2010-е гг. оказались не столь существенными, как в предыдущий период, благодаря неуклонному демографическому росту Хабаровска. Численность его жителей с 2010 г. выросла на 40 тыс. чел. (6,9 %) – до 617 тыс. чел., но не достигнула своего исторического максимума в 626 тыс. чел. (1992).

Оживление экономической активности в регионе в 2010-е гг. не привело к каким-либо масштабным изменениям в численности населения в других городских поселениях. В то время как в двух пгт – Ванино и Новом Ургале – был отмечен прирост числа жителей на 1,9 и 6,2 %, соответственно, в 6 городах и 17 поселках городского типа продолжали главенствовать отрицательные тенденции. В абсолютных показателях, как и прежде, больше всего терял Комсомольск-на-Амуре. В 2010-е гг. численность его населения уменьшилась еще на 25 тыс. чел. (9,6 %) в результате чего он опустился из категории крупных городов в средние (табл. 1). О проблемах в развитии инфраструктуры города в своем Послании Федеральному собранию РФ в декабре 2015 г. высказался Президент РФ В. В. Путин¹. А уже в 2016 г. был разработан и утвержден план социально-экономического развития города².

В 2010-е гг. на 4,3 тыс. (10,1 %) сократилось число жителей Амурска, на 4,1 тыс. чел. (18,1 %) – Николаевска-на-Амуре, на 3,4 тыс. чел. (12,5 %) – Советской Гавани, на 1,7 тыс. чел. (12,2 %) – Вяземского, на 0,9 тыс. чел. (5,3 %) – Бикина. Преломить отрицательные тенденции на соответствующих территориях не смогли ни предпринимаемые правительством региона меры экономической и социальной политики, в том числе отмеченные в стратегиях развития края до 2025/2030 г., ни создание

в 2015–2017 гг. территорий опережающего развития «Комсомольск», «Николаевск», ни распространение с 2018 г. режима свободного порта Владивосток на Ваннинский и Советско-Гаванский районы³.

В структуре поселков городского типа в 2010-е г. треть населения потеряли п. Многовершинный (-725 чел.), Лазарев (-396 чел.), на четверть уменьшилось население п. Высокогорный (-864 чел.), п. Мухен (-1 тыс. чел.), п. Майский (647 чел.), на 20 % – Охотска (853 чел.) и Лососина (651 чел.). На 10–15 % сократилось число жителей в поселках Переяславка, Заветы Ильича, Эльбан, Корфовский. В наименьшей степени (до 10 %) – в п. Октябрьский, Хор, Чегдомын, Солнечный. Частично на это повлияли проекты по строительству и модернизации производственных предприятий в этих поселениях: деревообрабатывающего комплекса в п. Октябрьский, завода по производству пиломатериалов в п. Хор, обогатительной фабрики на Ургальском каменноугольном месторождении в п. Чегдомын. Однако в целом по городским поселениям ситуация оставалась неблагоприятной.

Заключение. Последние три десятилетия в истории городских населённых пунктов Хабаровского края могут быть обозначены как период урбанизационного кризиса. Содержательно он проявился, во-первых, в утрате городами и поселками городского типа региона части (а где-то и всех) градообразующих предприятий – их экономической базы, перспектив экономического роста; во-вторых, в реорганизации 14 из 31 пгт в сельские населенные пункты; в-третьих, в существенном сокращении численности населения 6 из 7 городов (кроме Хабаровска) и практически во всех пгт края. Кроме этого, за прошедшие три десятилетия на территории региона не было создано ни одного нового пгт, а уже имеющиеся – не получили реальных оснований для приобретения статуса города. Превышение смертности населения над рождаемостью, рост внутрирегиональной и межрегиональной миграции населения в 1990-е гг. стали есте-

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ: [от 3 декабря 2015 г.]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (дата обращения: 13.01.2023). – Текст: электронный.

² Распоряжение Правительства РФ: [от 18 апреля 2016 г. № 704-п]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420349849> (дата обращения: 13.01.2023). – Текст: электронный.

³ См.: Постановление Правительства Хабаровского края: [от 13 января 2009 г. № 1-пр.]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/995132001> (дата обращения: 13.01.2023). – Текст: электронный; Постановление Правительства Хабаровского края: [от 13 июня 2018 г. № 215-пр.]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006> (дата обращения: 13.01.2023). – Текст: электронный.

ственным ответом общества на изменившиеся условия жизни.

Численность городского населения в результате естественной и миграционной убили, а также реорганизации 14 пгт в снп уменьшилось на 209 тыс. чел. (16,2 %). При этом доля городского населения края в этот период увеличилась с 80 до 83,4 %, что было связано с ещё более высокими темпами снижения сельского населения края. В 1989–2020 гг. оно уменьшилось на треть (33,1 %). И это с учетом включения в его состав жителей 14 реорганизованных пгт. Сокращение сельского населения сузило и без того ограниченные внутренние ресурсы урбанизации региона.

К переписи 2020 г. города и пгт края (за исключением Хабаровска) подошли с существенными потерями населения. Так, второй в регионе и один из крупнейших на Дальнем Востоке г. Комсомольск-на-Амуре в абсолютных показателях с 1989 по 2020 г. потерял 76,8 тыс. чел., т. е. чуть менее четверти (24 %) своих жителей. На треть сократилась численность населения городов Амурск (перешел в категорию малых городов), Советская Гавань, Вяземский. Почти в половину – в Николаевске-на-Амуре, на 15 % – в г. Бикин. При этом система городского расселения края, несмотря на значительную демографическую трансформацию, все большую концентрацию населения в региональном центре не перестала быть полицентричной.

Существенными темпами сокращалось в последние три десятилетия население 17 пгт края, сохранивших свой административный статус. Здесь закрывались производ-

ства, где-то сворачивались военные части. Так, в 1989–2020 гг. от 5 до 25 % населения потеряли поселки Корфовский, Ванино, Октябрьский, Новый Ургал, Хор, от 30 до 45 % – поселки Эльбан, Высокогорный, Чегдомын, Переяславка, Заветы Ильича, Солнечный, более 50 % – поселки Мухен, Лазарев, Многовершинный, Охотск, Лососина, Майский. В целом население этих поселков уменьшилось на 58,4 тыс. чел. (34 %). Отрицательные демографические тенденции наблюдались и в подавляющем большинстве тех пгт края, которые были реорганизованы в этот период в сельские населенные пункты.

Особняком в этом ряду стоит административный центр региона – Хабаровск. По итогам трех последних десятилетий в крае только он сохраняет роль опорного центра [5, с. 18–19; 8, с. 24]. Сформировавшись к концу 1980-х гг. в качестве многофункциональной столицы региона и Дальнего Востока в целом, Хабаровск все это время оставался важнейшим центром притяжения внутрирегиональных и межрегиональных (дальневосточных) мигрантов. С 1992 по 2010 г. численность его населения уменьшалась, но относительно понемногу, а в 2010-е гг. уже в основном росла. Если в 1989 г. он уступал в демографическом лидерстве второму крупнейшему городу Дальнего Востока – Владивостоку, то к 2020 г. с небольшим опережением вышел в лидеры. Оба города остаются опорными центрами макрорегиона, генерирующими вокруг себя агломерационные и субурбанизационные процессы, ставшие заметным явлением последних десятилетий.

Список литературы

1. Найден С. Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4. С. 24–36. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36.
2. Мотрич Е. Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 70–77.
3. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 27–40. DOI: 10.19181/lspg.2022.18.1.2.
4. Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. П. А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 400 с.
5. Минакир П. А. Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 5–20.
6. Мотрич Е. Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток: Ин-т экон. исследований ДВО РАН, 2006. 224 с.
7. Колбина Е. О., Найден С. Н. Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 44–69.
8. Скрипник Е. О. Формирование региональных опорных центров расселения влияние миграции (на примере Хабаровского края): автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Хабаровск, 2011. 26 с.
9. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 285 с.
10. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / ed. by K. Stanilov, L. Šýkora. Oxford: Wiley, 2014. 260 p.

11. Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-Socialist City. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 254 p.

12. Stanilov K., Hirt S. Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat, 2009. 166 p.

13. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток: Ин-т ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2016. 940 с.

Информация об авторе

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; breslavsky@imbt.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>.

Для цитирования

Бреславский А. С. Урбанизационный кризис и трансформация городского расселения в Хабаровском крае (1990–2010-е гг.) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 97–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-97-106.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Naiden, S. N. Implementation of the state policy in the Far East. Power and administration in the East of Russia, no. 4(93), pp. 24–36, 2020. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36. (In Rus.)

2. Motrich, E. L. Assessment of the Migration Situation in the Russian Far East: 1991–2016. Living standards of the population in the regions of Russia, no. 2(204), pp. 70–77, 2017. (In Rus.)

3. Motrich, E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. Living standards of the population in the regions of Russia, vol. 18, no. 1, pp. 27–40. 2022. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.1.2. (In Rus.)

4. Economy of the regions. Khabarovsk region / ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2014. (In Rus.)

5. Minakir, P. A. Pacific Russia: challenges and opportunities for economic cooperation with Northeast Asia. Spatial economics, no. 4, pp. 5–20, 2005. (In Rus.)

6. Motrich, E. L. Population of the Russian Far East. Vladivostok: ERI FEB RAS, 2006. (In Rus.)

7. Kolbina, E. O., Naiden S. N. The evolution of urbanization processes in the Russian Far East. Spatial economics, no. 4, pp. 44–69, 2013. (In Rus.)

8. Skripnik, E. O. The formation of regional basic centers of settlement: the impact of migration (on the example of Khabarovsk Krai): Cand. sci. diss. abstr. Khabarovsk, 2011. (In Rus.)

9. Senyavskiy, A. S Urbanization of Russia in the 20th century: role in the historical process. M: Nauka, 2003. (In Rus.)

10. Confronting suburbanization: urban decentralization in postsocialist Central and Eastern Europe / ed. by K. Stanilov, L. Sýkora. Oxford: Wiley, 2014. (In Engl.)

11. Hirt, S. Iron curtains: gates, suburbs and privatization of space in the post-socialist city. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. (In Engl.)

12. Stanilov, K., Hirt, S. Twenty years of transition. The evolution of urban planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat, 2009. (In Engl.)

13. History of the Russian Far East. Vol. 3, Book 5. Society and power in the Russian Far East in 1960–1991 / ed. by V. L. Larina, A. S. Vashchuk. Vladivostok: IHAЕ FEB RAS, 2016. (In Rus)

Information about author

Breslavsky Anatoly S., Candidate of History; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; breslavsky@imbt.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>.

For citation

Breslavsky A. S. The Urbanization Crisis and the Transformation of Urban Settlement System in the Khabarovsk Krai in the 1990s–2010s// Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 97–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-97-106.

Received: January 20, 2023; approved after reviewing February 25, 2023; accepted for publication February 27, 2023.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья**УДК 271:93/94****DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-107-113****Антирелигиозная работа в Восточно-Сибирском крае в 1936 году
в обследовании представителя Союза Воинствующих Безбожников****Евгений Викторович Дроботушенко***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*
DRZZ@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

В статье характеризуется антирелигиозная работа г. Иркутска, Черемховском и Зиминском районах Восточно-Сибирского края в середине четвертого десятилетия XX в. на основе докладных записок представителя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) М. П. Кузнецова. По поручению Совета и Постоянной Центральной комиссии по вопросам культов он совершил поездку по ряду регионов Восточной Сибири, по итогу которых им было составлено несколько докладных записок. Две из них посвящены оценки состояния антирелигиозной работы в административном центре Восточно-Сибирского края, г. Иркутска, а также в Черемховском и Зиминском районе. Документы интересны, как статистическими данными, так и аналитическими замечаниями автора. В основу исследования легло комплексное использование основополагающих принципов исторического познания, а также общих и специальных научных методов. Делается вывод, что очевиден субъективизм автора докладных записок, а с учётом того, что он являлся представителем Союза Воинствующих Безбожников, к представленным им данным стоит относиться осторожно. В то же время, рассматриваемые документы являются интереснейшим источником по истории религий в Восточной Сибири. Они дополняют имеющиеся данные по г. Иркутску, Черемховскому и Зиминскому районам Восточно-Сибирского края. С учётом наличия аналогичных докладных записок по ряду иных административных единиц Восточной Сибири, появляется возможность, с позиций объективной оценки имеющегося материалы, компаративного анализа антирелигиозной деятельности властей.

Ключевые слова: религия, Союз Воинствующих Безбожников, Постоянная Центральная комиссии по вопросам культов, Восточно-Сибирский край, г. Иркутск, Черемховский и Зиминский районы

Original article**Antireligious Work in the East Siberian Region in 1936
in the Survey of a Representative of The League of Militant Atheists****Evgeny V. Drobotushenko***Transbaikal State University, Chita, Russia*
DRZZ@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

The article characterizes the antireligious work of Irkutsk, Cheremkhovsky and Ziminsky districts of the East Siberian Territory in the middle of the fourth decade of the XXth century based on the memos by M. P. Kuznetsov, a representative of the Central Council of the League of Militant Atheists (Union of the Militant Godless). On behalf of the Council and the Permanent Central Commission on Cults, he made a trip to a number of regions of Eastern Siberia, as a result of which he compiled several memos. Two of them are devoted to assessing the state of anti-religious work in Irkutsk, the administrative center of the East Siberian Region, as well as in Cheremkhovsky and Ziminsky districts. The documents are interesting due to both statistical data and analytical comments of the author. The research is based on the complex use of the fundamental principles of historical knowledge, as well as general and special scientific methods. We draw a conclusion that the subjectivism of the author of the memos is obvious and given the fact that he was a representative of the League of Militant Atheists, the data presented by him should be treated with caution. At the same time, the documents under consideration are an interesting source on the history of religions in Eastern Siberia. They supplement the available data on Irkutsk, Cheremkhovsky and Ziminsky districts of the East Siberian Region. Taking into account the availability of similar memos on a number of other administrative units of Eastern Siberia, it becomes possible to make a comparative analysis of the anti-religious activities of the authorities from the standpoint of an objective assessment of the available materials.

Keywords: religion, League of Militant Atheists, Permanent Central Commission on Cults, East Siberian Region, Irkutsk, Cheremkhovsky and Ziminsky districts

© Дроботушенко Е. В., 2023

Введение. Аспекты истории различных религий и православия, в частности, на территории современной Иркутской области в советское время находили отражение на страницах научных публикаций.

Отдельные авторы анализировали взаимоотношения государства и религиозных организаций в целом в Сибири, уделяя внимание и восточным её территориям [1; 2]. В некоторых исследованиях рассматривалось место в названных отношениях именно православных институтов [3–9].

Часть исследований посвящена рассмотрению истории православия в советское время непосредственно на территории современной Иркутской области [10–16].

В то же время православная история региона, на сегодня, восстановлена не полностью. Не все районы, изучены, в рамках предметного поля статьи, в равной мере. Не все события, явления и факты восстановлены в полной мере. Не равномерно проанализированы и хронологические отрезки. Наименьшее внимание уделено четвертому десятилетию XX в.

Следует отметить, что в публикациях зарубежных исследователей характеристики истории религии в Сибири, в том числе и православия, уделяется внимания не много. Авторы затрагивают только отдельные аспекты, либо говорят о ситуации в целом в контексте всей страны. При этом советское время вообще, зачастую, остается за границами научного анализа [17–20].

В архивных хранилищах сохранилось определённое количество различного рода документов по истории религий в г. Иркутске и некоторых районов современной Иркутской области в 1930-е гг. Это отчёты с мест, статистических данные по региону и др. Однако существуют документы, которые не получили широкой известности. Их примером являются докладные записки представителя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников М. П. Кузнецова.

По поручению Совета он совершил поездку по Восточной Сибири. Их результатом стал ряд докладных записок, которые писались им на имя секретарей региональных исполнительных комитетов. М. П. Кузнецов посетил Хакасскую и Бурятские АССР, Красноярский и Восточно-Сибирский края, а также ставшую в 1937 г. самостоятельной Читинскую область¹.

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р5263. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 60–69.

В первой из докладных записок автор писал, что поводом к поездке по Восточно-Сибирскому краю стало письмо Председателя Союза Воинствующих Безбожников Е. М. Ярославского на имя секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумова о развертывании религиозной пропаганды. Идею Центрального Совета об инспекционной поездке поддержала Постоянная Центральная комиссия по вопросам культов. Более того, М. П. Кузнецов утверждал, что действовал именно по ее поручению².

Вся записка написана в советской антирелигиозной, атеистической канве, с восхвалением побед социализма и критикой «очагов мракобесия».

Цель поездки заключалась в «... обследовании состояния работы комиссии по вопросам культа при Президиуме Восточно-Сибирского крайисполкома и на местах в порядке проверки правильности проведения в жизнь законодательства о культах»³.

Методы исследования. Исследование опирается на подходы, свойственные историческому познанию. В данном конкретном случае, это формационный подход, который позволил рассматривать явления через призму особенностей советского строя.

Автор опирался на основополагающие принципы исторической науки. Принцип объективности дал возможность оценивать анализируемые исторические документы осторожно, учитывая субъективизм их автора, однако признавая, что они также являются важными источниками по истории религий в Восточной Сибири.

Общие методы сбора, анализа и синтеза информации, показали свою важность при работе с источниками и имеющимися публикациями, методы дедукции и индукции помогли при формулировке выводов.

Результаты исследования и их обсуждение. В преамбуле к докладной записке автор говорит о Восточно-Сибирском крае в целом, хотя отчёт даётся г. Иркутску, Черемховскому и Зиминскому районам⁴. Здесь очевиден вопрос, насколько полным является представленный в докладной записке отчет.

Стоит отметить также, что характеризуя антирелигиозную политику властей на тер-

² ГАРФ. – Ф. Р5263. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 60.

³ Там же.

⁴ Там же.

ритории современной Иркутской области, М. П. Кузнецов приводит примеры по Восточному Забайкалью. Так, он говорит о закрытии церкви в с. Нижний Ильдикан Балеянского района¹. Когда автор записок осуществил поездку по Восточному Забайкалью не совсем ясно, но то, что он говорит о Читинской области, позволяет предположить, что было это не ранее 1937 г., когда такая территориальная единица была выделена из Восточно-Сибирского края. Незнакомого с историей и географией рассматриваемых территорий читателя подобное замечание может ввести в заблуждение.

Вся докладной записка, по сути, написана под одним лозунгом: «В Восточно-Сибирском крае полное безразличие в вопросах борьбы с религией». Лозунг сформулирован автором данной статьи, М. П. Кузнецов писал о «индифферентизме» к проблеме со стороны партийных, комсомольских и профсоюзных органов, отмечая, что антирелигиозной работы ни в краевом центре, г. Иркутске, ни в районах, не было никакой. Он также отмечал: «Налицо недооценка антирелигиозной пропаганды, примиренческое, наплевательское, по существу оппортунистическое отношение к ней»².

Помимо замечания общего характера, автор докладной записки приводил конкретные примеры бездействия властей. Так, в разговоре с ним, Председатель Зиминского райисполкома заявил, что «сейчас заниматься антирелигиозной пропагандой некогда, надо провертывать дела с лесозаготовками»³.

В краевом центре, по словам М. П. Кузнецова никто не мог что-либо сказать о городском Совете Союза Воинствующих Безбожников. Имевшийся распался в 1934 г., формированием нового никто не занимался. Представители же бывшего Совета утверждали, что потребности в антирелигиозной работе нет, поскольку нет верующих⁴.

Аналогичные выводы сделал Секретарь Черемховского районного комитета ВКП(б). Верующих, по его мнению, не было. Антирелигиозную пропаганду вести было можно, но только среди спецпереселенцев⁵.

М. П. Кузнецов отдал для публикации в газете «Восточно-Сибирская правда» две

¹ ГАРФ. – Ф. Р5263. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 64.

² Там же. – Л. 60.

³ Там же.

⁴ Там же. – Л. 61.

⁵ Там же.

свои статьи, «Оживить антирелигиозную работу» и «Происхождение рождества и его эксплуататорская сущность». Ни одна из статей не была напечатана с оправданием, что антирелигиозная тема, на тот момент времени, не являлась актуальной.

На этом фоне автор записки отмечал активизацию деятельности «церковно-сектантских организаций». Верующие «... в силу целого ряда социально-экономических причин, а также в связи с формированием закрытия церквей... ..ушли в подполье и там находят союз своей деятельности с реакционными элементами»⁶.

М. П. Кузнецов писал о том, что на территории Восточно-Сибирского края (а точнее только незначительной части его территорий – Е. Д.) в рассматриваемое время существовали самые разные религиозные организации. Традиционные: христианство, иудаизм и ислам. При этом автор к первому относил разные направления, но в дальнейшем отдельно говорил о католичестве, ряде направления протестантизма и старообрядчестве. Здесь можно сделать предположение, что представитель СВБ не совсем понимал, что относится к христианству. Помимо традиционных для страны и региона религиозных учений, религиозное пространство территорий, которые характеризовались, было представлено «... сектами различных мастей и оттенков: баптисты, евангелисты, молокане, старообрядчество различных толков, хлысты, субботники <...> на территории края сильное влияние имеет и такая религия как ламаизм – современная форма буддизма, туземные религии, например шаманизм и т. д.»⁷

Относительно конца 1936 г. по г. Иркутску называлось всего восемь действовавших культовых постройки. В то же время, при конкретизации их выходи семь: 3 православных «тихоновских», 1 обновленческая, 1 католическая, 1 иудейская и 1 молитвенный дом евангелистов⁸. Неточность в цифрах, по нашему мнению, говорит о небрежности автора в составлении документа.

В Зиминском районе на 1936 г. действовала одна обновленческая церковь в г. Зима (ранее было 12 храмов). При этом население района составляло 40 000 чел. Верующие «стекались» в районный центр.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

В Черемховском районе также вместо 12 существовавших в прежнее время церквей, функционировала одна в с. Бельском, куда съезжались верующие со всего района¹.

В тексте записки встречаем примеры активной деятельности религиозных сообществ г. Иркутска. На 1936 г. в рабочем поселке им. Ленина (бывший Иннокентьевский поселок) «свили себе прочное гнездо» монахини и монахины бывших иркутских монастырей. И это, по мнению автора, не случайно, поскольку «церковники» старались работать среди рабочего населения, представители которого были малограмотными. При этом активное развитие получило поклонение бывшему иркутскому епископу Святителю Иннокентию (Кульчицкому). Аналогичная ситуация наблюдалась в г. Черемхово².

Помимо православных г. Иркутска, «в центр рабочего города» (возможно, имелся в виду рабочий поселок) «перебралась» община баптистов из с. Верхняя Иреть³.

Отдельное явление в религиозном пространстве г. Иркутска и посещенных районов в рассматриваемое время – это наличие странников, ворожей, кликуш, «новых» пророков и чудотворцев. Они «подогревали» настроение верующих, «спекулировали отдельными пунктами сталинской конституции, истолковывают их по своему»⁴. Речь шла о статьях Конституции 1936 г. о свободе совести и свободе отправления религиозных культов⁵.

Помимо отмеченного, ходили слухи, что «церкви откроют, ссыльных попов вернут в действующие церкви»⁶.

В ряде районов Восточно-Сибирского края (автор записки не уточняет в каких) «верхушки общин верующих подавали заявления (после принятия Конституции) об открытии церквей. В г. Черемхово обновленческая община вообще планировала строительство новой церкви. Частыми были заявки на проведение крестных ходов, а также совершения молебнов в домашних условиях⁷.

С целью привлечения верующих в синагоге г. Иркутска и общине верующие иудеев

с. Старая Зима в праздник Пасхи беднякам раздавалась бесплатная маца. Такого ранее не было. Более того, иногда, для бедняков, без торгов и аукциона, как это принято, предоставлялось «почётное “священное” место у самой торы»⁸.

Описывались в записки интересные факты «приспособления» верующих к существовавшим реалиям. Так, в г. Черемхово община баптистов подала заявление в Горсовет с просьбой разрешить проведение 7 ноября праздника жатвы. Священник церкви г. Зима планировал молебен по случаю принятия новой Конституции. Этим, по мнению М. П. Кузнецова, он хотел подчеркнуть «содружество с советской властью. Молодёжь баптистских общин г. Иркутска организовывала молодёжные вечера и лыжные прогулки, показывая высокую социализацию верующих в рамках советской государственности. В отношении баптистов г. Иркутска отмечалось, что «приспособленческая тактика» у них давно. Ещё в 1927 г. они устроили 1 мая религиозную демонстрацию с «религиозно символическими знаменами»⁹.

Значительным было количество обрядов. Так, большим был приход церкви г. Зима. В месяц по нему в рассматриваемое время до 50 отпеваний и до 30 крестин. Частыми были обряды на дому. В домах, где были покойники, собирали «целые собрания верующих». Появлялись начетчики, кликуши, странники. В избах многих колхозников можно было встретить «целые иконостасы»¹⁰.

В г. Зима и с. Старая Зима в общинах «еврействующих субботников» проводились обрезания. Приведенное словосочетание неверно «субботники» – это иудейское религиозное течение, представители которого в редких случаях именовали себя «евреями». На вопрос руководству общины «Делаете ли вы обрезание?» был получен ответ «Иногда по очереди, а больше, кто как сумеет». В связи с осенними иудейскими праздниками многие члены колхозов не вышли на работу¹¹.

М. П. Кузнецов в своей докладной записке, на наш взгляд, достаточно верно оценивал деятельность местных властей, которые вместо «антирелигиозной пропаганды <...> водят свою деятельность <...> к голому закрытию церквей в администра-

¹ ГАРФ. – Ф. Р5263. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 64.

² Там же. – Л. 62.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Конституция (Основной закон) Союза Советский Социалистических Республик. – М.: ОГИЗ, 1937. – Ст. 124, 125.

⁶ ГАРФ. – Ф. Р5263. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 62.

⁷ Там же. – Л. 62–63.

⁸ Там же. – Л. 63.

⁹ Там же. – Л. 62.

¹⁰ Там же. – Л. 62–63.

¹¹ Там же. – Л. 63.

тивном порядке». Член Президиума Совет г. Черемхово запретил службы баптистов по случаю празднования Октябрьской Революции. Были аналогичные случаи запрещения служб на пасху¹. Здесь автор записки противоречит сам себе, поскольку, как отмечалось выше, подобные действия он называл «приспособленчеством».

Автор записок писал, что церковные двадцатки местными властями зачастую воспринимались как контрреволюционные, в то время как состояли они рабочих и колхозников².

Комиссия по вопросам культов при Восточно-Сибирском краевом исполкоме под руководством его секретаря тов. Вербицкого, по мнению М. П. Кузнецова, «очень слабо или совсем не предупреждала об ошибках в проведении законодательства на местах». Зачастую комиссия серьезно не разбирала дела о закрытии культовых построек для служб, санкционировала закрытие. Примером «неправильного» закрытия культового строения стала ситуация с молельным до-

мом субботников в с. Старая Зима. Постоянной Центральной комиссией по вопросам культов при ЦИК СССР данное закрытие было отменено как противоречащее законодательству. Аналогичная ситуация сложилась с церковью г. Черемхово.

Заключение. Можно с уверенностью констатировать, что докладные записки представителя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников М. П. Кузнецова на имя секретарей региональных исполнительных комитетов являются богатейшим источником по истории религий в Восточной Сибири. Они дают статистические данные, которые позволяют подтвердить или опровергнуть имеющуюся информацию из иных документов. В то же время записки содержат попытки аналитической оценки ситуации. Они, несомненно, субъективны, а с учётом того, что их автор являлся представителем Союза Воинствующих Безбожников, могут расцениваться как спорные. В то же время – это такой же важный источник по истории религий в Восточной Сибири, как и иные документы.

Список литературы

1. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 2008. 408 с.
2. Горбатов А. В. Государственно-конфессиональные отношения в Сибири (1947–1974 гг.) // Вестник Бурятского университета. 2004. Сер. 4, вып. 8. С. 85–98.
3. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 3. С. 166–170.
4. Новикова Т. М. Русская православная церковь и власть в годы гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2011. 27 с.
5. Паламарчук А. В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск: Иркутск. гос. пед. ун-т, 2002. 31 с.
6. Цыремпилова И. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. 2012. № 9. С. 160–163.
7. Цыремпилова И. С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ: Изд-во Вост.-Сиб. гос. ин-т к-ры, 2008. 135 с.
8. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 42 с.
9. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: Изд-во Вост.-Сиб. гос. ин-т к-ры, 2008. 300 с.
10. Бажков Стефан, иерей Иркутская епархия в советское время. Текст: электронный // Иркутская епархия. URL: http://iemp.ru/statiji/eparhia_vojna.htm#_Toc284586102 (дата обращения: 08.01.2023).
11. Бажков Степан Иркутская епархия в советское время. Текст: электронный // Православие.RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/44165.html> (дата обращения: 08.01.2023).
12. Смолина И. В. Возобновление деятельности православных приходов Иркутской области в 1940–1950-е гг. // Земля Иркутская. 2007. № 2. С. 74–82.

¹ ГАРФ. – Ф. Р5263. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 63.

² Там же. – Л. 64.

13. Смолина И. В. Возрождение православных приходов Иркутской области в 1940–50 годы. Текст: электронный // Иркутская епархия. URL: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1276> (дата обращения: 08.01.2023).
14. Смолина И. В. Возрождение приходской жизни. Иркутская область в 1940–1950-е гг. // Сибирь. 2008. № 329/2. С. 41–52.
15. Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2010. 26 с.
16. Смолина И. В. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Иркутской губернии в 1922 году // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2006. Вып. 5. С. 108–117.
17. About those Orthodox hermits in the Siberian wild. Текст: электронный // Patheos. URL: <http://www.patheos.com/blogs/getreligion/2013/02/about-those-orthodox-hermits-in-the-siberian-wild> (дата обращения: 08.01.2023).
18. Bremer Th. Cross and Kremlin: A Brief History of the Orthodox Church in Russia. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 2013. 190 p.
19. Religion in Russia: the History of Russian Orthodox Church. Текст: электронный // The project Learn Russian in the EU. URL: <https://www.learnrussianineu.com/religion-russia-history-russian-orthodox-church> (дата обращения: 08.01.2023).
20. Woerl, M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok. Текст: электронный // ROCOR STUDIES. Historical Studies of the Russian Church Abroad. URL: <https://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok> (дата обращения: 08.01.2023).

Сведения об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент; Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; drzz@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

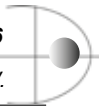
Для цитирования

Дроботушенко Е. В. Антирелигиозная работа в Восточно-Сибирском крае в 1936 г. в обследовании представителя Союза Воинствующих Безбожников // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 107–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-107-113.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

References

1. Gorbatov, A. V. State and religious organizations of Siberia in the 1940s–1960s. Tomsk: Publishing house of Tomsk State Pedagogical University, 2008. (In Rus.)
2. Gorbatov, A. V. State-confessional relations in Siberia (1947–1974). Bulletin of the Buryat University, iss. 8, pp. 85–98, 2004. (In Rus.)
3. Gorbatov, A. V. State-church relations in Siberia (1949–1952). Proceedings of Tomsk Polytechnic University, no. 3, v. 310, pp. 166–170, 2007. (In Rus.)
4. Novikova, T. M. Russian Orthodox Church and power during the civil war in Eastern Siberia (December 1917 – August 1921). Cand. sci. diss. abstr. Irkutsk, 2011. (In Rus.)
5. Palamarchuk, A. V. Historical experience of relations between the state and the Church in South-Eastern Siberia (1920s–1930s.). Cand. sci. diss. Irkutsk, 2002. (In Rus.)
6. Tsyrempilova, I. Documentary heritage of the ROC in the study of state-church relations in 1917–1930 on the territory of the Baikal region. Power, no. 9, pp. 160–163, 2012. (In Rus.)
7. Tsyrempilova, I. S. Relations between the state and the Russian Orthodox Church in Baikal Siberia (1917–1930-s): historiography and sources. Ulan-Ude: IPK of the ESSACA, 2008. (In Rus.)
8. Tsyrempilova, I. S. The Russian Orthodox Church and state power in the 1917s–1930s (based on the materials of the Baikal region). Dr. sci. diss. Ulan-Ude, 2009. (In Rus.)
9. Tsyrempilova, I. S. The Russian Orthodox Church and the state: the history of relations in the 1917s–1930s (based on the materials of the Baikal region). Ulan-Ude: IPK of the ESSACA, 2008. (In Rus.)
10. Bazhkov, S, priest, Irkutsk diocese in the Soviet era. Иркутская епархия. Web. 08.01.2023. http://iemp.ru/statiji/eparhia_vojna.htm#_Toc284586102 (In Rus.)
11. Bazhkov, S. Irkutsk diocese in the Soviet period. Православие.RU. Web. 08.01.2023. <http://www.pravoslavie.ru/44165.html> (In Rus.)
12. Smolina, I. V. Resumption of Orthodox parishes in the Irkutsk region in the 1940s–1950s. Irkutsk Earth, no. 2, pp. 74–82, 2007. (In Rus.)

13. Smolina, I. V. The Revival of the Orthodox parishes in the Irkutsk region in the 1940s–50s. Irkutsk diocese. Web. 08.01.2023. <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1276> (In Rus.)
14. Smolina, I. V. The Revival of parish life. Irkutsk region in the 1940s–1950s. *Siberia*, no. 329/2, pp. 41–52, 2008. (In Rus.)
15. Smolina, I. V. Irkutsk diocese in the system of state-church relations in the 1940s–1980s. Cand. sci. diss. Irkutsk, 2010. (In Rus.)
16. Smolina, I. V. On the issue of the seizure of Church values in the Irkutsk province in 1922. Proceedings of the Architectural and Ethnographic Museum “Taltsy”, issue 5, pp. 108–117, 2006. (In Rus.)
17. About those Orthodox hermits in the Siberian wild. *Patheos*. Web. 08.01.2023. <http://www.patheos.com/blogs/getreligion/2013/02/about-those-orthodox-hermits-in-the-siberian-wild> (In Rus.)
18. Bremer, Th. *Cross and Kremlin: A Brief History of the Orthodox Church in Russia*, 2013. (In Rus.)
19. Religion in Russia: The History of Russian Orthodox Church. The project Learn Russian in the EU. Web. 08.01.2023. <https://www.learnrussianineu.com/religion-russia-history-russian-orthodox-church> (In Rus.)
20. Woerl, M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok. *ROCOR STUDIES. Historical Studies of the Russian Church Abroad*. Web. 08.01.2023. <https://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/> (In Rus.)

Information about author

Drobotushenko Evgeny V., Candidate of History, Associate Professor; Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; DRZZ@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

For citation

Drobotushenko E. V. Antireligious Work in the East Siberian Region in 1936 in the Survey of a Representative of The League of Militant Atheists // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 107–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-107-113.

**Received: January 10, 2023; approved after reviewing February 13, 2023;
accepted for publication February 15, 2023.**

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

CULTURAL CODES OF ASIA

Научная статья

УДК 930

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-114-122

«Краткая история монголов» в редакции Агвана Доржиева (1853–1938)

Марина Васильевна Аюшеева¹, Цымжит Пурбуевна Ванчикова²

^{1,2}Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

¹yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>

²vanchikova.ts@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>

В статье проведён источниковедческий анализ исторической работы Агвана Доржиева «Краткая история монголов по монгольской летописи Хухэ дебтер (Синяя книга)». Рассмотрены два издания работы А. Доржиева и проведено их сличение с летописью «Хухэ дэбтэр» (Синяя книга) из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета. В работе использованы методы источниковедения, историко-описательный и историко-сравнительный методы. Выявлено, что редакция А. Доржиева практически полностью повторяет логику изложения, а также историю и генеалогию монгольских ханов по третьей части рукописной летописи «Хухэ дэбтэр». В рассматриваемой публикации А. Доржиева наблюдаются незначительные исправления и добавления. Отдельные вставки касаются религиозных заслуг монгольских хаганов, их деятельности по распространению буддийской религии, а также история олетов и их родословные, которые приведены в двух вариантах. Данное сочинение претерпело сильное влияние буддийской идеологии, в частности, для подтверждения идеи воплощения бодхисатвы Очирвани в Чингис-хане приводится небольшой экскурс в буддийскую доктрину. При обосновании небесной предопределённости рождения Чингис-хана, изложено становление культа Чингис-хана, и назначение потомков Боорчу зрителями усыпальницы Чингис-хана в Ордосе. Также к буддийскому влиянию можно отнести и датировку исторических событий. Издание А. Доржиева «Краткая история монголов» обращает внимание на малоизвестную монгольскую летопись «Хухэ дэбтэр». Оба сочинения интересны как историко-литературные произведения, источники по монгольскому летописанию, истории Монголии и монгольского буддизма.

Ключевые слова: летопись, «Хухэ дэбтэр», А. Доржиев, история монголов, история буддизма

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания № 121031000263-3 «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии».

© Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П., 2023

Original article

“Brief history of Mongols” Compiled by A. Dorzhiev (1853–1938)

Marina V. Ayusheeva¹, Tsymzhit P. Vanchikova²

^{1,2}Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

¹ayagma@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>

²vanchikova.ts@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>

The article provides a source analysis of the historical work by Agvan Dorzhiev entitled as “A brief history of the Mongols according to the Mongolian chronicle Huhe Debter (Blue Book)”. Two editions of A. Dorzhiev’s work have been analyzed and their comparison with the chronicle “Huhe Debter” (Blue Book) from the collections of the library of St. Petersburg University was carried out. The methods of source studies, historical-descriptive and historical-comparative methods are used in the work. It is revealed that the text of A. Dorzhiev almost completely repeats the logic of the narration, as well as the history and genealogy of the Mongolian khans according to the third part of the handwritten chronicle “Huhe Debter”. In the publication of A. Dorzhiev, minor corrections and additions are observed. Separate insertions relate to the religious merits of the Mongolian Khagans, their activities in spreading the Buddhist religion, as well as the history of the Olets and their genealogies, which are given in two versions. This work has been strongly influenced by Buddhist ideology, for example, for confirming the idea of the incarnation of Bodhisattva Ochirvani in Genghis Khan, a small excursion into Buddhist doctrine is given. In substantiating the heavenly predestination of the birth of Genghis Khan, the formation of the cult of Genghis Khan, and the appointment of the descendants of Boorchu as caretakers of the tomb of Genghis Khan in Ordos are outlined. The dating of some historical events can also be attributed to Buddhist influence. This publication of “A Brief History of the Mongols” by A. Dorzhiev draws attention to the little-known Mongolian chronicle “Huhe Debter”. Both texts are interesting as historical and literary works, as sources on the Mongolian chronicles, the history of Mongolia and Mongolian Buddhism.

Keywords: chronicle, “Huhe debter”, A. Dorzhiev, history of Mongols, history of Buddhism

Acknowledgment: the research was carried out within the state assignment project No. 12103100263-3 “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”.

Введение. Деятельность выдающегося бурятского ламы, общественного и политического деятеля, просветителя Агвана Доржиева (1853–1938) многогранна и трагична¹. Среди его инициатив немалое место занимают просветительские проекты, направленные на развитие и изучение не только религиозной составляющей буддизма, но и в целом буддийского мира с его историей и культурой. К таким трудам можно отнести его печатные работы по истории бурят и монголов на старописьменном монгольском языке. Истории бурят посвящено небольшое историческое сочинение «Краткая история о том, откуда произошел бурят-монгольский народ, где, когда и под властью каких ханов находился» [5, с. 154–162], в которой лаконично изложены основные сведения о происхождении, расселении и образовании бурятского народа. В настоящей статье рассмотрено его работа под названием «Краткая история монголов по монгольской летописи Хухэ дебтер (Синяя книга)», отпечатан-

¹ Биографии и жизнедеятельности выдающегося бурятского ламы посвящены многие исследовательские работы [1; 2; 3 и др.]. Также следует назвать его автобиографию [4].

ная в типографии Императорской Академии наук в 1912 г. в Санкт-Петербурге.

В Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ представлены два экземпляра «Краткой истории монголов по монгольской летописи Хухе дебтер (Синяя книга)» А. Доржиева.

Первый экземпляр, напечатанный на тонкой бумаге, имеет обложку с названием на старописьменном монгольском языке «Tngri yajar-un angq-a toytuysan-ača qayad-un ejelegsen qayučin köke debter kemekü šastir orusibai» («Древняя синяя книга», о том, как правила ханы с тех пор как впервые установились небо и земля). На обороте обложки в нижней половине листа: «С.-ПЕТЕРБУРГ. Типография Императорской Академии Наук. Вас. Остр., 9 лин., 12. 1912»².

Второй экземпляр отпечатан на плотной бумаге, размером 23x16 см. Переплета нет, страницы были прошиты толстой шерстяной ниткой красного цвета в 4 прокола. На титульном листе имеется владельческая за-

² Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ). Личный архивный фонд (ЛАФ). – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 735. – Л. 45.

пись на старописьменном монгольском языке “*madas-un-u nom-ača*” (Из книг Мадасона) и на латинизированном бурятском языке “*I. N. Madasain 24.IV.1930*”. Рядом на латинице записано чернилами и карандашом слово “*Berhe*” (бур. бэрхэ – молодец, способный). Данное издание в отличие от первого экземпляра снабжено двуязычной обложкой и предисловием на русском языке. Первая страница с предисловием не пронумерована. Нумерация приводится монгольскими цифрами с начала монгольского текста (с. 1–45).

В предисловии сказано, что публикация подготовлена к печати «цанит-хамбо-ламой Агваном Доржиевым и предназначена для чтения монголов» и представляет собой одну главу из монгольской летописи «Хухэ дэбтэр» (Синяя книга), «посвященную истории монголов, с некоторыми добавлениями и исправлениями», внесенными издателем. Особо оговорено, что данная книга «не претендует на учёность». Анонимный автор предисловия отметил, что источниками для работы А. Доржиева послужили два рукописных списка летописи: 1) рукопись из библиотеки Санкт-Петербургского университета, привезенная профессором А. М. Позднеевым (инв. № Хул 1256). Данная летопись написана тушью на китайской бумаге, содержит 77 двойных листов, сброшюрованных в китайскую книгу-бэнь; 2) рукопись из личной коллекции Ц. Г. Бадмажапова, найденная им в Алашанском ямуне. К сожалению, нет сведений об объёме данного списка. Сказано лишь, что по формату она меньше предыдущей работы, «написана цветными чернилами (тушью?)». Сброшюрована также по китайскому образцу. Далее следует сообщение о том, что лектором С.-Петербургского университета Б. Барадиным было проведено сличение двух рукописей, и выявлено, что список Ц. Бадмажапова содержит только одну главу летописи «Хухэ дэбтэр», посвященную истории монголов¹.

Там же, в предисловии, приводится указание о том, что с летописью «Хухэ дэбтэр» работал профессор А. М. Позднеев, давший краткое описание её содержания в своей книге «Монгольская летопись Эрэдэний эрихэ, подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.».

¹ ЦВРК ИМБТ. – Монгольский фонд (МФ). – М–V. Инв. – № 442.

Тираж сочинения А. Доржиева составил 2000 экз., при чем 300 книг были снабжены титулом и предисловием на русском языке. В конце краткого предисловия проставлена дата и место написания: «Май 1912 г. С.-Петербург».

Из описанного выше следует, что второй экземпляр из фондов ЦВРК представляет собой книгу из числа 300 экз. За исключением оформления обложки и отсутствия русского предисловия две единицы хранения идентичны.

На последнем странице обоих экземпляров имеется краткое послесловие на старописьменном монгольском языке, в котором говорится, что «настоящее [издание] подготовлено к печати цанит-хамбо Агваном Доржиевым путем сличения двух сочинений: сочинения, хранящегося в университете столичного города России, и сочинения, обнаруженного в хошуне Алаша» [6, с. 45]. В послесловии не дано названия университетской летописи и не указан владелец второго источника, а также другие сведения, приводимые в русскоязычном предисловии.

В коллекции микрофильмов личного архивного фонда П. Б. Балданжапова, хранящегося в ЦВРК ИМБТ СО РАН, имеется черно-белая копия летописи из библиотеки университета² [7, р. 245]. На её обложке (верхний правый угол оторван) имеются следующие записи: 1) в верхнем левом углу в две строчки написано: «Хул 1256» и «Позднеев»; 2) чуть ниже дан ещё один шифр – «С10» [8, с. 42]; 3) в нижней части листа с левой стороны наклеена этикетка с указанием места хранения – «Шкаф ХХХ»; 4) правее от этикетки поставлена гербовая печать библиотеки С.-Петербургского университета; 5) по левому краю вдоль корешка указан инвентарный шифр хранения «Инв. 150. 1911 г.»; 6) из-за утраты правого верхнего края обложки сохранились лишь часть названия летописи «Хухэ дэбт...» и выше – «Хул. ...». На следующем титульном листе – приведено название летописи полностью: *tngrī yajar-un angq-a toytuysan-ača qayad-un ejelegsen qayučin köke debter kemekü sastir ogusibai* («Древняя синяя книга», о том, как правили ханы с тех пор как впервые установились небо и земля). Также имеется печать библиотеки и две учётные записи: 1) вверху справа «Хул. 1256»; 2) вертикально слева

² ЦВРК ИМБТ. – ЛАФ. 29. – БМ/ф 604. – 77 л.

«Инв. 150». Пагинация начинается со следующего листа арабскими цифрами (1–77).

Краткое описание содержания «Хухэ дэбтэр», как отмечалось в предисловии «Краткой истории монголов», было приведено А. М. Позднеевым в предисловии к его работе «Эрдэнийн эрихэ». Приведём его полностью:

«II. Тэнгри гацзар-ун аньха тохтохсан-эцэ хагад-ун эцзэлэхсэн хагучин хүүхэ дэбтэр. (Рукопись СПб. Университета по тому же каталогу и отделу № 1551).

Для истории Халхи за два последние века это сочинение также точно представляет некоторый материал только своими последними главами, но вообще оно почитается у халхасов чрезвычайно важным как памятник исторический и пользуется большою известностью у монгольских историков. Имя автора «Хөхө дэбтэр» и время написания этой хроники не известно; содержание же ее составляют рассказы: 1) об устройстве мира и блаженных временах его при ханах чакравартинах; 2) явлении будд; 3) исторических судьбах Индии, при чём обращается особенное внимание на происхождение рода Шакья; 4) изложение биографии Шакьямуни и 5) судьбы его учения в Индии; 6) история развития буддизма в Тибете с более подробным изложением судьбы Тибета после времен Ланг-дармы (этот отдел истории Тибета рассмотрен в Хухэ дэбтэр’е даже более подробно, чем в «Гэгэн толи» калмыцкого издания); 7) жизнеописание Цзонхавы; наконец 8) перечисление хубилганов Аминдавы (Баньчень эрдэни) от времен Шакьямуни; 9) таковое же перечисление хубилганов Ария-бало (Далай-лама).

История монголов начинается в Хүүхэ дэбтэр’е перечислением современных хошунов, а потом переходит в рассказу о мифическом предке монгольских ханов – Буртэ чоно. В рассказах вообще довольно разностей от повествуемого в известных доселе Европе монгольских летописях, но подробное перечисление и указание всех этих особенностей Хүүхэ дэбтэра не может конечно войдти в состав нашего настоящего обзора. Далее следует перечень родов до Бодонцара, о божественном происхождении которого идет целое рассуждение; повествование о хубилганах Вачир вани до Чингиса; краткая история Чингиса и рассуждение о его смерти и божественности; изложение событий, последовавших за смертью Чинги-

са и – постановления монголов о хранении гробницы Чингиса потомками Богорчу; биография сего последнего; сведения о потомках Чингиса при мин’ах и маньчжурах; изложение последней судьбы ёлёттов и перечень родов князей южных монгольских хошунов» [9, с. XXVIII–XXIX].

Результаты исследования. А. Доржиев опубликовал только третью часть рукописной «Хухэ дэбтэр», касающуюся истории монгольских ханов и распространения буддизма среди монголов, но оставил название летописи полностью без изменений: *tngrī yajar-un angq-a toytuysan-ača qayad-un ejelegsen qayučin köke debter kemekü šastir orusbai* («Древняя синяя книга», о том, как правила ханы с тех пор, как впервые установились небо и земля).

Текст издания А. Доржиева начинается с молитвенной формулы «Ом сувасти сиддам». Подзаголовок отмечен порядковым номером третий (гурбадугаар), что соответствует третьей части по «Хухэ дэбтэр», и озаглавлен «О происхождении монгольских ханов и о распространении буддийской религии».

Генеалогия монгольских ханов начинается с Махасамади-хана, от потомка тибетского царя Хузуун сандалиту – известного по монгольским сочинениям как Буртэ-чино. При описании прародительницы золотого рода Алан-гуа, дочери хори-тумэтского Хоридай-мэргэна, супруги Добу-Мэргэна сказано, что она была преисполнена благими символами: «Лицо и щеки широкие, с ровными белыми зубами, глаза величавые, нос ровный высокий, с красными губами, тело нежное, волосы черные, внешность очень чистая, голос мелодичный...» [6, с. 3]. Передавая историю рождения Бодончара, автор «Хухэ дэбтэр» сообщает о его божественном происхождении, что он либо принадлежит к золотому роду Махасамади, либо к какому-то другому роду, происходящему от тэнгриев-небожителей. Также в буддийском стиле обосновывается рождение Чингис-хана, как воплощения Очирвани, рождение которого было предопределено небом, поскольку настало время распространить учение в монгольских пределах [Там же, с. 4–5].

Чингис-хан назван «первым из монгольских ханов, обладающих Учением» (номту хагад-ун тергуун), в годы ханства которого «жизнь живых существ стала как в преисполненные благодатью старые времена»

[6, с. 8]. Упомянуто установление монгольского летоисчисления: «в год красной мыши, когда Чингис-хану исполнилось 55 лет, направились на тангутского миньякского Шидургу-хана... Месяц, в который провели празднование по случаю покорения, был объявлен первым монгольским месяцем» [Там же, с. 11].

Ко времени Чингис-хана отнесено установление взаимоотношений «милостынедатель и лама», хотя и не подтверждается факт личной встречи Чингис-хана и буддийского ламы: после завоевания трёх аймаков верхней Нгари, четырёх племён средней Уй-цзан и трёх провинций Кхам, Чингис-хан направил письмо с дарами сакьяскому Гунганинбо из Цзана, в котором сообщил, что хотя и хотел пригласить ламу, но не приглашает, поскольку не завершены его мирские дела. Однако указал ламе, что он может прибыть в монгольские земли для распространения учения, когда исполнятся задуманные им дела [Там же, с. 10–11].

Более подробно об установлении «союза трона и алтаря» описано в эпизоде о принятии буддизма Хубилай-ханом и его супругой Цамбуй-гуа, которая приняла обеты от Пагба-ламы и выступила посредником между ханом и ламой-учителем: «В мирских делах и в управлении Монголией и Китаем главенствует хаган, в делах духовных и в управлении Тибета главенствует лама» [Там же, с. 21]. Деятельность Хубилай сэцэн-хана по поддержке буддизма образно охарактеризована так: «возвёл белый зонт религии до пределов сансары». При этом ещё раз подчёркивается, что распространение буддизма среди монголов началось с Сууту Богдо Чингис-хана, и до Сэцэн-хагана народы, подчинённые монгольской власти, составили «5 цветных и 4 чужих» аймака, то есть «синие монголы, которых насчитывалось более 400 000 домов, красные китайцы, черные тибетцы, желтые сартулы, белые корейцы, эти 5 народов называются пять цветных. Зундуй охид, джунгар, убсуу дээр нюдатай (с глазами на спине), нохой толгой-тан (собакоголовые) – эти четыре чужих народа. Помимо них еще насчитывалось 72 народности отличные по образу и одежде» [Там же, с. 23]. Одним из важных мероприятий правления Хубилай-хана названо установление им обряда почитания Чингис-хана и назначение потомков Боорчу ответственными за

исполнением данного культа¹. В «Краткой истории монголов» не указана дата установления культа Чингис-хана, сведения об этом имеются в историко-правовом памятнике XIII в. «Белой истории» «учрежден Хубилаем в шестом месяце третьего года его правления, т. е. в 1267 г.» [11, с. 28–29].

Дальнейший период истории династии Юань до Тогон-Тэмур ограничена перечислением генеалогии монгольских ханов и их преемственности на троне с кратким изложением истории буддизма. После смерти Хубилай-хана ему наследовал Улджейту-хан, сын Чинкима, в годы правления которого прибыл сакьяский Ном-ун Гэрэл. Отмечено, что он реформировал составленное прежде Сакья-пандитой квадратное письмо и начал переводить на монгольский язык буддийское учение: «с этого времени монголы стали использовать уйгурское письмо» [6, с. 24]. В годы правления Хулуг-хана были собраны и переведены книги пяти великих сакьясцев. Также в источнике названы сакьяские ламы, почитавшиеся монгольскими ханами. Так, Буянту-хан принял обеты от Гоохэ-ламы, тем самым укрепив «союз трона и алтаря». Его сыновья Гэгэн и Заягату почитали сакьяского ламу Боди Шири; этот период охарактеризован тем, что были переняты у китайцев головные уборы и обувь. Подъём переводческой деятельности отнесён ко времени правления Есун Темура, когда сакьяский Буния Бадара-лама и монгольский переводчик учитель Сэнгэ и другие перевели очень много сочинений на монгольский язык.

Период правления последнего юаньского императора Тогон-Тэмур описан более подробно: приведены легенды о рождении Дзугэ, проявившихся знаменьях, предостережениях сановников и коварстве Дзугэ [Там же, с. 26].

Помимо перечисления имен потомков и очередности занятия ханского трона, излагается история утраты монгольского ханства в период династии Мин. Согласно «Краткой истории монголов», монгольское владычество длилось: «от [предопределённого] Небом Чингис-хана до Тогон-Тэмур Ухагату-хана было 16 великих ханов, которые владели полностью Китаем. Прежде в Китае не было ханов, обладавших такой превосходящей силой. С тех пор правящих за пределами

¹ Подробное исследование данного культа с переводами молитвенных текстов опубликовано Ц. Жамцарано [10].

китайской внешней стены малых монгольских ханов до Лигдэн-хана насчитывалось двадцать один. Точнее из рода борджигин двадцать пять и два ойратских хана. Всего держали власть тридцать семь ханов. С года желтоватой курицы, когда Чингис-хан был избран на ханство, и до года синей собаки прошло четыреста сорок шесть лет» [6, с. 31–32].

В рукописи «Хухэ дэбтэр» Лигдэн-хан упомянут кратко: «... из двух сыновей старший – Лигдэн-баатар воссел на ханский престол в год черного дракона. Повсеместно прославился как Лигдэн-хутухту. Он правил 31 год и в год синей собаки утратил власть монгольских ханов»¹. В сочинении А. Доржиева описание Лигдэн-хана дополнено следующей информацией. Во-первых, уточнен возраст, когда Лигдэн-хан занял ханский престол: «в свои 13 лет». Во-вторых, дано достаточно подробное описание заслуг Лигдэн-хана в распространении буддизма. Он согласно старым обычаям скрепил «союз трона и алтаря», приняв от ламы Майдари номун-хана тайные посвящения и обеты, в выстроенном дворце обустроил сумэ Джу Шакьямуни как почитание тела Будды, перевел на монгольский язык Ганджур как почитание слов Будды [Там же, с. 30–31]. При описании военного похода Лигдэн-хана против остатков тумэтцев и ордосцев, в результате которого им была осквернена усыпальница Чингис-хана в Ордосе, сказано, что Лигдэн-ханом «внезапно овладели злые духи», но после плохих знаменений он вернул все реликвии на место и провел обряд почитания, поднеся тысячи серебряных сосудов [Там же, с. 32]. После смерти Лигдэн-хана две его супруги и два сына вернулись в Мукден и сдались маньчжурам.

Описание правления маньчжурских императоров и их покровительство буддийской религии А. Доржиевым дано весьма кратко [Там же, с. 33–36]. В частности, сообщается, что в начале маньчжурского правления для распространения и поддержки буддизма были учреждены титулы для буддийских монахов – *дашири*, *гушири*, *чишири*, которые подтверждались выдачей специального рескрипта – *зуух бичиг*, удостоверенного печатью. История правления маньчжурских императоров в летописи «Хухэ дэбтэр» доведена до Тугэмэл Элбэку (Сяньфэн, 1831–

1861), у А. Доржиева упомянут его сын Бурунту Дзасакчи (Тунчжи, 1856–1875).

Автор «Хухэ дэбтэр» и А. Доржиев после изложения общей линии преемственности ханской власти над монгольскими племенами, обращаются к истории мелких владетельных князей, к генеалогии сыновей Батомунке Даян-хана с указанием родоначальниками каких племен они стали. На заключительных страницах «Краткой истории монголов» история происхождения олетских правителей, изложенная в «Хухэ дэбтэре» дополнена еще одной версией [Там же, с. 39–45].

Обсуждение результатов исследования. Летопись «Хухэ дэбтэр» упоминалась в качестве одного из источников «Шара туджи» как «своеобразное сочинение, скомпилированное из китайских источников» [12, с. 175–176]. Однако, по мнению Ш. Биры, в данном случае имелось в виду сочинение Гой-лоцавы Шоннупэла (1392–1481) «Дэбтэр онбо» (Коке дебтер) [13, с. 244]. Как отмечала А. Цендина средневековое монгольское летописание как буддийско-мифологический тип, отличалось неразграниченностью литературных видов и жанров, ярко выраженной компилятивностью и подавляющей ролью литературного канона [14, с. 11]. Всё это в полной мере отражено в рассматриваемых летописях «Хухэ дэбтэр» и «Краткой истории монголов».

А. М. Позднеев отметил, что летопись «Хухэ дэбтэр» содержит ряд сведений, отличающихся от приводимых в известных европейской науке того времени монгольских летописях. Например, среди подобных «странностей», можно упомянуть то, что в год жёлтой собаки 17-летний Темуджин женился на 13-летней Борте Юшин². Данную информацию повторяет в своем издании и Агван Доржиев [6, с. 7]. Тогда как согласно «Сокровенному сказанию монголов» невеста Темуджина была на один год его старше [15, с. 87].

При сличении рукописной летописи «Хухэ дэбтэр» из библиотеки Санкт-Петербургского университета с печатным текстом, изданным А. Доржиевым, в печатном издании обнаруживаются добавления, исправления. В некоторых случаях наблюдается опущение отдельных слов, например, при описании спустившейся с неба яшмовой чаши аршана прямо в руки Чингис-хана, в «Хухэ

¹ ЦВРК ИМБТ. – ЛАФ. 29. – БМ/ф 604. – Л. 64 об.

² Там же. – Л. 40

дэбтэре» сказано: «egüni inü degereče tngri ečiǵe qayıralaysan» ('Это сверху отец-тэнгри одарил'), когда в «Синей книге» А. Доржиева опущено слово ečiǵe – отец: egüni inü degereče tngri qayıralaysan ('Это сверху тэнгри одарили') [6, с. 9].

К буддийской обработке исторического материала можно отнести и хронологическую датировку событий. Вообще, в описании присутствуют как приблизительные даты – «500 лет назад», так и указания конкретного года – «Темуджин родился в год черной лошади третьего рабджуна в первый зимний месяц первого числа на рассвете» [Там же, с. 7].

Значительными вставками в издание А. Доржиева следует назвать упоминания буддийских заслуг Лигден-хана и двойное изложение истории олетов в заключительной части печатного текста: одно из которых соответствует тексту рукописи, второе было заимствовано из другого источника, возможно, из списка Бадмажапова. При этом включение второй версии истории олетов отдельно оговорено автором, в отличие от других добавлений. В целом же, текстовая часть сочинения А. Доржиева практически полностью следует рукописной летописью «Хухэ дэбтэр».

За неимением списка Ц. Бадмажапова нельзя точно утверждать, что все имеющиеся разночтения между университетской рукописью и книгой А. Доржиева, основаны на списке Ц. Бадмажапова. На наш взгляд, А. Доржиев опирался и на ряд не назван-

ных им источников, в частности, привлекал материал из монгольских летописей «Шара туджи» и «Эрдэнийн тобчи».

Заключение. Сочинение Агвана Доржиева представляет собой переработанную и дополненную версию рукописной летописи «Хухэ дэбтэр», и имеет большое значение для изучения не только творческого наследия бурятского ламы, но и истории развития монгольского летописания. Заслуживает внимания изложение истории монгольских ханов в свете их буддийских заслуг и обоснования преемственности власти от тэнгри-небожителей. В этой связи несомненный интерес представляют размышления автора о воплощении бодхисаттвы Очирвани и божественной предопределенности рождения Чингис-хана. Несмотря на краткость изложения и включение в текст летописи легенд и преданий, сочинение А. Доржиева содержит ряд сведений об инициативах правителей по государственному устройству, культурным преобразованиям. С историко-этнографической точки зрения ценны приводимые сведения об учреждении культа Чингис-хана в период правления его внука Хубилай-хана, назначении потомков Боорчи зрителями и исполнителями обрядов и т. д.

«Краткая история монголов по монгольской летописи Хухэ дебтер» остается малоизученным источником и представляет интерес как историко-литературное произведение.

Список литературы

1. Дамдинов А. В. Дело Агвана Доржиева: последние страницы жизни буддийского иерарха // Тегга Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 190–201.
2. Содномова И. Н. Литературная и просветительская деятельность Агвана Доржиева в Петербурге–Петрограде в 1905–1917 гг. // Россия и монгольский мир: вектор на сближение (Егуновские чтения – VII). Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, 2017. С. 168–177.
3. Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т: Нартанг, 2006. 464 с.
4. Доржиев А. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света. (Автобиография) / пер. с монг. А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит-ра, 2003. 160 с.
5. Бурятские летописи / Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. 244 с.
6. Доржиев А. Краткая история монголов по монгольской летописи Хухэ дебтер (Синяя книга). tngri yajar-un angq-a toytuysan-ača qayad-un ejelegsen qayučin köke debter kemekü šastir orusibai. Монгольский текст. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. 45 с.
7. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by Vladimir L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p.
8. Пучковский Л. С. Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. История, право. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 279 с.

9. Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1883. 421 с.

10. Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САЖ. 1961. Vol. VI, № 3. P. 194–234.

11. «Белая история» (Сагап теүке) – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / сост. крит. текста и пер. П. Б. Балданжапова; иссл., сост. коммент., подгот. текста к публ., пер. и коммент. к «Шастре хана-чакравартина» и «Шастре Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Бурят. нац. центр, 2001. 200 с.

12. Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / сводный текст, перевод, введение и примечание Н. П. Шастиной. М.; Л.: Академия наук СССР, 1957. 200 с.

13. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978. 320 с.

14. Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2007. 272 с.

15. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *mongyol-un niuča tobčiyun* (Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник) / введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.

Информация об авторах

Аюшеева Марина Васильевна, кандидат исторических наук; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; ayushta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>.

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; vanchikova_ts@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>.

Вклад авторов в статью

Аюшеевой М. В. – осуществлен сбор, анализ материала и перевод источников.

Ванчиковой Ц. П. – разработана концепция статьи, проведен анализ, перевод источников.

Для цитирования

Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П. «Краткая история монголов» в редакции Агвана Доржиева (1853–1938) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 114–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-114-122.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 23.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

References

1. Damdinov, A. V. The case of Agvan Dorzhiev: the last pages of the life of a Buddhist hierarch. Terra Eurasica: to the 60th anniversary of Academician B. V. Bazarov: Collection of scientific articles / ed. N. N. Kradin, L. V. Kuras. Irkutsk: Izd-vo “Ottisk”, 2020: 190–201. (In Rus.)

2. Sodnomova, I. N. Literary and educational activity of Agvan Dorzhiev in St. Petersburg-Petrograd in 1905–1917. Russia and Mongolian world: a vector for rapprochement (Egunov readings – VII). Ulan-Ude: Buryatskii gosud. un-t im. D. Banzarova, 2017: 168–177. (In Rus.)

3. Andreev, A. I. Tibet in the politics of Tsarist, Soviet and post-Soviet Russia. SPb: Izd-vo SPbGU; Izd-vo A. Terent'eva “Nartang”, 2006. (In Rus.)

4. Dorzhiev, A. Entertaining notes. Description of a trip around the world. (Autobiography) / Per. s mong. A. D. Tsendinovi. M: Vostochnaya literatura, 2003. (In Rus.)

5. Buryat chronicles / Ts. P. Vanchikova, Sh. B. Chimitdorzhiev, M. V. Ayusheeva. Ulan-Ude: Izd-vo OAO “Respublikanskaya tipografiya”, 2011. (In Rus.)

6. Dorzhiev, A. A brief history of the Mongols according to the Mongolian Chronicle Huhe debter (Blue book). *ngri yajar-un angq-a toytuysan-ača qayad-un ejelegsen qayučin köke debter kemekü šastir orusibai. Mongol'skii tekst. S.-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1912. (In Old Mong. Script)*

7. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by Vladimir L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. (In Engl.)

8. Puchkovskii, L. S. Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies. T. I. History, Law. M.-L: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957. (In Rus.)

9. Pozdneevev, A. M. The Mongolian chronicle “Erdeniyn erihe”. The original text with translation and explanations containing materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736. Sankt-Peterburg: tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1883. (In Rus.)

10. Zhamtsarano, Ts. The cult of Genghis in Ordos. From a trip to Southern Mongolia in 1910. CAJ, vol. VI, no. 3, pp. 194–234, 1961. (In Rus.)
11. "White History" (Cayan teüke) is a Mongolian historical and legal monument of the XIII–XVI centuries / comp. critical text and translation of the "White History" by P. B. Baldanjavov; research., comp. comment., prepar. the text of the "White History" to the publ., trans. and comment. to the "Shastra of Khan-chakravartin" and "Shashtra of Orung" by Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs, 2001. (In Rus.)
12. Shara tuji Mongolian chronicle of the XVII century / svodnyi tekst, perevod, vvedenie i primechanie N. P. Shastinói. M.-L.: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957. (In Rus.)
13. Bira, Sh. Mongolian historiography (XIII–XVII centuries). M.: Nauka, 1978. (In Rus.)
14. Tsendina, A. D. Mongolian chronicles of the XVII–XIX centuries: narrative traditions. M: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 2007. (In Rus.)
15. Kozin, S. A. The secret legend. The Mongol chronicle of 1240 under the title Mongyol-un niyuča tobči-yan (Yuan chao bi shi. Mongolian everyday annual). Vol. I / Introduction to the study of the monument, translation, texts, glossaries. M.-L: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. (In Rus.)

Information about author

Ayusheeva Marina V., Candidate of History, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoïy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; ayagma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>.

Vanchikova Tsymzhit P., Doctor of History, Professor; Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoïy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; vanchikova_ts@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>.

Contribution of authors to the article

Ayusheeva M. V. – collected, analyzed the material and translated the sources.

Vanchikova Ts. P. – developed the concept of the article, carried out the analysis, translation of sources.

For citation

Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P. "Brief history of Mongols" Compiled by A. Dorzhiev (1853–1938) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 114–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-114-122.

**Received: January 18 2023; approved after reviewing February 23 2023;
accepted for publication February 25 2023.**

Научная статья

УДК 394/395 (571.54)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132

Ритуальные коновязи сэргэ у бурят в XXI веке

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
zhabalovas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2672-8126>

В статье на полевых наблюдениях и материалах, литературных и электронных источниках представлена малоисследованная тема локализации в XXI в. бурятских ритуальных коновязей сэргэ в пространстве от Усть-Ордынского Бурятского округа до мыса Хобой на о-ве Ольхон. Доказана гипотеза исследования – в условиях глобализации и активного увеличения международных туристических потоков буряты расширяют границы собственного сакрального мира, создают культурный ландшафт для создания специфической системы защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия. Сакральные объекты защищают хрупкую экологию региона. В статье используется один из ключевых методов – идеографический, который дополняется анализом и обобщением. На отрезке автодороги Р-418 от Иркутска до границы Ольхонского района находятся три въездных знака/комплекса, в которых центральное место отводится ритуальным коновязям. На этом участке дороги локализована бариса, ритуальный комплекс, с тремя сэргэ. В Приольхонье девять сэргэ локализовано в устье р. Анги, у горы Ёрдо, где проводятся Ёрдынские игры. На о-ве Ольхон, у мыса Бурхан, возведены 13 ритуальных коновязей в честь «13 северных нойонов», занимающих в шаманском пантеоне бурят особое место. На мысе Хобой стоит ритуальная коновязь сэргэ. Исследованные культовые объекты установлены в XXI в. по решению населения на народные деньги и являются общеольхонскими, а возможно, общепурятскими. Инновационный характер ритуальных коновязей заключается в значительных размерах и в возведении их в новых местах, что расширяет сакральную территорию и культурный ландшафт. Рассмотренные ольхонские сэргэ, несмотря на увеличенные размеры, сохраняют аутентичность в отличие от стилизованных сэргэ, стоящих на въездных стелах. Новая организация социокультурного пространства с помощью ритуальных коновязей свидетельствует о том, что этническая культура трансформируется в национальную.

Ключевые слова: бурятские традиции, ритуальные коновязи сэргэ, инновация, культурный ландшафт, защитный механизм, этническая культура, национальная культура

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания – проекта «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

Original article

Ritual Hitching Posts Serge Among the Buryats in the 21st Century

Sesegma G. Zhabalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
zhabalovas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2672-8126>

The article deals with a little-studied topic with the aim of studying localization of Buryat ritual hitching posts serge in the space from Ust-Orda district to Cape Khoboy on Olkhon Island in the 21st century. The article is based on the field observations and materials, literary and electronic sources. The hypothesis of the study was proved – in conditions of globalization and active increase in international tourist flows, the Buryats are expanding the boundaries of their own sacred world to create a specific system of protective mechanisms against intensive foreign cultural influence. Sacred objects contribute to the preservation of the fragile ecology of the region. One of the key methods used in the article is ideographic method, which is supplemented with analysis and generalization. There are three entrance signs/complexes, in which the central place is given to ritual hitching posts on the section of the R-418 highway from Irkutsk to the border of the Olkhonsky district. On this section of the road there is a barisa, a ritual complex, with three serge. In the Olkhon region, nine serge are located at the mouth of the river Angi near Mount Yordo where the Yordyn Games are held. On the island of Olkhon near

© Жамбалова С. Г., 2023

the cape Burkhan, 13 ritual hitching posts have been erected in honor of the “13 northern noyons”, occupying a special place in the shamanic pantheon of Buryats. There is a ritual hitching post serge on Cape Khoboy. The researched cult objects were established in the 21st century by the decision of the population and are all-Olkhon, and possibly all Buryat. The innovative character of the ritual hitching posts lies in their considerable size and in their installation in places where they were not previously installed, thus expanding the sacred territory. These considered Olkhon serge, despite of their increased size, retain their authenticity, in contrast to the stylized serge standing on the entrance steles. A new organization of the socio-cultural space with the help of ritual hitching posts indicates that the ethnic culture has been transforming into a national one.

Keywords: buryat traditions, ritual hitching posts serge, innovation, cultural landscape, defense mechanism, ethnic culture, national culture

Acknowledgements: *The research was carried out within the state assignment (project “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)”, No. 121031000243-5.*

Введение. В современном мире неуклонно возрастает ценность культурного наследия народов мира. 2022 год был объявлен годом культурного наследия народов России с целью «популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации»¹. Подведение итогов показало, что достигнуты весомые результаты, выявило колоссальный интерес со стороны граждан к культурному наследию народов страны². Актуализирует тему также то, что «В условиях грозящего разрушения “мы-идентичности” материальное и нематериальное культурное наследие народов России может и должно стать основой духовного единства цивилизации России» [1, с. 3–4].

Статья рассматривает малоисследованную тему на обширных новых материалах, которые впервые вводятся в научный оборот, а их анализ предоставляет теоретические и практические возможности для изучения динамики сохранения и возрождения культурного наследия в современной России. Цель статьи – исследовать локализацию в XXI в. бурятских ритуальных коновязей сэргэ в пространстве от Усть-Ордынского Бурятского округа до мыса Хобой на о-ве Ольхон.

Гипотеза исследования – в условиях глобализации буряты не случайно расширяют границы сакрального мира за счет создания новых культурных ландшафтов. В усло-

виях активного увеличения международных туристических потоков с конца XX в. в удалённом изолированном пространстве Приольхонья и о-ва Ольхон высокий темп динамики возрождения ритуальных коновязей создает специфическую систему защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия. Стереотипизация поведения в сакральных территориях, маркированных ритуальными коновязями сэргэ и другими культовыми объектами, в некоторой степени способствуют сохранению хрупкой экологии региона.

В Иркутской области много не упомянутых здесь семейно-родовых ритуальных коновязей, связанных с циклом жизни человека и установленных в жилищно-поселенческих комплексах. Их исследование не входит в задачу статьи. Здесь изучены значительные объекты общественного характера, воздвигнутые в XXI в. Начинается обзор объектов, размещённых на автодороге Р-418 на отрезке от Иркутска до Баяндая и далее до границы Ольхонского района. Затем рассмотрены объекты в Приольхонье и на о-ве Ольхон. В отношении объекта исследования используется термин «ритуальная коновязь сэргэ», который в тексте иногда заменяют названия «ритуальная коновязь» или «сэргэ». Здесь нет задачи рассматривать проблему терминологии и соотношения коновязей и ритуальных столбов, так как это отдельная малоисследованная научная тема.

Статья написана на полевых наблюдениях и материалах, зафиксированных в Ольхонском районе и по дороге на Ольхон в 2013, 2017, 2019 гг. во время пребывания на Ёрдынских играх. Здесь использованы литературные, электронные и визуальные материалы. Для верификации полевых наблюдений и материалов использован видеоматериал туристов Татьяны и Владимира,

¹ Год культурного наследия народов России. – URL: <https://www.culture.ru/s/god-kulturnogo-naslediya/o-gode> (дата обращения: 04.01.2023). – Текст: электронный.

² Колоссальный интерес к народному творчеству. В РФ подвели итоги Года культурного наследия. – URL: <https://tass.ru/kultura/16557181> (дата обращения: 04.01.2023). – Текст: электронный.

снятый в сентябре 2022 г., где обстоятельно отсняты примечательные объекты на автодороге Иркутск – Ольхон.

Обзор литературы. До постсоветского времени специальных научных работ о ритуальных коновязях сэргэ не выявлено, хотя они нередко вскользь упоминались в монографиях общего характера. Позднее научный интерес к ним значительно возрос. В монографии Д. С. Дугарова «Исторические корни белого шаманства», опубликованной в 1991 г., но, безусловно, подготовленной в советское время, они рассматриваются в главах, посвященных культу Мирового дерева у бурят и Ёрдынским игрищам [2]. Этой теме посвящены статьи Е. О. Закшеевой [3] и В. В. Лыгденовой [4]. В них акцент делается в основном на объектах, устанавливаемых к свадьбе у жилища жениха. Они достаточно подробно исследованы в монографии С. Г. Жамбаловой в специальном параграфе [5, с. 262–274]. В монографии М. М. Содномпиловой они рассматриваются как один из компонентов, организующих пространство поселений [6, с. 289–296]. Специальных научных публикаций о ритуальных коновязях сэргэ XXI в., кроме статьи В. В. Лыгденовой, не выявлено.

Методы исследования. Статья опирается на классические и современные методы исторических исследований. Здесь используется один из ключевых методов – идеографический, который дополняется анализом и обобщением. При сборе полевых материалов использованы методы полевой этнографии.

Результаты исследования. На отрезке автодороги Р-418 протяженностью 130 км от Иркутска до Баяндая находятся несколько примечательных въездных знаков/комплексов, в которых центральное место отводится ритуальным коновязям. От Иркутска до границы Усть-Ордынского Бурятского округа нет бурятских поселений, поэтому на этом пути не встречается ни одно сэргэ. Границу Усть-Ордынского Бурятского округа, расположенную в 70 км от Иркутска, фиксирует архитектурно-художественная въездная стела со стилизованными шестью разновеликими сэргэ. Она установлена в 1997 г. к 60-летию округа. Такой же размещён ещё в двух районах округа на трёх трактах, проходящих через округ – Качугском, Александровском и Московском. Чуть далее, между пос. Усть-Ордынский и этнопарком «Золотая

Орда», где проводят шаманские обряды, встречают туристов, показывают бурятские песни и танцы, стоят два аутентичных сэргэ.

Следующий объект, зафиксирован автором в 2019 г., это Бүүбэйн Төөдэйн бариса, огороженный ритуальный комплекс, где главными являются три высоких сэргэ каждая с тремя навершиями, соединённые поперечными тремя жердями, на которых висят ленты (*зала*). На огороженном участке комплекса построен оборудованный навес для отдыха путников, чуть далее установлены два стенда, а у входа надпись: «Уважаемый путник! Здесь на минутку задержись, своим предкам поклонись. Бүүбэйн Төөдэйн бариса уважь. Мусор за собой убери». Верифицирует приведенные здесь полевые материалы короткая видеозапись, сделанная туристами в сентябре 2022 г.¹

В 2019 г. в полевых материалах зафиксировано, что у районного центра Баяндая, находящегося в 60 км от пос. Усть-Ордынский, установлены три стилизованные ритуальные коновязи сэргэ сложной конструкции, с поперечными перекладинами. К центральной ритуальной коновязи прикреплён чёрный бубен, под которым висят два колокольчика. Путники могут стукнуть в бубен и позвонить в колокольчик. Очень много привязанных лент и ритуальных шарфов (*хадак*). О том, что комплекс сохраняется в 2022 г. свидетельствует другая видеозапись туристов².

Следующая зона с сэргэ расположена на въезде в Ольхонский район. Въездной комплекс представляет собой довольно большую специальную площадку, где объекты демонстрируют специфику района, его особую сакральность. В 2015 г. к въездному знаку с указателем «Ольхонский район, поставленному в 2005 г., добавлена приветственная стела «Хозяин Ольхона», выполненная на высоком художественном и технологическом уровнях, автор проекта художник А. Б. Алсаткина, изготовила компания «Лотос» из Бурятии. Рядом располагается стенд, состоящий

¹ «Из Иркутска на Байкал. Остановка у Барисана. Ритуальные столбы сэргэ». – Текст: электронный // Путешествовать вместе с Татьяной и Владимиром. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/2235076450607474868> (дата обращения: 04.01.2023).

² Путь на Байкал. Новая отметина на нашем пути с. Баяндай. – Текст: электронный // Путешествовать вместе с Татьяной и Владимиром. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/9042241284996006461> (дата обращения: 04.01.2023).

из трёх стилизованных высоких сэргэ, а может, просто столбов, поддерживающих две мраморные доски с информацией для путников. Эти столбы/сэргэ, а также и растущие рядом деревья сплошь обвязаны лентами и хадаками. За пределами площадки у выезда особняком стоят в своём традиционном воплощении два сэргэ стандартного размера, к которым привязано всего несколько лент. Это обусловлено тем, что они стоят за пределами зоны, рассчитанной на туристов. Это позволяет им сохранять аутентичный облик и повышает их духовную ценность.

В Приольхонье на материковой части Ольхонского района концентрация значительных сэргэ встречается в устье р. Анги, в местности Хуторук, в 8 км от районного центра Еланцы, у горы Ёрдо, на оборудованном для проведения Ёрдынских игр участке. В 2000 г. был проведён первый праздник тюрко-монгольских народов, второй прошёл в 2005 г., третий – в 2011 г., четвёртый – в 2013 г., пятый – в 2015 г., шестой – в 2017 г., седьмой – в 2019 г. Праздник открывает шаманский обряд Ехэ Тайлаган «Дэлхэй дайдын мургэл», где проводится молебен и жертвоприношения духам и хозяевам священной горы. Его проводят пять

и более шаманов на фоне девяти высоких замечательных сэргэ с тремя навершиями и у основания столба с двумя вырезанными декоративными меандровыми узорами, не нарушающими его аутентичность. Немного в стороне стоит сэргэ, также входящее в ансамбль. Ритуальные коновязи стоят в ряд параллельно горе Ёрдо. К нижней зарубке навершия каждой ритуальной коновязи привязано по одному цветному хадаку, сэргэ соединены веревками, к которым привязывают ленты и ритуальные шарфы.

Особенно много сэргэ на о-ве Ольхон. Во время посещения Ольхона в XXI в. было выявлено сохранение всех ранее описанных в монографии «Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.)» сэргэ [5]. Зафиксировано обновление некоторых старых и появление нескольких значительных новых объектов. Совершенно новыми, инновационными являются широко известные в последнее время по многочисленным фотографиям в интернете 13 ритуальных коновязей у мыса Бурхан (Шаманка), установленных в честь «13 северных нойонов» (Арбан гурбан арын эзэд), занимающих в шаманском пантеоне бурят особое место. Их иерархия такова: возглавляет сонм богов

Рис. 1. Сэргэ¹

Fig. 1. Serge

¹ Сэргэ. Ёрдынские игры 2013 г. Ольхонский район Иркутской области. – URL: <https://yandex.ru/images/search?text=Ольхонский%20район> (дата обращения: 15.01.2023). – Текст: электронный.

Хан Хото бабай, пребывающий на двух скалах и в пещере мыса Бурхан; его жена Зулмата нойон, гений хранитель женщин; Хаша Хан бөө нойон; Хан бөө нойон, обучающий людей шаманскому искусству; Хан шубуу нойон, «ходящий в виде беркута»; Ажирай нойон, бычьеголовый сын лисицы, стоящий на страже ужасов смерти и пребывающий в чёрных скалах на севере Ольхона; Хуа Солбон нойон, стоящий на страже и не допускающий соединения «подданных ханов этого мира и Эрлик Номун хана»; Хажир Сагаан нойон, хозяин Баргузина, пребывающий на горе Бархан Ундэр; Агуй Бумал нойон, хозяин шаманского амита (шаманских доспехов); Ама Сагаан нойон, хозяин Нижней Ангары; Хан Заргачи нойон, хозяин Иркуты; Эрдэмтэ сагаан нойон, хозяин узкой Лены. Завершает список тринадцатый по счету Буха нойон баабай, обретающий на горе Ундэр Мундарга, в истоках Байкала [7, с. 56].

На самом высоком месте, в северной оконечности о-ва Ольхон, на мысе Хобой, стоит ритуальная коновязь, сплошь обмотанная лентами и хадаками. Это место так-

же посетили туристы Татьяна и Владимир и сделали видеозапись, которая верифицирует приведенные здесь данные¹. Важно отметить, что на мысе Хобой в 2018 г. планировалась установка бронзовой скульптуры «Хранитель» Д. Намдакова, ситуацию о её размещении в заповедной зоне разрешил протест общественности. Её установили в другом, профанном месте². Это ещё один факт, свидетельствующий о том что ольхонские буряты стараются сохранить культурный ландшафт в неприкосновенности, не загружая его посторонними объектами.

Обсуждение результатов исследования. Ритуальные коновязи сэргэ – наиболее сохранившийся в обиходе бурят объект материального культурного наследия и один из самых малоизученных. Их нередко упоминают в работах общего характера, но серьёзных специальных работ практически нет, при том, что тема открывает большие перспективы для исследований. В советское время традиция их возведения у своего жилища продолжала бытовать в редуцированной форме на семейно-родовом уровне. В постсоветский

Рис. 2. 13 ритуальных коновязей в честь «13 северных нойонов» на о-ве Ольхон у мыса Бурхан³

Fig. 2. 13 ritual hitching posts in honor of the "13 Northern Noyons" on Olkhon Island near Cape Burkhan

¹ Мыс Хобой – самая крайняя северная точка острова Ольхон. – Текст: электронный // Путешествовать вместе с Татьяной и Владимиром. – URL: <https://video-stb.ru/observe/QK2LjXyMG64/mis-hoboy-na-ostrove-olyhon-samaya-kraynyaya-severnaya-tochka> (дата обращения: 19 декабря 2022); Мыс хобой в середине Байкала. Как не разочароваться на Ольхоне. – URL: <https://dzen.ru/a/YZtc1sr-GV9GEHcg> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

² «Хранитель Байкала»: что думают экологи и жители Ольхона. – URL: <https://1baikal.ru/priroda/khranitel-baykala-chto-dumayut-ekologi-i-zhiteli-olkhona> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

³ Поселок Хужир. 13 столбов сэргэ. – URL: https://club-voshod.com/info/pohodnoe_info/dostoprimechatelnosti/baikal/poselok_hujir_13_stolbov_serge (дата обращения: 15.01.2023). – Текст: электронный; на фотографии новые сэргэ, установленные в 2021 г.

период практика их возведения значительно активизируется. В Баргузинском районе РБ эта тенденция зафиксирована В. В. Лыгденовой [4, с. 49]. В XXI веке этот заметный, визуально привлекательный объект культурного наследия, создающий современный культурный ландшафт, является одним из условий развития туризма и его важным ресурсом. Фотографии ритуальных коновязей распространены в интернете и вызывают интерес и привлекают на Ольхон новых туристов.

Неслучайно образы ритуальных коновязей занимают центральное место во всех рассмотренных нами трёх въездных знака, выполненных художниками и привязанных к местности архитекторами. Эти произведения искусства и архитектуры, выполняют важную функцию, предоставляя информацию о районе. Въездные знаки, или въездные комплексы, так как в исследуемом регионе нередко состоят из нескольких объектов и стел, на границе районов получают развитие в Байкальском регионе с советского времени. Случайно или нет, в некоторых случаях они размещались в сакральных точках бурят. В постсоветское время они обновляются в соответствии с новыми идеологическими позициями на специально выделенные немалые бюджетные средства. Образ ритуальной коновязи как наиболее яркий с глубинным и одновременно довольно прозрачным значением приобретает большое распространение. Объективно то, что о въездной стеле на границе Ольхонского района журналист М. Бакулев пишет: «Предполагается, что это врата в сакральную землю, такая особенная граница: не только в особенную туристическую зону, но в некоторое духовное пространство»¹.

Въездной комплекс в Усть-Ордынский Бурятский округ изготовлен из армированного монолитного железобетона. Высота стелы – 9,5 м, диаметр – 9 м. Это шесть ритуальных коновязей по числу районов округа, каждому из которых выделено отдельное. Объединяет ритуальные коновязи разомкнутый круг с надписью «Усть-Ордынский Бурятский автономный округ»². Риту-

¹ Бакулев М. На въезде в Ольхонский район туристов теперь встречает приветственная стела. – URL: <https://www.babr24.com/baik/?IDE=136790> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

² Комиссарова Е. На границах районов округа могли стоять юрты // Окружная правда. – № 49. – 17 декабря 2015 г. – URL: <http://baik-info.ru/na-granica-h-гаунов-okruga-mogli-stoyat-yurty> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

альные коновязи на этом комплексе носят стилизованный характер. Наиболее близкой традиционному является центральная более высокая с тремя навершиями, перед которой полукругом размещены пять объектов меньшего размера каждая с символическим изображением родовых знаков вместо привычных конических наверший. Создание стелы с изображением сэргэ было инновационным для 1997 г., а впоследствии, возможно, благодаря прецеденту, становится привычным в XXI в. К въездному комплексу Усть-Ордынского округа, в 2021 г. перенесли стелу «Усть-Ордынский орденосный», ранее установленную в 2019 г. у поселка. На ней изображены ордена Трудового Красного знамени (1972) и Дружбы народов (1977)³. Поставленные на разные постаменты довольно близко друг от друга они не создали общего ансамбля, что неудивительно.

Въездная стела Боханского района наиболее ярко демонстрирует то, что в регионе развит шаманизм. Напомним, что к центральной ритуальной коновязи стелы прикреплен чёрный бубен, под которым висят два колокольчика, путникам предлагается воспользоваться ими для исполнения своих желаний.

Инновационными являются сопроводительные тексты на барисанах или въездных комплексах, поясняющие путникам и туристам назначение сакральных объектов, что было невозможно в атеистическое время. На Бүүбэйн Төөдэйн бариса на двух стендах на бурятском и русском языках написаны тексты. На первом говорится об истории барисана: «Испросившая от Бурханов сокращения трёхсот норм жертвенного тарасуна до тридцати, тридцати жертвенных животных до трёх, от Иркутска до озера Хулэн установившая тринадцать барисанов, Мать покровительница Бүүбэйн Төөдэй, в Вашу честь наши молитвы». На втором имеется обращение к путникам. «Край вечно Синего Неба приветствует Вас. Мы благодарны Вам за уважение к местным традициям обычаям. Да будет благополучен Ваш путь!».

В 1998 г. на о-ве Ольхон обнаружено сохранение с советского времени традиции возведения сэргэ в честь предков, шаманов и улусных старцев, что позволило активно развивать её дальше в постсоветской

³ Стелу «Усть-Ордынский Орденосный» перенесли на новое место. – URL: <https://orda-info.online/stelu-ust-ordynskij-ordenonosnyj-perenesli-na-novoe-mesto> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

действительности в новых идеологических условиях на инновационном уровне. В доступных для обзора местах острова выявлено 25 объектов, локализованных вдоль восточной стороны дороги, которая тянется по всему острову, протяженностью 73,5 км. Сэргэ стояли по одному, по два, по три и по девять, нередко создавая специально оборудованное для обрядов сакральное пространство. Описание, их общинная, родовая и семейная принадлежность, в честь кого они поставлены, довольно подробно изложено в книге [5, с. 266–268].

Со слов информантов было записано, что сэргэ имеются и вдали от дорог на территории улусов и родовых усадеб, например, на малой родине шамана Валентина Хагдаева. Один комплекс ритуальных коновязей был возведен на излете советского периода. В 1990 г. после многих десятилетий атеистической пропаганды, когда шаманские обряды проводились нелегально, проведен первый официальный общеольхонский тайлган. У местности Саган Хада возвели три сэргэ, а в других местах установили родовые сэргэ знаменитым шаманам и духам предков [8, с. 134]. В Ольхонском районе достаточно сэргэ, возведённых к свадьбе [5, с. 271].

Высокие с тремя навершиями 13 ритуальных коновязей у мыса Бурхан на о-ве Ольхон выполнены в традиционном бурятском стиле. Выше перечислены божества, которые входят в этот сонм. Л. Р. Павлинская в связи с 13 хозяевами Окинского края (Ахын арбан гурбан улаан хада) пишет о глубоком сакральном смысле, которое несет это число. Оно представляет собой композицию из двух цифровых кодов четыре и девять с множеством символических значений [9, с. 166].

Все 13 ритуальных коновязей (в 2021 г. установлены новые) сплошь обвязаны лентами и ритуальными шарфами, соединены веревками, также увешанными ими. Это нехарактерная для бурят инновация. Туристов убеждают в том, что привязывание к ритуальным коновязям лент поможет исполнению загаданного ими желания. Они кладут медную монетку на ближайший камень и три раза обходят их. Им рекомендуют привезти с собой подношение (молоко и белая пища) для местных духов, молоком обрызгать сэргэ, а пищу оставить для духов¹.

¹ Поселок Хужир. 13 столбов сэргэ. – URL: https://club-voshod.com/info/pohodnoe_info/dostoprimechatelnosti/baikal/poselok_hujir_13_stolbov_serге (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

Туристов информируют о том, что цвет привязываемой ткани должен соответствовать просьбе: белый символизирует здоровье и чистоту помыслов, выражает благодарность; синий, как цвет неба и бога, подходит для любых просьб; зелёный – символ домашнего очага, нужен при просьбах о плодородии; красный – символ благополучия семьи; жёлтый «направлен к солнцу с желанием получить богатство и процветание». Ленты чёрного цвета не используют. Каждая ритуальная коновязь несёт свой смысл, поэтому важно привязать ленты к нужной. Например, первый слева столб посвящён предводителю нойонов (начальников). Пятый – покровителю красоты, изыска и талантливых людей, восьмой – покровителю благосостояния. Тринадцатый олицетворяет мудрость и гибкость ума².

Безусловно, все познания о ритуальных коновязях путешественники получают в первую очередь от гидов, обслуживающих их, из открытых источников и друг от друга. Сведения, распространяемые во множестве для туристов в интернете и местными гидами, в некоторой степени базируются на реальных фактах и опубликованных научных данных. Многие являются плодом современного мифотворчества, создающегося по мере активного развития туристической индустрии на Ольхоне.

В статье рассмотрены ритуальные коновязи сэргэ общественного характера, установленные в XXI в. в сакральном пространстве по решению многих людей и на общественные средства. Инновационный характер ритуальных коновязей у мыса Бурхан на о-ве Ольхон и в местности Хуторук у сопки Ёрдо заключается не только в их значительных размерах. Маркирование сакрального пространства ритуальными коновязями способствует его освоению утилитарно, семантически, символически и формирует новый культурный ландшафт.

Данных о том, что они ранее возводились в рассматриваемых участках пространства, не выявлено. Д. С. Дугаров утверждает: «гора Ёрд не была главной, среди культовых мест, расположенных в устье р. Анги. <...> известна как место празднества, общественных игрищ, и главным образом как место проведения многодневного кругового танца вокруг нее. <...> нет указания на то,

² Королева Н. Загадки и тайны Ольхона. Часть 2. – URL: <https://dzen.ru/a/Y2NSYS0bagB6Mcx6> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

что здесь производились какие-либо молебствия и жертвоприношения» [2, с. 148]. При этом он отмечает, что «Ёрдынская сопка была аналогом мирового дерева» [Там же, с. 147–148]. Возможно, это обстоятельство и является аргументацией создания данного культурного ландшафта. Главное, ритуальные коновязи одни из главных сакральных объектов площадки для проведения Ёрдынских игр. Таким образом, природная среда преобразована в культурный ландшафт.

С конца XX в. буряты начали возводить сэргэ общественного характера, наполненные новым смыслом, дополняющим его традиционные функции. Эта тенденция получила начало в Республике Бурятия. Декорированные ритуальные огромные коновязи стали возводить у въезда в населённый пункт и к знаменательным датам. На горе Убиенной за г. Гусиноозерском установили 33 высоких сэргэ, как символы возрождения самосознания бурят в постсоветский период, как свидетельство творческого развития традиций [5, с. 264–265]. Как следует из полевых материалов того периода, в то время в Иркутской области, в том числе в Ольхонском районе, долгое время сохранявшем традиционные устои, инновация не практиковалась. Движение началось чуть позже, как отмечалось выше, после установления въездной стелы Усть-Ордынского Бурятского округа. В Ольхонском районе при создании сэргэ укрупнённых размеров сохраняется её традиционная форма: столб с тремя навершиями и коническим верхом без декорирования.

В условиях глобализации ольхонские буряты расширяют границы собственного сакрального мира за счёт увеличения площади культурных ландшафтов, создают специфическую систему защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия, которое наблюдается в туристических зонах, которых немало на этнической территории бурят. Ольхон и Приольхонье концентрируют значительную часть турпотока Иркутской обл. и удерживают первые позиции по количеству туристских прибытий (свыше 40 % въездного турпотока области). Туризм приобретает международный характер, появляются крупные объекты, заметно расширение турбизнеса [10, с. 62, 64]. Когда прибывает основной поток туристов, в Приольхонье, а особенно на о-ве Ольхон скапливается значительное число людей, которые могут принести невосполнимый

урон без того хрупкой экологии уникального места. Ритуальные коновязи выполняют охранную функцию, упорядочивая пространство и регламентируя поведение туристов на сакральной территории. Таким образом, в социокультурном пространстве осуществляется межкультурная практика толерантного взаимодействия.

Новая организация социокультурного пространства в культурном ландшафте с активным обращением к образу сэргэ свидетельствует о трансформации некоторых значимых элементов этнической культуры в национальную, которая представляет собой «единство материальных и духовных ценностей нации, а также практикуемых данной этнической общностью основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением» [11, с. 344]. Идея возведения ритуальных коновязей сэргэ значительных размеров в новых точках с целью маркирования пространства как сакральной земли бурят в целях сохранения идентичности не была спущена сверху. Это общее решение, вероятно, выдвинутое группой или одним из народных лидеров и поддержанное народом. А. Дж. Тойнби полагает: «Индивидуальная энергия всех людей, являющихся так называемыми членами общества, и есть та жизненная сила, которая воздействует на историю данного общества, в том числе и на продолжительность его жизни» [12, с. 460].

В. Л. Каганский объективно замечает, что всякое земное пространство, жизненная среда группы людей есть культурный ландшафт, если она освоила это пространство утилитарно, семантически и символически [13]. Современные ольхонские буряты, как и многие народы мира и России, в том числе якуты, создают этнокультурный ландшафт, позволяющий обособить этнически маркированные территории. У якутов это происходило на алаасных экосистемах Якутии. Образ алааса «одомашненного» освоенного пространства в традиционном мировоззрении «является его духовным стержнем и ключевым символом, синтезом природы и культуры как Дома народа саха» [14, с. 94].

С 1996 года оз. Байкал за исключением пяти промышленных территорий, расположенных на побережье оз. Байкал (г. Байкальск, Слюдянка, Бабушкин, Северобайкальск и рп Култук) является Участком Всемирного природного наследия

ЮНЕСКО. Такой статус накладывает на Россию обязательства по сохранению его достопримечательностей. На острове природоохранный регламентированный режим установлен раньше с момента организации Прибайкальского национального парка в 1986 г. [10, с. 60]. М. Е. Кулешова замечает, что «священные места Бурятии могут рассматриваться как объекты материальной культуры (конкретные земельные участки с конкретными культовыми памятниками), с ними помимо ритуальных практик связана целая система поведенческих правил и табу (нематериальное наследие) <...> Вся эта взаимообусловленная совокупность – культурный ландшафт [15, с. 115].

Прослеженный высокий темп динамики возрождения ритуальных коновязей в XXI в. в Иркутской области, а особенно в Ольхонском районе, свидетельствует о необратимости процессов возрождения отдельных традиционных объектов у народов России, в частности у бурят. Ритуальные коновязи становятся привычным элементом культурных ландшафтов и частью повседневной и ритуальной жизни, а благодаря активному

туризму известны далеко за пределами бытования и расширяют позитивное представление о культуре бурятского народа.

Заключение. Исследование возрождения на новом уровне традиционного объекта культурного наследия бурят, ритуальных коновязей сэргэ, раскрывает одну из важных граней современных этнических процессов. Маркирование ими по решению населения этнического пространства способствует его освоению утилитарно, семантически и символически и формирует новый культурный ландшафт.

В условиях глобализации и огромного наплыва туристов ольхонские буряты расширяют границы собственного сакрального мира за счет увеличения площади культурных ландшафтов, создают специфическую систему защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия. Ритуальные коновязи выполняют охранную функцию, упорядочивая пространство и регламентируя поведение людей на сакральной территории. Таким образом, в социокультурном пространстве осуществляется межкультурная практика толерантного взаимодействия.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д., 2007. 26 с.
2. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материалах обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
3. Закшеева Е. О. Сэргэ в традиционной культуре бурят // Тальцы: архитектура, этнография, этническая история, топонимика, филология. 2009. № 2. С. 47–55.
4. Лыгденова В. В. Символ и значения сэргэ в свадебной традиции баргузинских бурят во второй половине XX – начале XXI веков // Баландинские чтения. 2019. Т. XIV. С. 49–51.
5. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
6. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. науч. центр СО РАН, 2009. 366 с.
7. Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1995. С. 36–102.
8. Хагдаев В. В. Шаманский мир Приольхонья // Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты: материалы междунар. науч. симпозиума, 20–26 июня, Улан-Удэ, оз. Байкал. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 1996. С. 134–138.
9. Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Европейский дом, 2002. 263 с.
10. Жамбалова С. Г. Ольхон в XXI веке: традиции и инновации в системе жизнеобеспечения населения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3. С. 57–66.
11. Зыкин А. В., Труфанов А. О. К вопросу о формировании понятий национальная и этническая культура и особенностях их контента // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 38. С. 344–349.
12. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.
13. Каганский В. Л. Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. М.: Российская государственная библиотека, 1995. Вып. 3. С. 31–67.
14. Романова Е. Н. Ландшафт в культуре памяти // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 93–98.

15. Кулешова М. Е. Культурные ландшафты, их место в списке Всемирного наследия и перспективы российского представительства // Наследие и современность. 2018. Т. 1, № 4. С. 111–130.

Сведения об авторе

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна, доктор исторических наук, доцент; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; zhambalovas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2672-8126>.

Для цитирования

Жамбалова С. Г. Ритуальные коновязи сэргэ у бурят в XXI веке // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 123–132. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Andreeva, E. V. Cultural heritage as the core of cultural memory and its role in preserving the spiritual integrity of Russian civilization. Cand. sci. diss. abstr. Rostov-on-Don, 2007. (In Rus.)
2. Dugarov, D. S. Historical roots of white shamanism (based on materials of Buryat ritual folklore). M: Nauka, 1991. (In Rus.)
3. Zaksheeva, E. O. Serge in the traditional culture of the Buryats. Taltsy: architecture, ethnography, ethnic history, toponymy, philology, no. 2, pp. 47–55, 2009. (In Rus.)
4. Lygdenova, V. V. The symbol and meanings of serge in the wedding tradition of the Barguzin Buryats in the second half of the 20th – early 21st centuries. Balandinsky readings, vol. XIV, pp. 49–51, 2019. (In Rus.)
5. Zhambalova, S. G. The profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats. Novosibirsk: Nauka, 2000. (In Rus.)
6. Sodnompilova, M. M. The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples. Ulan-Ude: BNTs SB RAS, 2009. (In Rus.)
7. Yumsunov, V. The history of the origin of eleven Khori clans. Buryat chronicles. Ulan-Ude: BION SO RAN, 1995:36–102. (In Rus.)
8. Khagdaev, V. V. The shamanic world of the Olkhon region. Central Asian shamanism: philosophical, historical, religious aspects (Materials of the international scientific symposium, June 20–26, Ulan-Ude, lake. Baikal). Ulan-Ude, 1996: 134. (In Rus.)
9. Pavlinskaya, L. R. Nomads of the Blue Mountains (The Fate of the Traditional culture of the Eastern Sayan in the context of interaction with modernity). St. Petersburg: European House Publishing House, 2002. (In Rus.)
10. Zhambalova, S. G. Olkhon in the 21st century: traditions and innovations in the system life support of the population. North-Eastern Humanitarian Bulletin, no. 3, pp. 57–66, 2020. (In Rus.)
11. Zykin, A. V., Trufanov, A. O. On the question of the formation of concepts of national and ethnic culture and features of their content. Izvestiya St. Petersburg State Agrarian University, no. 38, pp. 344–349, 2015. (In Rus.)
12. Toynbee, A. J. Research of history: The emergence, growth and decay of civilizations. M: AST MOSCOW, 2009. (In Rus.)
13. Romanova, E. N. Landscape in the culture of memory. Arctic XXI century. Humanitarian sciences, no. 2(5), pp. 93–98, 2015. (In Rus.)
14. Kagansky, V. L. The World of Cultural Landscape. Science of Culture: Results and Prospect, issue 3, pp. 31–67, 1995. (In Rus.)
15. Kuleshova, M. E. Cultural landscapes, their place in the World Heritage List and prospects for Russian representation. Legacy and modernity, no. 4, pp. 111–130, 2018. (In Rus.)

Information about author

Zhambalova Sesegma G., Doctor of History, Associate Professor; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; zhambalovas@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2672-8126>.

For citation

Zhambalova S. G. Ritual Hitching Posts Serge Among the Buryats in the 21st Century // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 123–132. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132.

Received: January 18, 2023; approved after reviewing February 25, 2023; accepted for publication February 28, 2023.

Научная статья**УДК 1(510)+299.5****DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-133-140****О письмах Хань Юя чаньскому монаху Да Дяню (819 год)****Татьяна Геннадьевна Мазур***Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского
отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
mtbi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6960-0309>*

Статья посвящена проблеме взаимодействия буддизма и конфуцианства в эпоху Тан – переломную эпоху в истории китайского буддизма, после которой его интеллектуальная мощь в Китае и его идейное влияние на конфуцианскую элиту значительно ослабло. В основе исследования лежит перевод работы танского чиновника-конфуцианца Хань Юя «Письма наставнику Да Дяню» и последующий её историко-культурный, содержательный и идейно-тематический анализы. Письма включены в полное собрание сочинений Хань Юя, на русский язык письма не переведены и до настоящего момента не становились предметом специального исследования. Цель статьи – раскрыть историко-культурное значение писем Хань Юя Да Дяню и показать, какие процессы происходили в мировоззрении их автора – типичного представителя сословия чиновников-конфуцианцев второй половины эпохи Тан. В статье показано, что сам факт существования писем Хань Юя Да Дяню, без обращения к их содержанию, фиксирует наличие у конфуцианца этой эпохи интереса к личности буддиста и потребности в новой духовной пище. Письма являются знаковым произведением в творчестве Хань Юя, свидетельствуют о том, что в танском обществе диалог между чиновником-конфуцианцем и буддистом стал обыденным явлением несмотря на критику в адрес буддизма со стороны конфуцианцев. Содержание писем раскрывает Хань Юя как личность, пребывающую в духовно-мировоззренческом поиске, не вполне удовлетворенную конфуцианскими идеями и стремящуюся найти ответы на свои духовные запросы в иных философско-религиозных традициях и, прежде всего, в буддизме. Сделан вывод, что письма, отражая духовные поиски Хань Юя, демонстрируют механизм вызревания в среде танских конфуцианцев новых мировоззренческих ориентиров, являясь, таким образом, предтечей сунского неоконфуцианства.

Ключевые слова: эпоха Тан, конфуцианство, Хань Юй, школа Чань, буддийские монахи, Да Дяню

Благодарность: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)», № 121031000261-9).

Original article**On Han Yu's Letters to Chan Monk Da Dian (819 AD)****Tatyana G. Mazur***Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia**mtbi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6960-0309>*

The paper deals with the problem of the interaction between Buddhism and Confucianism in Tang China, a critical period in the history of Chinese Buddhism after which the intellectual power of Buddhism in China and its ideological influence on the Confucian elite considerably weakened. The research is based on the translation of Han Yu's 'Letters to Reverend Da Dian' and its historical and cultural analysis and textual analysis. The letters are included in the Collected Works of Han Yu, the letters have not been translated into Russian and have not been the subject of special research so far. The purpose of the article is to reveal the historical and cultural significance of Han Yu's letters to Da Dian and to show what processes took place in the worldview of their author, a typical Confucian official of the second half of the Tang dynasty. The article shows that the very fact of the existence of Han Yu's letters to Da Dian, without referring to their content, captures the interest of a Confucian of this era in the personality of a Buddhist and the need for new spiritual food. Letters are a symbol work in the literary heritage of Han Yu, they indicate that in Tang society the dialogue between a Confucian

official and a Buddhist has become commonplace despite the criticism of Buddhism by Confucians. The content of the letters reveals Han Yu as a person who is in a spiritual and ideological search, not completely satisfied with Confucian ideas and seeking answers to his spiritual needs in other philosophical and religious traditions, primarily in Buddhism. We draw a conclusion that the letters reflecting Han Yu's spiritual quest demonstrate the mechanism of maturing the new ideological orientations among Tang Confucians, thus being the forerunner of Neo-Confucianism of the Song period.

Keywords: Tang China, Confucianism, Han Yu, Chan Buddhism, Buddhist Monks, Da Dian

Acknowledgments: *The research was carried out within the state assignment (project "Transformation of Buddhist trends and schools: history and experience of interaction with religions and beliefs of Russia, Central and East Asia. (From the period of spread of Buddhism to the present: Russia – 18th – 21st centuries; China – 2nd – 21st; Tibet – 7th – 21st centuries; Mongolia – 16th – 21st centuries)", no. 121031000261-9).*

Введение. «Письма наставнику Да Дяню» («Юй Да Дянь ши шу», 与大颠师书), написанные в начале 819 г., – одна из наиболее знаковых и спорных работ в творчестве Хань Юя (韩愈, 768–824), конфуцианца эпохи Тан (618–907). Она включает в себя три письма Хань Юя, адресованных чаньскому монаху Да Дяню (大颠, 732–824). Изучение подобного рода работ становится актуальным в свете того, что Танской эпохе принадлежит особое место в истории буддизма в Китае: с одной стороны, это «золотой век» китайского буддизма, с другой, – начало его упадка. Именно со второй половины эпохи Тан, начиная с IX в., стала ослабевать интеллектуальная мощь буддизма и его идейное влияние среди верхов китайского общества [1, с. 336]. Именно в этот период вызревали и накапливались в танском обществе те тенденции, которые привели в следующую эпоху – эпоху Сун (960–1280) – к конфуцианско-буддийскому синтезу, осуществившемуся в философии неоконфуцианства. Рассматриваемые письма, таким образом, могут являться источником, свидетельствующим о том, каким именно образом зарождался в среде танских чиновников-конфуцианцев подобный синтез.

Творческое наследие Хань Юя как мыслителя и литературного деятеля представлено в работах отечественных и зарубежных авторов. Одним из первых в отечественном китаеведении к нему обратился акад. Н. И. Конрад [2]. Литературные взгляды Хань Юя представлены в работах А. Н. Желоховцева [3], его политико-философские воззрения – в работах В. Ф. Гусарова, которым также переведены и введены в научный оборот основные политико-философские трактаты этого автора [4; 5]. Отдельные аспекты творчества Хань Юя раскрыты в докладах участников конференции, посвященной 1250-летию со дня рождения этого выдающегося китайского литератора

(г. Санкт-Петербург, 2018 г.) – М. В. Черевко [6], Б. Г. Доронина [7], А. Д. Кириченко [8], Р. Р. Мухаметзянова [9], А. Э. Терехова [10], а также в работе А. Б. Старостиной [11]. Анализ биографии и творчества Хань Юя представлен в монографических изданиях зарубежных авторов – американского исследователя Ч. Хартмана, автора первой монографии о Хань Юе на английском языке [12], и ряда китайских исследователей [13–16], а также в сборнике материалов первого международного симпозиума по изучению наследия Хань Юя (г. Шанью, 1986 г.) [17].

Непосредственно, к рассматриваемым письмам обращались в своих работах китайские исследователи, такие как Ло Ляньтянь [15, с. 108–110] и Сюй Кэ [18], а также Ч. Хартман [12, с. 93–95]. В их исследованиях содержатся сведения об обстоятельствах написания писем, дается краткое описание их содержания, их оценка как современниками Хань Юя, так и потомками. На русский язык письма Хань Юя Да Дяню не переводились и не становились в отечественном китаеведении предметом специального исследования.

В данной работе раскрыто историко-культурное значение писем Хань Юя Да Дяню и на основе анализа их содержания показано, какие процессы происходили в мировоззрении их автора, являвшего собой пример типичного представителя сословия чиновников-конфуцианцев второй половины эпохи Тан.

Методология и методы исследования. В основе исследования лежит перевод работы Хань Юя «Письма наставнику Да Дяню», которая включена в «Полное собрание сочинений Хань Юя»¹, и её историко-культурный, содержательный и идейно-тематический анализ.

¹ 韩愈全集. 上海: 上海古籍出版社, 1997. – 页 357–358. @@ Полное собрание сочинений Хань Юя. – Шанхай: Шанхай гуцзи чу-баньшэ, 1997. – С. 357–358.

Анализ рассматриваемых писем Хань Юя осложнён следующими обстоятельствами. Во-первых, тем, что письма не сохранились в изначальном рукописном виде, они дошли до нас благодаря тому, что были высечены на стеле в монастыре Линшаньсы (灵山寺), как предполагается, учениками Да Дяня по его поручению [18, с. 68]. Именно в таком виде письма находятся в монастыре Линшаньсы и по сей день¹. Во-вторых, тем, что, хотя сам факт существования писем Хань Юя, адресованных Да Дяню, признаётся всеми исследователями его творчества как прошлого, так современности², насчёт аутентичности их содержания нет единого мнения³. В настоящее время сложно ска-

¹ 百度百科 = Энциклопедия Байду. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%A7%E9%A2%A0/814005> (дата обращения: 16.12.2022). – Текст: электронный.

² Факт написания писем, знакомства и общения Хань Юя и Да Дяня друг с другом подтверждается также другими источниками. Во-первых, самим Хань Юем в работе «Письмо министру Мэну» («Юй Мэн шаншу шу», 与孟尚书): «В Чаочжоу я повстречался с почтенным бонзю Дадянем. Он – человек необычайно светлого ума, проникший во всеобщие законы и суть явлений и вещей. А так как в этом отдаленном крае мне не с кем перекинуться и словом, я уговорил его покинуть ненадолго горы, приехать и пожить со мной в предместье. Он пробыл у меня дней десять с небольшим». – См.: Хань Юй, Лю Цзуньюань. Избранное / пер. И. Соколовой. М.: Художественная литература, 1979. – С. 116–117; Во-вторых, упоминание об этих трёх письмах содержится в «Собраниях из зала патриархов» («Цзу тан цзи», 祖堂集), первом сборнике чаньских юйлу, где Хань Юю и его взаимоотношениям с Да Дянем посвящено пять притч (гунъаней) [19, с. 26]. Относительно релевантности и валидности гунъаней как источника отметим, что, хотя в них и имеет место искажение тех или иных фактов, они не являются полностью вымышленными историями, в их основе лежат прецедентные случаи. – См.: Маслов А. А., Логинова Е. С. Лучшие притчи дзэн: обычные истории о людях необычных. – Ростов н/Д.: Феникс: Краснодар: Неоглори, 2009. – С. 7.

³ Так, Оуян Сю (欧阳修, 1007–1072), хорошо знакомый с произведениями Хань Юя, считал, что эти письма подлинны. Поэт Су Ши (苏轼, 1037–1101), чтивший Хань Юя как учителя, полагал, что стиль писем настолько грубый, что даже слуга Хань Юя не стал бы так выражаться. Другой поэт эпохи Сун – Лу Ю (陆游, 1125–1209) – вообще считал эти письма подделками. Неоконфуцианец Чжу Си (朱熹, 1130–1200) признавал письма подлинными, однако полагал, что в их содержание всё же могли быть внесены изменения [15, с. 108–109; 12, с. 306]. Современный китайский исследователь жизни и творчества Хань Юя Ло Ляньтянь не сомневается, что письма Да Дяню писал Хань Юй, а те из потомков, которые указывали, что у писем другой составитель, имели, как он считает, намерение замаскировать и замолчать этот факт, полагая, что Хань Юй всегда отвергал буддизм и просто не мог иметь никаких отношений с Да Дянем [15, с. 109]. Ч. Хартман, подытоживая все точки зрения, отмечает, что настоящие тексты – это скорее всего записи, перенесенные Оуян Сю

зять, были ли внесены в тексты писем изменения. В своей работе мы будем исходить из того, что письма Хань Юя Да Дяню – не единственный в его биографии пример общения с буддийскими монахами, и в этом смысле они не уникальны [20], и что, даже если сами тексты и были изменены, содержание писем не противоречит пафосу творчества Хань Юя. Тем не менее указанное выше обстоятельство необходимо учитывать при интерпретации текстов, рассматривая их в контексте других произведений Хань Юя.

Результаты исследования и их суждение. Историко-культурный контекст писем в интересующем нас срезе – это взаимодействие и конфронтация буддизма с конфуцианской традицией. К танскому периоду буддизм широко проник в китайское общество, превратился в важнейший фактор его духовной, социальной, экономической и отчасти политической жизни. Уже в дотанский период буддизм стал существенным элементом сознания и чиновников-конфуцианцев: в это время в их кругах под влиянием буддизма наметилось смещение акцента от общественного, коллективного в сторону индивидуального, оживилась полемика вокруг таких антитез, как деяние – «недеяние», усовершенствование мира – самоусовершенствование, отшельничество – чиновничья служба [21, с. 85]. Однако конфуцианская идеология, ориентировавшая чиновников-конфуцианцев на установление в обществе гармонии и порядка, побуждала их выступать с критикой буддизма. Предметом критики становились не только доктринальные положения буддизма, но и в большей мере рост его могущества в экономической и социальной сфере – всё то, что препятствовало достижению гармонии и порядка в обществе.

Биографический контекст писем на индивидуальном уровне отражает их историко-культурный контекст и также может быть определён как конфронтация и взаимодействие Хань Юя с буддизмом. Непосредственно написанию Хань Юем этих писем предшествовала критика им буддизма, а именно действий императора, направленных на проведение буддийского ритуала. Так, 6 февраля 819 г. император Сяньцзун

с каменных гравюр, которые были сделаны учениками Да Дяня, а искажение текста, в том числе стиля, действительно могло иметь место в силу разных причин [12, с. 306].

(宪宗, 805–820) распорядился доставить во дворец и выставить для всеобщего поклонения буддийскую реликвию – кусочек кости пальца якобы самого Будды. Эта реликвия хранилась в пагоде монастыря Фамэньсы (法门寺), примерно в пятидесяти милях к западу от столицы – г. Чанъани, и каждые тридцать лет её доставляли в Чанъань в один из буддийских храмов для проведения ритуала, который должен был гарантировать урожайные годы в стране. В тот год реликвия должна была в течение трёх дней находиться в императорском дворце, и лишь затем её собирались передать в буддийский храм [12, с. 84]. Хань Юй, занимавший в то время должность шилана в Министерстве наказаний и находившийся на вершине своей чиновничьей карьеры, подал на имя императора записку «О кости Будды» («Лунь фогу бяо», 论佛骨表)¹, в которой выразил протест против его распоряжения относительно приёма во дворец буддийской реликвии и попытался описать последствия, к которым оно может привести. В ответ на записку император приказал придать Хань Юя смертной казни, которая лишь благодаря заступничеству Пэй Ду (裴度, 765–839) и Цуй Цюня (崔群, 772–832), чиновников, благоволивших Хань Юю и пользовавшихся влиянием при дворе, была заменена ссылкой на самый юг Китая, в Чаочжоу, куда Хань Юй был отправлен уже 12 февраля 819 г. в качестве начальника округа. В этих краях недалеко от Чаочжоу, на горе Лин, и проживал чаньский монах Да Дянь [12, с. 94; 13, с. 207–208], с которым Хань Юй сразу же попытался установить контакт посредством рассматриваемых писем.

В свете историко-культурного анализа письма Хань Юя Да Дяню представляют интерес прежде всего в силу того, что их автор и адресат являются ярчайшими представителями двух различных и даже противоборствующих традиций в культуре китайского общества эпохи Тан. Хань Юй – значимая фигура в конфуцианстве: ревностный чиновник, критик буддизма, борец за восстановление конфуцианского Дао-пути. В свою

¹ Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Солоковой. М.: Художественная литература, 1979. – С. 30–34; 韩愈诗文译释. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1985. – 页 151–160. @@ Стихи и проза Хань Юя с переводом и комментариями. – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1985. – С. 151–160; 韩愈全集. 上海: 上海古籍出版社, 1997. – 页 334–335. @@ Полное собрание сочинений Хань Юя. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1997. – С. 334–335.

очередь, Да Дянь Баотун – также не менее значимый персонаж в культуре китайского буддизма: уважаемый монах-приверженец школы Чань, ученик и последователь Шитоу Сицяня (石头希迁, 700–790), считавшегося, наряду с Мацзу (马祖, 709–788), самым известным и прославленным чаньским наставником в конце VIII в. [12, с. 94]. Да Дянь вошел в историю как основатель двух чаньских монастырей – Байниуяньсы (грот Байниу, 白牛岩寺), известного сегодня как Чжосисы (卓锡寺), и Линшаньсы (灵山寺), как наставник, подготовивший более тысячи учеников, из которых некоторые впоследствии стали высокопоставленными монахами, как автор-составитель толкований к «Сутре сердца Праджняпарамиты» (般若波罗蜜多心经释义) и к «Алмазной сутре» (金刚经释义)².

Сам факт существования писем Хань Юя Да Дяню, даже без обращения к их содержанию, фиксирует наличие у конфуцианца этой эпохи интереса к личности буддиста и потребности в новой духовной пище. Письма иллюстрируют уровень межличностного взаимодействия конфуцианца и буддиста в эпоху Тан, свидетельствуя о том, что диалог между ними стал в этот период обыденным явлением несмотря на критику в адрес буддизма со стороны конфуцианцев.

В содержательном плане работа Хань Юя – это три письма-приглашения. Первые два письма небольшие по своему объёму, состоят из 65-ти и 55-ти иероглифов соответственно. Третье письмо значительно превосходит по объёму первые два и содержит 169 иероглифов.

В начале первого письма Хань Юй сразу же сообщает Да Дяню о том, что размышляет о сущности Дао. В письме он также говорит о том, что слышал о добродетели Да Дяня, а потому желает с ним увидеться. Из письма становится ясно, что Хань Юй прибыл в Чаочжоу буквально накануне, но уже всё подготовил для встречи Да Дяня: отправил свою карточку главе уезда с просьбой дать человека и лодку, чтобы встретить монаха³.

Во втором письме Хань Юй сообщает Да Дяню о том, что продолжает в одиночку

² 百度百科 = Энциклопедия Байду. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%A7%E9%A2%A0/814005> (дата обращения: 16.12.2022). – Текст: электронный.

³ 韩愈全集. 上海: 上海古籍出版社, 1997. – 页 357. @@ Полное собрание сочинений Хань Юя. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1997. – С. 357.

читать Дао и размышлять о его сущности, о том, что ему совершенно не с кем побеседовать. Он пытается убедить Да Дяня приехать к нему на день или два, а после – вернуться обратно в горы. Хань Юй ещё раз говорит монаху, что очень надеется на встречу с ним и ждёт его визита¹.

По первым строкам третьего письма можно предположить, что Да Дянь всё-таки ответил Хань Юю на предыдущие послания (именно так предполагает Ч. Хартман [12, с. 94], хотя в гуньянях утверждается, что письма остались без ответа) либо то, что Хань Юй каким-то образом смог ознакомиться с учением Да Дяня, например, прочитав его толкования к сутрам. В любом случае, разъяснения Да Дяня – чаньского монаха – в письменном виде не устроили Хань Юя, и он продолжил настаивать на личной встрече: «То, что Вами изложено, широко и глубоко. Чтобы не повторяться, лучше разъяснить устно! <...> Чем читать сто раз, лучше увидеться»². Хань Юй в очередной раз приглашает Да Дяня к себе, отмечая, что в ближайшие десять дней будет солнечно и ясно, и не будет сильной жары, что очень удобно для того, чтобы нанести визит. В письме Хань Юй снова возвращается к размышлениям о Дао, говорит о том, что в Дао нет сомнений и остановок, и что, если убрать привязанности, уединение в горах и лесах ничем не отличается от жизни в городе. Хань Юй указывает на то, что, хотя суждения и взгляды Да Дяня весьма широки, хотя он придерживается жизни в горах и лесах, занят нравственным самосовершенствованием, даже он не следует Дао. В конце письма Хань Юй высказывает также сомнения относительно себя самого и собственного Дао³.

Содержательный анализ писем позволяет выявить основные их идеи, которые могут быть сформулированы следующим образом: 1) Хань Юй пребывает в глубоком духовно-мировоззренческом поиске; 2) Хань Юй готов к диалогу, причем даже с представителями других религиозно-философских традиций; 3) этот диалог непременно должен проходить в устной форме, лицом к лицу.

Что касается первой идеи, то стремление познать сущность Дао проходит крас-

¹ 韩愈全集. 上海: 上海古籍出版社, 1997. – 页 357. @@ Полное собрание сочинений Хань Юя. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1997. – С. 357.

² Там же. – С. 358.

³ Там же.

ной нитью через все три письма Хань Юя, причём в этом плане письма коррелируются с другими работами Хань Юя. Достаточно вспомнить его знаменитое произведение «О пути» («Юань дао», 原道), в котором он критикует духовные основы современного ему общества и требует их пересмотра. Духовный кризис затрагивает в работах Хань Юя и уровень отдельной личности: как справедливо отмечает Ч. Хартман, в его творчестве намечается формирование новой концепции совершенного мудрого, воплощающего в себе единство внутренней духовной и внешней общественной жизни [12, с. 179]. Духовный поиск Хань Юя отмечен и в чаньских юйлу: в них Хань Юй предстаёт как «ученик», жаждущий получить ответы на волнующие его вопросы [19].

Вторая идея самоочевидна: в своём духовно-мировоззренческом поиске Хань Юй готов к диалогу с буддийским наставником, готов слышать и воспринимать носителя «учения варваров», как он сам называет буддизм в своей записке «О кости Будды». Эта идея также находит подтверждение в других работах Хань Юя, например, в трактате «Об учителе» («Ши шо», 师说), в котором он прямо заявляет: «Не важно, благородный или простолюдин, старше или младше, где есть Дао – там есть и учитель»⁴.

Относительно третьей идеи – идеи о том, что обучение Дао должно осуществляться в устной форме – необходимо отметить, что сам Хань Юй, настаивая в письме на личной встрече с монахом, ссылался на «И цзин». Тем не менее здесь явно прослеживается и чаньская традиция непосредственной передачи учения без опоры на письменные знаки. Эта идея также присутствует и в других произведениях Хань Юя, например, как указывает Ч. Хартман, наиболее ясно она выражена в письмах Хань Юя его ученику, поэту Чжан Цзи (张籍, 766–830) – «Письме Чжан цзи» («Да Чжан Цзи шу», 答张籍书) и «Повторном письме Чжан Цзи» («Чун да Чжан Цзи шу», 重答张籍书) [12, с. 161–162]. Хань Юй пишет: «Когда то, что Вы проговариваете, Вы излагаете на письме, смысл скрывается словами!»⁵

Заключение. Работа Хань Юя «Письма наставнику Да Дяню», несмотря на наличие сомнений относительно аутентичности текстов, соответствует пафосу его творчества и

⁴ Там же. – С. 130.

⁵ Там же. – С. 162.

коррелируется с другими его произведениями. Уже сами по себе письма представляют значимость в том смысле, что являются знаком, фиксирующим наличие диалога между конфуцианцем и буддистом в эпоху Тан. В содержательном плане три письма Хань Юя – это настоятельные приглашения конфуцианца, адресованные буддийскому монаху Да Дяню. В них Хань Юй предстаёт как личность, пребывающая в духовно-мировоззренческом кризисе и стремящаяся найти выход из него путём обращения к иным духовным традициям, прежде всего, к буддизму. В этом плане письма Хань Юя являются ценным источником. Они подтверждают, что

конфуцианство в эпоху Тан действительно перестало справляться с духовными запросами представителей служилого сословия – носителей конфуцианской идеологии. В то же время буддизм, который превратился к этому периоду в мощный фактор, формирующий мировоззрение эпохи, и к которому обратились многие чиновники-конфуцианцы, также не в полной мере удовлетворял их. Подобные духовные поиски танских чиновников демонстрируют механизм вызревания в обществе новых мировоззренческих ориентиров, новой философии и идеологии и служат, таким образом, предтечей сунского неоконфуцианства.

Список литературы

1. Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Университет, 1999. 432 с.
2. Конрад Н. И. Хань Юй и начало китайского ренессанса // Запад и Восток. М.: Наука, 1966. С. 119–151.
3. Желоховцев А. Н. Литературные взгляды Хань Юя и Лю Цзунюаня // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 200–208.
4. Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока. 1972. М.: Наука, 1977. С. 197–203.
5. Гусаров В. Ф. Политико-философские воззрения Хань Юя (768–824 гг.) // Вестник Ленинградского Университета. 1970. № 14, вып. 3. С. 70–78.
6. Черевко М. В. Оуян Сю «Записки о старом издании сочинений Хань [Юя]» (знакомство с творчеством Хань Юя) // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г.) / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина: в 2 т. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 12–23.
7. Доронин Б. Г. Хань Юй и его судьба в официальной культуре императорского Китая // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г.) / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина: в 2 т. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 24–29.
8. Кириченко А. Д. «Служба и затворничество»: проблема невостремленности ученого-конфуцианца в произведениях Хань Юя жанра цзэншуй // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г.) / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина: в 2 т. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 30–39.
9. Мухаметзянов Р. Р. Хань Юй и его вклад в борьбу с буддизмом // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. (24–28 августа 2018 г.) / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина: в 2 т. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 57–60.
10. Терехов А. Э. Благие знамения в жизни и письменном наследии Хань Юя // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г.) / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина: в 2 т. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 60–72.
11. Старостина А. Б. Конфуцианская концепция передачи Пути в работах Хань Юя // *Orientalistica*. 2020. № 3. С. 70–83. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-70-83.
12. Hartman, Ch. Han Yü and the T'ang Search for Unity / Princeton: Princeton University Press, 1986. 459 p.
13. 卞孝萱. 韩愈评传 / 卞孝萱等著. 南京: 南京大学出版社, 1998. 586 页 @@ Бянь Сяосюань, Чжан Цинхуа, Янь Ци. Биография Хань Юя с комментариями). Нанкин: Наньцин дасюэ чубаньшэ, 1998. 586 с.
14. 羅克典. 論韓愈. 臺北市: 國家出版社, 民71[1982]. 242 页 @@ Ло Кэдянь. О Хань Юе. Тайбэй: Гоцзя чубаньшэ, 1982. 243 с.
15. 羅聯添. 韓愈研究. 臺北市: 臺灣學生書局, 1981. 457 页 @@ Ло Ляньтянь. Исследования Хань Юя. Тайбэй: Тайвань сюэшэн шуцзюй, 1981. 457 с.
16. 譚繼山. 韓愈. 臺北市: 萬盛出版有限公司, 民72[1983]. 219 页 @@ Тан Цзишань. Хань Юй. Тайбэй: Ваньшэн чубань юсяньгунсы, 1983. 219 с.
17. 韓愈研究论文集. 广州市: 广东人民出版社, 1988. 406 页 @@ Сборник статей по изучению Хань Юя. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1988. 406 с.

18. 许可. 论韩愈与佛僧交往 // 韩愈研究论文集. 广州市: 广东人民出版社, 1988. 页 64–74. @@ Сьюй Кэ. О связях Хань Юя с буддийскими монахами // Сборник статей по изучению Хань Юя. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 64–74.

19. Мазур Т. Г. Чаньский компендиум «Собрания из зала патриархов» («Цзу тан цзи») о Хань Юе // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. Вып. 4. С. 25–31. DOI: 10.18101/1994-0866-2019-4-25-31.

20. Мазур Т. Г. Об отношении Хань Юя к буддийской сангхе и монахам // V Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2021. С. 239–245.

21. Бадылкин Л. Е. О буддийском влиянии в китайской культуре // Народы Азии и Африки. 1978. № 3. С. 81–92.

Информация об авторе

Мазур Татьяна Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; mtbi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6960-0309>.

Для цитирования

Мазур Т. Г. О письмах Хань Юя чаньскому монаху Да Дяню (819 г.) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 133–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-133-140.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 19.02.2023.

References

- Vasiliev, L. S. History of religions of the East. M: "Knizhnyj dom "Universitet", 1999. (In Rus.)
- Konrad, N. I. Han Yu and the beginning of the Chinese Renaissance. In West and East. M: Nauka, 1966: 119–151. (In Rus.)
- Zhelokhovtsev, A. N. Literary views of Han Yu and Liu Zongyuan. In historical and philological research. M: Nauka, 1974: 200–208. (In Rus.)
- Gusarov, V. F. Some points of the Han Yu's theory of way. In Written monuments of the East 1972. M: Nauka, 1977: 197–203. (In Rus.)
- Gusarov, V. F. Political and philosophical views of Han Yu (768–824). Bulletin of the Leningrad University, no. 14, pp. 70–78, 1970. (In Rus.)
- Cherevko, M. V. Elements of Autobiography in the Afterword of Ouyang Xiu "Notes to the Old Edition of Han [Yu] Writings". Ed. by Rodionov, A. A., Somkina, N. A. Issues of Far Eastern Literatures. Papers of the 8th International Conference. August 24–28, 2018. Saint Petersburg: IPK "NP-Print", Vol. 1. 2018: 12–23. (In Rus.)
- Doronin, B. G. Han Yu and His Fate in the Official Culture of Imperial China. Ed. by Rodionov, A. A., Somkina, N. A. Issues of Far Eastern Literatures. Papers of the 8th International Conference. August 24–28, 2018. Saint Petersburg: IPK "NP-Print", Vol. 1. 2018: 24–29. (In Rus.)
- Kirichenko, A. D. "Service or Seclusion": The Problem of Being Undemanded of the Confucian Scholar in Han Yu's Works of the Zengxu Genre. Ed. by In Rodionov, A. A., Somkina, N. A. Issues of Far Eastern Literatures. Papers of the 8th International Conference. August 24–28, 2018. Saint Petersburg: IPK "NP-Print", Vol. 1. 2018: 30–39. (In Rus.)
- Muhametzyanov, R. R. Han Yu and His Contribution to Combating Buddhism. Ed. by Rodionov, A. A., Somkina, N. A. Issues of Far Eastern Literatures. Papers of the 8th International Conference. August 24–28, 2018. Saint Petersburg: IPK "NP-Print", Vol. 1. 2018: 57–60. (In Rus.)
- Terekhov, A. E. Auspicious Omens in Life and Works of Han Yu. Ed. by Rodionov, A. A., Somkina, N. A., Issues of Far Eastern Literatures. Papers of the 8th International Conference. August 24–28, 2018. Saint Petersburg: IPK "NP-Print", Vol. 1. 2018: 60–72. (In Rus.)
- Starostina, A. B. Confucian concept of "Transmission of the Way" in the works by Han Yu. Orientalistica, no. 3(1), pp. 70–83, 2020. (In Rus.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-70-83
- Hartman, Ch. Han Yü and the T'ang Search for Unity. Princeton: Princeton University Press, 1986. (In Engl.)
- 卞孝萱. 韩愈评传 / 卞孝萱等著. 南京: 南京大学出版社, 1998. 586 页 @@ Bian Xiaoxuan, Zhang Qinhu, Yan Qi. Critical biography of Han Yu. Nanjing: Nanjing University Press, 1998. (In Chin.)
- 羅克典. 論韓愈. 臺北市: 國家出版社, 民71[1982]. 242 页 @@ Luo Kedian. About Han Yu. Taipei: National Press, 1982. (In Chin.)

15. 羅聯添. 韓愈研究. 臺北市 : 臺灣學生書局, 1981. 457 頁 @@ Luo Liantian. Han Yu Research. Taipei: Taiwan Students Bookstore, 1981. (In Chin.)
16. 譚繼山. 韓愈. 臺北市 : 萬盛出版有限公司, 民72[1983]. 219 頁 @@ Tan Jishan. Han Yu. Taipei: Wansheng Publishing Co., Ltd., 1983. (In Chin.)
17. 韓愈研究论文集. 广州市: 广东人民出版社, 1988. 406 頁 @@ Essays in Han Yu Studies. Guangzhou: Guangdong People's Press, 1988. (In Chin.)
18. 许可. 论韓愈与佛僧交往 // 韓愈研究论文集. 广州市: 广东人民出版社, 1988. 页 64–74. @@ Xu Ke. On Han Yu's Interaction with Buddhist Monks. In Essays in Han Yu Studies. Guangzhou: Guangdong People's Press, 1988. (In Chin.)
19. Mazur, T. G. Chan compendium "The Anthology of the Patriarchal Hall" about Han Yu. Bulletin of the Buryat State University, no. 4, pp. 25–31, 2019. (In Rus.). DOI: 10.18101/1994-0866-2019-4-25-31.
20. Mazur, T. G. About Han Yu's attitude to the Buddhist sangha and monks. In V Gotlib Readings: Orientalism and Regional Studies of the Asia-Pacific Region in the Framework of Transdisciplinary Regional Studies: Proc. of the International Scientific-Practical Conference on the 70th Anniversary of Oleg Markovich Gotlib. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2021. (In Rus.)
21. Badylkin, L. E. On the Buddhist Influence in Chinese Culture. Peoples of Asia and Africa, no. 3, pp. 81–92, 1978. (In Rus.)

Information about author

Mazur Tatyana G., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute for Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; mtbi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6960-0309>.

For citation

Mazur T. G. On Han Yu's letters to Chan monk Da Dian (819 AD) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 133–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-133-140.

**Received: January 13, 2023; approved after reviewing February 16, 2023;
accepted for publication February 19, 2023.**

Научная статья

УДК 947.084.24 (517.5)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-141-149

**Эпистолярное наследие монголоведа В. Л. Котвича (1872–1944):
о преподавании монгольского языка в России в начале XX века****Оксана Николаевна Полянская***Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
polgrab@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>*

В 2022 году исполнилось 150 лет со дня рождения востоковеда, преподавателя Владислава Людвиговича Котвича. Становление ученого-монголоведа проходила в Санкт-Петербургском университете, и дальнейшая плодотворная деятельность (до 1923 г.) связана с научными и учебными учреждениями северной столицы России. Цель данной статьи – ввести в научный оборот ранее неизвестное письмо преподавателя Читинской учительской семинарии Иннокентия Порфирьевича Малкова, адресованное Владиславу Людвиговичу и содержащее ценные сведения о положении дел в преподавании монгольского языка в Забайкалье. Письмо открывает нам имя Иннокентия Малкова – несправедливо забытого преподавателя монгольского языка, понимающего суть вещей в методике преподавания, её особенности, важность знания и умения преподавать не только письменный язык монголов, но разнообразие говоров языка. Через призму данного документа можно уточнить малоизвестные факты в биографии В. Л. Котвича как организатора востоковедческого образования. Таким образом, представленный в статье документ – источник по истории монголоведения в России начала XX в., отражающий важную её составляющую – развитие и состояние востоковедческого образования в одном из приграничных районов России, где преподавание монгольского языка имело практическую значимость – необходимость подготовки переводчиков для поддержания отношений с Китаем и Монголией. Автор письма указывает и на проблемы в подготовке учителей монголо-бурятского языка, в первую очередь, такие как нехватка педагогических кадров и учебных пособий. В то же время, представленные в письме сведения доказывают преемственность традиций российской школы монголоведения, заложенные О. М. Ковалевским. Описаны методы преподавания И. Малкова – чтение практических документов, деловых бумаг, использование материалов, выпускающих Обществом востоковедения в Петербурге, при котором была основана Восточная академия под руководством А. М. Позднева. И. Малков одновременно с изучением языка преподавал основы истории, географии, литературы. Несмотря на отдалённость края, учитель семинарии стремился приобрести учебные пособия авторитетных монголоведов для достижения успеха в обучении языку.

Ключевые слова: монголоведение в России, В. Л. Котвич, И. П. Малков, Петербургский университет, Общество востоковедения, Петроградский институт живых восточных языков, Читинская учительская семинария

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии» и гранта Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова 2022 г. № 22-07-0502 «Отечественное монголоведение на переломе эпох (начало XX в. – 1920-е гг.): традиции, преемственность, направления».

Original article

**The Epistolary Heritage of the Mongolist V. L. Kotvich (1872–1944)
about Teaching the Mongolian Language in Russia at the Beginning of the 20th Century****Oksana N. Polyanskaya***Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
polgrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>*

2022 marked the 150th anniversary of the birth of an outstanding orientalist and teacher Vladislav Lyudvigovich Kotvich. His early days took place at St. Petersburg University, and his further fruitful activity (until 1923) was associated with scientific and educational institutions of the northern capital of Russia. The article aims to introduce into scientific circulation a previously unknown letter from the teacher of Chita Teachers' Seminary

© Полянская О. Н., 2023

Innokenty Porfiriyevich Malkov to Vladislav Ludwigoovich, which reflects the development of teaching the Mongolian language in Transbaikalia. The letter reveals the name of the unfairly forgotten teacher of the Mongolian language Innokenty Malkov, who was competent, responsible, understood the essence of teaching methodology, its features, the importance of knowledge and ability to teach not only the written language of the Mongols but also the variety of its dialects. This document can clarify little-known facts in the biography of V. L. Kotvich – an organizer of oriental education in Russia. Thus, the letter under consideration is a source on the history of Mongolian studies in Russia of the early 20th century, reflecting the development and state of Oriental education in one of the border regions of Russia, where the teaching of the Mongolian language was of practical importance – it was necessary to train translators for maintaining relations with China and Mongolia. The author of the letter also emphasized the problems in training teachers of the Mongolian-Buryat language, such as the lack of teaching staff and teaching aids. At the same time, the information presented in the letter proves the continuity of the traditions of the Russian school of Mongolian studies established by O. M. Kovalevsky, which can be traced in the description of teaching methods by I. Malkov. He described such methods as reading practical documents, using materials of the Society of Oriental Studies in St. Petersburg. The Oriental Academy was founded under the leadership of A. M. Pozdneev, an adherent of practical Oriental studies, whose teaching methods were introduced by Malkov in the seminary: he taught the fundamentals of history, geography, literature simultaneously with the study of the language and practiced reading business papers. Despite the remoteness of the region, the seminary teacher strived to acquire textbooks from reputable mongolists in order to achieve success in teaching the language.

Keywords: Mongolian studies in Russia, V. L. Kotvich, I. P. Malkov, St. Petersburg University, Society of Oriental Studies, Petrograd Institute of Living Oriental Languages, Chita Teachers' Seminary

Acknowledgments: This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-59-44008 "World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities") and a grant of DorzhiBanzarov Buryat State University 2022, no. 22-07-0502 "Domestic Mongolian studies at the turning point of epochs (the beginning of the XX century – 1920s): traditions, continuity, directions".

Введение. Начало 20-х гг. XXI в. ознаменовано юбилейными датами в истории российского востоковедения, монголоведения, связанных как с творческими биографиями выдающихся ученых Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920), Владислава Людвиговича Котвича (1872–1944), Андрея Дмитриевича Руднева (1878–1958), так и датами организации учреждений научного и учебного типов: Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ) в 1920 г., с 1922 ПИЖВЯ (Петроградский) и Московский институт востоковедения (МИВ) (1921), Всероссийская научная ассоциация востоковедов (1921), Бурятский научный комитет (Буручком, 1922) хотя и ознаменовавших начало новой советской науки, тем не менее ставшие продолжателями традиций научного монголоведения России предыдущего периода. В первую очередь эта преемственность прослеживается в организации учебных заведений практического характера, о необходимости которых на рубеже XIX–XX вв. писал А. М. Позднеев. Он возглавил Восточный институт во Владивостоке (первый директор 1899–1903 гг.) и основал практическую Восточную академию при Обществе востоковедения (1910) в Петербурге. В. Л. Котвич в начале XX в. также становится инициатором создания и организатором деятельности Института живых

восточных языков в Ленинграде – первой советской школы практического востоковедения [1, с. 45]. В этом можно увидеть преемственность в развитии востоковедения России по решению задач, диктуемых новой действительностью, подготовки востоковедных кадров, обучение народов восточных окраин России; а также влияние А. М. Позднеева – организатора востоковедческого образования на своего студента В. Л. Котвича по Петербургскому университету, в последствии также принимавшего участие в организации работы востоковедных учреждений [2, с. 150]. А. М. Позднеев критиковал обучение на восточном факультете университета начала XX в., из-за отсутствия подготовки специалистов по современному Востоку, призывал к изменениям содержания учебных планов по востоковедению, противопоставляя, в какой то степени, обучение на восточном факультете университета и Восточного института во Владивостоке, нередко подвергая критике и В. Л. Котвича, и А. Д. Руднева, приступивших к преподавательской работе в конце 90-х гг. XIX в. и в начале XX в. соответственно [3]. Тем не менее становление ученого и преподавателя Владислава Людвиговича состоялось в стенах Санкт-Петербургского университета от неуверенного до «благородного, крупнейшего, безупречного» [4, с. 294].

Методология и методы исследования. Объектом нашего исследования является история монголоведения в России, становление и развитие которого тесным образом связано с исследованиями отдельных учёных как широко известных, так и несправедливо забытых. Методологической основой публикации является историко-системный подход, позволивший рассмотреть историю российского монголоведения переходного периода от имперского периода к становлению советской школы в контексте истории востоковедения в целом. Принцип историзма лег в основу анализа события в биографии монголоведа В. Л. Котвича, связанные с ключевыми вехами в истории востоковедения, позволил проследить преемственность традиций в развитии монголоведения, обусловленные предыдущими периодами накопления знания о Востоке. Принцип объективности способствовал изучению и сопоставлению широкого круга исторической литературы и источников; в результате факты, события и процессы рассмотрены во взаимосвязи и совокупности. В ходе работы использовались и такие методы, как анализ, обобщение, применяемые, в целом, в общественных науках. Проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы дали возможность изучить деятельность монгологов В. Л. Котвича и И. П. Малкова, их переписку, через призму которых стало возможным рассмотреть положение дел, связанное с изучением монгольского языка в России, обусловившим появление нового учреждения высшего образования Института живых восточных языков.

Результаты исследования и их обсуждение. В. Котвич окончил в 1895 г. Санкт-Петербургский университет и был оставлен на Восточном факультете для дальнейшей работы. Начинается его педагогическая деятельность, которая будет продолжаться до конца жизни, наряду с колоссальными научными исследованиями. Владислав Людвигович отдал много времени подготовке востоковедов, сначала это в Петербургском университете, затем в ПИЖВИ, а потом и во Львове, куда он переехал в 1924 г. и возглавил кафедру филологии Дальнего Востока в университете Яна Казимира [5; 6].

В Петербургском университете Владислав Людвигович читал курсы лекций по сравнительной грамматике монгольского языка

и его наречий, калмыцкому языку, истории калмыцкой письменности, используя учебные пособия А. М. Позднеева [7, с. 127]. В программе его занятий также присутствовали «краткий очерк истории буддизма», «чтение буддийских текстов» [8, с. 28].

Особенной страницей в биографии В. Л. Котвича стоит ПИЖВИ, здесь учёный проявил себя как организатор востоковедческого образования, создавая Институт для подготовки востоковедов практиков, знающих язык и современный Восток. Фактически он стал в этом вопросе продолжателем дела своего учителя по Петербургскому университету Алексея Матвеевича Позднеева, в полной мере стоявшего на позиции, что приоритетная роль в подготовке востоковедных кадров должна быть отдана практическому знанию, необходимому для решения государственных внешнеполитических задач [9].

Несмотря на то, что между учителем и учеником (А. М. Позднеевым и В. Л. Котвичем) были разногласия, и они критиковали друг друга на научном поприще и в педагогической деятельности, тем не менее в этом вопросе Владислав Людвигович идет по стопам своего наставника и создает школу практического востоковедения уже в Советской России, а А. М. Позднеев организатор практического востоковедения в имперской России. К такому заключению¹ приходишь после знакомства с положением, составленным В. Л. Котвичем по созданию Института живых восточных языков, черновик которого датируется февралем 1920 г.²

В это время Алексей Матвеевича уже не было в Петрограде, он уехал в Ростов-на-Дону, оказавшись фактически на территории другого государства – Области войска Донского. «Предстоящее оживление отношений России с Востоком вновь ставит на очередь вопрос о распространении практических сведений о языках, народах и странах Востока. Так как эти сведения будут требоваться в самых разнообразных областях практической деятельности, то вопрос требует разрешения в общегосударственном масштабе, а не усилиями какого-либо одно-

¹ С основными тезисами об актуальности изучения современного Востока, целями и задачами, стоящими перед учебными учреждениями практического востоковедения, сформулированными А. М. Позднеевым, можно познакомиться в опубликованных нами работах.

² СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 235–236.

го ведомства или учреждения, как это обыкновенно делалось до сих пор. Практическое востоковедение должно быть поставлено независимо, как от чисто научных задач, так и от узко практических целей какой-либо одной области, например, коммерческой, агитационной, дипломатической и т. п. К делу должны быть привлечены по возможности все наличные востоковедные цели, ввиду их количественной недостаточности, и потому рассадник практического востоковедения естественно организован в Петербурге, где эти силы сосредотачиваются», – констатировал В. Л. Котвич [10; 11]. Он видел существование нового Института при Петроградском университете, но при этом его деятельность должна быть организована «... в достаточной степени автономно»¹, однако подчёркивал важность взаимодействия Института и университета. Их сосуществование создавало «постоянное живое взаимодействие между научно-теоретическим и практическим рассадником востоковедения, что может быть лишь полезно для обоих»².

Для общей пользы учреждений и выполнения задач подготовки востоковедов-практиков необходимо было сделать следующее: «1). При Петроградском университете учредить Институт практического востоковедения /или Институт живых восточных языков; 2). Институт имеет целью содействовать живым и печатным словом Востока. Он должен заменить, по крайней мере, в центре, как самостоятельные школы практического востоковедения, так и разные временные курсы, которые учреждались до сих пор...»³.

Главной задачей учреждающегося Института должно стать привлечение более широкого круга лиц для изучения восточных языков: «3). К занятиям в Институте допускаются все желающие изучить Восток с практическими целями, и Институт должен давать всякому возможность изучения любого языка или страны. Таким образом главный контингент слушателей Института составят: а) лица, готовящиеся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (коммерческой, административной, педагогической, военной, политическо-агитационной, дипломатической и т. п.) и которые уже имеют или полу-

¹ СПбФ АРАН. – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 235–236.

² Там же.

³ Там же.

чают в других знаниях общую подготовку, соответствующую своей специальности; б) слушатели востоковедных курсов университета, желающие приобрести практические сведения о Востоке; в) уроженцы стран Востока интересующиеся европейскими методами преподавания родного языка или иного важного для них»⁴.

Остановимся на пункте о контингенте обучающихся в ПИЖВЯ, а именно об уроженцах стран Востока, под которыми подразумевались и народы восточных окраин России, которые в Институте изучали свой родной язык [12, с. 71].

Вопрос об организации образования у инородцев в России начала XX в. поднимался неоднократно, так в 1905 г. под эгидой Министерства народного просвещения было проведено совещание, актуализировавшее положение дел в обучении инородцев и в изучении восточных языков, были намечены и пути их решения [13, с. 331].

Об организации преподавания монгольских языков на восточных окраинах страны знал В. Л. Котвич [14], проводил исследования, собирал информацию у разных лиц, одним из его корреспондентов был учитель «монголо-бурятского языка н[е имеющий] ч[ина] Иннокентий Порфирьевич Малков», преподававший в Читинской учительской семинарии⁵ выпускник Иркутского духовного училища 1893 г. первого разряда с правом поступления в 1-й класс духовной семинарии без экзаменов, семинарию окончил в 1902 г.⁶ [15, с. 106–107].

Большую часть своей жизнь отдал просвещению бурят, преподавал их родной язык, занимался изучением монгольской литературы, подготовил и издал «Бурят-монгольскую хрестоматию», которая бесследно исчезла в годы гражданской войны в России [15, с. 106–107]. О Хрестоматии положительно отзывался монголовед Г. Ц. Цыбиков⁷: «...И. П. Малков в период трехлетней неразберихи на Д[альнем] В[остоке], в период борьбы с контрреволюцией, в период наи-

⁴ Там же.

⁵ Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. Забайкальского областного статистического комитета. С изменениями, последовавшими к маю 1912 г. Чита, 1912. – С. 28.

⁶ Г. Цыбиков в некрологе отметил, что И. Малков «учился до 1902 г.».

⁷ Цыбиков Гомбожаб Цэбекович (1873–1930) – монголовед, путешественник–паломник в Тибет, буддолог, преподаватель, ученик монголоведа А. М. Позднева.

большой разрухи народного хозяйства находил время напечатать большой том «Бурят-Монгольской Хрестоматии»... по монгольской литературе, которую он изучал и собирал лучшие её образцы. Впоследствии, И[ннокентий] П[орфирьевич] наспех издал маленькую брошюру «Монголо-Бурятское учение» – из забракованных для Хрестоматии (первой) отрывков» [15, с. 106–107].

Г. Ц. Цыбиков является и автором наиболее полной биографии Иннокентия Порфирьевича, из которой мы узнаем, что: Иннокентий Малков «родился в 1879 году... скончался 10 мая с. г.¹», сын священника – Порфирия Малкова². Однако Иннокентий Малков (1879–1925) священником не был, а изучив монгольский язык в Иркутском духовном училище и семинарии «употреблял свои знания на деле просвещения бурят-монголов в кругу светских знаний. Самая плодотворная его работа начинается со времени назначения учителем Читинской учительской семинарии, где бурят-монгольский язык был введен по настоянию самого бурятского населения, которое много содействовало учреждению семинарии, как и других учебных заведений, напр. гимназии и т. п. Но при тогдашнем правительстве, бурят-монгольскому языку в светских школах и народности не было необходимой свободы. Свобода и то пока только на бумаге, открылась с наступлением февральской революции 1917 года», – пишет Г. Ц. Цыбиков [15, с. 106–107].

Пониманием сути вопроса организации учебного заведения, в котором бы обучались и представители восточных народов страны, для В. Л. Котвича во многом служила информация, предоставленная Ц. Жамсарано – учёным, другом и соратником В. Л. Котвича [16], священником В. Флоренсовым из Иркутска, учителем И. П. Малковым и др. В связи с чем, полезен интересен документ – письмо И. П. Малкова к В. Л. Котвичу от 10.01.1911 г. – это первый

учебный год работы И. П. Малкова учителем Читинской семинарии открытой в 1900 г. [17, с. 64–67].

10.01.1911 г.

Многоуважаемый Владислав Людвигович.³

... В Чите монгольский язык преподается в Учительской семинарии. Предмет этот существует в семинарии с самого начала основания ее 10 лет тому назад, но, за неимением учителей преподавался с большими перерывами. Перебывало несколько учителей бурят⁴, но негодность и неподготовленность их сказывались с первых же шагов обучения, и ни один из учителей не продержался на этой службе более одного года. Дело в том, что предмет этот необязателен. Необязательность – это одно из благодарных условий нормальности изучения, но она должна компенсироваться заинтересованностью изучающих. Само собой, понятно, что безграмотный учитель, умеющий по-монгольски только читать и писать, и почти непонимающий читанного и [нрзб] не всегда в других областях знания, едва ли будет иметь достаточный контингент слушателей, тем более, что учениками являются лица более зрелого возраста и со значительным интеллектуальным развитием, запросы и интересы которых больших познаний от преподающего.

Заинтересовать слушателей – моя первая обязанность и задача, для разрешения которой, приходится тратить немало времени и труда. Для этой цели на уроках сообщаю кое-какие сведения по истории Сибири, буддизму, о Монголии и др. Таким путем мне удается создать внимательную аудиторию, занятия с которой меня нисколько не тяготят. Занимаюсь ныне первый год и об окончательных результатах, таким образом, не может быть и речи, но опыты прошлого полугодия дали, хотя и небольшой, но несомнительный успех и, если мне удастся поддерживать в учениках такой же интерес, то в четыре года мы успеем сделать кое-что положительное. В первое полугодие мы достигли довольно правильного произношения характерных монгольских звуков, усвоили ортодоксальную монгольскую

¹ С. г. – т. е. 1925 г. Некролог напечатан в 1925 г. Об И. П. Малкове очень мало информации, в связи с чем допускаются ошибки в его биографии, в частности указывается что он редактировал газету «Буряад үнэн» до 1927 г. – URL: <https://www.baikal-media.ru/news/society/377796> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

² Порфирий Малков – заштатный протоирей Забайкальской епархии, награжден за миссионерскую деятельность ор-деном Святой Анны 2 степени // Забайкальские Епархиальные ведомости. – 1915. – № 11. – С. 355.

³ СПбФ АРАН. – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 63–68 об; Письмо публикуется впервые в сокращенном варианте.

⁴ СПбФ АРАН. – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 235–236.

транскрипцию и научились писать, знаем первый концентр грамматики, т. е. знакомы с теми грамматическими формами, без знания которых невозможно оперировать с монгольскими текстами.

Первоначальным материалом изучения служили у нас издания Общества востоковедения и разные рукописные образцы, как монгольских, так и бурятских официальных бумаг. В настоящее время особенное внимание обращаем на заучивание слов и в этом направлении будем работать все ближайшее время. Систематическое изучение грамматики и синтаксиса оставили до времени достаточного ознакомления с образцами как монгольской классической литературы, так и современной письменности. Весьма жалко, что не имеем Вашей Грамматик [18]. Не найдете ли возможным одолжить мне какой-нибудь, хотя [бы] истрепанный, экземпляр на время...

Есть попытки изучения монгольского языка в Читинском миссионерском училище, но об этом и упоминать не стоит. Учитель, кажется, крещенный тунгус, не знает даже живой бурятской речи, не говоря уже о письменности. О результатах их преподавания я имею категорическое понятие по познаниям тех учеников, которые, окончив миссионерское училище, поступают в подготовительный класс нашей семинарии и которые по своему незнанию монгольского языка ничем не отличаются от не изучавших этот язык учеников... Вообще же должен сказать, что Чита хотя и является центром забайкальского монголизма, но монголистов здесь нет. Не лучше обстоят дела по преподаванию монгольского языка и в инородческих училищах, существующих при инородческих волостях, при чем не успешность изучение точно также обуславливается неподготовленностью преподавателя и неимением учебных пособий. Вся цель изучения сводится к приобретению грамотности, т. е. видение механизма чтения и письма исчерпывает собою весь объем обучения в продолжении 5 или 6 лет. Грамматика и синтаксис языка, содержание смысл языка прочитанного, изучение классических образцов знакомство с разновидностями живого языка – это остается непосильным для преподавателей, которые в большинстве случаев, вербуются из грамотеев-бурят, плохо знающих свою письменность и совсем незнающих русского языка.

В Селенгинском инородческом училище, например, особая должность учителя монгольского языка существует с 1897 года. Перебывало на этой службе много людей, но не было хорошего учителя, и, если некоторые ученики действительно приобретали грамотность по-монгольски, то благодаря самодеятельности и близкому содействию волостного правления, где их утилизировали в качестве писцов. Никаких учебников и руководства при школах не имеется, так что жалкие издания Общества востоковедения¹ являются единственными книжками, доступными учащейся массе. Назрела крайняя нужда в учебниках по монголо-бурятскому языку. Нужны словарь, грамматика и хрестоматия, приспособленные к школьному обучению.

Спасибо Вам за сообщение о словаре Голстунского². Наш директор уже отправил в университет просьбу выслать для семинарии один экземпляр...

Относительно преподавания монгольского языка в семинарии сообщая: преподается язык во всех классах по 4 урока в неделю; изучающими являются русские (около половины всего состава учеников, т. е., 50 чел[ове]к). Предмет необязателен; программ, учебников и руководств никаких нет, но директор видимо заинтересован в наших успехах и обещает обставить преподавание языка более нормально. Думаем к будущему году выписать 20 экземпляров Хрестоматии³ Позднеева...

С искренней преданностью, полным почтением Ин. Малков.

¹ Первым из учителей, принятых в Учительскую семинарию (в 1900 г. – год открытия семинарии) был переводчик Троицкосавского окружного полицейского управления Жамбал Доржи (Иван Андреевич) Санжиев, принявший христианство. Работал учителем три года, с сентября 1900 по сентябрь 1903 г. Таким образом, Малков в письме, скорее по незнанию, неверно утверждает, что все работали не более года. Санжиева вновь перевели в Троицкосавск. Этот факт в биографии учителя и переводчика Санжиева подтверждает факт нехватки кадров, как учительских, так и переводчиков, поэтому одного и того же человека постоянно переводили с одной службы на другую, ввиду крайней необходимости.

² В начале XX в. в России было создано два первых объединения специального востоковедного профиля: Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903). Цель общества востоковедения определялась уставом: «взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью».

³ Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. – Л.: Лит. А. Иконникова, 1938. – 230 с.

По содержанию письма И. П. Малкова к В. Л. Котвичу можно судить о том, что письмо не случайное, это ответ на послание учёного, скорее всего, на определенно сформулированные вопросы, что и послужило основой подробного изложения информации об учебных заведениях Читы, в учебных программах которых был представлен монгольский язык. Введение письма в научный оборот, важно с точки зрения истории монговедения в целом, письмо отражает одну из особенностей развития отечественного монговедения – взаимодействия центральных учреждений и знатоков-практиков-энтузиастов в изучении Востока с окраин страны. Богатое эпистолярное наследие В. Л. Котвича¹ способствует и сохранению имен мало известных людей, несправедливо забытых в монговедении.

Заключение. Деятельность В. Л. Котвича по организации востоковедческого образования в России подчёркивает государ-

ственный характер востоковедения. Задачи как внешнего характера, связанные с событиями в Китае, Монголии начала XX в., так и внутривосточного после 1917 г., обусловленные национально-государственным строительством, новой активацией восточного вектора политики, что отражает В. Л. Котвич в Положении об ПИЖВЯ, актуализируя важность его открытия, стимулируют развитие монговедения: развивается более тщательный подход к изучению восточных языков, народов, появляется еще большая потребность в кадрах востоковедения, как учёных, исследователей, так и преподавателей вузов, и учителей школ, чтобы охватить более широкий круг обучающихся. Всё это звучит актуально и с позиции сегодняшнего дня, когда Россия ориентирована на большую интеграцию с Востоком, для чего необходимо формирование интеллектуальной среды, чтобы вырабатывать продуктивную программу взаимодействия.

Список литературы

1. Носов Д. А. Ученик В. Л. Котвича – В. А. Казакевич // Шестые Петербургские монголоведческие чтения: программа и тезисы (24–25 ноября, 2022, Санкт-Петербург): программа и тезисы. СПб.; Улан-Батор: Ин-т языка и лит-ры, 2022. С. 45–49.
2. Касьяненко З. К. Монговедение в Санкт-Петербургском университете (1855–1817) // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1986. С. 141–159.
3. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднева по подготовке монголоведо-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.
4. Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Наука, 1982. 534 с.
5. Professor Władysław Kotwicz. The first president of the Polish Oriental Society (PTO) // Przegląd Orientalistyczny. 2012. № 3–4. P. 133–141.
6. Tulisow J., Władysław Kotwicz // Hemispheres. 1986. № 2. P. 199–215.
7. Улымжиев Д. Б. Монговедение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 216 с.
8. Ермакова Т. В. Научные связи В. Л. Котвича и Ф. И. Щербатского // Шестые Петербургские монголоведческие чтения: программа и тезисы (24–25 ноября, 2022. Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Ин-т языка и лит-ры, 2022. С. 28–29.
9. Полянская О. Н. Научные направления в российском монговедении (начало XX в.) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2014. № 7. С. 66–70.
10. Kałużyński S. Władysław Kotwicz (na stulecie urodzin) // Przegląd Orientalistyczny. 1972. No. 82. P. 103–114.
11. Lewicki M. Władysław Kotwicz (20.III 1872 – 3.X 1944) // Rocznik Orientalistyczny. 1953. No. 16. P. 107–118.
12. Яхонтова Н. С. Студенты – сарт-калмыки – ученики А. В. и Т. А. Бурдуковых (по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Шестые Петербургские монголоведческие чтения: программа и тезисы. СПб.; Улан-Батор: Ин-т языка и лит-ры, 2022. С. 69–72.
13. Позднеев А. М. По вопросу о введении в курс среднеобразовательной школы на окраинах изучения местных языков... // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А. С. Будиловича. СПб.: Российская государственная библиотека, 1905. С. 328–332.
14. Tulisow J., Inoue O., Bareja-Starzyńska A., Dziurzyńska E., In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912 (Studies and Selected Source Materials), Kraków, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/270115872_Jerzy_Tulisow_Inoue_Osamu_Bareja-Starzyńska_Agata_and_Dziurzyńska_Ewa_eds_In_the_Heart_of_Mongolia_100th_Anniversary_of_W_Kotwicz%27s_Expedition_to_Mongolia_in_1912 (дата обращения: 21.12.2022). Текст: электронный.

15. Цыбиков Г. И. П. Малков. Некролог // Жизнь Бурятии. 1925. № 1–2. С. 106–107.
16. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Oriental Studies. 2016. № 9. С. 140–147.
17. Мамкина И. Н. Народное просвещение и педагогическое образование в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Молодая наука Забайкалья: сб. ст.: в 2 ч. Чита: Заб. гос. гум.-пед. ун-т, 2005. Ч. 1. С. 64–67.
18. Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб.: Изд. студентов: Э. Мауринг и Э. Беренс, 1902. 28 с.

Информация об авторе

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент; Бурятский государственный университет имени Банзарова, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

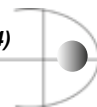
Для цитирования

Полянская О. Н. Эпистолярное наследие монголоведа В. Л. Котвича (1872–1944) о преподавании монгольского языка в России в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 141–149. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-141-149.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Nosov, D. A. V. L. Kotvich's student – V. A. Kazakevich. Sixth Petersburg Mongolian Studies Readings. November 24–25, 2022. St. Petersburg. Program and theses. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2022 (In Rus.)
2. Kasyanenko, Z. K. Mongolian studies at St. Petersburg University (1855–1817). Culture of Mongolia in the Middle Ages and modern times (XVI-beginning of XX). Ulan-Ude, 1986: 141–159. (In Rus.)
3. Polyanskaya, O. N. Oriental education in Russia at the beginning of the 20th century: the activities of A. M. Pozdneev for the training of Mongolian scholars – practitioners. Scholarly notes of ZabGU, no. 6, pp. 143–148, 2016. (In Rus.)
4. Alekseev, V. M. Science of the East: articles and documents. Moscow: Nauka, 1982. (In Rus.)
5. Professor Władysław Kotwicz. The first president of the Polish Oriental Society (PTO). Orientalist Review, no. 3–4(243–244), pp. 133–141, 2012. (In Engl.)
6. Tulisow, J., Władysław Kotwicz. Hemispheres, no. 2, pp. 199–215, 1986. (In Engl.)
7. Ulymzhiev, D. B. Mongolian studies in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: The St. Petersburg school of Mongolian studies. Ulan-Ude: BGU, 1997. (In Rus.)
8. Ermakova, T. V. Scientific connections of V. L. Kotvich and F. I. Shcherbatsky. Sixth Petersburg Mongolian Studies Readings. November 24–25, 2022. St. Petersburg. Program and theses. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2022: 28–29. (In Rus.)
9. Polyanskaya, O. N. Scientific trends in Russian Mongolian studies (beginning of the 20th century). Bulletin of the Buryat State University, no. 7, pp. 66–70, 2014. (In Rus.)
10. Kaluzynski, S. Władysław Kotwicz (on the centenary of his birth). Orientalist Review, no. 82, pp. 103–114, 1972. (In Pol.)
11. Lewicki, M. Władysław Kotwicz (20.III 1872 – 3.X 1944). Orientalist Yearbook, no. 16, pp. 107–118, 1953. (In Pol.)
12. Yakhontova, N. S. Students – Sart-Kalmyks – students of A. V. and T. A. Burdukovs (based on the materials of the Central State Archive of St. Petersburg). Sixth Petersburg Mongolian Studies Readings. November 24–25, 2022. St. Petersburg. Program and theses. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2022: 69–72. (In Rus.)
13. Pozdneev, A. M. On the issue of introducing a secondary school on the outskirts of the study of local languages into the course ... Proceedings of a special meeting on the education of Eastern foreigners / Ed. by A. S. Budilovich. SPb., 1905: 328–332. (In Rus.)
14. Tulisow, J., Inoue, O., Bareja-Starzyńska, A., Dziurzyńska, E., In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912 (Studies and Selected Source Materials), Kraków, 2012. (In Engl.)
15. Tsybikov, G. I. P. Malkov. Obituary. Life of Buryatia, no. 1–2, pp. 106–107, 1925. (In Rus.)
16. Polyanskaya, O. N. Cooperation of V. L. Kotvich and Ts. Zh. Zhamtsarano in the study of the Mongolian peoples. Oriental Studies, no. 9(3), pp. 140–147, 2016. (In Rus.)
17. Mamkina, I. N. Public education and pedagogical education in Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Sat. Art. Young science of Transbaikalia. Part 1. Chita. 2005: 64–67. (In Rus.)
18. Kotvich, V. L. Lectures on the Grammar of the Mongolian Language. SPb, 1902. (In Rus.)

Information about authors

Polyanskaya Oksana N., Candidate of History, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

For citation

Polyanskaya O. N. The Epistolary Heritage of the Mongolist V. L. Kotvich (1872–1944) about Teaching the Mongolian Language in Russia at the Beginning of the 20th Century // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 141–149. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-141-149.

**Received: January 23, 2023; approved after reviewing February 25, 2023;
accepted for publication February 28, 2023.**

Научная статья

УДК 94(34)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-150-158

Генеалогический миф в жалованных грамотах Бенгалии и Бихара VIII–XIII веков
как разновидность политического мифа

Александр Александрович Столяров

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия, г. Москва, Россия

astol007@gattamelata.com; <https://orcid.org/0000-0001-9790-0256>

В статье рассматриваются генеалогические части жалованных грамот Восточной Индии, относящиеся ко времени правления династии Пала (середина VIII – начало XIII в.) в первую очередь представителей клана Пала. Во введении даётся характеристика генеалогических частей, которые по форме были панегириками и, начиная со второй половины раннесредневекового периода (VII–XIII вв.), составлялись ритмическими строфами. Также была определена подвыборка для дальнейшего рассмотрения, состоящая из 26 грамот. Для изучения генеалогических частей был применён метод сравнительно-формального анализа. Исследование заключалось в том, что на примере изучения содержания текста генеалогической части одной из жалованных грамот династии, строфы каждой из генеалогической части, присутствующей в изучаемой подвыборке, были распределены по следующим группам: непосредственно-генеалогические, опосредованно-генеалогические, исторически-описательные и мифологически-описательные. Была прослежена хронологическая эволюция этих групп и их сочетаний. Установлено, что историческая информация в том или ином виде содержится в первых трёх из названных групп. Детальное рассмотрение этой информации показывает, что степень её достоверности относительно мала в силу того, что, будучи панегириком, она (информация) носит исключительно позитивную окраску, кроме того, в генеалогических перечнях встречаются намеренные пропуски. Для проверки достоверности информации, содержащейся в генеалогических частях, необходимо привлекать независимые источники (надписи), относящиеся к правлению других династий, современных изучаемой. Вывод – генеалогические части жалованных грамот правителей Восточной Индии VIII–XIII вв. следует считать генеалогическим мифом, лишь частично отражающим историческую действительность.

Ключевые слова: история Восточной Индии, история Бенгалии, династия Пала, раннее средневековье, эпиграфика, жалованные грамоты, генеалогический миф

Original article

Genealogical Myth in Land Grant Charters of Bengal and Bihar of the 8th–13th Centuries
as a Variety of Political Myth

Alexander A. Stolyarov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Moscow, Russia

astol007@gattamelata.com; <https://orcid.org/0000-0001-9790-0256>

The paper deals with the genealogical parts of the land grant charters of Eastern India dating back to the reign of the Pāla dynasty (mid-VIII – early XIII centuries). The characteristic of these parts of land grant charters was given: they were panegyrics by their shape, and starting from the second half of the early medieval period (7th–13th centuries), were composed of rhythmic stanzas. A subset was also ascertained for further consideration, consisting of 26 charters. For studying the genealogical parts, the method of comparative formal analysis was applied. Based on the content of the text, the stanzas of each genealogical part were divided into the following groups: directly genealogical, indirectly genealogical, historical descriptive and mythological descriptive. Historical information in one form or another is contained in the first three of these groups. A detailed examination of this information shows that the degree of its reliability is relatively low because, being a panegyric, it has an exclusively positive color, in addition, there are intentional omissions in the genealogical lists. To testify the reliability of this information, it is necessary to involve new independent sources (inscriptions) related to the reign of other dynasties, contemporaneous with the dynasty under study. We draw a conclusion that genealogical parts of letters of commendation of the rulers of East India in the 8th–13th centuries should be considered as a genealogical myth.

Keywords: history of Eastern India, history of Bengal, Pāla dynasty, early mediaeval period, epigraphics, land grant charters, genealogical myth

© Столяров А. А., 2023

Введение. Генеалогические части являлись неперенным атрибутом практически всех жалованных грамот Восточной Индии эпохи правления династии Пала (середина VIII – начало XIII вв.). В них излагалась родословная правителя, от лица которого совершалось земельное пожалование. Эти части жалованных грамот по форме были панегириками и, начиная со второй половины раннесредневекового периода (VII–XIII вв.), составлялись ритмическими строфами. Отличительной особенностью поздних жалованных грамот являлось обилие клишированных оборотов во всех без исключения частях.

Исследование генеалогических частей представляет определённую сложность вследствие туманно-мифологической формы, характерной для используемой в них классической санскритской поэзии. Многие исследователи воспринимали содержащуюся в них информацию буквально и пытались находить исторические параллели упомянутым именам и событиям, несмотря на неприкрыто панегирическую форму изложения.

Между тем, нетрудно заметить, что при наличии некоторого комплекса жалованных грамот, принадлежащих одной эпохе и местности, именно генеалогические части проявляют себя с формально-содержательной точки зрения наиболее динамично по сравнению с прочими составными частями грамот, поскольку в пределах одной династии административно-территориальная, экономическая и правовая системы, раз установившись, как правило, не претерпевают более коренных изменений. Наоборот, сохраняется вероятность того, что каждый следующий правитель может формально изменить государственно-идеологическую традицию (без изменения её сути). Это может произойти либо вследствие перемены религиозной ориентации нового правителя, либо вследствие обрыва прямой династической традиции и резкого обострения внутривластной борьбы, либо вследствие каких-нибудь других чисто внешних причин. Обо всём этом непосредственный анализ содержания одной или нескольких надписей сведений дать не может.

Методы исследования. Применяя метод сравнительно-формального анализа к исследованию генеалогических частей замкнутого (т. е. ограниченного рамками одной

или нескольких династий) комплекса жалованных грамот можно выявить некоторые тенденции политической жизни отдельной династии (или династий).

В качестве примера могут быть исследованы генеалогические части ограниченной выборки жалованных грамот Бенгалии и Бихара, состоящей из 67 опубликованных или готовящихся к публикации грамот, относящихся ко времени правления династии Пала (середина VIII – начало XIII вв.), которую можно назвать региональным гегемоном. Из них 25 грамот выпущено правителями самой династии Пала [см. 1, с. 279–363], 27 – правителями трёх соседних с ними относительно крупных династий – Чандра (12), Вармана (3) и Сена (12), входивших в сферу непосредственного политического влияния регионального гегемона, и 15 – правителями малоизвестных независимых и отчасти вассальных династий и кланов, находящихся на периферии территорий, контролируемой династией Пала.

Результаты исследования. Наиболее изученным и структурно организованным является выборка, состоящая из жалованных грамот династии Пала. В неё входят 24 полные грамоты¹ и одна заготовка², выпущенные от имени 13 государей, принадлежащих к 14 поколениям династии. Всего же на престоле Пала побывали не менее 20 правителей. В 24 из 25 грамот, включая заготовку, имеются генеалогические части, составленные строфами разных размеров.

Характерной особенностью генеалогических частей жалованных грамот, входящих в указанную мини-выборку из 25 грамот, является их полная лексическая тождественность в пределах одного правления (исключая мелкие разночтения, не влияющие на смысл строф). Это позволяет сделать вывод о неизменности династийной традиции (или принципов генеалогического описания) в пределах одного правления, что можно с одной стороны рассматривать как косвенное свидетельство существования некоего подобия государевой канцелярии – службы, отвечающей за составление жалованных грамот, а с другой – считать все грамоты,

¹ Одна из них не опубликована и не описана, есть сомнения относительно её существования. Список жалованных грамот династии Пала, включающий выдержки из структурно значимых мест текста, см. в [1, с. 279–365].

² Заготовка содержит только генеалогию и титулату правителя, от лица которого должна быть выпущена жалованная грамота.

выпущенные от лица одного государя, инвариантом единого текста.

Перед тем как приступить к рассуждениям о династийном (генеалогическом) мифе эпохи Палов, представляется целесообразным привести перевод полного текста генеалогической части, сохранившегося в двух первых грамотах комплекса: жалованной грамоте Дхармапалы, датированной 26 годом его правления, найденной в дистрикте Муршидабад штата Зап. Бенгалия и хранящейся в Индийском музее (Коликата) [2], и в другой его же грамоте, датированной 32 годом правления и найденной в дистрикте Кхалимпур штата Уттар Прадеш [3; 4, р. 95–110].

Строфа 1. Вариант А¹:

да защитят вас десять сил неизменно наделённого как Благом, так и Всеведением Ваджрасаны², которые, охраняемые его божественной супругой – Состраданием (вариант: его супругой – Божественным состраданием), покорили страны света, захваченные как пристанище Марой (вариант: многим злом).

Строфа 1. Вариант Б:

да защитят вас силы сидящего на алмазном троне³ (намёк одновременно на Будду и на Дхармапалу), (приверженного) к счастью, неизменно наделённого всеведением, которые (силы); взлелеянные его любимейшей супругой, покорили десять стран света, где во множестве видятся кровожадные враги.

Строфа 2:

подобно тому, как местом рождения блаженного Счастья является Океан⁴, (а) источником оживляющего мир света – Луна, (так и) Дайитавишну, блистающий всезна-

¹ В силу того, что возможности классического санскрита позволяют читать отдельные слова, лексические обороты, отдельные фразы, полустрофы и целые строфы в двух и более смыслах, в случае наличия в тексте надписи таких слов, оборотов и т. п., их второе (третье и т. п.) значение поставлено в скобках после первого; в такой ситуации фразы и строфы обозначаются вариантами (например, «Вариант А», «Вариант Б» и т. д.).

² *Vajrasana* – санскр.: 1. (ср. р.) « алмазный трон»; 2. (м. р.) «Будда». Здесь этот термин употреблён в значении 2.

³ См. сноску 2, значение 1.

⁴ Лакшми, богиня благополучия, процветания, богатства, удачи и счастья, согласно одному из вариантов мифа, зафиксированному в Вишнупуране, и частично – в Махабхарате и Рамаяне, была рождена в результате пахтанья богами и асурами молочного океана. Она появилась с лотосом в руках, или сидя на лотосе. В тексте строфы 2 она фигурирует как Шри (*śrī*) «процветание, счастье», в т. ч. «символ царской власти».

нием, породил Защитников Земли⁵ высшей расы.

Строфа 3:

от него (Дайитавишну) появился блистательный Вапьята. украсивший землю вплоть до океана огромными храмами, полный добродетелями, прославившийся (как) истребитель врагов.

Строфа 4:

его (Вапьяты) сын, драгоценность на голове лучших из государей, блистательный Гопала, высшими сановниками⁶ выданный за Счастье царское [для того, чтобы] прекратить практику (закон) рыб⁷, его вечная слава подобна белизне неба, (когда) масса лучей счастья (заполняет собой) ночь полнолуния.

Строфа 5:

как Рохини для Луны, Сваха для Пожирателя жертвы (Огня), Шарвани для Шивы, Бхадра для Повелителя Гухьяков (Куберы?), Пауломи для Сокрушителя твердынь (Индры), Лакшми для убийцы Муры (Вишну-Кришны)⁸, так и блистательная Даддадеви, дочь Бхадры, стала возлюбленной царицей, приносящей радость для того блистательнейшего господина Земли.

Строфа 6:

от них двоих (Гопалы и Деддадеви) был рождён блистательный Дхармапала, чьи подвиги восхваляются добродетельными, господин повелителей земли, единственный, правящий всем Кругом земель; продвижение (его), стремящегося покорить пространство во всех направлениях, терпеливо переносят четыре Океана, не являющиеся

⁵ Защитников Земли: *avani-pānām; pāna* (санскр.): «хранитель, защитник». Явный намёк на обозначение названия династии Пала. *Pāla* (санскр.): «хранитель, защитник».

⁶ Высшими сановниками: здесь: *prakṛti* – полисемантический термин. Одно из основных значений: "природа" (во многих смыслах). Другое значение: «народ, мир, община». Значение в текстах о политике (во мн. ч.): «министры, сановники» (см. Monier-Williams, 1899, P. 653.2). О значении термина в рассматриваемой строфе (см. Majumdar, 1970).

⁷ Санскр. *matsya nyāya apohitum. "nyāya"* (санскр.): «изначальная форма объекта, стандарт, образец, система», также «закон, правосудие». – Название одной из шести философских систем Индии (Monier-Williams M., 1899, P. 572.2). Это словосочетание в индийской эпиграфике встречается только один раз: в двух жалованных грамотах Дхармапалы. Относительно его интерпретации долгое время велась оживлённая дискуссия [5; 1, с. 23–25]. В настоящее время принята интерпретация, приведённая выше. В комментариях к этой строфе обычно добавляется: «из-за боязни быть проглоченными, как рыбы».

⁸ Здесь перечислены идеальные божественные супружеские пары.

(более) (защитным) рвов для Земли¹, отмеченные отпечатками ног полчищ (его) слонов, купающихся на (их) берегах.

Строфа 7:

когда он отправляется на завоевание различных стран с тяжёлой (вариант: огромной) армией, выступающей с несдержанной радостью, от чьей тяжести земля, горы (на которой) (начинают) ходить, Шеша, спеша за ней находясь внизу с поднятыми вверх руками, чтобы поддержать круг голов, повреждённых утонувшими в них драгоценными диадемами, согнувшимися от веса (Тысячеголовый царь змей Шеша, согласно мифу, держит на своих головах землю и для поддержания её равновесия вынужден следовать за тяжёлой армией Дхармапалы).

Строфа 8:

когда он (Дхармапала) идёт походом, небеса полностью закрываются массой пыли, поднятой вверх от движения идущей армии, вследствие чего земля становится чрезвычайно тонкой, от (её) лёгкости круг змеиных капюшонов Повелителя змей с видимыми (в них) утонувшими драгоценными камнями (вновь) взвивается вверх.

Строфа 9:

пламя его (Дхармапалы) гнева, (возникшего) от раздражения (когда ему) противоречат (вариант: от волнения непокорных областей), горит непрестанно, словно подводный огонь, сдерживаемый только четырьмя океанами.

Строфа 10:

создателем, желающим увидеть собранных всех в одном месте царей, живших (в прошедшие времена, таких) как Притху и Рама, (потомков) Рагху и Наля, был создан блистательный Дхармапала, пресекавший великое высокомерие всех правителей, великий столп, (к которому) привязана изменчивая слониха – Счастье.

Строфа 11:

(все) десять сторон света были белы от пыли, поднятой авангардом его (Дхармапалы) армий, (отчего) Великий Индра, будучи не в состоянии видеть сразу, как велики (они), беспокоясь по поводу (их губительной) встречи с армиями Мандхатри², изнурял себя догадками, (а) для тех армий, радостно

¹ Согласно традиционным представлениям индийцев, вся земля омывается четырьмя морями (океанами) (см. Махабхарата, Адипарва, Самбхаваларва, раздел XCIV).

² Мандхатри (*māndhātṛ*) – легендарный царь, авторству которого приписывается гимн 134 10-й манда-

возбуждённых (вследствие) своей природы, в предвкушении битвы, не было даже возможности оказать помощь его (Дхармапалы) рукам, уничтожившим все враждебные роды.

Строфа 12:

правители Бходжи, Матсьи, также Мадры, Куру, Яду, Аванти, Гандхары, Киры³, кивая дрожащими диадемами, [с готовностью] согласились с помазанием на царство правителя блистательной Каньякубджи⁴, [для чего] им (Дхармапалой), знаком, поданным изящным движением выгнутой брови, [предоставленный] собственный коронационный золотой кувшин был с радостным волнением поднят старейшинами Панчалы.

Строфа 13:

Слыша хвалу себе, (которую) пели (ему) пастухи на (межевых ?) границах, лесные жители в лесах, сельские жители на околицах сёл, группы детей, играющие в каждом дворе, хранители весов (вариант: люди) на каждом рынке, попугаи, сидящие в клетках в домах увеселений, он (Дхармапала) всегда стыдливо отворачивал (и) наклонял лицо.

Очевидно, что по своему жанру рассмотренная выше генеалогическая часть является панегириком. То же самое можно сказать и в отношении всех прочих жалованных грамот Бенгалии и Бихара, относящихся ко времени правления династии Пала и составленных строфами разных размеров.

В то же время, характер содержания строф, составляющих генеалогический панегирик, различен (исторические, мифологические и т. п.), что создаёт возможность организовать их в следующие тематические группы:

лы Ригведы. Согласно преданию, содержащемуся в «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране», был вскормлен молоком, сочившимся из пальцев Индры.

³ Бходжа, Матсья, Мадра, Куру, Яду, Аванти, Гандхара, Кира – названия реально существовавших вассальных княжеств. Подробнее (см. 1, с. 28–29).

⁴ Каньякубджа – древнее название современного Каннауджа, административного центра одноимённого дистрикта в центральной части штата Уттар Прадеш, стоящего на берегу Ганги. В период раннего средневековья был столицей династии Маукхари (VI в.), позже – Харши (Харшавардханы) (~606–646) из рода Пушпабхути (Пушьябхути). В конце VIII – начале IX вв. Каннаудж был центром противостояния трёх династий: Пала, Гурджара-Пратихара и Раштракута. Исследователи называют это противостояние «треугольник Каннауджа». Имя правителя, возведённого Дхармапалой на трон Каньякубджи, – Чакраудха. Подробнее о противостоянии трёх династий и внешней политике Дхармапалы (см. 1, с. 42–45).

1. Непосредственно-генеалогические – это строфы, лексический центр которых составляют упоминания исторических лиц, являющихся непосредственными носителями династийной традиции (правители и их ближайшие родственники, по которым передаётся династийная традиция). В рассмотренной генеалогической части к этой группе будут относиться четыре строфы: строфа 2, где упомянут родоначальник династии – Дайтавишну, строфа 3, где упомянут Вапьята, сын Дайтавишну, строфа 4, где упомянут Гопала I, первый коронованный правитель династии, и строфа 6, где упомянут сам Дхармапала, от имени которого выпущена грамота. При этом повторные упоминания носителей династийной традиции не включаются в группу (это относится и к последующим двум группам).

2. Опосредованно-генеалогические – т. е. строфы, лексический центр которых составляют упоминания лиц, связанных родственными узами с представителями правящей династии, но не являющихся непосредственными носителями династийной традиции (жёны, младшие сыновья и братья правителей, отцы жён и т. д.). В рассмотренной генеалогической части к этой группе относится строфа 5, где упомянута Даддадеви, супруга Гопалы I, дочь Бхадры.

3. Исторически-описательные – т. е. строфы, лексический центр которых составляют упоминания исторических лиц, не связанных родственными узами с правящей династией, исторически реальных государств и территорий, а также описания конкретных событий (военных походов, путешествий, эпизоды повседневной жизни и т. п.). В рассмотренной генеалогической части к этой группе будут относиться две строфы: строфа 12, где говорится о правителях Бходжи, Матсьи, Мадры, Куру, Яду, Аванти, Гандхары, Киры, помазании на царство правителя Каньякубджи, упомянуты старейшины Панчалы, поднимающие для возлияния золотой коронационный сосуд, и строфа 13, в которой развёртывается идиллическая картина сельской и городской жизни, наполненная бытовыми подробностями. Намёк на реальные события (волнения в непокорных областях) содержится также в строфе 9. Тем не менее, в силу двойного смысла текста и его крайней завуалированности, нет оснований с полной уверенностью относить эту строфу к исторически-описательным.

4. Мифологически-описательные, т. е. строфы, содержащие описания лиц и событий либо на космическо-мифологическом уровне, либо на земном, но волшебнo-сказочном уровне, исключающем какую бы то ни было конкретизацию. В рассмотренной генеалогической части к этой группе относятся шесть строф: строфа 1, следующая за благословением и являющаяся его развёрнутым продолжением, строфы 7 и 8, где с привлечением мифологических эпитетов рассказывается, как огромны были армии Дхармапалы, строфа 9, где говорится, как страшен Дхармапала в гневе, строфа 10, где Дхармапала ставится в один ряд с легендарными царями эпических времён, такими как Притху, Рама, Рагху и Наль, и строфа 11, где продолжается описание армий Дхармапалы, идущих на битву.

Принимая во внимание относительно небольшое количество жалованных грамот, составляющих подвыборку жалованных грамот династии Пала, и сравнительно малое число строф, образующих каждый панегирик (от 8 до 24), проведение дальнейшего дробления групп на более мелкие представляется нецелесообразным.

Генеалогические части жалованных грамот первых четырёх правителей династии, оставивших тексты такого рода¹, были полностью оригинальными. Заимствование отдельных строф началось с шестого государя династии, Гопалы II, прямого правнука Дхармапалы, который правил не менее четырёх лет в конце третьей четверти IX в., почти через полтора столетия после коронации первого её государя, Гопалы I, состоявшейся, по всей вероятности, в конце первой половины VIII в.

При этом процесс создания унифицированного династийного мифа шёл поначалу прерывисто. Составители трёх жалованных грамот Гопалы II, выпущенных им в первые четыре года правления, при составлении первой из них, состоявшей из 21 строфы и датированной третьим годом правления, заимствовали одиннадцать строф из генеалогической части его отца и предшественника Шурапалы I, состоявшей из 24 строф. Генеалогические части двух следующих грамот Гопалы II, обе датированы четвёртым годом правления, были сокращены почти в три раза и состояли из восьми строф, три

¹ От правления Гопалы I, считающегося первым коронованным государем династии, не осталось никаких материальных свидетельств.

из которых были заимствованы из жалованной грамоты Шурапалы I. Пять из них (62.5 %) относились к категории непосредственно-генеалогических, одна (12.5 %) – к категории опосредованно-генеалогических, и две (25 %) – к категории мифологически-описательных. Исторически-описательные строфы при этом отсутствовали.

Однако начавшийся было процесс формирования династийного мифа был прерван сменой династийной традиции: в начале третьей четверти IX в. к власти пришла боковая ветвь клана Пала, объявившая себя основной. В результате упоминание о трёх прямых потомках Дхармапалы – Махендрапалы, его сыне Шурапалы I и внуке Гопалы II – исчезло из династийного мифа, а сам Дхармапала и его сын Девапала, два великих государя династии, стали в генеалогических частях упоминаться лишь как родственники представителей правящей ветви. Другим результатом стало то, что вплоть до конца XX в. историки, изучавшие историю Бенгалии, стали трактовать период с середины IX по конец X в. как время упадка династии, сопровождавшееся иноземными нашествиями [6; 7; 8]. Находки новых надписей, сделанные в последней четверти XX – начале XXI в., позволили не только добавить новые имена в список правителей династии, но и до известной степени восстановить реальную картину событий, происходивших в Бенгалии в IX–X вв.

Тем не менее, смена династийной традиции, происшедшая, по всей видимости, в 870-е гг., замедлила, но не прервала процесс складывания династийного мифа. Он продолжился после правления Нараянапалы, восьмого государя династии, которое длилось более полувека: с последней четверти IX по первую четверть X в.

Для начального этапа процесса складывания генеалогического мифа династии было характерно наличие относительно малой доли (20–30 %) непосредственно-генеалогических строф и относительно высокой доли (35–60 %) мифологически-описательных строф. При этом фактическое количество опосредованно-генеалогических строф никогда не превышало единицы, а исторически-описательных – варьировало от двух до девяти.

Ранние признаки того, что генеалогический миф начал складываться, уже видны в жалованных грамотах восьмого и девятого

государей – Нараянапалы (~874–927/930) и Раджьяпалы II (~924/927–960). Генеалогия Нараянапалы состояла из 17 строф, две из которых были заимствованы из грамот Шурапалы I и Гопалы II, непосредственных потомков Дхармапалы и Девапалы, а 15 были оригинальными, тогда как генеалогия Раджьяпалы II уместилась в 11 строф, две из которых были заимствованы из грамот Шурапалы I и Гопалы II, шесть – из грамоты Нараянапалы, и только три были оригинальными.

В окончательном виде генеалогический миф Палов оформился в жалованной грамоте десятого государя, Гопалы III (~960–976), правившего не менее 17 лет [14]. Он состоял из 10 строф, две из которых заимствованы из грамот Шурапалы I и Гопалы II, четыре – из грамоты Нараянапалы, а четыре были оригинальными. В этом «шаблоне» восемь из десяти строф относились к категории непосредственно-генеалогических, одна – к категории исторически-описательных, и одна – к категории мифологически-описательных.

Именно этот «шаблон» из десяти строф был взят за основу составителями жалованных грамот последующих правителей династии, которые стали добавлять к нему по одной непосредственно-генеалогической строфе, восхваляющей достоинства очередного государя. Почти два столетия спустя построенная по такому принципу генеалогия Гопалы IV (~1128–1143), девятнадцатого государя династии, состояла из 19 строф, 17 из которых были непосредственно-генеалогическими, одна – исторически-описательная и одна – мифологически-описательная, а генеалогия его преемника Маданапалы (~1143–1165), двадцатого и последнего подтверждённого надписями государя, состояла из 18 строф, все из которых были непосредственно-генеалогическими. Разница между количеством непосредственно-генеалогических строф и порядковым номером государя объясняется тем, что, как указывалось выше, в начале третьей четверти IX в. власть перешла от прямых потомков Дхармапалы и Девапалы к боковой ветви клана Пала, ведущей линию от Вакпалы, родного или сводного брата Дхармапалы¹, в результате чего упоминание трёх государей: Махендрапалы, его сына Шурапалы I и внука Гопалы II, – исчезло из династийного мифа.

¹ См. генеалогию династии Пала в [1, с. 233–235].

Обсуждение результатов исследования. Таким образом, для династии Пала процесс складывания внутрдинастийного мифа занял около двух столетий: примерно с конца VIII по конец X в., или половину всего срока существования династии. Ни у одной из соседних с Палами династий такого срока не было: время существования даже самых «долгоживущих» из них – таких как Чандра или Сена – не превышало полутора столетий, поэтому генеалогические части жалованных грамот разных правителей в рамках одной династии никак не совпадают. Даже внутри правления одного государя состав их может варьировать, что видно на примере жалованных грамот Шричандры из династии Чандра и Лакшманасены из династии Сена.

Следует отметить, что отсутствие в генеалогической части упоминания правителя, связанное с переходом власти к боковой ветви, встречается не только в жалованных грамотах династии Пала. Подобная ситуация наблюдается и в генеалогиях династии Вармана, от которой до настоящего времени дошли три жалованных грамоты: первая из них составлена от имени Харивармана [10], вторая – от имени Самалавармана/Шьямалавармана [11], младшего брата Харивармана, а третья – от имени Бходжавармана [12], сына Самалавармана. Лицевая сторона первой грамоты повреждена огнём, текст на ней невозможно прочесть, вторая представляет собой фрагмент, от которого сохранилась четвертая часть, и лишь третью можно прочесть полностью. В генеалогической части сохранившегося фрагмента грамоты Самалавармана присутствует имя Харивармана, и это говорит о том, что Хариварман правил перед Самалаварманом. В то же время их титулатуры почти полностью совпадают: в частности, оба они «припадают к стопам махараджадхираджи шри-Джатавармана»¹. Следовательно, они были братьями: Хариварман был старшим братом, а Самалаварман – младшим. С другой стороны, в генеалогической части жалованной грамоты Бходжавармана, «припадающего к стопам» своего отца, «махараджадхираджи шри-Самалавармана», Хариварман не упоминается. Можно с большой степенью уверенности предположить, что произошла

¹ Mahārājādhirāja-śrī-Jātavarman-pādānudhyāta-paramavaiṣṇava-parameśvara-paramabhaṭṭārakamahārājādhirāja-śrī.

смена династической традиции, и в результате власть перешла к боковой, «младшей» ветви династии.

Из всего этого можно сделать вывод, что составители династического мифа сообщали не всю информацию о правителе, а лишь ту её часть, которая выгодна представителям правящей ветви династии. При этом информация подавалась исключительно в позитивном, хвалебном ключе. Негативная информация отсутствовала в принципе. Её можно искать и находить как в надписях более поздних правителей той же династии, так и в надписях других правителей, современников событий, связанных с изучаемой династией, и вовлечённых в эти события.

В качестве примера можно рассмотреть события, связанные с царствованием Дхармапалы, второго государя династии Пала. В строфе 12 его генеалогии утверждается, что он возвёл на престол правителя Каньякубджи и что в сфере политического влияния династии Пала находились царства «Бходжи, Матсья, также Мадры, Куру, Яду, Аванти, Гандхары, Киры»². С другой стороны, в надписях могущественного клана Раштракута, в частности, в генеалогических частях двух жалованных грамот Раштракуты Говинды III (~793–814) [13; 14] рассказывается, что Дхармапала потерпел крупные поражения сперва от Пратихары Ватсараджи (~780–800), а позже – от Дхрувы Дхараварши (~780–793), отца Говинды III.

Заключение. Из сказанного можно сделать вывод и малой надёжности сведений, содержащихся в непосредственно-генеалогических и исторически-описательных строфах генеалогий. Их обязательно необходимо перепроверять сведениями, содержащимися в надписях других современных им династий, разумеется, при наличии таких надписей.

Поэтому генеалогическую часть жалованных грамот следует относить к категории мифов. Можно также предположить, что в соответствии с политическими и правовыми нормами того времени [15], генеалогический миф воспринимался как доказательство правомочности правителя совершать дарение.

² Бходжа, Матсья, Мадра, Куру, Яду, Аванти, Гандхара, Кира – названия реально существовавших вассальных княжеств. Подробнее (см. 1, с. 28–29).

Список литературы

1. Столяров А. А. История Бенгалии и Бихара эпохи Палов (VIII–XII вв.) по материальным источникам: в 2 ч. М.: ИВ РАН, 2020. Часть II. 447 с.
2. Furui R. Indian Museum Copper Plate Inscription of Dharmapala, Year 26: Tentative Reading and Study. South Asian Studies. London: Routledge, 2011. Vol. 27, no. 2. P. 145–156. <http://dx.doi.org/10.1080/02666030.2011.614416>.
3. Kielhorn F. Khalimpur Plate of Dharmapaladeva // Epigraphia Indica. Calcutta: Government of India Central Printing Office, 1896–97. P. 243–254
4. Mukherji R., Maity S. K. Corpus of Bengal Inscriptions Bearing on History and Civilization of Bengal. Calcutta: K. L. Mukhopadhyay, 1967. 436 p.
5. Столяров А. А. Формирование исторических мифов в Британской Индии в первые десятилетия XX в. (к истории одной средневековой мистификации) // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. No. 1. С. 76–81. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-76-81.
6. The History of Bengal / ed. Majumdar R. C. Dacca: The University of Dacca, 1943. 729 p.
7. The History and Culture of Indian People / eds Majumdar R. C., Pusalker A. D.: in 5 vol. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1964. Vol. 4. 585 P.
8. The History and Culture of Indian People / eds Majumdar R. C., Pusalker A. D.: in 5 vol. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1957. Vol. 5. 940 P.
9. Misra P. N., Majumdar R. C. The Jājilpārā Grant of Gopāla II, Year 6 // Journal of the Asiatic Society. Letters. 1951. Vol. 17. P. 137–144.
10. Bhattasali N. K. Two Grants of Varmans of Vanga: A. Sāmantasār Plate of Harivarman // Epigraphia Indica. 1958. Vol. 30. P. 255–259.
11. Bhattasali N. K. Two Grants of Varmans of Vanga: B. Vajrayoginī Plate of Sāmalavarman // Epigraphia Indica. 1958. Vol. 30. P. 259–263.
12. Basak R. G. Belava Copper-Plate of Bhojavarmadeva. The Fifth Year // Epigraphia Indica. 1913–1914. Vol. 12. P. 37–43.
13. Kielhorn F. Radhanpur Plates of Govinda III.: Saka-Samvat 730 // Epigraphia Indica. 1900–1901. Vol. 6. P. 239–251.
14. Fleet J. F. Sanskrit and Old-Canarese Inscriptions: No CXXV // Indian Antiquary. 1984. Vol. 11. P. 156–163.
15. Медведев Е. М. Эволюция форм индийских дарственных грамот и их происхождение // История и культура Древней Индии. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. С. 177–188.
16. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Oxford: Clarendon Press, 1899. 1333 p.

Информация об авторе

Столяров Александр Александрович, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12; astol007@gattamelata.com, <https://orcid.org/0000-0001-9790-0256>.

Для цитирования

Столяров А. А. Генеалогический миф в жалованных грамотах Бенгалии и Бихара VIII–XIII веков как разновидность политического мифа // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 150–158. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-150-158.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Stolyarov, A. A. The History of Bengal and Bihar of the Pāla Epoch (8th –12th centuries) Based on Material Sources. Moscow: IOS RAS, 2020. (In Rus.)
2. Furui, R. Indian Museum Copper Plate Inscription of Dharmapala, Year 26: Tentative Reading and Study. South Asian Studies. London: Routledge, vol. 27, no. 2, pp. 145–156, 2011. <http://dx.doi.org/10.1080/02666030.2011.614416>. (In Engl.)
3. Kielhorn, F. Khalimpur, Plate of Dharmapaladeva. Epigraphia Indica. Calcutta: Government of India Central Printing Office, vol. 4, pp. 243–254, 1896–97. (In Engl.)
4. Mukherji, R., Maity, S. K. Corpus of Bengal Inscriptions Bearing on History and Civilization of Bengal. Calcutta: K. L. Mukhopadhyay, 1967. (In Rus.)

5. Stolyarov, A. A. Shaping the Historical Myths in British India in the First Decades of the 20th century (on the History of Some Mediaeval Mystification). Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the RAS, no. 1, pp. 76–81, 2020. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-76-81. (In Rus.)
6. The History of Bengal / Majumdar R. C. (ed.). Dacca: The University of Dacca, 1943. Vol. 1. Hindu Period. xxxiv, 729 P. lxxx Pl. (In Engl.)
7. The History and Culture of Indian People / Majumdar R. C., Pusalker A. D. (eds.). Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1964. Vol. 4: The Age of Imperial Kanauj. (In Engl.)
8. The History and Culture of Indian People / Majumdar R. C., Pusalker A. D. (eds.). Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1957. Vol. 5: The Struggle for Empire. (In Engl.)
9. Misra, P. N., Majumdar, R. C. The Jājilpārā Grant of Gopāla II, Year 6 Journal of the Asiatic Society. Letters, vol. 17, pp. 137–144, 1951. (In Engl.)
10. Bhattasali, N. K. Two Grants of Varmans of Vanga: A. Sāmantasār Plate of Harivarman. Epigraphia Indica. Delhi: Manager of Publications, vol. 30, pp. 255–259, 1953–54 (1958). (In Engl.)
11. Bhattasali, N. K. Two Grants of Varmans of Vanga: B. Vajrayoginī Plate of Sāmalavarman. Epigraphia Indica. Delhi: Manager of Publications, vol. 30, pp. 259–263, 1953–54 (1958). (In Engl.)
12. Basak, R. G. Belava Copper-Plate of Bhojavarmadeva. The Fifth Year. Epigraphia Indica. Calcutta: Superintendent Government Printing, vol. 12, pp. 37–43, 1913–14. (In Engl.)
13. Kielhorn, F. Radhanpur Plates of Govinda III.: Saka-Samvat 730. Epigraphia Indica. Calcutta: Government of India Central Printing Office, vol. 6, pp. 239–251, 1900–01. (In Engl.)
14. Fleet, J. F. Sanskrit and Old-Canarese Inscriptions: No CXXV. Indian Antiquary. Delhi: Swati Publications, vol. 11 (1882), pp. 156–163, 1984. (In Engl.)
15. Medvedev, E. M. Evolution of the Shape of Indian Land Grants and their Origin. History and Culture of Ancient India (To the 26th International Congress of Orientalists). Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1963: 177–188. (In Rus.)
16. Monier-Williams, M. A Sanskrit-English Dictionary. Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Oxford: Clarendon Press, 1899. (In Engl.)

Information about author

Stolyarov Alexander A., Candidate of History; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107113, Russia; astol007@gattamelata.com, <https://orcid.org/0000-0001-9790-0256>.

For citation

Stolyarov A. A. Genealogical Myth in Land Grant Charters of Bengal and Bihar of the 8th–13th Centuries as a Variety of Political Myth // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 150–158. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-150-158.

**Received: January 25, 2023; approved after reviewing February 27, 2023;
accepted for publication February 28, 2023.**

Научная статья**УДК 1(031)+221****DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-159-167****Трактат «Рассуждения о переселении варваров»
как источник сведений о миграционном кризисе эпохи
Западной Цзинь (265–317 годы н. э.)****Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов***Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
chts17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>*

Актуальность вопросов, затронутых в статье, обусловлена тем, что анализ содержания трактата сановника Цзян Туна (неизв. – 310 гг. н. э.) позволит реконструировать особенности ранних этапов эволюции подходов китайской бюрократии к проблеме разросшихся «варварских» анклавов. Новизна проведённого исследования состоит в углублённом анализе причинно-следственных связей общеисторических событий эпохи Западная Цзинь в контексте изучения миграционной политики центральных и региональных цзиньских властей в отношении варварских народов. Цель статьи заключается в выявлении особенностей подхода к проблеме разросшихся «варварских анклавов» во всекитайской империи Западная Цзинь, отражённого в сочинении сановника Цзян Туна «Си жун лунь» («Рассуждения о переселении варваров»). Данный трактат дошёл до наших дней в составе официальной династийной истории «Цзинь шу» (коллективная биографическая глава 56). Кратко рассмотрены и проанализированы три сложных, важных и малоизученных проблемы, связанных с цзиньским миграционным кризисом и историко-политическим процессом смутной эпохи Западной Цзинь. Во-первых, это проблема фрагментарности исторических и культурных аспектов общей канвы исторических событий эпохи Западной Цзинь, характерной для смутных периодов истории. Во-вторых, это проблема историко-географической реконструкции ареала проживания малых народов, сосредоточенных в Северном Китае. В-третьих, проблема реконструкции цзиньских методов ослабления и китаизации малых народов Северного Китая и сопредельных территорий. Сделан вывод о том, что изложенный в трактате взгляд на проблему этнических анклавов отличался обстоятельным анализом истории вопроса, а также детальными расчётами предлагавшегося переселения «варварских» народов.

Ключевые слова: «Си жун лунь», Западная Цзинь, «Цзинь шу», китаизация, хунну, малые народы Северного Китая

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Original article**Treatise "Discourses on the Migration of Barbarians"
as a Source of Information on the Migration Crisis of the Western Jin Era (265–317 AD)****Chingis Ts. Tsyrenov***Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
chts17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>*

The relevance of the issues raised in the article is due to the fact that the analysis of the content of the treatise of the dignitary Jiang Tong (unknown – 310 AD) will allow us to reconstruct the features of the early stages of the evolution of the approaches of the Chinese bureaucracy to the problem of the overgrown "barbarian" enclaves. The novelty of the study is in in-depth analysis of the cause-and-effect relationships of the general historical events of the Western Jin era in the context of studying the migration policy of the central and regional Jin authorities in relation to barbarian peoples. The purpose of the article is to identify the peculiarities of the approach to the problem of the overgrown "barbarian enclaves" in the all-Chinese Western Jin empire, reflected in the work of the dignitary Jiang Tong "Xi rong lun" ("Discourses on the resettlement of barbarians"). This treatise has survived to this day as part of the official dynastic history of the Jin Shu (collective biographical chapter 56). Three complex, important and little-studied problems related to the Jin migration crisis and the historical and

© Цыренов Ч. Ц., 2023

political process of the Troubled Western Jin era are briefly reviewed and analyzed. First, it is a problem of the fragmentation of the historical and cultural aspects of the general outline of the historical events of the Western Jin era, which is characteristic of the troubled periods of history. Second, it is a problem of the historical and geographical reconstruction of the area of residence of ethnical minorities of the Northern China. Third, it is a problem of reconstructing the Jin methods of weakening and Sinification of the ethnical minorities of the Northern China and adjacent territories. We draw a conclusion that the view on the problem of ethnic enclaves presented in the treatise was distinguished by a detailed analysis of the history of the issue, as well as detailed calculations of the proposed resettlement of “barbarian” peoples.

Keywords: “Xi rong lun”, Western Jin, “Jin shu”, sinification, Xiongnu, small peoples of northern China

Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the state task (project “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, no. 12103100241-1).

Введение. После распада империи Поздняя Хань и эпохи Троецарствия Китай вступил в полосу раздробленности и военных смут. Пользуясь сложной ситуацией в стране, малые не китайские народы непрерывно мигрировали внутрь китайской территории, а именно, в столичный регион Гуаньчжун, что создавало нестабильную политическую обстановку и приводило к обострению межэтнических конфликтов, а также усугубляло хозяйственно-экономические трудности. Региональные князья, получившие широкие военные полномочия от Сыма Яня (годы правления 265–290), основавшего империю Цзинь, извлекали свою выгоду из сложившейся тогда ситуации. Они приближали к себе военных лидеров варварских анклавов и держали их как силовой аргумент при обострении внутривосточных конфликтов.

Цель данной статьи заключается в реконструкции политической биографии Цзян Туна 江统 и его взгляда на проблему разросшихся «варварских» анклавов, на основе его жизнеописания в биографической главе официальной летописи «Цзинь шу» (глава 56) [1, с. 1529–1538; 2, с. 1013–1026] и других, связанных с Цзян Туном главах данной летописи, а также анализ содержания текста «О переселении варваров» (кит. «Си жун лунь» 徙戎论).

Цзян Тун родился в семье начальника уезда Наньань (南安) по имени Цзян Цзо 江祚. По происхождению он был простолюдином, который получил конфуцианское образование, но долгое время несмотря на свою учёность не мог получить достойную чиновничью должность. Первую такую должность он получил благодаря поддержке своего друга – высокопоставленного шаньдунского аристократа и военачальника по имени Ван Дунь, который был женат на одной из дочерей цзиньского У-ди – основателя империи Цзинь.

В империи Цзинь были сановники, которые пытались исправить положение и как можно дальше отодвинуть назревающую катастрофу. Одним из таких представителей служилого сословия эпохи Западной Цзинь был северокитайский сановник по имени Цзян Тун. Цзян Тун создал историко-политический трактат «О переселении варваров», в котором была выдвинута и обоснована тезис о необходимости выселения варваров. В тексте сочинения Цзян Тун ведёт заочную полемику с противниками выселения варваров. При цзиньском дворе в 90-х гг. III в. н. э. шли бурные дискуссии о путях решения «жунского» вопроса.

Степень изученности. Говоря об истории изучения и перевода сочинения Цзян Туна «Си жун лунь» в отечественной историографии, следует сказать о советском учёном-китаеведе В. С. Таскине [3, с. 153–161], который выполнил полный перевод рассматриваемого сочинения Цзян Туна на русский язык и снабдил его краткими комментариями с привлечением цитат из династических историй «Хань-шу» и «Хоу Хань-шу», связанных с историей отношений Китая с кочевыми народами (сюнну, жуны, ди и цяны). При этом следует отметить, несмотря на то, что В. С. Таскин выполнил перевод «Си жун лунь» с комментариями, богатые исторические сведения (топонимы, этнонимы, персоналии и т. д.) этого источника всё-таки трудно воспринимать и использовать для системной реконструкции общей картины историко-культурных процессов эпохи Западной Цзинь, так как комментарии не дают цельного представления об истории взаимоотношений Китая и «варварских» народов в большом и сложном историко-географическом контексте Древнего Китая. В данной статье этот аспект будет раскрыт в более полном виде путём представления структурированного историко-географиче-

ского историко-биографического комментария. Теоретический аспект древнекитайских представлений о Китае и «варварских» народах был рассмотрен в работах Ю. Л. Кроля [6, с. 364, 372; 7, с. 155–156, 160, 188]. История взаимоотношений китайского государства с кочевниками в эпоху Хань было рассмотрено в исследовании В. М. Малявина [8, с. 111, 188, 198, 230]. Краткое упоминание о сочинении «Си жун лунь» есть в работе китайского историка Шан Юэ [9, с. 135]. В десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до наших дней» Цзян Тун был также кратко упомянут в контексте характеристики «варварских» народов Западной Цзинь [10, с. 364, 372].

В западной научной литературе сочинение «Си жун лунь» было кратко рассмотрено в работе американского китаевода Эндрю Читтика [11, с. 48–49] в контексте теоретических аспектов проблемы китаизации кочевых народов Северного Китая. Во втором томе Кэмбриджской истории Китая Цзян Туна и его сочинению посвящена одна строка в контексте рассуждений о резком росте численности «варварских» народов на китайских землях [12, с. 364, 372]. Краткие сведения о культуре и законах сюнну приведены в работе Никола ди Космо [13, с. 81, 273, 99, 274–75].

В общей монографии китайского историка Ван Чжунло, посвященной истории Шести династий, Цзян Тун и его сочинение также упоминается лишь эпизодически [14, с. 183, 188, 206]. В монографии китайского историка Линь Ганя, посвященной истории сюнну, нет ни одного упоминания о Цзян Туне и его сочинении [15].

Помимо монографий, существуют научные статьи, связанные с «Си жун лунь». Речь идёт о небольших статьях китайских историков Цинь Даньдань, Го Ивэнь, Ли Яньфэн, Сунь Яньцин, Ли Хунбинь, Ван Чжэи [16–21].

Таким образом, трактат «Си жун лунь» не был предметом специального рассмотрения в китайской, отечественной и западной научной литературе.

Методология и методы исследования. При изучении жизненного пути Цзян Туна необходимо обратиться к историко-биографическому и историко-географическому методам. В соответствующей словарной статье терминологического словаря «Теория и методология исторической

науки» историко-биографический метод как метод исторического исследования, нацеленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности или социальной группы. Историко-биографический метод тесно связан со становлением и развитием истории как науки, так как основным героем политической истории всегда выступала личность – правитель, герой, военачальник и т. д. С позиций этого подхода исторический процесс долгое время рассматривался как результат деятельности великих личностей¹.

Кроме того, при реконструкции политической биографии Цзян Туна мы опирались на методологию сетевого анализа, разработанную американским историком и социологом Рэндаллом Коллинзом [22, с. 32–38].

Результаты исследования. Следует сказать, что термин «жун» в традиционной китайской историографии использовался для обозначения группы кочевых народов, граничивших с древнекитайскими государствами на западе (реже на севере). Как отмечает отечественный китаевед П. М. Кожин, «в ряде источников VII–IV вв. до н. э. жунами именовались любые воинственные не-китайские объединения. Иероглиф «жун» мог обозначать солдата, войну, военное снаряжение ... Вероятно, китайцы впервые столкнулись с жунами во время крупных военных действий, приведших к разгрому Западного Чжоу в 771–770 гг. до н. э. В древнекитайских философских источниках порой идеализировались простота нравов и добродетели жунов вы противоположность «испорченным» нравам»².

От себя добавим, что фактически в группу кочевых народов-жунов также входили так называемые прототибетские племена цянов³, а также горные жуны (*kit. шаньжуны*). При этом следует сказать, что Цзян Тун, использовал термин жун в расширенном толковании, т. е. включил число

¹ Мазур Л. Н. Историко-биографический метод // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – С. 151–152.

² Кожин П. М. Жуны // Большая российская энциклопедия: в 10 т. – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – Т. 10. – С. 130.

³ Более подробно о цянах см.: Комиссаров С. А. Цяны // Большая российская энциклопедия: в 34 т. – М.: Большая российская энциклопедия, 2017. – Т. 34. – С. 377–378.

жунов и часть северных «варваров» ди, а именно, южных сюнну. Последние приняли покровительство еще при династии Ранняя Хань.

Для более полного понимания контекста создания трактата «Си жун лунь» ниже приводятся краткие сведения об императорах, императрицах и регентах империи Цзинь в виде табл. 1.

Из данных можно сделать вывод, что у всех монархов Западной Цзинь, кроме её основателя, постоянно были регенты, которые и держали всю реальную власть при дворе

и в стране в целом, что не свидетельствует о глубоком и остром кризисе династии Цзинь, приведшем страну к распаду.

Период службы Цзян Туна в должности начальника уезда Шаньинь 山阴 и написания «Си жун лунь» (299 г., после восстания дисцев во главе с этническим дисцем Ци Ваньнянем) пришелся на время правления слабоумного монарха Хуэйди, за которым стояла его супруга Цзя Наньфэн.

В сочинении «Си жун лунь» приводятся ценные сведения о численности варварских племенных анклавов (см. табл. 2).

Таблица 1

Краткие историко-биографические данные об императорах и императрицах Западной Цзинь Сыма и регентах при малолетних императорах

	Императоры Западной Цзинь	Регенты	Внешний клан и супруги сановников	Главные события
1	Сыма Янь 司马炎 (У-ди武帝, годы жизни: 236–290, годы правления 265–290)	нет	1) Ян Янь (楊艷, 238–274) императрица У-юань (武元皇后), уроженка округа Хуннун, первая супруга Сыма Яня; 2) Ян Чжи (楊芷, 259–292), родом из округа Хуннун (пров. Шэньси), мл. сестра императрицы Ян Янь, вторая супруга Сыма Яня	Покорение царства Шу-Хань (221–263); Покорение царства У (222–280)
2	Сыма Чжун 司马衷 (Хуэй-ди惠帝, годы жизни: 211–265, годы правления 290–306)	Ян Цзюнь (неизв. – 291), отец императрицы Ян Чжи; Цзя Чун 賈充 (217–282); императрица Цзя Наньфэн	Цзя Наньфэн (257–300) из округа Пинъян, период замужества (290–300), дочь сановника Ян Цзюня	«Смута восьми князей» (291–306); Восстания не китайских народов, расселенных на территории Западной Цзинь
3	Сыма Чи 司马炽 (Хуай-ди怀帝, годы жизни: 284–313, годы правления 306–313)	Сыма Юэ 司马越 (неизв. – 311), победитель «Смуты восьми князей».	Лян Ланьби 梁蘭璧 (неизв.), была взята в плен в 311 г. правителем сюннунского царства Хань-Чжао вместе с Сыма Чи в г. Лоян	Восстания не китайских народов, расселенных на территории Западной Цзинь
4	Сыма Е 司马邺 (Минь-ди愍帝, годы жизни: 259–307, годы правления 313–317)	Сыма Жуй (276–323)	В исторических источниках нет данных	Династия Цзинь окончательно утратила земли Северного Китая

Таблица 2

Цитаты о численности не китайских народов из «Си жун лунь» [3, с. 228–341]

Народы	Цитаты о численности не китайских народов
Жуны и дисцы	«В Гуаньчжуне проживает более миллиона человек, и если прикинуть, то окажется, что жуны и дисцы составляют половину населения» [3, с. 159]
Сюнну и западные жуны	«Ныне численность пяти частей сюнну дошла до нескольких десятков тысяч дворов, а количество людей превосходит количество западных жунов» [3, с. 160]

¹ Примечательно, что уезд Шаньинь был малой родиной выдающегося китайского философа Ван Би (226–249), а также местом, где располагалась бамбуковая роща Цзи Кана, вэйского поэта и лидера поэтического кружка «Семь мудрецов бамбуковой рощи».

Из вышеприведенных данных следует, что в столичном регионе империи Цзинь к концу 290-х гг. н. э. сложился суммарный демографический перевес некитайской части (жунов) населения, что бесспорно было поводом для беспокойства здравомыслящих китайских сановников.

Главная мысль этого сочинения состоит в том, что по менталитету китайский этнос и кочевые народы сильно отличаются друг от друга. Автор, будучи конфуцианцем, рассматривает отношения некитайскими народами с ксенофобских позиций, вплоть до восхваления всего китайского и презрения ко всему чужеземному.

Обсуждение результатов исследования. Тезис о «переселении варваров» стал косвенным признаком ухудшения межэтнических отношений в цзиньском Китае, а также свидетельствовал об острых противоречиях, вызванных дискриминационной политикой китайских династий Центральной равнины. Вместе с тем, этот призыв отразил сложную и неразрывную взаимозависимость в отношениях Китая и кочевых народов.

В конце «Си жун лунь» кратко рассмотрены сюнну, проживавшие в период Западной Цзинь в области Бинчжоу, начиная с юж-

носюннуского шаньюя Хуханье. Автор назвал этих сюнну «жестокими и злыми разбойниками», а также отметил, что «по природе своей сюнну смелы, в искусстве пользоваться луком и ездить на коне вдвое превосходят дисцев и цянов» [3, с. 160]. В этой связи следует сказать о городе-крепости под названием Цзогочэн, который находился примерно в 10 км к северо-востоку от современного уездного города Лиши в провинции Шаньси, в нём в начале династии Поздняя Хань была расположена ставка южного шаньюя¹. При династии Цзинь в Цзогочэне жили вожди правой части сюннуских кочевий. Когда князь Сыма Ин поставил Лю Юаньхай северным шаньюем, Лю Юаньхай переехал из Е в Цзогочэн и объявил его своей столицей.

Непосредственной причиной создания сочинения «Си жун лунь» стало мощное восстание варваров-дисцев во главе с этническим дисцем Ци Ваньнянем, которое вспыхнуло в 296 г., продлилось три года и принесло огромный ущерб империи Цзинь. В ниже приведённой таблице мы привели основные события из жизни Цзян Туна, а также важнейшие события, оказавшие большое влияние на политическую обстановку в империи Цзинь.

Таблица 3

Основные события в жизни Цзян Туна и ключевые события государства Цзинь

Годы жизни Цзян Туна	Основные события в жизни Цзян Туна и ключевые события государства Цзинь
290 г. н. э.	Приход Хуэй-ди и его супруги Цзя Наньфэн (257–300) к власти
291 г. н. э.	Цзя Наньфэн вместе с генералами Мэн Гуанем и Ли Чжао казнила временщика Ян Цзюня (отца императрицы-матери) и взяла всю власть в свои руки, что спровоцировало гражданскую войну между князьями империи Западная Цзинь («Смута восьми ванов»)
294 г. н. э.	В 5-й луне 294 г. н. э. вспыхнул скоротечный мятеж племени сюнну под началом этнического сюнну Хао Саня. В 8-й луне того же года мятеж был быстро подавлен военным начальником округа Фэнъи
295 г. н. э.	В 4-й луне 296 г. младший брат погибшего Хао Саня по имени Хао Дуюань поднял цянов и сюннускую народность лушуйху в областях Циньчжоу и Юнчжоу
296 г. н. э.	
297 г. н. э.	
298 г. н. э.	
299 г. н. э.	Восстание племени ди под началом этнического дисца Ци Ваньняня 齐万年 (? -299), объявившего себя императором. Цзян Тун создал и представил двору во главе с Цзя Наньфэн сочинение «Рассуждения о переселении варваров»
300 г. н. э.	300 г. Чжао-ван Сыма Лунь казнил 43-летнюю императрицу Цзя Наньфэн и сам узурпировал престол;
303 г. н. э.	– Казнь литератора Лу Юня (262 – 303 гг. н. э.), которого пытался спасти Цзян Тун; – В местности Цзянся (г. Аньлу, пров. Хубэй) вспыхнул крупный бунт беженцев-бродяг под началом чиновников Чжан Чана (? – 304) и Ши Бина (? – 304), распространился почти на весь Центральный Китай

¹ Liu Junren 刘钧仁. Zhongguo diming dacidian 中国地名大辞典 = Большой словарь географических названий Китая. Пекин: «Жэнь-минь чубаньшэ», 1957. – С. 731.

Окончание табл. 3

Годы жизни Цзян Туна	Основные события в жизни Цзян Туна и ключевые события государства Цзинь
304 г. н. э.	Южно-сюннуский аристократ Лю Юаньхай восстал против Западной Цзинь и создал государство Северное Хань
306 г. н. э.	– Дунхай-ван Сыма Юэ, победивший остальных князей из клана Сыма, отравил монарха Хуэй-ди и возвел на престол его младшего брата – 22-летнего принца Сыма Чи 司马炽 (Хуай-ди 怀帝, годы жизни: 284 – 313, годы правления 306–313). – Окончание гражданской войны в империи Западная Цзинь
310 г. н. э.	Смерть Цзян Туна в результате болезни во время бегства от военной смуты в г. Чэнгао 成皋 (уезд Синъян в округе Чжэнчжоу пров. Хэнань)

Из хронологической таблицы видно, что сочинение «Си жун лунь» увидело свет в период правления Цзя Наньфэн. Императрица Цзя Наньфэн, будучи занятой кровавыми интригами за удержание власти, оставила доклад Цзян Туна без внимания, что привело к серии крупных «варварских» восстаний (304–317 гг.) и утрате Северного Китая.

Из текста «Си жун лунь» следует, что диаспоры отдельных некитайских народов подвергались дискриминации со стороны китайской администрации: «Стремления и поведение жунов и дисцев несхожи

со [стремлениями и поведением] хуасцев; пользуясь упадком [жунов и дисцев], их переселили на земли, несущие повинности в отношении императора, там чиновники и народ обижают их, пользуясь их слабостью, и чувство обиды и ненависть проникли у дисцев и жунов до мозга костей» [3, с. 157]. Из данной цитаты видно, что негативное отношение малых народов к китайскому населению имело под собой реальные основания.

Ниже приведена краткая информация о районах переселения некитайских народов, которые предлагал Цзян Тун (табл. 4).

Таблица 4

Аналитическая историко-географическая сводка предлагавшихся Цзян Туном мер по переселению «варварских племен» (по материалам примечаний к переводу «Си жун лунь» [3, с. 228–341])

Конкретный некитайский этнос и его район проживания при дин. Западная Цзинь	Предложение Цзян Туна по району переселения «варваров»
Цяны из округов Фэнью 馮翊, Бэйди 北地, Синьпин 新平 и Аньдин 安定.	Переселить цянов на земли трех западно-жунских племен: 1) сяньлины 先零 (от совр. уезда Линься в пров. Ганьсу до оз. Кукунор); 2) ханьбины 罕並, истребленное племя (цзиньский уезд Ханьбин, входил в состав округа Тяньшуй, главный город уезда Ханьбин находился к югу от совр. уездного города Тяньшуй в провинция Ганьсу); 3) сичжи 析支 (современный уезд Гуйдэ в провинции Цинхай)
Дисцы из столичных округов Фуфэн 扶風, Шипин 始平 и Цзинчжао 京兆.	Вернуть дисцев обратно в земли к западу от гор Лунью 隴右 и поселить в округах Иньпин 陰平 и Уду 武都

Во время смуты восьми ванов Цзян Тун примкнул к Ци-вану Сыма Цзюну и Чэнду-вану Сыма Ину. Он выдвинул целый ряд рекомендаций по сложным проблемам своего времени, а также пытался спасти талантливого южнокитайского литератора Лу Юня (262–303), приговоренного временщиком Сыма Ином к казни как младшего брата другого литератора-теоретика Лу Цзи (261–303), также ложно обвинённого в измене. Коррупция и кумовство стали нормой в системе отношений в чиновничье среде и на высшем уровне.

В первой половине сочинения Цзян Тун кратко изложил историю взаимодействия

Китая и северо-западных варварских народов, начиная со времен полуполюгендарного Великого Юя для того, чтобы объяснить прямые и косвенные факторы усиления и переселения этих народов в Гуаньчжун – столичный регион китайской империи Цзинь:

«Во время смуты в конце династии [Поздняя] Хань земли Гуаньчжуна были полностью опустошены, а в начале возвышения династии Вэй, которая разграничилась с династией Шу-Хань, одна часть жунов, живших в пограничной полосе оказалась на этой стороне, а другие – на той стороне. Вэйский император У-ди¹ приказал военачальнику

¹ Здесь имеется ввиду Цао Цао (155–220), северокитайский военачальник и основатель царства Вэй.

Сяхоу Мяоцаю покарать Агуя, Цяньваня и других взбунтовавшихся вождей племени ди, но в дальнейшем, поскольку ему пришлось отказаться от округа Ханьчжун, он переселил племена, жившие в округе Уду, в земли Циньчуань [Гуаньчжун – Ч. Ц.], желая укрепить государство с помощью ослабевших грабителей, чтобы защититься от шуских рабов. По-видимому, это был расчёт, продиктованный обстоятельствами; он носил временный характер, и с его помощью нельзя было добиться выгод для десяти тысяч поколений. Если глянуть на это сегодня, то окажется, что он уже причинил вред» [3, с. 156].

Потомки Цзян Туна пошли по стопам отца и также пошли на государственную службу. Так, сын Цзян Туна по имени Цзян Бинь (неизв. – 368) служил военным советником при военачальнике Вэнь Цзяо, носившем титул полководца-усмирителя Юга. Высшим постом в карьере Цзян Биня была должность шаншу пу-е. Другой сын Цзян Туна – Цзян Дунь (305–353) прославился как автор сочинения «Тун дао чунцзянь лунь» и сделал карьеру при участии сановника Чи Цзяня, который, в свою очередь, сделал карьеру благодаря рекомендации Цзян Туна. Внук Цзян Туна по имени Цзян Ай дослужился до постов нэйши округа Ланьэ и пяоци цзыи (адъютант при полководце легкой кавалерии) [1, с. 1538]. Другим известным потомком Цзян Туна был южнокитайский полководец Цзян Юэцжи (445–505), который принадлежал к седьмому поколению клана Цзян.

Интересно отметить, что в рассматриваемом трактате приводятся сведения о политике дробления сюннуских кочевий, которая применялась в начальный период Западной Цзинь: «В эру правления Сянь-си (264–265), поскольку одно кочевье было слишком сильным, его разделили между тремя вождями. В начале эры правления Тай-ши (265–274) количество вождей было увеличено до четырех. После этого Лю Мэн поднял восстание во внутренних землях и установил связи с разбойниками за укрепленной линией» [3, с. 160].

Заключение. Таким образом, на основе вышеприведенных сведений о сочинении «Си жун лунь» можно сделать следующие выводы.

Во-первых, из текста сочинения следует, что в трактате отражена резко негативная позиция по отношению к некитайским «варварским» народам. Автор трактата считал их вероломными и подлыми людьми, которые ждут своего часа для полномасштабного восстания в Китае. Фактически, Цзян Тун вслед за своими предшественниками эпохи Чуньцю, Чжаньго и Цинь-Хань говорит об экзистенциальном конфликте между китайским этносом как символом высокой культуры и кочевыми этносами Северного и Северо-Западного Китая.

Во-вторых, взгляд автора трактата на проблему этнических анклавов отличался обстоятельным ретроспективным анализом истории китайско-«варварских» отношений и детальными расчетами предлагавшегося переселения «варварских» народов. Несмотря на все ухищрения цзиньская политика дробления кочевий и китаизации малых народов не увенчалась успехом. Ситуативно вынужденная тактическая мера Цао Цао по быстрому решению вопроса заселения обезлюженных пограничных районов столичного региона Гуаньчжун жунами и цянами, предпринятая в 219–220 гг. не была пересмотрена его преемниками и к концу III в. стала мощнейшим сопутствующим фактором дестабилизации страны.

В-третьих, сочинение «Си жун лунь» выдержано в конфуцианском духе, что видно из целого ряда цитат из конфуцианской классики. Из него следует, что удельный вес некитайского населения в империи Западной Цзинь в целом и в столичном регионе Гуаньчжун, в частности, достиг критических значений и стал миной замедленного действия под зданием цзиньской государственности. В сочетании с деструктивными факторами в духовной сфере жизни цзиньского общества фактор «варварских» народов привел к гражданской войне, распаду Западной Цзинь и утрате Северного Китая на три столетия.

Список литературы

1. Fang Xuanling. Jin shu = Книга [истории] Цзинь: в 10 т. Пекин: Изд-во «Чжунхуа шуцзюй», 1974. 3397 с.
2. Fang Xuanling. Jin shu = Книга [истории] Цзинь: в 10 т. Пекин: Изд-во «Чжунхуа шуцзюй», 2000. 2280 с.
3. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / пер. с кит., предисл. и коммент. В. С. Тапкина. М.: Наука, 1989. 267 с.

4. Бань Гу. Хань-шу (История династии Хань). Пекин: Бо-на, 1958. 497 с.
5. Фань Е. Хоу Хань-шу (История династии Поздняя Хань). Пекин: Бо-на, 1958. 430 с.
6. Кроль Ю. Л. О концепции «Китай – варвары» // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 13–29.
7. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / пер. с кит., введение и коммент. Ю. Л. Кроля. М.: Наука, 2001. 269 с.
8. Малявин В. В. Империя ученых. М.: Наука, 2007. 384 с.
9. Шан Юэ. Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных войн» / под ред. Шан Юэ. М.: Вост. л-ры, 1959. 579 с.
10. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский; отв. ред. Л. С. Переломов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука: Вост. лит, 2016. Т. 10. 687 с.
11. Andrew Chittick. The Jiankang Empire in Chinese and World History. Oxford: Oxford University Press, 2020. 424 p.
12. Cambridge History of China. The Six Dynasties, 220–589 / ed. Albert E. Dien, Keith N. Knapp. New York: Cambridge University Press, 2019. 346 p.
13. Nicola Di Cosmo. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. New York: Cambridge University Press, 2002. 369 p.
14. Wang Zhongluo 王仲华. Wei, Jin, Nan Bei chao 魏晋南北朝史 = История Вэй, Цзинь, а также Южных и Северных династий. Шанхай: Шанхай. ун-т, 2003. 1024 с.
15. Lin Gan 林幹. Xiongnu shi 匈奴史 = История сюнну. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2010. 332 с.
16. Qin Dandan 秦丹丹. Cong “Xi rong” sixiang Wei-Jin shiqi minzu guanxi 从“徙戎”思想看魏晋时期民族关系 = Межэтнические отношения при династиях Вэй и Цзинь с точки зрения трактата «Си жун лунь» // Xibu xuekan 西部学刊. 2021. С. 100–102. DOI:10.16721/j.cnki.cn61-1487/c.2021.22.032.
17. Go Yiwen 郭怡文. Chongtu yu ronghe: Wei-Jin, Nan-Bei chao shiqi de minzu zhengce ji wenhua rentong 冲突与融合: 魏晋南北朝时期的民族政策及文化认同 = Конфликт и слияние: этническая политика и культурная идентичность в Вэй, Цзинь, Южной и Северной династиях // Heilongjiang shizhe. 黑龙江史志. 2020. No.12. С. 21–24.
18. Li Yanfeng 李艳峰, Zhang Shuhui 张曙晖. Zhonghua minzu gongtongti goujian shijiao xia Wei Jin “Xi rong” sixiang de lishi shengcheng yu fansi: 中华民族共同体构建视角下魏晋“徙戎”思想的历史生成与反思 = Историческое формирование и рефлексия взглядов на «переселение варваров» при династиях Вэй и Цзинь с точки зрения построения общности китайской нации общей судьбы // Yunnan shifan daxuebao 云南师范大学学报(哲学社会科学版). 2020. No. 52. С. 21–27.
19. Sun Yanjing 孙艳京. Qian tan Jiang Tong “Xi rong lun”: 浅谈江统《徙戎论》 = Анализ труда Цзян Туна «Рассуждения о переселении варваров-жунов» // Hebei beifang xueyuan yuanshan. 河北北方学院学报(社会科学版). 2017. No. 33. С. 41–45.
20. Li Hongbin 李鸿宾. “Xi rong lun” de mingyun yu “Tianxia yijia” de geju: 《徙戎论》的命运与“天下一家”的格局 = Судьба сочинения «Си жун лунь» и концепция «Вся Поднебесная – одна семья» // Hebei xuekan 河北学刊, 2005. No. 03. Pp. 77–79.
21. Wang Zheyi 王哲义. Cong you “hu” zuo “luan” xi Wei-Jin hu-han minzu guanxi: 从由“胡”作“乱”析魏晋胡汉民族关系 = Анализ межэтнических национальных отношений китайцев и варваров при династиях Вэй, Цзинь и Хань с позиций «варваров -ху», сотворивших «смуту» // Xiju zhijia 戏剧之家. 2019. No. 09. Pp. 230–231.
22. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. 1280 с.

Информация об авторе

Цыренов Чингис Цыбыкдоржиевич, кандидат исторических наук; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 70047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; chts17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>.

Для цитирования

Цыренов Ч. Ц. Трактат «Рассуждения о переселении варваров» как источник сведений о миграционном кризисе эпохи Западной Цзинь (265–317 гг. н. э.) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 159–167. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-159-167.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Fang Xuanling. Jin shu = Jin shu (History of Jin dynasty). In 10 volumes. Peking: “Zhonghua shuju” Press, 1974. (In Chin.)

2. Fang Xuanling. Jin shu = Kniga [istorii] Czin'. v 10 tt. Peking: "Zhonghua shuju" Press, 2000. (In Chin.)
3. Materials on the history of nomadic peoples in China of the III–V cent. Transl. from Chin., preface and comment. by V. S. Taskin. Vol. 1. Xiongnu. M.: "Nauka", 1989: 153–161. (In Rus.)
4. Ban Gu. Han shu (History of Han dynasty). Beijing, "Bo-na", 1958. (In Chin.)
5. Fan Ye. Hou Han shu (History of Han dynasty). Beijing, "Bo-na", 1958. (In Chin.)
6. Krol, Yu. L. On the concept of "China – barbarians". "China: society and the state." M.: "Nauka". GRVL, 1973: 13–29. (In Rus.)
7. Huan Kuan. Discussion on salt and iron (Yan tie lun) / Transl. from Chin., preface and comment. by Yu. L. Krol. M., 2001. V. 1. (In Rus.)
8. Malyavin, V. V. Empire of scholars. M.: Nauka, 2007. (In Rus.)
9. Essays on the history of China from ancient times to the "Opium wars". Ed. by Shang Yue. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1959. (In Rus.)
10. The history of China from ancient times to the beginning of the XXI cent.: in 10 volumes. Ed. by S. L. Tikhvinsky: V. II: The era of Zhangguo, Qin and Han (V cent. BC – III cent. AD). Ed. by L. S. Perelomov; Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. M.: Nauka – Vostlit, 2016. (In Rus.)
11. Andrew Chittick. The Jiankang Empire in Chinese and World History. Oxford University Press, 2020. (In Engl.)
12. Cambridge History of China. Volume 2. The Six Dynasties, 220–589. Edited by Albert E. Dien, Keith N. Knapp. Cambridge University Press, 2019. (In Eng.)
13. Nicola Di Cosmo. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. New York: Cambridge University Press. 2002. (in Eng.)
14. Wang Zhongluo 王仲荦. Wang Zhongluo. Wei Jin Southern and Northern Dynasties. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2003. (In Chin.)
15. Lin Gan 林幹. Xiongnu shi 匈奴史 = History of xiongnu. Peking: «Renmin chubanshe», 2010. (In Chin.)
16. Qin Dandan 秦丹丹. Cong "Xi rong" sixiang Wei-Jin shiqi minzu guanxi 从“徙戎”思想看魏晋时期民族关系 = Interethnic relations during the Wei and Jin dynasties from the point of view of the treatise "Xi Rong Lun". Xibu xuekan 西部学刊, no. 22, pp. 100–102, 2021. DOI:10.16721/j.cnki.cn61-1487/c.2021.22.032. (In Chin.)
17. Go Yiwen 郭怡文. Chongtu yu ronghe: Wei-Jin, Nan-Bei chao shiqi de minzu zhengce ji wenhua rentong 冲突与融合：魏晋南北朝时期的民族政策及文化认同 = Conflict and Merger: Ethnic Politics and Cultural Identity in the Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties. "Heilongjiang shizhe" 黑龙江史志, no. 12, pp. 21–24, 2020. (In Chin.)
18. Li Yanfeng 李艳峰, Zhang Shuhui 张曙晖. Zhonghua minzu gongtongti goujian shijiao xia wei jin "Xi rong" sixiang de lishi shengcheng yu fansi : 中华民族共同体构建视角下魏晋“徙戎”思想的历史生成与反思 = Historical Formation and Reflection of Views on the "Resettlement of Barbarians" during the Wei and Jin Dynasties from the Point of View of Building a Common Chinese Nation of Common Destiny. "Yunnan shifan daxuebao" 云南师范大学学报(哲学社会科学版), no. 52(03), pp. 21–27, 2020. (In Chin.)
19. Sun Yanjing 孙艳京. Qian tan Jiang Tong "Xi rong lun": 浅谈江统《徙戎论》 = Analysis of Jiang Tong's work "Discourses on the Resettlement of Rong Barbarians". "Hebei beifang xueyuan yuanbao" 河北北方学院学报(社会科学版), no. 33 (04), pp. 41–45, 2017. (In Chin.)
20. Li Hongbin 李鸿宾. "Xi rong lun" de mingyun yu "Tianxia yijia" de geju: 《徙戎论》的命运与“天下一家”的格局 = The fate of the composition "«Xi rong lun» and the concept "The whole Celestial Empire is one family" // Hebei xuekan 河北学刊, no. (03), pp. 77–79, 2005. (In Chin.)
21. Wang Zheyi 王哲义. Cong you "hu" zuo "luan" xi Wei-Jin hu-han minzu guanxi: 从由“胡”作“乱”析魏晋胡汉民族关系 = Analysis of interethnic national relations of the Chinese and barbarians during the Wei, Jin and Han dynasties from the standpoint of the "barbarians-hu", who created the "distemper". Xiju zhi jia 戏剧之家, no. 09, pp. 230–231, 2019. (In Chin.)
22. Kollins, R. Sociology of philosophy: Global theory of the intellectual transformations. Transl. by N. S. Rozov, Yu. B. Vertgeim. – Novosibirsk: Sibirskij Hronograf, 2002. (In Rus.)

Information about author

Tsyrenov Chingis Ts., Candidate of History; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6, Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; chts17@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>.

For citation

Tsyrenov Ch. Ts. Treatise "Discourses on the Migration of Barbarians" as a Source of Information on the Migration Crisis of the Western Jin era (265–317 AD) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 159–167. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-159-167.

**Received: January 18, 2023; approved after reviewing February 25, 2023;
accepted for publication February 27, 2023.**

УГОЛ ЗРЕНИЯ

ANGLE OF VIEW

Очерк

УДК 94 (57)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-168-178

Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: недавший акт локальной исторической политики

Сергей Андреевич Чернышов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
1502911@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>*

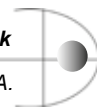
В статье исследуется празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России в ключевых Восточно-Сибирских городах – Красноярске и Иркутске – с позиций коммуникативистики, локальной исторической памяти и исторической политики как символическое действие, призванное навязать локальным сообществам некоторый набор нарративов, связанных с понятиями «Сибирь», «Россия» и «присоединение», как значимых факторов местной жизни. Цель исследования – анализ значимости для локальных городских сообществ Красноярска и Иркутска 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России как существенного акта локальной исторической памяти и элемента локальной исторической политики. Методологической основой настоящего исследования является инструментарий коммуникативистики: празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России рассматривается как символический акт локальной исторической политики, который был призван навязать местным сообществам некий нарратив (ключевые понятия которого – это «Сибирь» и «присоединение к России»), и по эффективности реализации которого можно судить о самовосприятии городского восточносибирского населения. Исследование выполнено на основе архивных материалов (некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот), материалов личного происхождения, локальной публицистики и материалах СМИ. Делается вывод, что несмотря на активные попытки областников и местной деловой элиты организовать празднование и коммуникативное оформление юбилея как символический акт локальной исторической памяти, 300-летие присоединения Сибири как значимый нарратив разделяло очень ограниченное количество населения. Бюджеты мероприятия оказались резко дефицитными, даты – до последнего неясными, а подготовка – сумбурной. Вопреки традиционной трактовке этого события 1881–1882 годов, 300-летие Сибири как попытка сформировать локальный символ оказалось неудачной, что не помешало заинтересованным субъектам социально-политических коммуникаций (областникам, части местных элит и государственных чиновников) представить это событие как значимое для местной жизни, сделав это фактически по классическим канонам исторической политики.

Ключевые слова: Сибирь, присоединение Сибири, историческая память, 300-летие присоединения Сибири, Сибирский день, историческая политика, областничество

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150>.

© Чернышов С. А., 2023

Essay

Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics

Sergey A. Chernyshov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
1502911@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

The article examines the celebration of the 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia in the key East Siberian cities – Krasnoyarsk and Irkutsk – from the standpoint of communication science, local historical memory and historical politics, as a symbolic action designed to impose on local communities a certain set of narratives associated with the concepts of “Siberia”, “Russia” and “accession” as significant factors of local life. The purpose of the study is to analyze the significance for the local urban communities of Krasnoyarsk and Irkutsk of the 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia as an essential act of local historical memory and an element of local historical politics. The methodological basis of this study is the tools of communication science: the celebration of the 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia is seen as a symbolic act of local historical politics, which was intended to impose on local communities a certain narrative (the key concepts of which are “Siberia” and “joining Russia”), and by the effectiveness of the implementation of which one can judge the self-perception of the urban East Siberian population. The study was carried out on the basis of archival materials (some of which are introduced into scientific circulation for the first time), materials of personal origin, local journalism and media materials. It is concluded that despite the active attempts of the regionalists and the local business elite to organize the celebration and communicative design of the anniversary as a symbolic act of local historical memory, the 300th anniversary of the annexation of Siberia as a significant narrative was shared by a very limited number of the population. The budgets of the event turned out to be sharply scarce, the dates were unclear until the last moment, and the preparations were chaotic. Contrary to the traditional interpretation of this event of 1881–1882, the 300th anniversary of Siberia as an attempt to form a local symbol was unsuccessful, which did not prevent interested subjects of socio-political communications (regionals, part of local elites and government officials) from presenting this event as significant for local life, doing this in fact according to the classical canons of historical politics.

Keywords: Siberia, annexation of Siberia, historical memory, 300th anniversary of the annexation of Siberia, Siberian day, historical policy, regionalism

Acknowledgment. *The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150>.*

Введение. Осенью 1881 г. между городскими думами сибирских городов, губернскими управлениями и министерством внутренних дел России шла активная переписка и обмен телеграммами – чиновники решали, стоит ли праздновать в этом году 300-летний юбилей «присоединения Сибири к Российской державе». Иркутянин, представитель известной купеческой династии, выборный Московского биржевого общества Александр Трапезников 13 октября 1881 г. телеграфировал в Иркутск из Москвы: «Из Томска [городской голова] Цибульский телеграфирует, что 26 сего октября нам предложено праздновать 300 летие присоединения Сибири будет ли там праздноваться этот юбилей Иркутске когда именно покорнейше прошу телеграфировать»¹. Телеграмма была отправлена всего лишь за две недели до предполагаемого праздника, что подчер-

кивает не только неосведомленность, но и неподготовленность к юбилею, который затем будут описывать как одно из ключевых событий в Сибири 1880-х гг.

Это было не только «недоработкой» местных элит – восточно-сибирские генерал-губернаторы той же осенью 1881 г. обсуждали то же самое. Так, 17 сентября 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин в письме уведомлял начальника Иркутской губернии И. К. Педашенко, что «празднование этого юбилея в текущем году, во всяком случае, должно быть отложено по причине продолжающегося государственного траура и что в Московском Главном Государственном Архиве производятся розыски: когда именно подписана Царем Иоанном Васильевичем грамота о присоединении Сибири или по крайней мере когда торжественное молебие в Московских соборах по этому случаю, а равно

¹ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 985.

когда была Царская аудиенция Сибирской экспедиции»¹.

Наконец, дискутировали по поводу даты празднования и местные краеведы. В «Хронологическом перечне важнейших дат из истории Сибири 1033–1882 годов», изданном в Иркутске И. В. Щегловым в 1883 г. (через один или два года от одной из дат предполагаемого юбилея) упоминается, что единого понимания по поводу даты «присоединения Сибири» всё ещё нет: ««скромным труженникам, которые известны под названием местных исследователей, представляется, нужно навести ничтожные справки»². Например, он советует обратиться к Полному собранию Законов Российской империи, «описанию путешествия по Сибири какого-нибудь иностранца», «в один из столичных журналов» или «к какому-нибудь научному периодическому изданию»³. Щеглов – один из самых осведомлённых местных краеведов того времени – констатирует, что точную дату присоединения Сибири ещё только предстоит выяснить, и работа эта, по существу, еще только не началась.

Приведённые источники ясно демонстрируют, что 1881–1882 гг. значительная часть сибирского общества и представителей власти не только не была осведомлена о грядущем «грандиозном юбилее», но и никак к этому юбилею не готовилась. Это обстоятельство диссонирует с традиционной оценкой этого праздника, согласно которой 300-летие присоединения Сибири вызвало здесь «живейший отклик, который ещё за несколько лет до указанной даты отразился в многочисленных публикациях отечественных и, разумеется, сибирских газет и журналов» [1, с. 246]. 1882 год традиционно считается точкой отсчёта для празднования «Сибирского дня» в самой Сибири и демонстрацией сплочения сибирского общества, а также восприятия им некоего нарратива о Сибири, «присоединённой к России». По утверждению М. В. Шиловского (это единственный автор, который посвятил отдельную статью проблематике празднования «Сибирского дня» в дореволюционный период), именно с 1882 г. формируется ежегодный ритуал празднования «присоединения Сибири к Российской державе» как значительного локаль-

ного события, который повторяется вплоть до революции 1917 г. [2].

Последнее утверждение на самом деле, предполагает априорное согласие с несколькими тезисами. Первый – локальные сообщества сибирских городов ощущают сопричастность к некоему конструкту под названием «Сибирь», который мыслится автономно от «России». Второй – для местных сообществ идея «присоединения Сибири к Российской державе» является важным, системообразующим нарративом коллективной памяти и локальной самоидентификации. И, наконец, третий (вытекающий из первых двух) – 300-летие присоединения Сибири к России ощущается населением сибирских городов начала 1880-х гг. как важный факт местной общественной жизни.

В настоящей статье мы ставим исследовательский вопрос о возможности доказательства трех представленных тезисов на архивных материалах, материалах личного происхождения и локальных исследованиях рассматриваемого периода в сравнении с коммуникативным оформлением юбилея в столичной и местной прессе, а также работах авторов, которые были заинтересованы в искусственном завышении значения 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России для местных городских сообществ (прежде всего, областников и представителей местных деловых элит). Иными словами: насколько в действительности (а не со слов заинтересованных в этом авторов) городские сообщества сибирских городов идентифицировали себя с «Сибирью», которая «присоединилась к России», и ощущали 300-летний юбилей этого присоединения как важное локальное событие?

Методология и методы исследования. Методологической основой настоящего исследования является междисциплинарный коммуникативистский подход к репрезентации исторических событий в локальной исторической памяти и исторической политике. Юбилейную дату 300-летия присоединения Сибири к России, связанные с ней мероприятия и зафиксированные в личных и публичных источниках реакции на подготовку и проведение юбилея мы рассматриваем как сложноустроенный акт ретроспективной публичной коммуникации. В формулировке Ю. М. Лотмана это – «ретроспективная трансформация реально протекшего процесса» [3, с. 32], которая в отличие

¹ ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 105.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири 1033–1882. – Иркутск: Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва, 1883. – С. 760.

³ Там же.

от несвязанного набора исторических событий мыслиться как закономерный и внутренне непротиворечивый сюжет. Этот сюжет находится в некоем контексте – коммуникационном пространстве, которое порождает именно эту, а не иную интерпретационную картину [4, с. 239]. В нашем случае – это социально-политическая и культурно-демографическая ситуация Восточной Сибири последней четверти XIX в., которая породила специфические особенности репрезентации 300-летнего «сибирского» юбилея. Иными словами, исследование особенностей празднования 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске даёт нам возможность анализировать и интерпретировать структурно-содержательные особенности самоощущения местных сообществ, отвечая на поставленные исследовательские вопросы об их самоидентификации как «Сибири», которая «объединена с Россией».

Такая методологическая установка близка к понятию «коллективная память», введенному в оборот М. Хальбваксом в 1920-е годы, однако ту же мысль высказывал и В. О. Ключевский, интерпретируя исторический факт как «общественную идею» [5, с. 32]. Пришедший на смену «мифам» и «идеологиям» термин «коллективная историческая память» [6, с. 27] субъектен. Коллективная память интерпретирует события в контексте собственных интересов, не терпит многозначности [7, р. 14]. Коллективная память репрезентируется через некоторый набор публичных действий, которые интерпретируют социальную реальность [8, с. 11], – в том числе, через объявление некоей даты важным событием для локального сообщества. Такого рода акт обязательно сопровождается формированием нарратива, связывающего прошлое с настоящим и будущим, а также порождает «общественные дебаты» [9, р. 14] о прошлом как способ изменения настоящего через ретроспективную интерпретацию общественных проблем.

Наконец, отдельной методологической проблемой является соотношение «элит», которые очевидно являются субъектами конструирования исторической политики и коллективной памяти, и «народа», который теоретически занимает пассивную позицию, выступая «носителем памяти» [10, с. 19–20]. Здесь мы занимаем позицию, сформулированную Ю. Хабермасом, для которого

народ – «среда для господствующей культуры», которая периодически в различных формах (например, бунты и иные реакции на акты воздействия государства и элит) проявляет себя» [11, с. 15].

Таким образом, празднование юбилея 300-летия присоединения Сибири к России мы рассматриваем как символический акт локальной исторической политики, который был призван навязать местным сообществам некий нарратив (ключевые понятия которого – это «Сибирь» и «присоединение к России»), и по эффективности реализации которого можно судить о самовосприятии городского сибирского населения. Для ответа на поставленный исследовательский вопрос мы сузили поле исследований до ключевых городов Восточной Сибири последней четверти XIX в. – Красноярске и Иркутске. Такое сужение обосновано спецификой этих городов как крупных торговых и образовательных центров того времени – с одной стороны, и географической «отстранённостью» этой территории от ключевых событий присоединения Сибири к Русскому государству (в отличие, скажем, от Тюмени и Тобольска). Последнее обстоятельство обеспечивает нам «чистоту эксперимента», поскольку для Красноярска и Иркутска «присоединение Сибири к России» (по крайней мере, в том контексте, который предполагал 300-летний юбилей, – как присоединение Сибирского ханства) являлось исключительно искусственным конструктом, никак не связанным ни географическими, ни исторически с этими территориями.

В исследовании использовались материалы личного происхождения, публицистические, краеведческие и научные источники, изданные во второй половине XIX в. в Иркутске и Красноярске (рассматривались также и источники, изданные в указанный период в иных местах – в этом случае, важным было принадлежность источника к интерпретации 300-летия присоединения Сибири к России или места Сибири в российской государственности в целом). Особую группу источников представляют архивные материалы государственных архивов Иркутской области и Красноярского края, относящиеся к празднованию 300-летия присоединения Сибири к России, некоторые из которых публикуются впервые.

Результаты исследования и их об- суждение. Культурно-образовательный

уровень восточносибирского городско-го населения и интенсивность публичных коммуникаций. Начнём с культурно-образовательного контекста. Очевидно, что существование в коллективной памяти таких довольно абстрактных категорий как «Сибирь», «присоединение к России» и аналогичных предполагает известный уровень образованности и культурного развития локальных сообществ. Однако в нашем случае данные и свидетельства современников говорят скорее об обратном.

По данным В. Загорского, в 1719 г. 36,75 % сибирского населения были ссыльными и беглыми, подавляющее большинство – необразованными [12, с. 451]. В начале 1740-х гг. году епископ Иннокентий основал в Иркутске школу, в которой «силой набрал 60 мальчиков» – однако после его смерти в 1746 г. школа закрылась, и возобновила свою работу только через 34 года [12, с. 453], что ясно говорит о востребованности идеи образования в Восточной Сибири во второй половине XVIII в. В феврале 1812 г. в Иркутске губернатор Н. И. Трескин переслал в городскую думу ходатайство директора училищ Миллера об открытии трех (вместо планируемых двух) училищ – «по отдаленности от училищ 4-й части города и по неудобству детям тамошних граждан обучаться в оных». Однако, когда в марте 1812 года городская дума объявила предварительный набор в эти училища, желающих оказалось всего трое [13, с. 755] – настолько власти города переоценивали локальный спрос на образование. Ученики открытых в начале XIX века школ в Иркутске и Барнауле «смотрели на учителей, как на врагов, и не упускали случая избавиться от них бегством» [12, с. 455], – констатирует Загорский.

Не слишком изменилась картина и к последней четверти XIX века – рассматриваемому нами периоду. Так, в 1870 г. в Иркутске на 100 человек 65 были «абсолютно безграмотными», 3 – «окончили курс средних учебных заведений», остальные «получили только нисшее образование» [14, с. 18–19]. Резкий рост количества образовательных учреждений и обучающихся в них начался позже – в начале XX в. Если в 1880 году на всю Восточную Сибирь приходилось 235 учебных заведений, в которых учились 8460 человек, то в 1911 г. – уже 1529 учеб-

ных заведений с 85478 учащимися [15, с. 517] (10-кратный рост!).

Разбросанное на огромной территории малообразованное население имело ещё и довольно ограниченные возможности коммуникаций – прежде всего, коммуникаций публичных, которые представляют основу для формирования абстрактных коллективных категорий в целом и коллективной памяти в частности. П. А. Слозцов в письме из Иркутска 20 марта 1826 г. писал: «разбросанные жители почти не представляют соединённого общества»¹. Через полвека мало что изменилось – особенно в части «общего языка». В России 1881 г. насчитывалось 554 периодических издания, при этом в Сибири – всего 35 изданий, две трети из которых «социальные и справочные» [16, с. 18–19]. Почти никак не коммуницировали местные жители и с остальной Россией: «из неторгующих иркутян почти никто в Россию не ездил, как исключение были поездки по святым местам»², – писал в начале XX в. местный краевед Н. С. Романов.

Впрочем, и в остальной России представления о Сибири были весьма смутные. Даже образованной части российского общества территория к востоку от Уральских гор – «terra incognita», на открытие которой никак не повлияло академическое изучение Сибири Г. Ф. Миллером [17, с. 5]. Так, Д. Клеменец ещё в 1880-е гг. в своих заметках констатирует: «образованные люди у нас гораздо более знают про Францию или Германию, чем про Россию, и тем паче про Сибирь»³. А известный учёный В. А. Обручев в письме матери из Иркутска в 1888 г. наглядно демонстрирует нам типичный образ Сибири в кругах столичной интеллигенции: «не стояла ли ты, когда мы прощались, со слезами на глазах так, как будто я должен был идти в негостеприимную Сибирь – страну преступников?»⁴. И еще один характерный эпизод: приват-доцент Петербургской духовной академии М. Смоленский, прибыв в Тобольск в 1857 г., удивляется, что на подоконниках здесь стоят цветы, тогда как «с малых лет привык я слушать от своих зем-

¹ Слозцов П. А. Письма из Сибири. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 16.

² Романов Н. С. Воспоминания // Библиофил Сибири. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – С. 103.

³ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 593. – Оп. 1. – Д. 4.

⁴ Обручев В. А. В старой Сибири. – Иркутск: Иркутское кн. изд., 1958. – С. 55.

ляков, что Сибирь – страна ужасная, что в ней привольное житье только пушным зверям»¹.

Тезис о малообразованном населении, существующим в примитивном культурно-социальном контексте дополнительно подтверждается самим вниманием к локальной истории в среде даже немногочисленных образованных сибиряков. Точнее – отсутствием такого внимания.

Известно, что первые тексты «Сибирских летописей» Г. И. Спасский опубликовал только в 1821 г. [18], однако он и его труд довольно быстро были забыты. Характерно отношение локального сообщества к создаваемым местным музеем. Так, «Сибирская газета» в марте 1883 г. пишет по поводу создания Минусинского и Енисейского городских общественных музеев, что дело это «совершенно искусственное, не коренящееся в реальных потребностях населения» [19, с. 24].

На аналогичном уровне по всей Сибири находилось и археологическое изучение локальной истории. В 1891 году основатель Минусинского музея Н. М. Мартьянов писал: «почти весь археологический материал собран на поверхности округа, случайно, главным образом при обработке полей и огородов»². Раскопки на Чувашском мысу в окрестностях Тобольска (место одной из ключевых битв Ермака) начались только в 1878 г. [20, с. 138], а раскопки «Кучумова городища» – только в 1889 г., да и то после публичного скандала, начавшегося с публикации заметки в «Московских ведомостях»³. Даже в начале XX века ситуация радикально никак не изменилась. Так, в конспекте лекций иркутского историка Б. Г. Кубалова, которые он прочитал студентам ИГУ в 1922 г., в разделе «Ближайшие задачи изучения истории Сибири» зафиксировано: «для истории Сибири 16–19 в. прежде всего должен быть разрешен вопрос о сибирском летописании, о народной массе как двигателе сибирской исторической жизни, о колони-

зации Сибири...»⁴. По существу, в 1920-е гг. один из ключевых восточносибирских историков признавал, что изучать историю Сибири необходимо фактически «с нуля».

При этом нельзя говорить о том, что у городских жителей Сибири рассматриваемого периода не было возможности изучения локальной истории. Судя по архивным данным, в том же Иркутске, в библиотеке Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в 1889 г. были все ключевые работы, изданные к тому времени по истории Сибири, включая труды Миллера и Палласа, – всего 307 книг и статей⁵. Периодически в конце XIX – начале XX в. предпринимались и попытки издания серьезных научно-публицистических и социально-политических журналов, однако эти инициативы не находили отклика у местной публики. Так, журнал «Сибирские вопросы» на который иркутянин В. П. Сукачев тратил 12–13 тыс. р. ежегодно, имел всего 393 подписчика в 1913 г., вследствие чего его издание было прекращено. В сентябре 1913 г. в Иркутске начал издаваться еженедельный литературно-общественный и политический журнал «Сибирская Неделя», но уже в марте 1914 г., после выхода в свет 25 номеров, его издание также прекратилось из-за недостатка средств [21, с. 71–72].

Таким образом, данные об уровне образованности местного населения, интенсивности публичных коммуникаций, интересе публики к локальной истории и сколько-либо серьезному публичному диалогу об общественно-политических вопросах говорят нам об отсутствии оснований для возможности существования коллективной памяти о присоединении Сибири к России и в целом о невозможности значительного распространения такого рода абстрактных нарративов.

Празднование юбилеев «присоединения Сибири» в сибирских городах до 1880-х гг. Несмотря на описанный выше культурно-образовательный контекст, попытки увековечивания памяти о присоединении Сибири к России в локальных коммуникативных практиках начались ещё в 1630-е гг. и продолжались вплоть до рассматриваемого нами периода. Так, в 1636 г. первый сибирский архиепископ Киприан установил «Синодик Ермаковым казакам», который, впрочем, имел распространение только

¹ Смоленский М. Несколько слов о саде и цветнике, устроенных при памятнике Ермаку // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. – Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX века. – Тюмень: Мандрика, 2004. – С. 20.

² Мартьянов Н. М. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. – Томск: Типография П. Макушина, 1891. – С. 94.

³ Архив ИИМК (Институт истории материальной культуры). – Ф. 1. 1889. – Д. № 93. – Л. 2.

⁴ ГАИО. – Ф. р-2873. – Оп. 1. – Д. 324.

⁵ Там же. – Д. 405.

в Тобольске [2, с. 13]. В дальнейшем нам известно о праздновании 200-летия «покорения Сибири» в Тобольске 26 октября 1784 г. – в день памяти великомученика Дмитрия Мироточивого, Солунского чудотворца [22, с. 19].

В следующий раз юбилей присоединения Сибири отмечался в 1839 г. – тогда праздновали 250-летие этого события, праздник был ознаменован установкой мраморного столба в Тобольске [2]. Впрочем, это празднование имело в основе скорее общеимперский, чем локальный мемориальный контекст [23, с. 144]. Наконец, в том же Тобольске 300-летний юбилей покорения Сибири решили праздновать 6 декабря 1882 г., в день тезоименинства цесаревича Николая Александровича [22, с. 19].

Иными словами, раз за разом мы наблюдаем, как празднование «покорения Сибири» насаждается локальному сообществу в контексте общеимперских (или церковных) задач, и «подгоняется» к той или иной дате, мало связанной с собственно «Сибирским взятием». День празднования «покорения Сибири» – явно был навязан официозом. В октябре 1877 г., очевидно, имея в виду именно это, писал в газете «Сибирь» Н. М. Ядринцев, выражая опасение, что грядущее празднование 300-летия присоединения Сибири «не вышло сухим археологическим праздником без всякого отношения к современной жизни» [1, с. 247]. Иными словами, опасался, что локальное сообщество снова не воспримет для себя официальную дату как актуальное символическое событие.

«На какие средства должен быть отнесен расход»: официальные отчеты и действительная популярность 300-летнего юбилея. В этих условиях городская общественность и публичная власть рассматриваемых сибирских городов подошла к 1881–1882 г. То, что это было во многом неожиданное и неподготовленное событие для власти и местных элит, было показано выше на материалах нескольких переписок 1881–1882 гг. Ещё 13 октября 1881 г. Александр Трапезников телеграфирует из Москвы в Иркутск вопрос о возможности празднования юбилея – за две недели до предполагаемой даты. А 17 сентября (чуть более, чем за месяц до предполагаемой даты) генерал-губернатор Восточной Сибири не только призывает отложить праздник на год из-за национального траура,

но и в целом сомневается в обоснованности выбранной даты: «из представленных исторических фактов оказывается, что 26 октября 1581 г. было только взятие Искера Ермаком, но не присоединение Сибири, ибо 15 ноября 1582 г. Царь Иоанн Васильевич подписал опальную грамоту Строгановым за своевольные действия казаков и только первого марта 1583 г. посланец Ермака Иван Кольцо возвратился в Искер с царскими милостями»¹.

Тем не менее, если судить исключительно по официальным отчетам, в декабре 1882 юбилей 300-летия присоединения Сибири к России прошёл превосходно во всех сибирских городах. Так, в отчёте генерал-губернатора министру внутренних дел празднование юбилея в Иркутске описывается так: «массы наполнявшего улицы и площади народа и чрезвычайно сильный спрос... все свершилось вполне благополучно»². Современные исследователи повторяют этот нарратив, практически не подвергая его критическому анализу, описывая литургии, танцевальные вечера, общественные мероприятия и иные события в крупнейших сибирских городах» [2, с. 14].

Если взять другой массив источников за пределами официоза, то картина праздника окажется несколько иной. Остановимся на одном техническом, но очень ярком эпизоде празднования – бюджете мероприятия. В Государственном архиве Красноярского края хранится ранее неопубликованный документ – «Дело о принятии на счет города расхода 758 рублей 45 копеек, употребленных на празднование 300-летия присоединения Сибири к России»³, который может продемонстрировать подлинный интерес публики к юбилею.

Согласно этому делу, 17 января 1883 г. в городскую управу поступило заявление от почетного гражданина, купца Ивана Герасимовича Гадалова. В заявлении говорилось, что в декабре 1882 г. купец совместно со своим партнером Павлом Марковичем Прейном выступили спонсорами празднования 300-летия присоединения Сибири, потратив на него 1 117 р. 45 коп. Однако вернуть потраченные деньги им не удалось: по подписке они собрали только 309 р., и дополнительно ожидали к поступлению ещё

¹ ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 105.

² Там же.

³ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). – Ф. 161. – Оп. 2. – Д. 136.

50 р. При этом они указывали, что Городская дума, установив порядок празднования юбилея, совершенно не разъяснила «на какие средства должен быть отнесён расход на юбилейные празднования».

К заявлению прилагалась смета праздника. Основные затраты пришлись на «вина и столовые припасы» – 879 р. 70 коп., ещё 145 р. потратили на прислугу, а остальные затраты – иллюминирование города (39,9 р.), музыканты (20 р.), телеграммы императору и генерал-губернатору – составляли уже незначительную часть сметы. Городская управа, рассмотрев проблему, 3 февраля приняла решение в пользу купцов и возместила им все оставшиеся затраты, однако важно зафиксировать: городское сообщество не смогло собрать и треть от необходимой (причем довольно скромной) суммы на 300-летний юбилей.

Добавим к этому описанный выше культурно-образовательный контекст городов Восточной Сибири, мало способствующий приданию существенного значения абстрактным историческим категориям и символическим акциям. Таким образом, можно сделать вывод, что юбилей вероятнее всего прошел незамеченным для подавляющего большинства населения даже в ключевых восточносибирских городах.

Юбилей как акт публичной политики: областники и местная деловая элита. Вместе с тем, на фоне явно низкого интереса локальных сообществ к 300-летию юбилею, существовало, по меньшей мере, две значительных группы субъектов коммуникаций, которые в рассматриваемый период предприняли довольно активную попытку преувеличить значение этого события и использовать его в актуальной политико-экономической повестке.

Первая группа – это так называемые «областники». За несколько лет до предполагаемого юбилея (еще когда он планировался на 1881 г.) областники попытались организовать масштабную общенациональную коммуникационную кампанию, публикуя в серию статей о проблемах Сибири в таких изданиях как «Дело», «Неделя», «Отечественные записки», «Вестник Европы» и других [2, с. 13]. Областничество, зародившееся в стенах петербургского университета (где обучались Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев), пыталось использовать 300-летний юбилей как повод для «переворота умов (в

Сибири) и пополнения пустоты в (сибирских) головах» [1, с. 226] (цитата по Г. Н. Потанину). Для этой цели областники использовали не только прессу, но и публичные мероприятия – например, собрав в октябре 1881 г. в Москве и Петербурге несколько сотен человек на праздничные обеды [24, с. 3]. Для областников ни идея значимости 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России имела оттенок классического колониального дискурса в европейских государствах второй половины XIX в. и рассматривалась скорее с позиций интеллектуально-политического диалога.

Вторая группа – это региональные деловые элиты, для которых искусственное усиление значения 300-летнего юбилея стало поводом для инициации дискуссии о необходимости модернизации государственного управления в Сибири. В отличие от областников (хотя и во многом в союзе с ними), для региональных деловых элит исторический эпизод присоединения Сибири и символический «юбилейный» нарратив стал поводом для дискуссии о текущих экономических вопросах. Так, Иркутский городской голова в письме управляющему Иркутской губернии 25 октября 1881 г. «по поводу» 300-летнего юбилея писал: «имею честь испрашивать ходатайства Вашего: о прекращении ссылки в Сибирь, [...] о даровании Сибири гласного суда и той доли свободы печатного слова, которого пользуется столичная пресса»¹. Это же письмо вместе с протоколом Думы и своими пояснениями иркутский губернатор 24 марта 1882 г. переслал министру внутренних дел – и нужно признать, что это был бюрократический максимум, которого могла добиться городская дума сибирского города.

Деловые элиты использовали и публичное пространство как повод заявить об идее «унификации» Сибири и остальной России «по поводу» 300-летнего юбилея. Так, в ходе уже упомянутого праздника в столицах в октябре 1881 г., выступающие говорили в основном именно об этом: «позднейшие окраины – Польша и Кавказ по учреждениям более русские, чем трёхсотлетняя Сибирь» (из речи Г. Грацианского); «Сибири нужны те же принципы управления, что и остальной России» (из речи Б. А. Милютина) и прочие [24, с. 6]. Гласный суд, унификация законов, свобода прессы – это по существу условия для стабильного функционирования коммерческих

¹ ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 105.

предприятий и повышения прозрачности ведения дел (и в том числе сокращения пространства для коррупции), в чём, естественно, заинтересована деловая элита. Сложно сказать, оказался ли этот акт исторической политики успешным. В краткосрочной ретроспективе определенно нет, поскольку гласный суд в Сибири ввели только в 1896 г. – через 15 лет после 300-летнего юбилея.

Заключение. В исследовании показано, что попытка навязать локальным сообществам некоторый набор нарративов, связанный с их самоощущением как единообразной «Сибири», «присоединение» которой к России имело в прошлом существенное значение, а юбилей которого в свою очередь имеет существенное значение в настоящем, существенно отличалась от предыдущих эпизодов празднования. Прежде всего, тем, что для достижения целей субъектов коммуникации впервые были использованы (с известными ограничениями) инструменты публичной политики – общественные мероприятия, кампания в прессе и публицистике, официальные отчеты о праздновании и придание юбилею «государственного» значения. Однако действительно заинтересованными в такого рода нарративе было

лишь небольшое количество людей (по существу – только областники, региональные деловые элиты и часть чиновничества), что на фоне очень низкого культурно-образовательного уровня населения, неразвитости институтов публичных коммуникаций (прежде всего, локальной прессы) привело к неудаче акта презентации 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России как символически значимого акта локальной исторической политики. Локальные сообщества холодно восприняли юбилей, бюджеты мероприятия оказались дефицитными, а подготовка – сумбурной.

Всё это позволяет говорить о том, что традиционное представление о 300-летнем юбилея присоединения Сибири существенно переоценивает его значение для локальных городских сообществ и представляет собой не критическое воспроизведение нарративов, которые пытались навязать в публичном пространстве XIX в. заинтересованные субъекты социально-политических коммуникаций. Фактически нарратив «300-летие присоединения Сибири как значимое событие» оказался неудачной коммуникативной практикой локальной исторической политики.

Список литературы

1. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). М.: Межрег. ин-т общ. наук при Иркутском гос. ун-те, 2009. 389 с.
2. Шиловский М. В. Празднование «Сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 12–15.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
4. Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2012. 344 с.
5. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 572 с.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
7. Novick P. Nach dem Holocaust: der Umgang mit dem Massenmord. Frankfurt; M.: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. 430 p.
8. Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2021. С. 7–37.
9. Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 231 p.
10. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–65.
11. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2012. 344 с.
12. Загорский В. Из быта и нравов Сибири 18 века // Сибирский архив. 1912. № 6. С. 449–464.
13. Загорский В. Из начальной истории приходских училищ в Иркутской губернии // Сибирский архив. 1912. № 10. С. 754–761.
14. Загоскин М. В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск: Тип. Синицына, 1870. 142 с.
15. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. № 7. С. 505–534.

16. Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 216 с.
17. Анисимов К. В. Поэтика литературы Сибири 10–30-х годов XIX-го столетия (особенности становления региональной литературной традиции). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. 100 с.
18. Спасский Г. И. Летопись Сибирская. Репринтное издание 1821 г. СПб.: Альфарет, 2009. 104 с.
19. Комлева Е. В. «По мере сил наших и знаний будем работать...»: из переписки основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Минусинск: Минусинский рег. краевед. музей им. Н. М. Мартыанова, 2020. С. 19–41.
20. Адамов А. А. История археологических исследований в Тобольском музее // Ежегодник-2002 Тобольского музея-заповедника. Тобольск: Тобол. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник, 2003. С. 138–156.
21. Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.
22. Голодников К. Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск: Тип. Тобольск. губ. правл., 1887. 139 с.
23. Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. С. 142–150.
24. 300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1882. 43 с.

Информация об авторе

Чернышов Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 664028, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 36; 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

Для цитирования

Чернышов С. А. Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: неудавшийся акт локальной исторической политики // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 168–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-168-178.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Dameshek, I. L. Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917). M: Interregional Institute of Social Sciences at the Irkutsk State University, 2009. (In Rus.)
2. Shilovsky, M. V. Celebration of the “Siberian Day” in the pre-revolutionary period in Humanities in Siberia. no. 2. pp. 12–15, 2013. (In Rus.)
3. Lotman, Yu. M. Culture and Explosion. M: Gnosis, 1992. (In Rus.)
4. Uspensky, B. A. Ego Loquens: Language and communication space. M: RGGU, 2012. (In Rus.)
5. Klyuchevsky, V. O. Russian history. A complete course of lectures in three books. Book. 1. M: Thought, 1993. (In Rus.)
6. Assman, A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. M: NLO, 2014. (In Rus.)
7. Novick, P. Nach dem Holocaust: der Umgang mit dem Massenmord. Frankfurt; M: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. (In Eng.)
8. Malinova, O. Yu., Miller, A. I. Introduction. Symbolic politics and the politics of memory in Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe: a collection of articles. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021: 7–37. (In Rus.)
9. Art, D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. (In Engl.)
10. Nora, P. Between memory and history. Problems of places of memory in France – memory. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University: 17–65. (In Rus.)
11. Habermas, Yu. Structural change in the public sphere: research on the category of bourgeois society. M: Ves Mir, 2012. (In Rus.)
12. Zagorsky, V. From the life and customs of Siberia in the 18th century in Siberian archive. no. 6, pp. 449–464, 1912. (In Rus.)
13. Zagorsky, V. From the initial history of parochial schools in the Irkutsk province in Siberian archive. no. 10, pp. 754–761, 1912. (In Rus.)

14. Zagoskin, M. V. Irkutsk and Irkutsk province with an outline of other provinces and regions of Siberia. Irkutsk: Type. Sinitsyna, 1870. (In Rus.)
15. Linkov, A. The growth of education in Eastern Siberia in Siberian archive, no. 7, pp. 505–534, 1912. (In Rus.)
16. Goldfarb, S. I. Newspaper “Eastern Review” (1882–1906). Irkutsk: Publishing house of Irkutsk unuversite, 1997. (In Rus.)
17. Anisimov, K. V. Poetics of Siberian literature in the 10–30s of the 19th century (features of the formation of a regional literary tradition). Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2004. (In Rus.)
18. Spassky, G. I. Chronicle Siberian. Reprint edition of 1821. St. Petersburg: Alfaret, 2009. (In Rus.)
19. Komleva, E. V. “We will work to the best of our ability and knowledge...”: from the correspondence of the founders of the Minusinsk and Yenisei city public museums in Papers of the Minusinsk Museum of Local Lore im. N. M. Martyanova. Minusinsk: Minusinsk Regional Museum of Local Lore. N. M. Martyanova, 2020: 19–41. (In Rus.)
20. Adamov, A. A. The history of archaeological research in the Tobolsk Museum in Yearbook-2002 of the Tobolsk Museum-Reserve. Tobolsk, 2003: 138–156. (In Rus.)
21. Gimelshtein, A. V., Dameshek, L. M., Senina, E. A. The image of “foreigners” on the pages of the Siberian periodical press (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century). Irkutsk: East Siberian Publishing Company, 2007. (In Rus.)
22. Golodnikov, K. Tobolsk and its environs. Historical essay. Tobolsk: Type. Tobolsk. lips. rule, 1887. (In Rus.)
23. Agapov, M. G. Yermak’s Avatars: Monumental Forms of Representation and Actualization of Historical Memory in Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, no. 1 (32), pp. 142–150, 2016. (In Rus.)
24. 300th anniversary of Siberia. Celebration in St. Petersburg and Moscow of the day of October 26, 1581. St. Petersburg: Type. F. Eleonsky and Co., 1882. (In Rus.)

Information about author

Chernyshov Sergey A., Candidate of History; National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, 664028, Russia; 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

For citation

Chernyshov S. A. Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 168–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-168-178.

**Received: January 25 2023; approved after reviewing February 27 2023;
accepted for publication February 28 2023.**

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

PEOPLE. EVENTS. TIME

Очерк

УДК 94(092)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-179-189

Без любви всё – ничто: к юбилею доктора исторических наук Хантаковой Елизаветы Николаевны

**Татьяна Вадимовна Паликова¹,
Константин Бато-Мункич Митупов², Наталья Евгеньевна Жукова³**

^{1,2,3}Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

¹tatianap25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-0343>

²mitupov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5477-2941>

³nataliiiuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5652-1636>

Биография учёного – один из интереснейших источников, по которому мы можем судить о состоянии отечественной науки, о динамике её развития. К числу важных биографий региональной науки можно отнести профессиональный путь доцента кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова доктора исторических наук Елизаветы Николаевны Хантаковой, лауреата Государственной премии Республики Бурятия (2012), автора более чем 100 публикаций, в том числе 7 монографий. Представленная статья освещает основные этапы становления Е. Н. Хантаковой как личности и учёного и выделяет ключевые направления ее исследований. Анализ научной биографии Е. Н. Хантаковой позволяет обозначить широкий спектр научных интересов нашей героини. Магистральным направлением её научных интересов стало осмысление особенностей российского федерализма: становление и развитие федеративной модели развития страны в XX–XXI вв.; формирование концепции о БМАССР/Республике Бурятия как особой административно-территориальной единице в составе СССР/РФ. Поле научных интересов исследователя постоянно расширяется и охватывает активное участие в поиске научного решения проблем университетской инклюзивной среды, изучение разнообразных форм исторической повседневности, связанных с изучением жизни и творчества М. Н. Хангалова, Е. Е. Тармаханова. Такой диапазон исследовательских интересов стал базой для привлечения Е. Н. Хантаковой к научной деятельности ряда талантливых молодых историков и педагогов. Совокупность изученных историографических источников дала возможность авторам сделать вывод о многогранном и глубоком вкладе Е. Н. Хантаковой в науку Восточной Сибири.

Ключевые слова: федерализм, национально-государственное строительство, Республика Бурятия, дневниковое наследие М. Н. Хангалова, сельская повседневность Иркутской губернии, научная деятельность, Е. Н. Хантакова

© Паликова Т. В., Митупов К. Б.-М., Жукова Н. Е., 2023

Essay

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

**Without Love, Everything is Nothing: for the Anniversary
of the Doctor of Historical Sciences Elizaveta N. Khantakova**

Tatyana V. Palikova¹, Konstantin B.-M. Mitupov², Natalya E. Zhukova³

^{1,2,3} Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

¹tatianap25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-0343>

²mitupov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5477-2941>

³nataliiuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5652-1636>

The biography of the scientist is one of the most interesting sources by which we can talk about the state of Russian science and the dynamics of its development. Among the important biographies of regional science is biography of Elizaveta Khantakova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the World and Russian History Department at Banzarov Buryat State University, the State Award Laureate of the Republic of Buryatia (2012), author of more than 100 publications, including 7 monographs. The article is devoted to her main biographical stages and the key areas of scientific research, the main direction of which is the peculiarities of Russian federalism: the formation and development of the federal model of the country's development in the 20th and 21st centuries, formation of the concept of the *BMASSR*/the Republic of Buryatia as a special administrative and territorial unit within the USSR/RF. The field of scientific interests of the researcher is constantly expanding and covers active participation in the search for a scientific solution to the problems of the university's inclusive environment, the study of various forms of historical everyday life, the study of life and creativity of M. N. Khangalov, E. E. Tarmakhanov. These research interests have become the basis for attracting a number of talented young historians and teachers to scientific activity by E. N. Khantakova. Having studied historiographical sources, the authors came to the conclusion about multifaceted and profound Khantakova's contribution to the science of Eastern Siberia.

Keywords: federalism, national-state construction, the Republic of Buryatia, diary heritage of M. N. Khangalov, rural everyday life of Irkutsk province, scientific activity, E. N. Khantakova

Рис. 1. Елизавета Николаевна Хантакова

Fig. 1. Elizaveta Nikolaevna Khantakova

«До сущности протекших дней...»

Одним из важнейших факторов успешной деятельности, особенно в научной деятельности, является увлечённость, которая обязательно доводит учёного «до сущности протекших дней...». Увлечённость предметом своего исследования непременно распространится на окружающих учёного людей, вовлекая в процесс научного познания всё новых и новых людей. Окружённый, в положительном значении «адептами» и увлечённый «своим» научным предметом учёный – таким человеком представляется доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории БГУ им. Д. Банзарова Елизавета Николаевна Хантакова.

Елизавета Николаевна – признанный специалист в области истории федеративных отношений, внесший несомненный вклад в изучение регионального федерализма в XX – начале XXI в. Исследование федеративных отношений, их историко-правовой анализ является современным и актуальным направлением отечественной науки. Работы, выполненные Елизаветой Николаевной на основе междисциплинарно-

го подхода, на стыке исторической и правовой наук, стали востребованными во многих уголках нашей страны.

Юбиляр является автором более 100 научных работ, в том числе 7 монографий [1–4], посвящённых анализу становления и развития федеративной модели современной России. В трудах Е. Н. Хантаковой концепция о Республике Бурятия как об особой административно-территориальной единице в составе Российского государства обрела все признаки комплексности и последовательности [5–7].

Следует сказать несколько слов об основных вехах биографии нашей героини. После окончания средней школы № 2 города Улан-Удэ, Elizaveta Nikolaevna поступила на исторический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова, который закончила в 1993 г., получив квалификацию учителя истории и социально-политических дисциплин. Впереди у неё была яркая и насыщенная научная и педагогическая жизнь в рамках становления классического университетского образования республики. В БГПИ им. Д. Банзарова Е. Н. Хантакова пришла в 1995 г., пройдя все ступени карьерного и научного роста от ассистента до заведующей кафедрой, от аспиранта до доктора наук.

Закончив аспирантуру, с 1999 г. Elizaveta Nikolaevna работала в Бурятском государственном университете сначала ассистентом кафедры истории Отечества, а в

2006 г., став доцентом, возглавила её. После объединения кафедр вплоть до 2017 г. возглавляла кафедру всеобщей и отечественной истории. Под её руководством на протяжении 11 лет кафедра уверенно входила в первую пятерку по рейтингу научно-исследовательской работы среди 86 кафедр БГУ и возглавляла научный рейтинг факультета [5].

Не менее, а может и более продуктивной стала научная деятельность юбиляра. Предмет исследования, который, в конечном итоге, predetermined научную судьбу Elizavety Nikolaevny, сформировался уже в годы обучения в аспирантуре [5]. Итогом плодотворных аспирантских лет стала защита в декабре 2000 г. под руководством Ефрема Егоровича Тармаханова кандидатской диссертации на тему: «Становление и развитие Агинского и Усть-Ордынского бурятских автономных округов как национально-государственных образований (1937–1995 гг.)» по специальности 07.00.02 – Отечественная история [8, с. 63; 9].

После защиты диссертации Elizaveta Nikolaevna продолжила активную научную и преподавательскую деятельность, выступая на конференциях, семинарах, круглых столах, наращивая бесценный опыт научной коммуникации. Работая в архивохранилищах Улан-Удэ, Иркутска, Москвы, Е. Н. Хантакова исследовала и систематизировала различные документы по истории национально-государственного строительства в СССР – Российской Федерации [10; 11].

Рис. 2. В гостях у учителя – доктора исторических наук, профессора Е. Е. Тармаханова

Fig. 2. Visiting a teacher – doctor of historical sciences, professor E. E. Tarmakhanov

Рис. 3. 24 мая 2012 г. защита Е. Н. Хантаковой докторской диссертации

Fig. 3. May 24, 2012 E. N. Khantakova defended her doctoral dissertation

Этот опыт сыграл неоценимую роль в подготовке докторской диссертации при научном консультировании доктора исторических наук Александра Афанасьевича Елаева «Трансформация государственности бурят в России в XX – начале XXI века». В результате проведённого исследования, автор пришел к выводу о том, что «дальнейшие перспективы сохранения и развития существовавшей в XX веке национальной государственности бурят, будут определяться теми тенденциями, которые возобладают в развитии федеративных отношений России в XXI веке под влиянием глобализационных процессов в мире» [12].

**Искусство – это «я», наука – это «мы»
(Клод Бернар)**

Последовательное изучение федеративных отношений продолжилось и после защиты докторской диссертации [13–15]. Одновременно с этим Елизавета Николаевна продемонстрировала потенциал к расширению, а порой и к изменению предмета исследования, поддержав и воплотив в жизнь ряд исследовательских проектов. Проблемам развития инклюзивной среды в современном университете посвящён грантовый проект «Инклюзивное образование в Республике Бурятия: идеи, практика, перспективы», научным итогом которого стало обобщение проблем инклюзии в универси-

тетской среде и разработка ряда практических рекомендаций по внедрению инклюзивных технологий в повседневную жизнь университета [16; 17].

В 2020 г. научный коллектив во главе с Елизаветой Николаевной приступил к изучению абсолютной новой для всех участников темы – комплексной атрибуции и систематизации дневниковых записей известного бурятского этнографа Матвея Николаевича Хангалова. Грантовый проект под названием «Исследовательская обработка материалов этнографического характера: дневники М. Н. Хангалова как источник по истории Бурятии начала XX в.» позволил проанализировать и интерпретировать том дневника учёного за 1910–1911 гг. [18; 19].

Полученные научные результаты были положены в основу расширения и углубления представлений о формировании и трансформации этнографических знаний, культурно-бытовых практик, изменения самоидентификации человека и этнических групп. Научная значимость исследования была объективно обусловлена вводом в научный оборот ранее не опубликованного комплекса исторических источников. Кроме того, реализация данного проекта дала возможность его авторам изучить ряда элементов повседневности. Была проанализирована система сельского школьного образования, сельской повседневности Иркутской

губернии начала XX в., обозначена проблематика исследования биографии супруги М. Н. Хангалова [20–23].

Большое место в профессиональной жизни Елизаветы Николаевны занимает научное сотрудничество с коллегами-историками, как родного вуза, так и других вузов республики и соседних регионов, учителей школ. Неотъемлемой частью профессиональной деятельности Е. Н. Хантаковой является подготовка молодого поколения учёных-историков. Подтверждением этому

служит многолетнее успешное руководство научной работой студентов, магистрантов и аспирантов. Под её началом защищены три кандидатские диссертации, продолжается подготовка нового исследования. Елизавета Николаевна талантливый и демократичный научный руководитель, который ищет историческую истину совместно со своими учениками, восхитительный собеседник и оппонент в научных спорах; человек, на отзывчивость которого можно рассчитывать в сложных жизненных ситуациях.

Рис. 4. В окружении любимых студентов

Fig. 4. Surrounded by her favorite students

Елизавета Николаевна член различных организационных комитетов международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций, научный и ответственный редактор монографий, учебных пособий [24; 25], заместитель главного редактора журнала «Гуманитарные исследования Внутренней Азии», член редколлегии журнала «Общество, философия, история, культура» Издательства Хорс. Многолетняя работа Елизаветы Николаевны Ученым секретарем диссертационного совета К. 212.022.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Бурятском государственном университете стала особой страницей в её жизни. Благодаря её работе «путевку» и утверждение в научной жизни получили несколько десятков специалистов.

Вклад Елизаветы Николаевны в развитие исторической науки республики был многократно оценен профессиональным сообществом и вне его. Она лауреат Государственной Премии РБ в области образования за 2012 г. за проект «Исследовательский по-

иск архивных документов с целью освещения репрессивной политики тоталитарного режима в СССР и создания «Книги Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия». Также награждена различными грамотами и благодарственными письмами Правительства и Народного Хурала РБ, общественных организаций РФ и РБ.

Не пытаюсь подводить итог продолжающемуся научному пути, необходимо отметить, что быть его участником в течении многих лет интересно и ответственно. Без сомнения, мы станем свидетелями реализации новых амбициозных научных планов, неожиданных и элегантных профессиональных решений Елизаветы Николаевны. Многих и многих молодых и уже состоявшихся историков она поведет за собой на поиски научной истины. Ведь «все начинается с любви...»!

Коллеги сердечно поздравляют доктора исторических наук, доцента кафедры всеобщей и отечественной истории Елизавету Николаевну Хантакову с красивым Днём рождения!

Список литературы

1. Палхаева Е. Н. Законодательная власть Бурят-Монгольской АССР (1923–1937 гг.): историческое исследование. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 136 с.
2. Палхаева Е. Н. Трансформация государственности бурят в XX в. – начале XXI вв.: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 295 с.
3. Жукова Н. Е., Палхаева Е. Н. Общественные организации Бурятии в 1920-е гг.: опыт исторического развития. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2018. 165 с.
4. Бадмаев А. Д., Хантакова Е. Н. Ефрем Егорович Тармаханов: ученый, педагог, организатор научной школы: монография. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2022. 104 с.
5. Палхаева Е. Н. Правовой статус бурятских автономных округов в связи с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. // История государства и права. 2012. № 10. С. 20–22.
6. Palhaeva E. N. Administrative-territorial division of the BuryaMongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1937 // Himalayan and Central Asian Studies. New-Delhi (India), 2012. № 2. С. 1–6.
7. Палхаева Е. Н. Национально-государственное строительство в Агинском и Усть-Ордынском бурятских национальных округах (1937–1939 гг.) // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. 2012. № 2. С. 121–124.
8. Митупов К. Б. М., Паликова Т. В., Жукова Н. Е., Малыгина О. А. Видный исследователь и организатор. К юбилею коллеги, доктора исторических наук Е. Н. Палхаевой // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 1. С. 62–65.
9. Палхаева Е. Н. Становление и развитие Агинского и Усть-Ордынского бурятских автономных округов, как национально-государственных образований (1937–1995 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2000. 25 с.
10. Палхаева Е. Н. К вопросу образования бурятских национальных округов // Взаимоотношения народов России, Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Национальное, социальное и экономическое развитие Байкальской Азии: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 135–136.
11. Палхаева Е. Н. Из истории массовых политических репрессий на территории Бурят-Монголии // Политические репрессии 1930-х гг. на территории Бурятии: материалы республиканской научно-практической конференции «Памяти жертв политических репрессий 30-х гг. XX века», 27 окт. 2007 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 39–43.
12. Палхаева Е. Н. Трансформация государственности бурят в России в XX – начале XXI века: автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2012. 47 с.
13. Палхаева Е. Н. Проблемы регионального федерализма на современном этапе: нормативно-правовые аспекты // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 50–54.
14. Паликова Т. В. Верхнеудинск – Улан-Удэ в 1930-е годы // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 3. С. 25–31.
15. Палхаева Е. Н. Особенности создания Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2. С. 11–23.
16. Жукова Н. Е. Университетская модель инклюзивного образования: от идеи к практике. Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24748> (дата обращения: 18.01.2023).
17. Палхаева Е. Н. Проблемы инклюзии в высшем образовании: обзор современных гуманитарных исследований. Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24748> (дата обращения: 18.01.2023).
18. Жукова Н. Е., Паликова Т. В., Палхаева Е. Н. Ключевые события начала первой русской революции 1905 года глазами рядовых жителей уездного Верхнеудинска // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4. С. 113–117.
19. Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е., Паликова Т. В. «Школьная» повседневность начала XX века: по материалам дневников М. Н. Хангалова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15, № 5. С. 79–86.
20. Палхаева Е. Н., Паликова Т. В., Митупов К. Б.-М., Ангархаев Б. Б. Дневники Хангалова М. Н. – ценный исторический источник по изучению истории прибайкальских бурят начала XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 3. С. 125–130.
21. Ангархаев Б. Б., Хантакова Е. Н. Праздники Бильчирского улуса в дневниках М. Н. Хангалова // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 76–79.

22. Хантакова Е. Н., Паликова Т. В. Описание Бильчирского николаевского 2-классного училища иркутской губернии в дневнике М. Н. Хангалова (1911 г.) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. № 2. С. 3–17.

23. Жукова Н. Е., Палхаева Е. Н. Дневники М. Н. Хангалова как источник истории повседневности начала XX века // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: международная научно-практическая конференция, посвящённая 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2020. Ч. 2. С. 116–119.

24. Страницы трагических судеб: приложение к Книге Памяти жертв политических репрессий Республики Бурятия / Бурятский государственный университет. Ассоциация жертв политических репрессий; ред. С. В. Васильева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 192 с.

25. Созерцающий время: сб., посвященный 120-летию муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Хохорская средняя общеобразовательная школа» / сост. Г. А. Хоренова, Э. И. Дарханова; отв. ред. Е. Н. Палхаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 303 с.

Информация об авторах

Паликова Татьяна Владимовна, доктор исторических наук, доцент; Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; tatianap25@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2299-0343>.

Митупов Константин Бато-Мункич, доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; mitupov@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5477-2941>.

Жукова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, заведующий сектором редких и ценных изданий Научной библиотеки, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; nataliiuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5652-1636>.

Для цитирования

Паликова Т. В., Митупов К. Б.-М., Жукова Н. Е. Без любви все – ничто: к юбилею доктора исторических наук Хантаковой Елизаветы Николаевны // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 179–186. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-179-186.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

1. Palkhaeva, E. N. Legislative Power of the Buryat-Mongolian ASSR (1923–1937): historical research: Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2008. (In Rus.)
2. Palkhaeva, E. N. Transformation of Buryat statehood in the XX – early XXI centuries: monograph. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2012. (In Rus.)
3. Zhukova, N. E., Palkhaeva, E. N. Public organizations of Buryatia in the 1920s: the experience of historical development. Ulan-Ude, 2018. (In Rus.)
4. Badmaev, A. D., Khantakova, E. N. Efreim Egorovich Tarmakhanov: scientist, teacher, organizer of the scientific school: monograph. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2022. (In Rus.)
5. Palkhaeva, E. N. The legal status of the Buryat autonomous regions in connection with the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993. History of the state and law, no. 10, pp. 20–22, 2012. (In Rus.)
6. Palkhaeva, E. N. Administrative-territorial division of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1937. Himalayan and Central Asian Studies. New-Delhi (India), no. 2, 2012. (In Engl.)
7. Palkhaeva, E. N. National-state construction in the Aginsky and Ust-Ordynsky Buryat national regions (1937–1939). Bulletin of the Buryat State Agriculture Academy by V. R. Philippov, no. 2, pp. 121–124, 2012. (In Rus.)
8. Mitupov, K. B.-M., Palikova, T. V., Zhukova, N. E., Malygina, O. A. The prominent researcher and organizer. To the anniversary of a colleague, Doctor of Historical Sciences E. N. Palkhaeva. Bulletin of the Buryat State University. Human research of Inner Asia, no. 1, pp. 62–65, 2018. (In Rus.)
9. Palkhaeva, E. N. Formation and development of the Aginsky and Ust-Ordynsky Buryat autonomous okrugs as national-state formations (1937–1995). Cand. sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2000. (In Rus.)
10. Palkhaeva, E. N. On the issue of the formation of Buryat national regions. Relations of the peoples of Russia, Siberia and the Far East: history and modernity. National, social and economic development of Baikal Asia: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Ulan-Ude, 2000: 135–136. (In Rus.)
11. Palkhaeva, E. N. From the history of mass political repressions on the territory of Buryat-Mongolia. Political repressions of the 1930s on the territory of Buryatia: materials of the republican scientific and practical

conference "In memory of victims of political repressions of the 1930s", October 27, 2007. Ulan-Ude: Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2007: 39–43. (In Rus.)

12. Palkhaeva, E. N. Transformation of Buryat statehood in Russia in the XX – early XXI century. Dr. sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2012. (In Rus.)

13. Palkhaeva, E. N. Problems of regional federalism at the present stage: regulatory and legal aspects. The Eurasian paradigm of Russia: values, ideas, practices: materials of the International scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Buryat State University. Ulan-Ude: Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015: 50–54. (In Rus.)

14. Palikova, T. V. Verkhneudinsk – Ulan-Ude in the 1930s. Bulletin of the Buryat State University. Human research of Inner Asia, no. 3, pp. 25–31, 2017. (In Rus.)

15. Palkhaeva, E. N. Features of the creation of the Buryat-Mongolian Soviet Socialist Republic. Bulletin of the Buryat State University. Human research of Inner Asia, no. 2, pp. 11–23, 2018. (In Rus.)

16. Zhukova, N. E. University model of inclusive education: from idea to practice. Modern problems of science and education, no. 3, 2016. Web. 18.01.2023. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24748>. (In Rus.)

17. Palkhaeva, E. N. Problems of inclusion in higher education: a review of modern human studies. Modern problems of science and education, 2017. Web. 18.01.2023. URL: science-education.ru/ru/article/view?id=24748 (In Rus.)

18. Zhukova, N. E., Palikova, T. V., Palkhaeva, E. N. Key events of the beginning of the first Russian revolution of 1905 through the eyes of ordinary residents of the Verkhneudinsk. Problems of socio-economic development of Siberia, no. 4, pp. 113–117, 2020. (In Rus.)

19. Palkhaeva, E. N., Zhukova, N. E., Palikova, T. V. "School" everyday life of the early XX century: according to the materials of the diaries of M. N. Khangalov. Scholarly Notes of Transbaikal State University, no. 5, pp. 79–86, 2020. (In Rus.)

20. Palkhaeva, E. N., Palikova, T. V., Mitupov, K. B.-M., Angarkhaev, B. B. Diaries of M. N. Khangalov are a valuable historical source for the study of the history of the Baikal Buryats of the early XX century. Problems of socio-economic development of Siberia, no. 3, pp. 125–130, 2021. (In Rus.)

21. Angarkhaev, B. B., Khantakova, E. N. Holidays of Bilchirsky ulus in the diaries of M. N. Khangalov. Cross-border cooperation: historical events and modern realities: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of higher language education in Trans-Baikal Territory. 2022: 76–79. (In Rus.)

22. Khantakova, E. N., Palikova, T. V. Description of Bilchir Nikolaevsk Two-Class School of Irkutsk Governorate in M. N. Khangalov's Diary (1911). Bulletin of the Buryat State University. Human research of Inner Asia, no. 2, pp. 3–17, 2022. (In Rus.)

23. Zhukova N. E., Palkhaeva E. N. The diaries of M. N. Khangalov as a source of the history of everyday life of the early XX century. The border region in historical development: partnership and cooperation: international scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War: in 2 parts. 2020: 116–119. (In Rus.)

24. Pages of Tragic Fates: appendix to the Book of Memory of Victims of Political Repression of the Republic of Buryatia / Buryat State University. Association of Victims of Political Repression; ed. by S. V. Vasilyeva [et al.]. Ulan-Ude: Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. (In Rus.)

25. Contemplating time: the materials dedicated to the 120th anniversary of the municipal budgetary educational institution "Khokhorskaya secondary school". Ulan-Ude: Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2016. (In Rus.)

Information about authors

Palikova Tatyana V., Doctor of History, Associate Professor; Banzarov Buryat State University, 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; tatianap25@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2299-0343>.

Mitupov K. Bato-Munkich, Doctor of History, Professor; Banzarov Buryat State University, 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; mitupov@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5477-2941>.

Zhukova Natalya E., Candidate of History, Head of the Sector of Rare and Valuable Publications of the Scientific Library, Banzarov Buryat State University, 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; nataliiuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5652-1636>.

For citation

Palikova T. V., Mitupov K. B.-M., Zhukova N. E. Without Love, Everything is Nothing: for the Anniversary of the Doctor of Historical Sciences Elizaveta N. Khantakova // Humanitarian vector. 2023. V. 18, no. 1. C. 179–189. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-179-189.

Received: January 19, 2023; approved after reviewing February 25, 2023; accepted for publication February 27, 2023.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию. При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют по России – 200 р.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e. g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e. g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e. g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e. g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e. g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35-24-79